

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

Юго-западный государственный университет
(Курск, Россия)

Северный (Арктический) федеральный университет
имени М. В. Ломоносова
(Архангельск, Россия)

Главное управление юстиции Гомельского областного исполнительного комитета

Гомельское областное отделение
ОО «Белорусский республиканский союз юристов»

Белорусская нотариальная палата

Управление Следственного комитета Республики Беларусь по Гомельской области

Гомельское областное общественное объединение
«Союз следователей»

Общественное объединение «Сообщество трудового права»

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВА

Материалы
X Международной научно-практической конференции,
посвященной 25-летию юридического факультета

(Гомель, 29–30 ноября 2023 года)

В двух частях

Часть 1

Гомель
ГГУ им. Ф. Скорины
2024

УДК 342.22:34.04:321.02

Приоритетные направления развития правовой системы общества : материалы X Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию юридического факультета (Гомель, 29–30 ноября 2023 года) : в 2 ч. Ч. 1 / редкол. : И. И. Эсмантович (гл. ред.) [и др.] ; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2024. – 263 с.

ISBN 978-985-32-0043-0 (Ч. 1)

ISBN 978-985-32-0042-3

В первую часть сборника вошли материалы участников круглых столов, посвященных совершенствованию правового регулирования трудовых отношений в Беларуси и других странах ЕАЭС, страницам жизни и деятельности В. Д. Спасовича и X Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию юридического факультета «Приоритетные направления развития правовой системы общества», раскрывающие актуальные проблемы: взаимодействия национальных правовых систем государств-членов СНГ и мирового сообщества, интеграции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров в белорусское законодательство; уголовно-правовой борьбы с преступностью; уголовного процесса, криминалистики, судебной экспертизы.

Издание адресовано преподавателям, докторантам, аспирантам, магистрантам и студентам юридических факультетов, а также практическим работникам правоохранительных органов и государственным служащим.

Сборник издается в соответствии с оригиналом, подготовленным редакционной коллегией, при участии издательства.

Редакционная коллегия:

И. И. Эсмантович (главный редактор),
В. А. Брилёва (заместитель главного редактора),
Е. И. Усова (ответственный секретарь),
С. Л. Емельянов, Ю. И. Иванова, Е. А. Ковалёва, Н. В. Копыткова, Л. Е. Можаяева,
А. Э. Набатова, Т. В. Сенькова, М. Я. Тишкевич, И. Н. Цыкунова

Рекомендован к изданию научно-техническим советом
учреждения образования «Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

ISBN 978-985-32-0043-0 (Ч. 1)
ISBN 978-985-32-0042-3

© Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины», 2024

**МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА,
ПОСВЯЩЕННОГО АКТУАЛЬНЫМ ВОПРОСАМ ТРУДОВОГО ПРАВА
«СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В БЕЛАРУСИ И ДРУГИХ СТРАНАХ ЕАЭС»**

УДК 331.91

*А. О. Афанасьев
(Белорусский государственный университет)*

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ УЧАСТИЯ РАБОТНИКОВ
В УПРАВЛЕНИИ ОРГАНИЗАЦИЕЙ КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ
ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ В ГОСУДАРСТВАХ-ЧЛЕНАХ ЕАЭС**

Статья рассматривает актуальность производственной демократии в современном управлении организациями, особенно в странах-членах Евразийского экономического союза. Автор анализирует механизмы участия работников в управлении организацией в государствах-членах ЕАЭС, выявляя различия и общие тенденции. В заключении отмечается зависимость развития производственной демократии в евразийском регионе от улучшения законодательной базы, а также важность совершенствования механизмов участия работников в управлении организацией в целях устойчивого экономического роста в регионе.

В современном мире концепция производственной демократии приобретает все большую актуальность и значимость в контексте управления организациями. Это происходит в ответ на изменяющиеся требования общества и рынка, которые ставят перед компаниями новые вызовы и задачи. Особенно в государствах-членах Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), где вопросы участия работников в управлении предприятиями приобретают ключевое значение для создания сбалансированных механизмов управления.

Традиционная модель управления организациями, основанная на иерархической структуре и централизованных принятиях решений, становится все менее адаптивной к быстро меняющимся условиям рынка и общества. В такой модели работники часто ощущают себя второстепенными участниками, не имеющими активного влияния на стратегические решения и процессы внутри организации, что может привести к ухудшению мотивации и неэффективному использованию знаний и опыта работников.

Производственная демократия, с другой стороны, представляет собой концепцию, в которой работники активно участвуют в процессах управления организацией. Она подразумевает учет и уважение мнения сотрудников, их участие в принятии стратегических решений, а также владение частью прибыли и собственности компании [1, с. 102]. Такой подход может способствовать повышению мотивации работников, улучшению процессов внутри организации и созданию более гибкой и адаптивной структуры.

В условиях глобальных перемен и растущей конкуренции акцент на роли работников в управлении организацией предстает как важный фактор успешного функционирования предприятий. Современные организации оказываются на переднем крае соперничества в мировой экономике, и они должны быстро адаптироваться к быстро меняющимся требованиям рынка.

В контексте государств-членов ЕАЭС развитие экономики и социальной структуры стоит в центре внимания. Эти страны стремятся к укреплению своего места в мировой экономике и обеспечению стабильности и процветания своих граждан. Реализация концепции производственной демократии в организациях становится одним из ключевых элементов в достижении этих целей.

В различных государствах на евразийском пространстве процессы формирования производственной демократии имели свои особенности, которые отражали исторические контексты и вызовы, стоявшие перед каждой из них. Начиная с периода после распада СССР, государства столкнулись с необходимостью преобразования своих экономик, включая управление организацией. С течением времени, в контексте различных политических и экономических изменений, они продолжают стремиться к усовершенствованию механизмов участия работников в управлении организациями. Такие усилия включают в себя улучшение законодательной базы и содействие развитию культуры участия работников [2, с. 31].

В Армении «коллектив работников» является центральным субъектом коллективных трудовых отношений. Статья 19 Трудового кодекса Республики Армения определяет процедуры принятия ключевых решений «коллективом работников» на общих собраниях (конференциях), где для правомочности требуется достижение квалифицированного кворума голосов [3]. Профсоюзы Армении также играют не менее важную роль в участии работников в управлении организацией, активно участвуя в формировании и реализации производственных стратегий, предлагая улучшения в условиях труда, внедряя новые технологии и оптимизируя рабочие процессы.

Участие работников в управлении организацией в Армении пока не достигло высокого уровня и находится в стадии развития. Несмотря на существующие законодательные гарантии, работники сталкиваются с проблемами, такими как недостаточная информированность о своих правах и отсутствие гибких механизмов для участия в управлении, что иногда приводит к конфликтам в правовом регулировании этих отношений.

В Беларуси право работников на участие в управлении организацией регулируется рядом нормативных правовых актов, включая Конституцию Республики Беларусь (ст. 3, 11, 13, 41) [4].

ТК Беларуси предусматривает, что представительство интересов работников осуществляется профсоюзами и другими представительными органами (ст. 354) [5]. Однако вопросы формирования «иных представительных органов» законодательством не урегулированы, что приводит к неясностям в практическом применении. В данной ситуации решением видится обращение к положениям Закона СССР от 17 июня 1983 г. № 9500-Х «О трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями» и Закона СССР от 4 июня 1990 г. № 1529-І «О предприятиях в СССР», которые могут применяться в Беларуси в случаях, которые не противоречат законодательству.

Кроме того, в соответствии с Законом Республики Беларусь от 9 декабря 1992 г. № 2020-ХІІ «О хозяйственных обществах» устав общества может предусматривать обязательное участие представителей работников или профсоюзов в органах управления, включая совет директоров (наблюдательный совет). Кроме того, Закон не ограничивает возможность участия представителей работников в работе ревизионного органа общества и создания других органов для решения социальных вопросов и обсуждения условий труда [6].

В Казахстане участие работников в управлении организацией приобретает значительное значение в контексте модернизации экономики и усиления социального диалога. В последние десятилетия страна активно работает над созданием условий для эффективного участия работников в управлении, основываясь на национальном законодательстве, международном опыте и рекомендациях.

Казахстанская модель участия работников в управлении организацией строится на активном диалоге между работниками и работодателями. По общему правилу, интересы работников в пределах делегированных им полномочий представляют профсоюзы, а при их отсутствии – представители, избранные на общем собрании (конференции) работников организации. Только лишь в случае, если членство работников в профсоюзе составляет менее половины штатной численности работников организации, – интересы работников могут представлять как профессиональные союзы, так и выборные представители (ст. 20 ТК Казахстана) [7].

Работодатель обязан учитывать мнение представителей работников при принятии решений, особенно в случаях, прямо предусмотренных коллективным договором или другими соглашениями. Проекты актов работодателя представляются на рассмотрение представителям работников, которые имеют право на обсуждение и высказывание своего мнения в течение 5 рабочих дней.

Вопреки законодательной урегулированности, работники не всегда осведомлены о своих правах и возможностях участия в управлении или сталкиваются с неэффективными механизмами реализации этих прав. Участие работников в управлении в Казахстане зависит от конкретной организации и ее корпоративной культуры. Некоторые предприятия ограничиваются формальным выполнением законодательных требований, в то время как другие активно включают своих работников в процесс принятия решений, проводя регулярные встречи с руководством или создавая советы работников.

В Кыргызстане представители работников имеют право участвовать в принятии решений, связанных с социально-экономическим развитием и формированием локальных нормативных актов через органы управления организации, такие как правление, совет директоров и наблюдательный совет (ст. 29, 32 ТК Кыргызстана). Законодательство, в свою очередь, обязывает работодателя проводить консультации с представителями работников перед принятием ключевых решений и своевременно информировать их о результатах обсуждений (ст. 33 ТК Кыргызстана) [8].

Однако, на практике, многие работники не участвуют в принятии ключевых решений из-за организационных барьеров, таких как сложности при создании профсоюзов или других органов самоуправления, а также из-за отсутствия эффективных механизмов взаимодействия между руководством и работниками.

Отличительной особенностью российского трудового законодательства является конкретизация в ст. 53 ТК РФ и закрепление форм участия работников в управлении организацией, что подразумевает детальное регулирование механизмов участия работников в управленческом процессе [9].

Между тем, такая форма, как «обсуждение представительным органом работников планов социально-экономического развития организации», отдельно не урегулирована. Это право упоминается лишь во взаимосвязи с положениями ч. 3 ст. 53, ст. 53.1 ТК РФ, согласно которым представители работников имеют право вносить соответствующие предложения в органы управления организацией и участвовать в заседаниях указанных органов при рассмотрении данных вопросов с правом совещательного голоса.

Помимо профсоюзов и иных представителей, избираемых работниками на общем собрании (конференции), российское законодательство также предусматривает создание производственных советов, которые могут представлять интересы работников, заниматься вопросами совершенствования производственной деятельности и повышения квалификации работников. Между тем, производственный совет является факультативным совещательным органом, его создание зависит от решения работодателя, а его деятельность не может подменять компетенцию профсоюзов (ст. 22 ТК РФ) [9].

Анализ подходов к участию работников в управлении организацией в странах-членах ЕАЭС позволяет выделить общие тенденции и специфические особенности, формируемые влиянием исторического развития, культурных традиций и экономической ситуации.

В рамках ЕАЭС отсутствует единая модель участия работников в управлении организациями. Каждое государство применяет свой адаптивный подход, учитывая факторы и особенности своего общества. Например, в Армении и Кыргызстане используется модель дуального представительства работников. В Беларуси, несмотря на законодательное закрепление модели дуального представительства, на практике действует модель профсоюзного представительства. В то время как в Казахстане и России участие работников в управлении организацией ограничивается профсоюзным представительством.

Механизмы участия работников в управлении организацией можно разделить на разные уровни – от консультаций и до акционерного участия. Разнообразие подходов позволяет организациям выбирать наиболее подходящий вариант в соответствии с их спецификой и целями.

Учитывая вышеизложенное, участие работников в управлении организацией – не просто модное явление, а ключевой фактор развития производственной демократии, способствующей эффективному управлению и справедливому распределению выгод от производственной деятельности.

В целом, развитие производственной демократии в государствах-членах ЕАЭС зависит от того, насколько успешно удастся совершенствовать механизмы участия работников в управлении организацией. Этот процесс является ключевым фактором в создании баланса между экономическим ростом и социальной справедливостью в данном регионе.

Для достижения поставленных целей необходимо, чтобы государства-члены ЕАЭС продолжали активно улучшать законодательную базу и активно поощряли практики участия работников в процессах управления, что способствует развитию производственной демократии и устойчивому экономическому росту в этом регионе.

Список использованной литературы

1. Агапова, В. В. Производственная демократия: сущность, формы, национальные особенности / В. В. Агапова, О. Б. Андреева // Вестник Костромского государственного технологического университета. – 2009. – № 20. – С. 101–104.

2. Смирнов, В. В. Мировой опыт развития производственной демократии и роль кодeterminации / В. В. Смирнов // Управленческий учет. – 2011. – № 4. – С. 28–35.

3. Трудовой кодекс Республики Армения [Электронный ресурс] : 9 нояб. 2004 г., № НО-124-Н : в ред. Закона Респ. Армения от 14.07.2022 г. // Арлис. – Режим доступа: <https://www.arlis.am/documentview.aspx?docid=173461>. – Дата доступа: 01.11.2023.

4. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г., 27 февраля 2022 г.) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

5. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 2008 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 29.06.2023 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

6. О хозяйственных обществах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 дек. 1992 г., № 2020-ХП : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2022 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

7. Трудовой кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] : 23 нояб. 2015 г., № 414-V : в ред. Закона Респ. Казахстан от 03.09.2023 г. // Параграф. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38910832. – Дата доступа: 02.11.2023.

8. Трудовой кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс] : 4 авг. 2004 г., № 106 : в ред. Закона Кыргызской Респ. от 23.12.2022 г. // Министерство юстиции Кыргызской Респ. – Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1505>. – Дата доступа: 02.11.2023.

9. Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 30 декабря 2001 г., № 197-ФЗ : принят Гос. Думой 21 дек. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 26 дек. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 04.08.2023 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – Москва, 2023.

В. А. Брилёва

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВА НА ТРУД ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ

Статья посвящена анализу нормативно-правовых актов, касающихся правовой регламентации аспектов реализации права на труд людьми с инвалидностью. В статье автор обозначил этапы становления международных стандартов прав людей с инвалидностью в сфере занятости с акцентом на мерах, которые государствам следует реализовать в рамках национальных правовых систем. В исследовании обозначены проблемные вопросы реализации права на труд людьми с инвалидностью. Значительное внимание автор отводит анализу института квотирования рабочих мест для людей с инвалидностью. Гипотезой исследования выступает предположение о том, что эффективная реализация трудового потенциала людей с инвалидностью является результатом гармоничного сочетания гарантий их прав в сфере трудовых отношений и налоговых стимулов для нанимателей.

Сегодня проблемы в сфере реализации прав людей с инвалидностью являются общепризнанными во всем мире. В 2016 году Республика Беларусь ратифицировала Конвенцию о правах инвалидов от 13 декабря 2006 года.

В спектре фундаментальных прав человека особое место занимает право на труд, как наиболее достойный способ самореализации человека. Применительно к реализации трудового потенциала людей с инвалидностью европейской правоприменительной практикой установлено, что экономически эффективнее осуществлять включение людей с инвалидностью в трудовые правоотношения, чем нести расходы на социальные выплаты. Люди с инвалидностью заинтересованы в реализации трудового потенциала, что подтверждается рядом социологических исследований, направленных на выявление проблемных зон в сфере реализации права на труд данной категорией социально уязвимого населения.

Актуальным данный вопрос является и для белорусского государства и общества, так численность людей с инвалидностью составляет около 6 % населения республики. Данная тема, а также предполагаемые результаты исследования соответствуют Концепции правовой политики Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196. Так, Концепцией в рамках законодательства, регулирующего социальную сферу, установлено, что следует смещать акценты правового регулирования от покровительства государства к установлению партнерских отношений между государством, обществом и гражданами [1, п.48.1]. Представляется оправданным смещение акцентов в правовом регулировании посредством законодательного закрепления института социального предпринимательства. Институт позволит субъектам хозяйствования участвовать в реализации социальной функции государства в контексте решения социально-значимых и экологических проблем, обеспечит реализацию трудового потенциала людьми с инвалидностью, которые входят в спектр социально уязвимых категорий населения, права которых призван обеспечить институт социального предпринимательства. Правовое регулирование социального предпринимательства должно идти в контексте экономического стимулирования субъектов хозяйствования посредством мер государственной поддержки, например, выделения субсидий, налоговых преференций, льготного кредитования и лизинга и т. д.

Концепция правовой политики Республики Беларусь в рамках законодательства, регулирующего социальную сферу, закрепила роль труда как основу жизнедеятельности человека, его самореализации и гармоничного развития [1, п. 48.1]. Последнее возможно только посредством совершенствования механизма правового регулирования в направлении эффективной занятости, в том числе людей с инвалидностью.

Указанные направления правовой политики Республики Беларусь находятся в русле международно-правовых стандартов обеспечения права на труд людей с инвалидностью, которые получили оформление на третьем этапе их становления. Формирование первого этапа обусловлено нормотворческой деятельностью Международной организации труда (далее по тексту – МОТ). Так, в период с 1925 г. по 1933 гг. МОТ был принят ряд Конвенций и Рекомендаций, касающихся возмещений трудящимся при несчастных случаях на производстве; минимального размера возмещения трудящимся; общих принципов страхования по инвалидности, старости и на случай потери кормильца; обязательного страхования по инвалидности работников промышленных и торговых предприятий, лиц свободных профессий, а также надомных работников и домашней прислуги; обязательного страхования по инвалидности работников в сельском хозяйстве.

Второй этап становления международных стандартов права на труд людей с инвалидностью связан с созданием 24 октября 1945 года Организации Объединенных Наций (далее по тексту – ООН). В начале деятельности ООН с 1950 по 1983 гг. принимаются отдельные международные акты, направленные на реализацию трудового потенциала людей с инвалидностью и касающиеся социальной реадaptации физически дефективных; предупреждения потери трудоспособности и восстановления трудоспособности инвалидов; переквалификации инвалидов; прав умственно отсталых лиц; профессиональной реабилитации и занятости инвалидов.

И только на третьем этапе становления международно-правового регулирования права на труд людей с инвалидностью можно отметить смещение акцента с провозглашения права на труд в международно-правовых актах к необходимости принятия государствами необходимых мер для реализации трудового потенциала данной социально уязвимой категории населения, переход к формированию требований к обществу. Указанный переход с акцентом на социальный аспект закрепила Генеральная Ассамблея ООН 3 декабря 1982 г. принятием Всемирной программы действий в отношении инвалидов, а также 20 декабря 1993 г. утверждением Стандартных правил обеспечения равных возможностей для инвалидов (Правило 7. Занятость).

Законом Республики Беларусь от 30 июня 2022 г. № 183-З «О правах инвалидов и их социальной интеграции» (далее по тексту – Закон о правах инвалидов) урегулированы общественные отношения по предупреждению инвалидности, социальной защите инвалидов, их профессиональной и трудовой реабилитации. Широкий спектр гарантий для людей с инвалидностью в сфере трудовых отношений закрепляет Трудовой кодекс Республики Беларусь. В тоже время следует констатировать наличие проблемных зон в реализации права на труд людьми с инвалидностью.

Положительной динамикой о обозначенном аспекте выступает замена механизма бронирования рабочих мест для людей с инвалидностью, который показал себя малоэффективным в контексте трудоустройства людей с инвалидностью, системой квотирования рабочих мест. Так, исходя из соотношения показателей брони для приема на работу инвалидов в г. Гомеле и количества трудоустроенных безработных инвалидов по направлению управления по труду, занятости и социальной защите Гомельского горисполкома в 2016-2021 гг., следует констатировать, что процент трудоустроенных в счет брони составляет от 4% до 14%. Квотирование рабочих мест для людей с инвалидностью урегулировано Законом о правах инвалидов и будет реализовано с 1 января 2025 года [2, ст. 50]. Следует отметить, что первоначально проект Закона о правах инвалидов предусматривал реализацию механизма квотирования рабочих мест для людей с инвалидностью с 1 января 2023 года.

Использование механизма квотирования рабочих мест для организаций по приему на работу людей с инвалидностью доказало свою эффективность как мера реализации трудового потенциала. Процент квоты по отношению к общей численности работа-

ющих в организации устанавливается в различных странах мира, в интервале, как правило, от 3 % до 6 %. Так, во Франции это 6 %, в Российской Федерации – от 2 до 4 %, в Германии – 5 %, на Украине – 4 %, в Индии, Испании, Ирландии – 3%. В различных странах этот показатель устанавливается для организаций при численности работников 20 (например, Германия, Венгрия, Франция), 50 человек (например, Испания). В России работодателям, численность работников которых превышает 100 человек, законодательством субъекта Российской Федерации устанавливается квота для приема на работу людей с инвалидностью в размере от 2 до 4 % среднесписочной численности работников. Работодателям, численность работников которых составляет не менее чем 35 человек и не более чем 100 человек, законодательством субъекта Российской Федерации может устанавливаться квота для приема на работу инвалидов в размере не выше 3% среднесписочной численности работников [3].

Квотирование рабочих мест возлагает на нанимателя обязательства по трудоустройству установленного процента людей с инвалидностью, включая адаптацию основного и вспомогательного оборудования, технических и организационных средств, обеспечение техническими приспособлениями с учетом индивидуальных возможностей указанной категории работников. При невыполнении установленного норматива на нанимателя возлагается административная ответственность. Закон Республики Беларусь о правах инвалидов не предусматривает конкретные меры ответственности, закрепляет только норму отсылочного характера: «нарушение законодательства в области обеспечения прав инвалидов и их социальной интеграции влечет ответственность в соответствии с законодательными актами» [2, ст. 48]. Кроме того, в Законе о правах инвалидов отсутствуют нормы, устанавливающие соотношение между процентом квоты и минимальной численностью работников предприятия. Представляется, что данные положения в дальнейшем будут урегулированы в результате правотворческой деятельности Совета Министров Республики Беларусь.

Институт квотирования рабочих мест для людей с инвалидностью урегулирован законодательством ряда стран СНГ и имеет широкий опыт функционирования на постсоветском пространстве. Следует отметить, что, например, в России ряд нанимателей уклоняются от трудоустройства людей с инвалидностью и предпочитают заплатить штраф в размере от пяти до десяти тысяч рублей или создать несколько организаций с численностью работников, которая не превышает установленный законодательством порог.

Таким образом, социальная ответственность общества в отношении социально уязвимых категорий населения обуславливает необходимость правового регулирования института социального предпринимательства, сбалансирования налоговых стимулов для нанимателя, стимулирующих трудоустройство инвалидов, и показателей квотирования рабочих мест.

Список использованной литературы

1. Концепция правовой политики Республики Беларусь [Электронный ресурс]: утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 28 июня 2023 г., № 196 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
2. О правах инвалидов и их социальной интеграции: Закон Республики Беларусь от 30 июня 2022 г. № 183-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
3. Междисциплинарные исследования в области прав человека. – Минск: Экоперспектива, 2019. – С.72–100.

А. А. Греченков

(Академия МВД Республики Беларусь, Минск)

И. В. Колодинская

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель)

НОВЕЛЛЫ ТРУДОВОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ О СОВМЕЩЕНИИ РАБОТЫ С ПОЛУЧЕНИЕМ ОБРАЗОВАНИЯ

В публикации рассматриваются новеллы Трудового кодекса Республики Беларусь о совмещении работы с получением образования, которые вступят в силу с 1 января 2024 года. Обращается внимание на положительные стороны и отдельные недостатки новых норм, вносятся аргументированные предложения по их возможному совершенствованию.

Главой государства 29 июня 2023 г. был подписан Закон Республики Беларусь «Об изменении законов по вопросам трудовых отношений» № 273-3 (далее – Закон № 273-3), который вступает в силу с 1 января 2024 г. Статьей 2 Закона № 273-3 были внесены изменения в Трудовой кодекс Республики Беларусь (далее – ТК). Как отмечают в Министерстве труда и социальной защиты Республики Беларусь, данные изменения направлены на регулирование вопросов в сфере трудовых отношений с учетом правоприменительной практики, в частности, на усиление социально-трудовых гарантий работников, расширение возможностей использования информационных технологий в регулировании трудовых отношений, корректировку норм по вопросам рабочего времени, предоставления трудовых и социальных отпусков и др. [1].

Изменения ТК, которые произойдут с 1 января 2024 г., затронут и ряд норм, регламентирующих отношения по совмещению работы с получением образования. Отметим, что существенная часть таких норм подлежит корректировке в связи с принятием обновлённого Кодекса Республики Беларусь об образовании (далее – Кодекс об образовании). Так, Законом № 273-3 терминология законодательства о труде приводится в соответствие с терминологией законодательства об образовании, к примеру, «послевузовское» образование станет «научно-ориентированным», а вечерняя и заочная формы получения образования дополнятся дистанционной формой [2, с. 187].

Многие гарантии для работников, совмещающих работу с получением образования, существенно расширятся. В частности, согласно новой редакции п. 4 ч. 2 ст. 120 ТК к сверхурочным работам в дни учебных занятий не смогут привлекаться не только работники, получающие общее среднее образование, специальное образование на уровне общего среднего образования и профессионально-техническое образование, но и работники, получающие среднее специальное, высшее и научно-ориентированное образование.

Обязанностью нанимателя станет предоставление работникам принципиально нового отпуска для завершения работы над диссертацией на соискание ученой степени доктора наук (ст. 187 ТК). Такой отпуск будет предоставляться однократно с сохранением среднего заработка по желанию работника продолжительностью не более 30 календарных дней. Вполне очевидно, что по сравнению с традиционным отпуском, предусмотренным ст. 190 ТК, который предоставляется для работы над диссертацией, новый отпуск может стать для соискателя ученой степени доктора наук одним из важных стимулов к скорейшему завершению работы над докторской диссертацией и его формированию как научного работника высшей квалификации [2, с. 187–188].

Однозначно положительно можно оценить закрепление в ТК обязанности нанимателя предоставлять отпуска работникам для прохождения вступительных испытаний при приеме в учреждения образования, организации, реализующие образовательные программы научно-ориентированного образования, для получения научно-ориентированного образования. Это связано с тем, что наниматель может быть непосредственно не

заинтересован в поступлении работника в аспирантуру с перспективой получения им ученой степени и, как следствие этого, возможной смены места работы. Однако предложенное решение данного вопроса следует рассматривать позитивно в контексте баланса интересов работника, общества и государства.

Следующей положительной новеллой ТК является установление гарантий работникам, совмещающим работу с получением общего среднего образования, специального образования на уровне общего среднего образования, без увязки с наличием направления нанимателя. Это объясняется тем, что в соответствии с Кодексом об образовании общее среднее образование стало обязательным для всех граждан. От наличия направления нанимателя перестанет также зависеть предоставление отпуска без сохранения заработной платы работникам, получающим профессионально-техническое образование в вечерней, заочной или дистанционной форме получения образования.

Важным нововведением Закона № 273-3 является закрепление в ТК обязанности нанимателя при отсутствии его направления на обучение предоставлять гарантии в виде сокращения рабочего времени и отпуска без сохранения заработной платы работникам, впервые получающим среднее специальное и высшее образование в вечерней, заочной или дистанционной форме получения образования (ст. 214 ТК) [3, с. 12].

Немаловажным является включение в ТК новой ст. 217, регламентирующей основания для предоставления отпусков в связи с получением образования, отпусков для прохождения вступительных испытаний при приеме в учреждения образования, организации, реализующие образовательные программы научно-ориентированного образования. Такими основаниями являются справка-вызов и извещение, выдаваемые учреждением образования, организацией, реализующей образовательные программы научно-ориентированного образования, или пропуск для участия в централизованном тестировании, выдаваемый учреждением образования. Несмотря на то, что данные основания используются на практике достаточно давно, их закрепление на уровне ТК, по нашему мнению, упростит и упорядочит их применение.

Обратим внимание, что название анализируемой статьи не в полной мере соответствует ее содержанию. Так, из названия статьи вытекает, что речь в ней должна идти об основаниях для предоставления отпусков для прохождения вступительных испытаний исключительно при приеме в учреждения образования, организации, реализующие образовательные программы научно-ориентированного образования, для получения научно-ориентированного образования (эти отпуска предусмотрены ст. 219 ТК). Вместе с тем анализ ч. 2 данной статьи убеждает в том, что в ней говорится об основаниях для предоставления отпусков для прохождения вступительных испытаний при приеме не только в указанные учреждения и организации, но и в учреждения образования для получения среднего специального и высшего образования (указанные отпуска предусмотрены ст. 212 ТК).

На основании вышеизложенного считаем целесообразным в дальнейшем из названия и ч. 2 ст. 217 ТК слова «для получения научно-ориентированного образования» исключить.

Важно обратить внимание на ст. 205 ТК «Поощрение работников, совмещающих работу с получением образования». Законом № 273-3 из данной статьи исключается слово «успешное». Такая корректировка обосновывается тем, что главным условием для предоставления работникам гарантий, предусмотренных гл. 15 ТК, должен быть факт получения ими образования, а не его успешность. Однако следует иметь в виду, что в ст. 205 ТК речь идет не о гарантиях, а о поощрении работников, совмещающих работу с получением образования. Поэтому в данном случае условие успешности получения образования имеет существенное значение, поскольку стимулирует работников к повышению их квалификации и конкурентоспособности посредством получения более качественного образования. С учетом сказанного полагаем, что условие успешности получения образования целесообразно в дальнейшем восстановить в формулировке указанной статьи [4, с. 84].

Необходимо также отметить, что Законом № 273-3 анализируемая статья дополняется ч. 2, предусматривающей предоставление гарантий работникам, совмещающим

работу с получением образования, следующего содержания: «Работникам, получающим образование по направлению нанимателя (по решению нанимателя о направлении на обучение, в соответствии с коллективным договором, трудовым договором или договором в сфере образования) или при отсутствии направления нанимателя предоставляются гарантии в соответствии с настоящим Кодексом, иными актами законодательства.» [4, с. 83–84].

Включение данной нормы в ст. 205 ТК законодатель связывает с возникновением на практике различного понимания сути «направления нанимателя на обучение». С данным аргументом вполне можно согласиться, однако в результате возникло нелогичное смешение в рамках одной статьи, посвященной поощрениям, двух различных понятий – «поощрение» и «гарантии». С учетом сказанного представляется целесообразным название ст. 205 ТК изложить в дальнейшем в следующей редакции: «Поощрение и гарантии при совмещении работы с получением образования».

Хотелось бы особо отметить изменения, которые предусмотрены в ст. 55 ТК «Обязанности нанимателей при организации труда работников». Пункт 11 ч. 1 данной статьи дополняется положением о прохождении работниками аттестации в соответствии с законодательством и в контексте обязанностей нанимателя при организации труда работников будет излагаться в следующей редакции: «обеспечивать профессиональную подготовку, повышение квалификации, переподготовку, стажировку работников и прохождение работниками аттестации в соответствии с законодательством». В связи с указанными изменениями возникает резонный вопрос: о какой аттестации здесь идет речь – об аттестации работников в целях объективной оценки уровня их профессиональной подготовки, деловых и личностных качеств либо об аттестации слушателей и стажеров при освоении содержания образовательных программ дополнительного образования взрослых? Думается, что исходя из того, что норма об аттестации включена в п. 11 ч. 1 ст. 55 ТК, изначально регламентирующий обеспечение профессиональной подготовки, повышение квалификации, переподготовки, стажировки работников, она касается слушателей и стажеров которые проходят аттестацию при освоении содержания образовательных программ дополнительного образования взрослых (ст. 257 и 258 Кодекса об образовании [5], п. 9 Правил разработки и применения учебно-программной документации образовательных программ дополнительного образования взрослых утвержденных постановлением Министерством образования Республики Беларусь 23.12.2022 № 485 [6]). При этом обеспечение профессиональной подготовкой, повышением квалификации, переподготовкой, стажировкой работников заключается в предоставлении им возможности со стороны нанимателя освоить содержание соответствующей образовательной программы, составной частью которой является аттестация. Следовательно, специально выделять аттестацию в п. 11 ч. 1 ст. 55 ТК, на наш взгляд, нецелесообразно. Важно также обратить внимание, что рассматриваемым пунктом регулируются отношения по совмещению работы с получением дополнительного образования взрослых, а п. 12 ч. 1 ст. 55 ТК – отношения по совмещению работы с получением всех видов образования в целом. В связи со сказанным полагаем, что выделение дополнительного образования взрослых в качестве самостоятельного пункта указанной статьи не имеет под собой достаточных оснований. В связи с вышеизложенным в целях приведения норм ст. 55 ТК в соответствие с законодательством о труде и об образовании предлагаем в дальнейшем п. 11 ст. 55 из ТК исключить.

В заключении можно сформулировать следующие основные выводы проведенного исследования. В целом Закон № 273-3 имеет позитивный характер и будет способствовать дальнейшему совершенствованию правового регулирования трудовых и связанных с ними отношений, включая отношения по совмещению работы с получением образования. Вместе с тем полагаем, что отдельные нормы данного Закона в части регулирования отношений по совмещению работы с получением образования имеют недостатки и содержат спорные положения, в силу чего нуждаются в дальнейшей корректировке.

Список использованной литературы

1. Новшества трудового кодекса [Электронный ресурс] / Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь. – Режим доступа : <https://mintrud.gov.by/ru/news-ru/view/novshestva-trudovogo-kodeksa-7231-2023/>. – Дата доступа : 05.11.2023.
2. Колодинская, И. В. Совмещение работы с получением образования в Беларуси : историко-правовое исследование : монография / И. В. Колодинская ; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2023. – 235 с.
3. Томашевский, К. Л. Анализ проекта закона «Об изменении законов по вопросам трудовых отношений» (часть 2) / К. Л. Томашевский // Трудовое и социальное право : ежеквартальный научно-практический журнал. – 2022. – № 2 (42). – С. 6–13.
4. Колодинская, И. В. К вопросу о поощрении работников, совмещающих работу с получением образования / И. В. Колодинская // Научно-практический журнал «Право.by». – 2022. – № 4 (78). – С. 79–85.
5. Кодекс Республики Беларусь об образовании : принят Палатой представителей 2 дек. 2010 г. : одобр. Советом Республики 22 дек. 2010 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 06 марта 2023 г., № 1257-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2023. – 2/2874.
6. Правила разработки и применения учебно-программной документации образовательных программ дополнительного образования взрослых : утв. постановлением Министерства образования Республики Беларусь, 23.12.2022 г., № 485 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2022. – 8/39816.

УДК 349.244(470)

Л. Г. Джиджавадзе

(Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль)

ТРУДОПРАВОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье рассматривается проблема обеспечения правовой стабильности в условиях специальной военной операции. Исследуются трудовые ограничения, введение которых стало необходимым ввиду напряженной политической обстановки. Дается авторская оценка регламентированным ограничениям в сравнении с украинским законодательством.

Поводом для внимания к данной теме стало обращение Президента Российской Федерации от 24.02.2022 г. о проведении специальной военной операции по денацификации на территории Украины (далее – СВО), а также Указ Президента РФ от 21.09.2022 № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» [1]. СВО наряду с пандемией COVID-19 и экономическим кризисом составляет три фактора, вызывающих состояние неопределенности [2]. Наше государство должно и вынуждено адекватно и оперативно реагировать на сложившуюся ситуацию с использованием различных правовых инструментов. Именно в таком положении оказались Правительство РФ и законодатель [3, с. 35]. Одним из способов стабилизации ситуации является использование механизма ограничений. Объявление СВО повлекло за собой целый комплекс ограничений в различных отраслях права, исключением не стало и трудовое право. Нормативное регулирование осуществляется как на федеральном, так и на региональном уровне правового регулирования, ряд вопросов разъясняется на уровне писем Минтруда и иных актов.

Перейдем к анализу трудовых ограничений, связанных с проведением СВО. Первое, на что хотелось бы обратить внимание, это – ограничение права работодателя

на увольнение работника, являющегося участником СВО, в период приостановления действия трудового договора (ч. 10 ст. 351.7 Трудового кодекса Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ [4] (далее – ТК РФ). Законодатель выбрал верную модель регулирования данной ситуации, закрепив норму не о прекращении трудового договора, а о его приостановлении с сохранением за мобилизованным рабочеого места. Данное положение является дополнительной гарантией для работника. Положение работодателя сглаживается его правом уволить работника по п. 13.1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ в случае невыхода работника на работу в течение трех месяцев с момента окончания прохождения им военной службы (ч. 11 ст. 351.7 ТК РФ). Кроме этого работодатель сохраняет право уволить данное лицо при ликвидации организации, прекращении деятельности индивидуального предпринимателя или при истечении срока действия срочного трудового договора, заключенного на основании ч. 1 ст. 59 ТК РФ и по отдельным основаниям ч. 2 этой же статьи. Причем перечень оснований, при которых срочный трудовой договор может быть расторгнут, ограничен Федеральным законом от 04.08.2023 № 471-ФЗ «О внесении изменений в статьи 332 и 351.7 Трудового кодекса Российской Федерации» [5]. Данный перечень вызывает ряд вопросов. В чем заключались критерии выбора законодателем именно этого списка оснований, при которых допускается расторжение срочного трудового договора? Например, почему лиц, обучающихся по очной форме обучения, работодатель имеет право уволить? Объективного критерия не предоставления указанной гарантии данной категории работников, по нашему мнению, не усматривается.

Еще одним трудовым ограничением является запрет направления в служебные командировки и недопустимость привлечения к сверхурочным работам, к работам в ночное время, в выходные и праздничные дни супруга или опекуна, воспитывающего ребенка до 14 лет, если другой супруг проходит военную службу по мобилизации. Эта же гарантия распространяется на лиц, имеющих трех и более детей до 18 лет на период до достижения младшим ребенком 14 лет (ч. 3 ст. 259 ТК РФ). В данном случае гарантия распространяется на родственников мобилизованного.

Еще можно выделить такое ограничение, как обязанность работодателей обеспечить профессиональное обучение для лиц, ищущих работу на предприятиях оборонно-промышленного комплекса. При этом расходы за обучение работодателю компенсирует государство [6, пп. «в» п. 3]. Таким образом, обеспечивается баланс интересов.

Важно подчеркнуть, что ч. 2 ст. 252 ТК РФ используется Правительством РФ для введения трудовых ограничений, связанных с СВО, в качестве «специальной меры в сфере экономики». Так, Постановлением Правительства от 1 августа 2022 г. № 1356 [7] установлены особенности регулирования трудовых отношений на оборонных предприятиях. Данным актом устанавливаются следующие трудовые ограничения для работников: а) привлечение работников к сверхурочным работам без их согласия, за исключением отдельной категории лиц (инвалидов, одиноких матерей и т.д.); б) привлечение работников к работе в выходные и нерабочие праздничные дни без их согласия, за исключением отдельной категории лиц; в) перенос отпуска и отзыв работника из отпуска без его согласия.

Получается, что на уровне подзаконного нормативного акта установлены условия, ухудшающие положение работника по сравнению с федеральным законодательством, а именно ст. 99 ТК РФ, ст. 124 ТК РФ и ст. 125 ТК РФ. Но, исходя из логики ч. 2 ст. 252 ТК РФ, такое право у Правительства РФ есть, поэтому нарушений закона не усматривается. Иных трудовых ограничений, закрепленных в нормативно-правовых актах Российской Федерации и связанных с проведением СВО, обнаружено не было.

Для всестороннего анализа исследуем, какие трудовые ограничения регламентировали иностранные государства в связи с возникновением данной внешнеполитической ситуации. Украинский законодатель для урегулирования сложившейся ситуации издал Закон Украины «Об организации трудовых отношений в условиях военного положения» от 15.03.2022 г. № 2136 [8] (далее – Закон Украины № 2136). Данный норма-

тивно-правовой акт закрепил следующие трудовые ограничения: 1) отмена выходных, нерабочих и праздничных дней; 2) отмена ограничений на привлечение к сверхурочным работам; 3) сокращение продолжительности еженедельного непрерывного отдыха с 42 до 24 часов; 4) изменение порядка и продолжительности отпусков в сторону ухудшения положения работника; 5) ограничение права работодателя на увольнение дистанционного работника в случае невыхода его на связь. Логика данного ограничения исходит из того, что ввиду боевых действий интернет и иные технологии работают некорректно и часто выходят из строя [9, с. 204–205].

Таким образом, в Российской Федерации более умеренная модель установления трудовых ограничений в отличие от Украины. Основные отличия заключаются в следующем:

1. В ТК РФ ограничения могут вводиться не только законом, но и подзаконным нормативно-правовым актом в случаях, предусмотренных Кодексом. А по Закону Украины № 2136 трудовые ограничения вводятся исключительно федеральным законодателем. С одной стороны, закрепление прерогативы введения трудовых ограничений за федеральным законодателем обеспечивает больший уровень гарантий защиты трудовых прав и обеспечивает стабильность законодательства, ввиду необходимости соблюдения законотворческого процесса. С другой стороны, российская модель обеспечивает оперативность реагирования на изменяющуюся политическую ситуацию, предоставляя в экстренных случаях полномочия по введению ограничений Правительству РФ. Хотя проблема размытости оснований, при которых Правительство РФ имеет право воспользоваться своими полномочиями, сохраняется.

2. Если сравнивать действие ограничений по кругу лиц, то в РФ они распространяются на отдельные категории работников (например, мобилизованные, родственники мобилизованного, работники оборонно-промышленного комплекса и др.), в то время как в Украине трудовые ограничения распространяются на всех работников. Представляется, что более верный подход у российского законодателя, так как введение СВО изменяет трудовую деятельность не всех лиц. В тоже время украинский законодатель вынужден принимать радикальные меры ввиду того, что на территории государства объявлено военное положение.

3. Если рассматривать объем ограничений, то украинское законодательство выбрало более радикальную модель. Например, это касается полной отмены выходных и нерабочих праздничных дней.

4. Интересными представляются положения о запрете увольнения работодателем дистанционного работника в связи с невыходом его на связь, если деятельность осуществляется в зоне боевых действий. Хотя и в действующей редакции ч. 1 ст. 312.8 ТК РФ невыход на связь по причине выхода из строя сети Интернет и иных сетей ввиду боевых действий отнесен к уважительной причине, и трудовой договор не будет подлежать расторжению по инициативе работодателя.

Список использованной литературы

1. Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 21 сентября 2022 № 647 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 39. – Ст. 6590.

2. Лушников, А.М., Лушникова, М.В. Современное российское трудовое право: глобальные вызовы в контексте риска и неопределенности // Трудовое право в России и за рубежом. – 2023. – № 1. – С. 2–5.

3. Макаров, И.С., Кулаков, А.В. Защита трудовых прав граждан, призванных на военную службу в ходе частичной мобилизации, а также работников, пребывающих в добровольческих формированиях: проблемы и пути их решения // National Science. – 2023. – № 6. – С. 34–40.

4. Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: 30 декабря 2001 г., № 197-ФЗ: принят Гос. Думой 21 декабря 2001 г.: одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 г.: в ред. Федер. закона от 04.08.2023, с изм. от 24.10.2023: с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.

5. О внесении изменений в статьи 332 и 351.7 Трудового кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 4 августа 2023 № 471-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 32 (ч. I). – Ст. 6203.

6. Правила предоставления и распределения в 2023 году иных межбюджетных трансфертов из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации в целях софинансирования расходных обязательств субъектов Российской Федерации, возникающих при реализации региональных проектов, обеспечивающих достижение целей, показателей и результатов федерального проекта «Содействие занятости» национального проекта «Демография» по реализации дополнительных мероприятий, направленных на снижение напряженности на рынке труда субъектов Российской Федерации, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 15 декабря 2022 г. № 2309 «О реализации в 2023 году отдельных мероприятий, направленных на снижение напряженности на рынке труда» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 52. – Ст. 9596.

7. Об особенностях правового регулирования трудовых отношений в отдельных организациях, их структурных подразделениях и на отдельных производственных объектах: постановление Правительства РФ, 1 августа 2022 г., № 1365 // СЗ РФ. 2022. – № 32. – Ст. 5839.

8. Про організацію трудових відносин в умовах воєнного стану [Електронний ресурс] // Режим доступу: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2136-20#Text>. – Дата доступу: 15.11.2023.

9. Андріїв, В.В., Ніколаєва, Л.В. До питання оптимізації трудових відносин в умовах запровадження воєнного стану // Науковий вісник Ужгородського національного університету. Серія: Право. – 2023. – № 1(77). – С. 202–207.

УДК 349.2(476)

Ю. А. Журова

(Юридический колледж Белорусского государственного университета, Минск)

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАЩИТЫ ЖЕНЩИН С СЕМЕЙНЫМИ ОБЯЗАННОСТЯМИ В СФЕРЕ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В рамках данной статьи осуществляется анализ положений действующего законодательства, регламентирующего правовой статус женщин с семейными обязанностями в сфере занятости населения. Автор рассматривает особенности занятости данной категории лиц, гарантии и преференции со стороны государства в данной сфере. В результате проведенного исследования выявлены пробелы в правовом регулировании и выработаны рекомендации по их устранению.

В соответствии с положениями ст. 2 Всеобщей декларации прав человека, принятой в г. Нью-Йорке 10 декабря 1948 г., каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, вне зависимости от половой принадлежности [1]. Тем не менее, на протяжении длительного периода времени женщины представляли собой категорию граждан, которая была подвержена определенным ограничениям в различных сферах: политической, экономической, социальной и других.

На сегодняшний день международное и национальное законодательство содержит значительное число норм, посвященных правовому статусу женщин. Данные меры направлены на обеспечение равноправия женщин и мужчин в общественной и государственной жизни, а также на защиту женщин в силу их физиологических, психических и иных особенностей. Особенно важными в группе данных норм являются нормы, посвященные статусу женщин в сфере труда и занятости, поскольку в данной сфере чаще всего женщины сталкиваются с дискриминацией. Это проявляется в таких формах, как, дискриминация в размере оплаты труда, предоставление преимуществ мужчинам при приеме на работу и т.д. На наш взгляд, наиболее важным представляется рассмотреть правовой статус женщин с семейными обязанностями в сфере занятости, поскольку они зачастую сталкиваются с дискриминацией при приеме на работу, а ущемление прав в данной сфере может привести к возникновению негативных тенденций и настроений в обществе и государстве, а также существенно увеличить число безработных граждан.

Рассматривая вопрос о правовом статусе женщин с семейными обязанностями в сфере занятости, необходимо в первую очередь отметить, что ст. 11 Закона Республики Беларусь от 15 июня 2006 г. № 125-З «О занятости населения Республики Беларусь» не относит женщин с семейными обязанностями к категории граждан, особо нуждающихся в социальной защите и не способных на равных условиях конкурировать на рынке труда. Вместе с тем, к данной категории относят родителей в многодетных и неполных семьях, а также воспитывающих детей-инвалидов [2]. На наш взгляд, данная норма является достаточно корректной и правильной, поскольку здесь не делается акцент на половой принадлежности.

Защита женщин с семейными обязанностями в сфере занятости прослеживается в рамках норм Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК). Так, п. 6 ч. 1 ст. 16 ТК запрещает отказывать в заключении трудового договора (независимо от его срока и вида) по мотивам, связанным с беременностью или наличием детей, женщинам: беременным; имеющим детей в возрасте до 3 лет; одинокому родителю – с наличием ребенка в возрасте до четырнадцати лет (ребенка-инвалида – до восемнадцати лет) [3]. При этом, исходя из ч. 2 ст. 268 ТК, отказ в заключении трудового договора указанным категориям женщин по иным мотивам, к примеру связанным с требованиями к образованию, стажу работы по специальности и т.д., является правомерным. Также при отказе в заключении трудового договора перечисленным категориям женщин по требованию гражданина или специально уполномоченного государственного органа наниматель обязан сообщить им мотивы отказа в письменной форме не позднее трех дней после обращения [3].

Важно отметить, что в силу положений Конвенции МОТ № 183 о пересмотре Конвенции (пересмотренной) 1952 года об охране материнства, ратифицированной Республикой Беларусь 10 февраля 2004 года, при приеме на работу беременных женщин установлен запрет анализов на беременность. Это норма не применяется, если беременная устраивается на работу, запрещенную беременным женщинам законодательством или представляет для женщины и ребенка «существенный признанный риск» [4].

Полагаем, что помимо беременных женщин, а также женщин, имеющих детей в возрасте до 3 лет, к перечню лиц, которым запрещено отказывать в заключении трудового договора, необходимо добавить женщин, имеющих детей старше трех лет и до достижения ими возраста шестнадцати лет. Данные категории граждан также могут получать отказ в заключении договора ввиду наличия детей старше трех лет. В этой связи Р.Л. Наумова отмечает: «с проблемой трудоустройства после рождения ребенка сталкивается практически каждая женщина, которой не удалось оставить за собой предыдущее место работы» [5, с. 58].

Рассматривая сферу защиты прав женщин с семейными обязанностями в сфере занятости, необходимо также отдельно рассмотреть вопросы, связанные с привлечением к ответственности лиц, ущемляющих права женщин в области занятости. Так, Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) в рамках ст. 199 устанавливает уголовную

ответственность за необоснованный отказ в приеме на работу женщине по мотивам ее беременности. За совершение данного преступления предусмотрено наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, или исправительные работы на срок до двух лет, или лишение свободы на срок до трех лет [6]. В качестве примера из судебной практики можно отметить уголовное дело, возбужденное 7 июля 2006 прокуратурой г.Пинска по ст. 199 УК в отношении одного из индивидуальных предпринимателей. Основанием для принятия такого решения послужили материалы гражданского дела по иску гражданки о восстановлении на работе. Решением суда Пинского района и г. Пинска от 29 мая 2006 г. истица была восстановлена на работе в качестве продавца у индивидуального предпринимателя, ввиду того, что причиной увольнения послужила ее беременность. В ходе предварительного расследования уголовного дела было установлено, что, узнав о беременности работника, наниматель стал настойчиво требовать его увольнения по собственному желанию. Не выдержав давления, продавец написала заявление и была уволена по ст. 40 ТК. В течение трех недель расследование данного уголовного дела было завершено и направлено для рассмотрения в суд. Приговором суда Пинского района и г. Пинска от 29 августа 2006 г. индивидуальный предприниматель за увольнение женщины по мотивам беременности признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 199 УК, и ему назначено наказание в виде одного года лишения свободы. В соответствии со ст. 78 УК судом постановлено назначенное наказание в исполнение не приводить, если в течение одного года осужденный не совершит новое преступление и будет выполнять возложенные на него обязанности. Приговор суда вступил в законную силу [7].

Таким образом, на основании проведенного исследования, можно сформулировать следующие выводы. Женщины представляют собой особую категорию граждан в силу их физиологических, психических и иных особенностей. На текущий момент международным и национальным законодательством выработан комплекс мер, направленных на обеспечение эффективной защиты женщин с семейными обязанностями от ущемления в их правах во многих сферах, в том числе в сфере труда и занятости. Тем не менее, на наш взгляд, представляется необходимым добавить к перечню лиц, которым запрещено отказывать в заключении трудового договора, женщин, имеющих детей старше трех лет и до достижения ими возраста шестнадцати лет. Данное изменение представляется необходимым, поскольку данная категория женщин достаточно часто сталкивается с отказами в трудоустройстве по этому основанию. Такое изменение будет способствовать обеспечению большей защиты женщин с семейными обязанностями в сфере занятости со стороны государства, а также существенно снизит тенденцию возникновения подобных ситуаций на практике.

Список использованной литературы

1. Всеобщая декларация Организации Объединенных Наций «Прав человека» [Электронный ресурс] : [принята в г. Нью-Йорк 10.12.1948 г.] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2023.
2. О занятости населения Республики Беларусь [Электронный ресурс] Закон Респ. Беларусь, 15 июня 2006 г., № 125-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 31.12.2022 № 231-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
3. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., № 296-3 : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 29.06.2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
4. Конвенция об охране материнства [Электронный ресурс] : [заключена в г. Женеве 04.06.1952 г.] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2023.

5. Наумова, Р. Л. Трудовые отношения с женщинами и лицами с семейными обязанностями / Р. Л. Наумова // Москва: Синергия, 2012. – 171 с.

6. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.03.2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

7. Бондарев, А. В. Особенности правового регулирования труда женщин. Исторические аспекты и современность [Электронный ресурс] : [по состоянию на 28.09.2007 г.] / А. В. Бондарев // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

УДК 349.2

Е. А. Ковалёва

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель)

ОПТИМИЗАЦИЯ ЧИСЛЕННОСТИ РАБОТНИКОВ

В статье проводится анализ эксперимента по оптимизации численности работников и кадровой диагностики бюджетных организаций на основе новых нормативных правовых актов, мнений ученых-экономистов. Делается вывод, что результатом эксперимента должно стать выявление оптимальной численности работников бюджетных организаций, обозначены критерии оптимальной численности, необходимость установления гарантий трудовых прав работников.

Постоянно меняющиеся экономические отношения требуют обеспечения устойчивого положения на товарном рынке организаций, которые периодически проводят количественную и качественную оценку персонала. Так, с 5 ноября 2023 г. проводится эксперимент по оптимизации численности работников бюджетных организаций, введенный на основании постановления Совета Министров Республики Беларусь от 2 ноября 2023 г. № 758 «Об оптимизации численности и установлении индивидуальных условий труда работников бюджетных организаций» (далее – постановление Совмина).

Численность работников – это один из нормативов труда, экономическая категория, исследуемая учеными-экономистами. Норматив численности – установленная численность работников определенного профессионально-квалификационного состава, необходимая для выполнения конкретных объемов работ (трудовых функций). В соответствии со ст. 86 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК) нормы труда устанавливаются для работников в соответствии с достигнутым уровнем техники, технологии, организации производства и труда, а для отдельных категорий работников – также с учетом физиологических и половозрастных факторов. Наниматель обязан устанавливать нормы труда в своих локальных правовых актах, обеспечивать их замену и пересмотр с участием профсоюза (ст. 87 ТК).

Для сравнения отметим, что ст. 159 ТК РФ гарантирует работникам государственное содействие в организации нормирования труда; установление систем нормирования труда в коллективном договоре, с учетом мнения представительного органа работников. Государственное содействие обеспечивается посредством разработки типовых норм труда для однородных работ; установления правил введения, замены и пересмотра норм труда (о введении новых норм труда работники должны быть извещены не позднее чем за два месяца); возложения на работодателя обязанности устанавливать научно обоснованные нормы труда в соответствии с достигнутым уровнем техники, технологии, организации производства и труда [1].

В целях пересмотра нормативов численности работников Министерством труда и социальной защиты Республики Беларусь принято решение о необходимости проведения кадровой диагностики бюджетных организаций и приказом от 15 сентября 2023 г. № 81 утверждены одноименные Рекомендации, содержащие организацию работы, алгоритм проведения, типы учреждений для проведения кадровой диагностики (далее – Рекомендации).

Под кадровой диагностикой понимается оценка соответствия численности работников ее социально-экономическим целям и задачам, обеспечение эффективного использования трудового потенциала, повышение качества оказываемых услуг и рациональное использование бюджетных средств.

Кадровая диагностика направлена прежде всего на: выявление избыточной или недостаточной численности работников; совершенствование организации труда работников и обеспечение оптимального уровня интенсивности труда (трудоугрузки); совершенствование нормативных материалов для нормирования труда работников с учетом современного состояния организационно-технических условий выполнения работ и специфики видов экономической деятельности.

По результатам диагностики и анализа вакансий государственными органами делается вывод о целесообразности или нецелесообразности их наличия в штатном расписании, а выявленные отклонения фактической численности работников от нормативной (штатной) и наличие вакансий является основанием для пересмотра соответствующих типовых штатов и нормативов численности работников бюджетных организаций.

Таким образом, кадровая диагностика направлена на выявление оптимальной численности работников организации под которой следует понимать численность, позволяющую эффективно использовать трудовые ресурсы при максимально допустимом уровне трудозатрат, обеспечивающую социальную защиту работников, направленную на предотвращение чрезмерной интенсификации труда, и способствующую сохранению у работников нормальной работоспособности на протяжении всего периода трудовой деятельности [2].

По мнению И.А. Пырко оптимизация численности – это изменения организационной структуры и штатов, которые всегда сопряжены с утверждением нового штатного расписания и проведением соответствующих организационно-штатных мероприятий с работниками организации. Автором приводятся примеры таких изменений: из штатного расписания организации исключается одно структурное подразделение (управление) и при этом в него вводится другое структурное подразделение (отдел), а функции работников и работа, которая возлагалась на управление, остаются прежними; в организации происходит объединение нескольких структурных подразделений в новое структурное подразделение; присоединение одного структурного подразделения к другому [3].

Е. А. Кутлуниин отмечает, что оптимизация структуры персонала – это не только минимизация затрат на персонал и максимизация прибыли предприятия, но и гармонизация соотношения затрат на персонал и его качество, приведение в соответствие характеристик работников требованиям технологического процесса, выполняемым функциям, а также создание коллектива, способного плодотворно работать в постоянно изменяющихся условиях рыночной экономики [4].

Традиционно оптимизация численности проводится посредством трудо-правовых инструментов – это переводы, перемещения, изменения существенных условий труда, увольнения в случае сокращения численности или штата работников, предоставление отпусков без сохранения или с частичным сохранением заработной платы, установление неполного рабочего времени.

Постановлением Совмина установлен механизм оптимизации численности в рамках эксперимента, при котором следует: 1) определить оптимальную нагрузку работников в течение установленной продолжительности рабочего времени без ущерба срокам и качеству выполняемых работ; 2) определить штатные единицы, выполнение работ по которым будет возложено на других работников, и указать их в разделе «Оптимизированные профессии рабочих (должности служащих)» штатного расписания; 3) установить

работникам, на которых будет возложена дополнительная нагрузка, доплату в процентах от оклада по основной должности в зависимости от объема выполняемой работы из сэкономленных в результате оптимизации штатной численности бюджетных ассигнований, предусмотренных на оплату труда с учетом взносов на социальное страхование.

В контексте пересмотра нормативов численности работников бюджетных организаций постановлением Совмина предусмотрены гарантии трудовых прав работников – за выполнение дополнительной работы устанавливается доплата в процентах от оклада по основной должности. Подобная конструкция уже существует на практике и закреплена в ст. 67 ТК, где зафиксировано, что дополнительная работа с установлением доплаты может выполняться в виде совмещения профессий и должностей по другой вакантной должности (профессии) в течение установленной работнику продолжительности рабочего дня, смены или расширения зон обслуживания (увеличения объема работы) по такой же вакантной должности (профессии).

В результате эксперимента будет проведена кадровая диагностика бюджетных организаций, поскольку республиканским органам государственного управления, облисполкомам, Минскому горисполкому поручено проанализировать результаты реализации эксперимента и внести предложения о пересмотре типовых штатов, нормативов численности и размеров надбавок работникам бюджетных организаций в Министерство труда и социальной защиты и Министерство финансов (п. 7 постановления Совмина).

Такой вывод нами сделан на основании анализа Рекомендаций (п. 13 и Этап 5. Принятие управленческих решений по результатам кадровой диагностики), где резюмируется, что государственный орган обобщает результаты кадровой диагностики, в случае выявления отклонений штатной численности работников и фактической численности, а также при наличии вакансий, принимает решение о пересмотре (корректировке) типовых штатов, нормативов численности. Актуализированные типовые штаты и нормативы численности будут являться основанием для приведения штатных расписаний всех бюджетных организаций в соответствии с требованиями оптимизации численности работников.

Причем в п. 4 постановления Совмина предусматривается установление доплаты за увеличение нагрузки в процентах от оклада по основной должности работника (в зависимости от объема выполняемой работы) в соответствии с законодательством, а в п. 7 требуется проанализировать размеры надбавок работникам. А это разные правовые категории.

По нашему мнению главной целью и результатом проводимого эксперимента должно стать выявление оптимальной численности работников бюджетных организаций, основными критериями которой можно назвать: приведение количества персонала к минимуму, но при обеспечении качественного выполнения трудовых функций; эффективное использование трудовых ресурсов, рациональное использование рабочего времени; соблюдение соразмерности объема трудовых затрат и численности работников; определение оптимальной трудовой нагрузки, предотвращающей чрезмерную интенсификацию труда; величина рабочей нагрузки должна обеспечивать у работников оптимальную жизнедеятельность организма, сохранение нормальной работоспособности на протяжении всего периода трудовой деятельности; установление и обеспечение гарантий защиты трудовых прав работников, например, при не достаточном количестве работников для выполнения определенных трудовых функций наниматель не может соблюдать норму продолжительности еженедельного непрерывного отдыха, которая должна быть не менее 42 часов (ст. 138 ТК); достижение социальной значимости за счет снижения текучести кадров, уменьшения трудовых конфликтов.

Список использованной литературы

1. Трудовой кодекс Российской Федерации: 30 дек. 2001 г., № 197-ФЗ : принят Гос. Думой 21 дек. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 26 дек. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 24.10.2023 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2023.

2. Вопрос-ответ: Как правильно провести оптимизацию численности? [Электронный ресурс] // Нормирование и тарификация труда. – 2014 – № 10. – Режим доступа: https://www.nitt.by/izdaniya/nitt/kak-pravilno-provesti-optimizatsiyu-chis_0000000. – Дата доступа: 10.11.2023.

3. Пырко, И. А. Оптимизация структуры штатной численности: правовые последствия [Электронный ресурс] / И. А. Пырко // Социально-трудовые отношения: юридические и бухгалтерские аспекты: Итоги IV Практической конференции, 11 мая 2018 г., г. Минск. Часть 3. – Режим доступа: <https://ilex.by/news/optimizatsiya-struktury-shtatnoj-chislennosti-pravovye-posledstviya/>. – Дата доступа: 05.11.2023.

4. Кутлуни, Е. А. Современные методы оптимизации численности и структуры персонала [Электронный ресурс] / Е. А. Кутлуни // Вест. Омского ун-та. – 2004. – № 3. Серия: Экономика. – С.43–47.

УДК 349.227

Т. В. Ковалёва

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель)

ГАРАНТИИ РАБОТНИКАМ ПРИ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ УВОЛЬНЕНИЯХ

В статье предпринята попытка проведения классификации гарантий работникам в зависимости от процедуры, которую требуется соблюсти при дисциплинарном увольнении. Перечисляются гарантии, связанные с общими положениями о прекращении трудового договора, привлечением работника к дисциплинарной ответственности и проведением проверки при наличии дискредитирующих обстоятельств увольнения, обжалованием решения о прекращении трудового договора и последствиями незаконных увольнений.

Права человека составляют ядро права современных государств, в том числе Республики Беларусь, основные из них закреплены во Всеобщей декларации прав человека, являющейся мировым глобальным определением прав, которыми обладают все члены современного общества. Не последнее место в системе прав человека и гражданина занимают трудовые права. Для охраны и защиты трудовых прав работников установлены определенные гарантии, в том числе при прекращении трудового договора.

Понятие гарантий закреплено в ч. 1 ст. 90 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК), и понимаются они в широком смысле как средства, способы и условия, с помощью которых обеспечивается осуществление предоставленных работникам прав [1].

Одной из главных гарантий при расторжении трудового договора, в том числе за совершение дисциплинарного проступка, является прекращение трудового договора по законному основанию с соблюдением установленного порядка. Для дисциплинарного увольнения необходимо соблюсти соответствующую процедуру, изложенную в ст. 199–201 ТК. Кроме того, как указывает Пленум Верховного Суда Республики Беларусь, нанимателю необходимо соблюдать положения ст. 42, 43, 46 ТК [2].

Отдельные процедурные моменты порядка увольнения могут быть закреплены на локальном уровне. Д. О. Баринов связывал это с местной спецификой, устанавливающей особенности алгоритма оформления внутренних документов, организацию учета и составления отчетности по нарушениям трудовой дисциплины [3]. Данное положение обосновано в связи со спецификой конкретной организации или особенностями ведения делопроизводства.

Также согласно п. 7 Декрета Президента Республики Беларусь от 15 декабря 2014 г. № 5 «Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций» (далее –

Декрет № 5) до увольнения работника по дискредитирующим обстоятельствам наниматель обязан провести проверку допущенных им нарушений, результаты которой оформить актом (служебной запиской), затребовать письменное объяснение работника [4].

В законодательстве установлены и особенности обжалования увольнения. При этом, в каждой процедуре необходимо соблюдать права работника, которые обеспечены соответствующими гарантиями.

К основным гарантиям работникам, связанным с общими положениями о прекращении трудового договора, следует отнести наличие законного основания увольнения и соблюдения установленных законодательством процедур.

Большинство гарантий, предусмотренных ТК, связано с надлежащим расторжением трудового договора именно по инициативе нанимателя (ст. 42 ТК) и не распространяются на дополнительные основания прекращения трудового договора с некоторыми категориями работников при определенных условиях. Кроме того, в большинстве случаев они не касаются дисциплинарных увольнений. Однако некоторые являются обязательными для всех случаев расторжения трудового договора по инициативе нанимателя.

Так, не допускается увольнение работника по инициативе нанимателя за виновные действия работника (п. 6 – п. 11 ст. 42 ТК): во время временной нетрудоспособности работника; во время пребывания работника в отпуске (ч. 2 ст. 43 ТК), при этом вид отпуска значения не имеет; со дня получения повестки о призыве до возвращения с военных и специальных сборов в отношении работников-военнообязанных, призванных на военные и специальные сборы (ч. 2 ст. 339 ТК).

Вторым обязательным условием расторжения трудового договора по инициативе нанимателя является уведомление соответствующих органов.

При всех дисциплинарных увольнениях работника моложе восемнадцати лет по инициативе нанимателя обязательным является уведомление районной (городской) комиссии по делам несовершеннолетних не менее чем за две недели (ст. 282 ТК) [1].

Одним из способов реализации целей и задач по защите трудовых прав профсоюзами в законодательстве закреплена обязанность нанимателя предварительно уведомить профсоюз о расторжении трудового договора по его инициативе, а в определенных случаях получить согласие профсоюза на увольнение (ст. 46 ТК) [1].

Одной из процедур, которая может предшествовать некоторым дисциплинарным увольнениям, является отстранение работника от работы, под которым понимается временное недопущение работника к исполнению своих трудовых обязанностей в связи с обстоятельствами, предусмотренными ст. 49 ТК [1]. Отстранение работника от работы, в том числе за виновные деяния, мерой дисциплинарной ответственности не является, однако при ее применении также необходимо соблюдать требования законодательства и не нарушать права работника.

Гарантиями, связанными с привлечением работника к дисциплинарной ответственности и проведением проверки при наличии дискредитирующих обстоятельств увольнения, с нашей точки зрения, являются: обоснование выбора меры взыскания в виде увольнения; соблюдение процедуры привлечения к дисциплинарной ответственности: подтверждение факта нарушения работником трудовой и исполнительской дисциплины доказательствами; затребование письменного объяснения от работника; соблюдение сроков применения дисциплинарных взысканий; издание приказа или распоряжения о привлечении к ответственности и ознакомление с ним работника в соответствующие сроки.

Помимо соблюдения процедуры привлечения работника к дисциплинарной ответственности, предусмотренной ст. 199–201 ТК, необходимо проведение проверки допущенных нарушений работником на основании п. 7 Декрета № 5 [4].

Для проведения проверки следует установить наличие дискредитирующего обстоятельства увольнения. Данный термин был введен Декретом № 5, однако понятие его не раскрывается, а приводится лишь перечень таких обстоятельств. В данный перечень вклю-

чены как основания дисциплинарных увольнений (например, п. 6.2 и 6.8), так и иные обстоятельства, которые таковыми не являются (п. 6.4–6.7 и др.). В связи с этим отнесение Министерством труда и социальной защиты Республики Беларусь этих оснований к мерам дисциплинарного взыскания [5] не в полной мере отвечает положениям ст. 198 ТК.

Трудовой кодекс практически не использует такое понятие, как дискредитирующие обстоятельства увольнения. Единственное упоминание касается ч. 3 ст. 283 ТК, согласно которой допускается расторжение трудового договора по основаниям, признаваемым в соответствии с законодательными актами дискредитирующими обстоятельствами увольнения, с инвалидами, проходящими медицинскую, профессиональную, трудовую и социальную реабилитацию в соответствующих организациях [1]. Иного упоминания об увольнении по дискредитирующим обстоятельствам ТК не содержит.

Для проведения проверки необходимо предположение, что работник совершил деяние, названное как дискредитирующее обстоятельство увольнения, которое может и не подтвердиться.

Порядок проведения проверки Декретом № 5 не установлен, отдельно отмечается необходимость затребования письменных объяснений от работника и составление акта. Предполагаем, что затребование объяснений происходит таким же образом, что и при дисциплинарном производстве, а итогом проведения проверки является составление акта или служебной записки. При этом должны быть соблюдены общие требования делопроизводства в организации.

О. Н. Людвигевич на основании анализа норм ТК и Декрета № 5 считает, что необходимо закрепление в ТК требования о проведении проверок обстоятельств, связанных с совершением дисциплинарного проступка и его последствиями, которая оформляется актом [6, с. 129]. С данным предложением считаем целесообразным согласиться частично, так как результатом проведения такой проверки является составление документа о привлечении к дисциплинарной ответственности. Акт же необходимо составить в случае, если в ходе проверки принято решение о не привлечении работника к дисциплинарной ответственности. Кроме того, представляется актуальным четкое закрепление порядка действий нанимателя при проведении данной проверки для единообразного применения норм ТК. Данное предложение позволит исключить двойную работу нанимателя при проведении дисциплинарного производства и проверки согласно Декрету № 5.

В случае незаконного и необоснованного увольнения реализовать свое право на судебную защиту работник может в результате обжалования действий нанимателя (ст. 202 ТК). Согласно п. 3 ч. 2 ст. 241 ТК непосредственно в суде рассматриваются трудовые споры по заявлениям работников о восстановлении на работе независимо от оснований прекращения трудового договора [1], в том числе при дисциплинарных увольнениях, об изменении даты и формулировки причины увольнения. При рассмотрении дела о незаконном увольнении работника суды руководствуются основополагающими принципами гражданского судопроизводства, такими как объективной истины, равенства сторон, состязательности, гласности, независимости судей и подчинения их только закону, доступности обращения в суд и другими. Сроки рассмотрения трудовых споров определены законом и являются достаточно сжатыми, что позволяет сторонам наиболее быстро добиваться защиты своих прав и интересов.

Основанием для отмены дисциплинарного увольнения является незаконное увольнение, под которым понимается прекращение трудового договора при отсутствии законного основания. В судебном толковании содержится более широкая трактовка, и незаконность увольнения проявляется в том числе, если нанимателем не соблюдены порядок увольнения (ч. 1 и ч. 2 ст. 43, ст. 45 и 200 ТК) и гарантии для отдельных категорий работников (ст. 240, ч. 3 ст. 268, ч. 3 ст. 283 ТК) [7]. Следует отметить, что увольнение работника без законного основания и с нарушением процедуры влекут различные правовые последствия. Так, за отсутствие законного основания возможно восстановление

работника на работе, а при нарушении порядка – восстановление установленного законом порядка увольнения, вынесение частного определения о необходимости привлечения к ответственности за несоблюдение законодательства о труде виновных должностных лиц, привлечение к ответственности самого нанимателя. При анализе толкования незаконного увольнения в постановлении Пленума Верховного суда может возникнуть предположение, что любое нарушение порядка увольнения может повлечь за собой восстановление на работе. В связи с этим видится целесообразным приведение в соответствие норм ТК с судебной практикой и уточнение ст. 243 ТК относительно понятия «незаконного увольнения».

Одной из важнейших гарантий реализации права на судебную защиту является применение судом последствий незаконного дисциплинарного увольнения, к которым относятся: восстановление на работе, выплата возмещения работнику, изменение формулировки причины увольнения, оплата за время вынужденного прогула, возмещение морального вреда.

Таким образом, в зависимости от процедуры, которую требуется соблюсти при дисциплинарном увольнении, выделяются гарантии работникам, связанные с общими положениями о прекращении трудового договора, привлечением работника к дисциплинарной ответственности и проведением проверки при наличии дискредитирующих обстоятельств увольнения, обжалованием решения о прекращении трудового договора и последствиями незаконных увольнений.

Список использованной литературы

1. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., № 296-3 : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 29.06.2023 г., № 273-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
2. О практике применения судами законодательства о трудовой дисциплине и дисциплинарной ответственности работников [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 28 июня 2012 г., № 4 : в ред. постановления Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь от 28.09.2023 г., № 7 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
3. Баринов, Д. О. Процедуры заключения, изменения и прекращения трудового договора : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / Д. О. Баринов ; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова [Электронный ресурс] // Law Theses. – 2012. – Режим доступа : <http://lawtheses.com/protsedury-zaklyucheniya-izmeneniya-i-prekrascheniya-trudovogo-dogovora>. – Дата доступа : 09.08.2021.
4. Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций [Электронный ресурс] : Декрета Президента Респ. Беларусь от 15 дек. 2014, № 5 : в ред. Декрета Президента Респ. Беларусь от 12.10.2021 г., № 6 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
5. Комментарий к Декрету Президента Республики Беларусь от 15 декабря 2014 г. № 5 «Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций» [Электронный ресурс] // Mintrud.gov.by. – Режим доступа : <http://mintrud.gov.by/system/extensions/spaw/uploads/files/commet-dekret-5.pdf>. – Дата доступа : 23.01.2020.
6. Людвигевич, О. Н. Правовое регулирование дисциплинарной ответственности работников : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / О. Н. Людвигевич. – Минск, 2017. – 184 л.
7. О некоторых вопросах применения судами законодательства о труде [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 29 марта 2001 г., № 2 : в ред. постановления Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь от 28.06.2012 г., № 5 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

Т. А. Мазурова

(Открытое акционерное общество «Милкавита», Гомель)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ВРЕМЕННОГО ПЕРЕВОДА РАБОТНИКА К ДРУГОМУ НАНИМАТЕЛЮ, «ОТКОМАНДИРОВАНИЯ» («ПРИКОМАНДИРОВАНИЯ»)

В работе рассматривается существующая в Беларуси правовая регламентация временного перевода к другому нанимателю в сравнении с категориями «откомандирование», «прикомандирование», правовое регулирование которых встречается в законодательстве других стран, в целях решения проблем временных переводов к другому нанимателю. Предлагается легализация конструкции приостановления трудового договора с первоначальным нанимателем при временном переводе с согласия работника к другому нанимателю на уровне общих норм.

В ст. 32-1 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК Беларуси) нанимателю предоставлено право временного перевода работника с его письменного согласия к другому нанимателю на срок до шести месяцев в течение календарного года. Содержательное наполнение изменений при временном переводе к другому нанимателю затрагивает трудовые отношения основного нанимателя и работника. Такие отношения не перерождаются полностью в новые (как это происходит при постоянном переводе на другую работу). Вместе с тем очевидно, что временный перевод с согласия работника к другому нанимателю «обслуживает» интересы такого другого нанимателя либо органа, управляющего имуществом нанимателя, в связи с чем юридически не верно в таких случаях сохранять в активном состоянии правовую связь работника с основным нанимателем. На практике существует проблема подчиненности работника в период работы у временного нанимателя, вопрос оплаты труда по выполняемой работе, привлечения к дисциплинарной и материальной ответственности, распространения норм коллективного договора нового нанимателя на временно работающего работника и т. п. Практики Беларуси сталкиваются с такими проблемами и понимают недостаточность адекватного правового регулирования для возможности их разрешения с учетом экономических интересов нанимателя и социальных интересов работника.

Как правило, все вопросы ответственности и обязанностей нанимателей (основного и временного), не урегулированные законодательством (ст. 32-1 ТК Беларуси) при такой конструкции правоотношений оговариваются юридическими лицами в заключаемом гражданско-правовом договоре, который в практике получил название «договор о временном переводе работников» [1].

В России на 2022–2023 годы постановлением Правительства Российской Федерации от 30 марта 2022 года № 511 «Об особенностях правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений в 2022 и 2023 годах» временно введена новая трудовая конструкция – допущено временное приостановление действия трудового договора с письменного согласия работника в случае приостановки работодателем производства (работы), в результате чего возможен временный перевод работника к другому работодателю при участии центра занятости населения [3]. В приведенном случае приостановление действия трудового договора позволяет правильно идентифицировать правоотношения работника с новым работодателем. Для надлежащего оформления сложившихся трудовых отношений с новым нанимателем и оформления ситуации временного ограничения движения трудовых отношений с первоначальным нанимателем нами предлагается допустить в процедуру временного перевода к другому нанимателю, предусмотренную ст. 32-1 ТК Беларуси, необходимую меру – приостановление трудового договора на период временного перевода.

Интересно, что в деловой переписке организаций Беларуси при решении вопроса о направлении конкретных категорий рабочих в рамках ранее заключенного гражданско-правового договора о временном переводе встречается упоминание термина «командировать» («прошу оказать помощь и командировать», «просим продлить срок командирования рабочих с их письменного согласия») (при этом командирование и направление в служебную командировку понятийно не подменяются). В 1976 году А.К. Безина при исследовании временных переводов к другому нанимателю приводит пример из судебной практики, в котором «откомандированием» называется факт прекращения временного перевода досрочно («приказ об откомандировании») [2, с. 79].

Таким образом, исторически термин «откомандирование» сопровождал временные переводы к другому нанимателю. Термин «командирование» сохраняется в специальной лексике и сегодня. При этом понятия «откомандирование», «прикомандирование» в легальном обороте и в практике применения действующих норм законодательства о труде на постсоветском пространстве четко отделяются от понятия «направление в служебную командировку», в первую очередь тем, что при направлении в служебную командировку трудовая функция работником выполняется в интересах нанимателя, с которым и заключен трудовой договор, а в случае откомандирования (прикомандирования) трудовая функция выполняется в интересах другого нанимателя.

Рассмотрим правовую регламентацию временного перевода к другому нанимателю в Казахстане и ряде других стран. В ст. 40 Трудового кодекса Республики Казахстан (далее – ТК Казахстана) используется понятие прикомандирования – временного перевода к другому нанимателю, связанному капиталом с основным нанимателем. Комментирующие эту норму юристы-практики используют термин «секондмент» [4; 5]. До введения такой нормы в ТК Казахстана компании между собой заключали соглашения о прикомандировании персонала – временном переводе физических лиц от одного работодателя к другому, при котором предполагается возвращение прикомандированного к первому работодателю. Прикомандированный оставался в штате и получал заработную плату от командирующей компании. Вторая компания компенсировала расходы по заработной плате командирующей компании, зачастую с учетом дополнительных затрат. При этом вторая компания осуществляла полное руководство трудом прикомандированного. В условиях отсутствия соответствующего правового регулирования по жалобам работников, а также при проверках государственных органов секондмент мог расцениваться как установление фактических трудовых отношений между прикомандированным и второй организацией [4].

Описанная практика имела явные элементы используемых в настоящее время в Беларуси договоров о временном переводе работников. Казахстан пошел по другому пути, закрепив нормативно не временный перевод к другому нанимателю, а прикомандирование как внутрикорпоративный перевод. Как и в Беларуси, между организациями заключается соглашение (о прикомандировании). Кроме того, оформляется трехстороннее соглашение между организациями и прикомандированным работником и дополнительное соглашение к трудовому договору с прикомандированным работником. Таким образом, работник становится полноправным участником обсуждения условий соглашения, тогда как в Беларуси работник лишь дает либо не дает согласие на уже сформированные условия временного перевода. Условия по начислению и выплате заработной платы прикомандированному работнику регламентируются соглашением между юридическими лицами и работником. Согласно пп. 4 ст. 40 ТК Казахстана за прикомандированным работником сохраняется место работы (должность). Обязательства по начислению и выплате заработной платы могут быть отнесены на юридическое лицо, к которому прикомандирован работник.

Трудовым кодексом Республики Молдова (далее – ТК Молдовы) по соглашению сторон допускается приостановление трудового договора в случае откомандирования работника (п. е-1 ст. 77). Оплату труда производит временный наниматель, в случае неплатежеспособности временного нанимателя обязанность по оплате выполненной работы возлагается на предприятие, откомандировавшее работника, с правом предъявления регрессного

иска предприятию, на которое был откомандирован работник; если условия оплаты труда или время отдыха на новом месте работы отличаются от тех, которыми работник пользовался на предприятии, его откомандировавшем, к работнику применяются более выгодные условия (ст. 72 ТК Молдовы). Однако следует помнить, что ТК Молдовы в понятие приостановления трудового договора закладывает только приостановление работы работником и выплаты ему вознаграждений (заработной платы, надбавок, других выплат) работодателем; иные права и обязанности сторон продолжают действовать, если иное не предусмотрено действующими нормативными актами, коллективными соглашениями, коллективным и индивидуальными трудовыми договорами (ст. 75 ТК Молдовы). По смыслу нормы ст. 314–4 ТК Беларуси, регламентирующей временные переводы спортсменов, тренеров с приостановлением срока действия трудового договора, а также как прямо предусмотрено в ст. 348.4 Трудового кодекса Российской Федерации, сторонами не исполняются все обязательства, составляющие наполнение трудового правоотношения за незначительным исключением.

В ст. 147 Трудовом кодексе Республики Узбекистан прикомандирование работника к другому нанимателю осуществляется на основании отдельного срочного трудового договора. Прямо указано, что действие трудового договора, заключенного по прежнему месту работы, на период прикомандирования работника приостанавливается. В норме отмечается, что если условия оплаты труда или время отдыха на новом месте работы отличаются от тех, которыми работник пользовался у работодателя, его прикомандировавшего, к работнику применяются более выгодные условия. Как следует, первоначальное трудовое отношение с прежним нанимателем в случае прикомандирования к другому нанимателю по выбору работника может быть реализовано в части применения условий оплаты труда или времени отдыха.

И.Я. Киселев на примере Люксембурга приводит допустимые законодательством этого государства условия откомандирования: если работник не полностью загружен и ему грозит увольнение; если работника готово временно принять на работу предприятие той же отрасли, которое нуждается в дополнительной рабочей силе; если такое откомандирование происходит в рамках группы предприятий, в которых осуществляется реорганизация. Временное откомандирование имеет предельный срок – 8 недель. Временно откомандированный работник не прерывает трудовые отношения со своим предприятием и сохраняет прежний заработок [6, с. 115–116]. При такой правовой регламентации откомандирование в Люксембурге довольно близко стоит к существующей в настоящее время в Беларуси практике применения норм о временном переводе к другому нанимателю с письменного согласия работника – без приостановления трудового договора.

Э.Б. Френкель, откомандирование, известное трудовому праву Венгрии, описывает как временное выполнение трудовой функции у другого работодателя. В бывшей Югославии временный перевод к другому нанимателю допускался в соответствии с трудовой функцией на срок до 6 месяцев в рамках объединений или других более сложных форм организации производства [7, с. 142, 145].

В Трудовом кодексе Румынии в ст. ст. 45–47 прикомандирование регламентируется как акт, которым предписывается временная смена рабочего места, находящегося в распоряжении работодателя, другому работодателю для выполнения какой-либо работы в его интересах. В исключительных случаях вид работы также может быть изменен с письменного согласия работника. Согласие работника на прикомандирование на срок до 1 года не требуется. Работник имеет право отказаться от прикомандирования, назначенного его работодателем, только в исключительных случаях и по обоснованным личным причинам. Во время прикомандирования работник пользуется более благоприятными для него правами у основного либо временного работодателя по своему выбору. Временный работодатель несет субсидиарную ответственность по отношению к работнику по обязательствам основного работодателя. Согласно абз. (1) лит. е) ст. 52 названного кодифицированного нормативного правового акта Румынии работодатель имеет право по собственной инициативе приостановить действие индивидуального трудового договора на время прикомандирования.

На примере существующей в практике других стран правовой регламентации прикомандирования (откомандирования) нами показано, что при временном переводе к другому нанимателю в наибольшей степени правовой природе сложившихся временных правоотношений между работником и временным нанимателем отвечает заключение срочного трудового договора и приостановление основного трудового договора на срок временного перевода. Срочный трудовой договор в данном случае станет средством реализации свободы труда, вовлечет работника в обсуждение условий временного перевода, станет внешним выражением сложившихся между работником и временным нанимателем трудовых отношений и отношений, связанных с трудовыми, их юридической базой, конкретизирует правовое положение участников временного трудового правоотношения.

Список использованной литературы

1. Мазурова, Т. А. Вопросы применения временного перевода с согласия работника к другому нанимателю по законодательству Республики Беларусь / Т.А. Мазурова // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь ; редкол.: Н. А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Колорград, 2022. – Вып. 17. – С. 640–647.
2. Безина, А. К. Вопросы теории трудового права и судебная практика / А. К. Безина. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1976. – 176 с.
3. Шайхутдинова, Н. П. Срочный трудовой договор при временном переводе работника к другому нанимателю / Н. П. Шайхутдинова // Кадровик. – 2023. – № 2. – С. 26–31.
4. Ким, И. В. Правовые аспекты соглашений о прикомандировании персонала (секондмент) в Казахстане [Электронный ресурс] / И. В. Ким // Четвертый Атырауский правовой семинар «Актуальные вопросы и анализ практики применения законодательства в нефтегазовой отрасли Республики Казахстан», 14 апр. 2006 года, г. Атырау, Казахстан. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30057438. – Дата доступа: 25.06.2022.
5. Чумаченко, Ю. Легализовал ли новый трудовой кодекс прикомандирование в Казахстане? / Ю. Чумаченко // Petroleum. – 2016. – № 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.petroleumjournal.kz//index.php?p=article&aid1=75&aid2=378&id=907&outlang=1>. – Дата доступа: 25.06.2022.
6. Киселев, И. Я. Сравнительное трудовое право : учеб. / И. Я. Киселев. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – 360 с.
7. Френкель, Э. Б. Трудовое и социальное право зарубежных стран: основные институты. Сравнительно-правовое исследование / Под ред. Э. Б. Френкель. – М.: Юристъ, 2002. – 687 с.

УДК 349.225.6

И. О. Опанасюк

(Международный университет «МИТСО», Минск)

ПОРЯДОК ПРИМЕНЕНИЯ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ВЗЫСКАНИЙ В БЕЛАРУСИ И РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В статье проведен сравнительно-правовой анализ законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации, регулирующего трудовую дисциплину и дисциплинарную ответственность. Рассмотрено соотношение терминов «трудовая дисциплина», «производственно-технологическая дисциплина», «исполнительская дисциплина». Отдельное внимание уделено порядку применения дисциплинарных взысканий. Предложены пути совершенствования Трудового кодекса Республики Беларусь.

Несмотря на достаточно детальное регулирование трудовой дисциплины в законодательстве Республики Беларусь, полагаем, что сохраняется необходимость его дальнейшего совершенствования. Сравнительно-правовой анализ Трудовых кодексов Республики Беларусь и Российской Федерации, в части регулирования трудовой дисциплины, позволяет на основе положительного зарубежного опыта предложить пути изменения национального законодательства.

Процедура применения дисциплинарного взыскания урегулирована нормами трудового права и состоит из последовательных действий, которые являются обязательными для исполнения нанимателем. Нарушение или неисполнение установленных законодательством норм может повлечь разные правовые последствия для нанимателя и работника.

Порядок применения дисциплинарных взысканий в Трудовом кодексе Республики Беларусь (далее – ТК Беларуси) и в Трудовом кодексе Российской Федерации (далее – ТК РФ) схож, однако имеются некоторые различия.

Кодекс законов о труде Белорусской ССР 1972 г. в гл. 9 «Трудовая дисциплина» объединял в себе порядок поощрения работников и привлечения их к дисциплинарной ответственности за нарушение трудовой дисциплины [1]. Ныне действующий ТК Беларуси закрепил нормы, регулирующие производственно-технологическую, исполнительскую и трудовую дисциплины в гл. 13, а институт дисциплинарной ответственности в гл. 14. Глава 30 ТК РФ объединяет правовые институты трудовой дисциплины с поощрением работников и привлечением их к дисциплинарной ответственности. При этом ст. 193 ТК Беларуси раскрывает понятие производственно-технологической, исполнительской и трудовой дисциплины, а ч. 1 ст. 189 ТК РФ – только дисциплины труда.

В литературе устоялось мнение о том, что трудовая дисциплина – это общее понятие, а производственно-технологическая и исполнительская – это ее виды. Еще в советской науке трудового права Н.Г. Александров указывал на то, что «обязанность блюсти дисциплину труда не есть одна из обязанностей в ряду других... Она обнимает все эти обязанности, как, например, обязанность явки к определенному часу на работу, обязанность соблюдать установленную продолжительность рабочего дня, выполнять указания администрации и т.д.» [2, с. 125].

Аналогичной позиции придерживался Г.Б. Шишко, который полагал, что трудовая дисциплина – понятие более широкое и включает производственную и технологическую дисциплины. По его мнению, каждому виду дисциплины присущ ряд особенностей. Принципиально важное значение имеет круг лиц, на которых распространяется тот или иной вид дисциплины (субъектный состав). Дисциплина не может быть обезличенной, ее требования должны быть адресованы вполне определенным исполнителям [3, с. 398]. Следовательно, предусмотренные ст. 193 ТК Беларуси виды дисциплин входят в понятие дисциплины труда.

Согласно ч. 3 ст. 198 ТК Беларуси при выборе меры дисциплинарного взыскания должны учитываться тяжесть дисциплинарного проступка, обстоятельства, при которых он совершен, предшествующая работа и поведение работника на производстве [4]. Часть 5 ст. 192 ТК РФ предусматривает, что при наложении дисциплинарного взыскания должны учитываться тяжесть совершенного проступка и обстоятельства, при которых он был совершен [5]. Соответственно, белорусский законодатель закрепил более широкий перечень критериев, которые следует учитывать при наложении дисциплинарного взыскания.

В ч. 1 ст. 199 ТК Беларуси содержится обязанность нанимателя затребовать письменное объяснение работника до применения к нему дисциплинарного взыскания. Как справедливо отмечает Е.А. Ковалева: затребуя письменное объяснение, следует пояснить работнику то, что: 1) оно испрашивается по факту совершения противоправного действия (бездействия); 2) в нем необходимо отразить наличие (отсутствие) у работника уважительных причин, которые повлияли на совершение проступка; 3) следует написать объяснительную записку до окончания рабочего дня (смены), когда было затребовано

объяснение и изложить свое отношение к дисциплинарному проступку [6]. Поэтому наниматель должен затребовать объяснение в течение 1 месяца со дня обнаружения проступка, который предоставляется ему для применения дисциплинарного взыскания (ч. 1 ст. 200 ТК Беларуси). В ТК сроки истребования объяснительной записки не определены, только п. 2 ст. 53 ТК Беларуси предусмотрено, что на работнике лежит обязанность выполнять письменные и устные приказы (распоряжения) нанимателя [4].

Для сравнения отметим, что в соответствии с ч. 1 ст. 193 ТК РФ работодатель должен затребовать от работника письменное объяснение, и если по истечении двух рабочих дней указанное объяснение работником не предоставлено, то составляется соответствующий акт [5].

Как показывает практика, истребование письменного объяснения работника осуществляется, как правило, в устной форме, но может быть и в письменной.

Следовательно, следует согласиться с мнением Е.А. Ковалевой, а также учесть опыт российского законодательства и предусмотреть в ч. 1 ст. 199 ТК Беларуси срок затребования написания объяснительной записки и последствия отказа ее не предоставления.

На основании ч. 6 ст. 193 ТК РФ: приказ (распоряжение) работодателя о применении дисциплинарного взыскания объявляется работнику под роспись в течение трех рабочих дней со дня его издания, не считая времени отсутствия работника на работе [5]. Особенностью белорусского законодательства является то, что во-первых, кроме приказа (распоряжения) о дисциплинарном взыскании может быть издано постановление, решение или протокол, во-вторых, с указанием мотивов, которое объявляется работнику под роспись в пятидневный срок со дня издания, в-третьих, не считая времени болезни работника или ухода за больным членом семьи, подтвержденных листком нетрудоспособности или справкой о временной нетрудоспособности, пребывания работника в отпуске, нахождения на военных или специальных сборах (ч. 6 ст. 199 ТК) [4]. Таким образом, в ТК Беларуси предусмотрен иной срок ознакомления с приказом (до пяти дней) и конкретный перечень случаев отсутствия работника на работе по уважительной причине, в результате которых он не мог быть ознакомлен с распорядительным документом. Считаем целесообразным дополнить ч. 6 ст. 199 ТК указанием на то, что время нахождения работника в командировке также не включается в пятидневный срок для ознакомления работника с приказом и иным документом.

Часть 1 ст. 200 ТК Беларуси и ч. 3 ст. 193 ТК РФ предусматривают, что дисциплинарное взыскание применяется не позднее одного месяца со дня его обнаружения, не считая времени отсутствия работника на работе по уважительной причине, предусмотренного данными статьями. При этом дисциплинарное взыскание не может быть применено позднее шести месяцев, а по результатам ревизии, проверки, проведенной компетентными государственными органами или организациями, – позднее двух лет со дня совершения дисциплинарного проступка (ч. 4 ст. 200 ТК Беларуси и ч. 4 ст. 193 ТК РФ). Следовательно, срок применения взыскания со дня его обнаружения и его совершения по законодательству двух стран совпадают. В отличие от ТК РФ ТК Беларуси содержит разъяснение, что считается «днем обнаружения дисциплинарного проступка – день, когда о проступке стало известно лицу, которому работник непосредственно подчинен» (ч. 2 ст. 200).

По законодательству Беларуси дисциплинарное взыскание может быть обжаловано в орган, рассматривающий трудовой спор: комиссию по трудовым спорам (КТС) или суд (ч. 2 ст. 233). Часть 4 ст. 193 ТК РФ регламентирует, что дисциплинарное взыскание может быть обжаловано работником в государственную инспекцию труда и (или) органы по рассмотрению индивидуальных трудовых споров [5].

Часть 2 ст. 202 ТК Беларуси предоставляет право нанимателю после отмены дисциплинарного взыскания применить к работнику более мягкое дисциплинарное взыскание, если не истекли сроки, предусмотренные ч. 2-4 ст. 200 ТК. Исходя из чего, белорусское законодательство предоставило руководителю организации дополнительное право на применение другого более мягкого наказания даже в случае отмены первоначального. В отличие от белорусского законодателя ТК РФ не предусматривает данное право работодателя.

Проведенный сравнительно-правовой анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Несмотря на закрепленные в ТК Беларуси виды дисциплин, считаем, что понятие института «дисциплина труда» рассматривается шире, чем понятие «трудовая дисциплина», т.к. наряду с различными видами дисциплин, предусмотренных трудовым законодательством и встречающихся в практике (например, договорная конструкторская, плановая и др.), трудовая, как и иные виды является частью дисциплины труда.

2. В белорусском законодательстве предусмотрен более широкий перечень критериев, которые следует учитывать нанимателю при выборе меры дисциплинарного взыскания, что позволяет более справедливо применять взыскания.

3. Для исключения случаев затягивания работником дачи объяснения с целью избежать наказания представляется целесообразным дополнить ч. 1 ст. 199 ТК Беларуси следующим правилом «...до окончания рабочего дня (смены), когда было затребовано объяснение. Отказ работника от предоставления объяснения оформляется актом с указанием присутствующих при этом свидетелей». Считаем, что затребовать письменное объяснение наниматель вправе путем направления уведомления или предупреждения.

4. В белорусском законодательстве предусмотрены периоды отсутствия работника на работе, которые не включаются в пятидневный срок, необходимый для ознакомления работника с приказом о дисциплинарном взыскании. При этом считаем необходимым дополнить ч. 6 ст. 199 ТК Беларуси словами «... в служебной командировке», т.к. в данном случае также есть объективная причина невозможности ознакомления работника с приказом.

5. Законодательство России и Беларуси предоставляет право работнику обжаловать наложенное дисциплинарное взыскание в орган, рассматривающий трудовые споры. При этом в белорусском законодательстве нанимателю предоставлено право применять более мягкую меру взыскания к работнику в случае его отмены органом, рассматривающим трудовой спор.

Список использованной литературы

1. Кодекс законов о труде Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 23 июня 1972 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 28.05.1999 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

2. Александров Н.Г. Трудовое правоотношение. – Москва: Юрид. изд-во Министрства Юстиции СССР, 1948. – 337 с.

3. Трудовое право : учеб. для студ. спец. «Правовед.», «Экон. Право», учр., обеспеч. получение высш. образования / [Семенков В.И. и др.] ; под общ. ред. В. И. Семенкова ; [науч. ред. Шишко Г.Б.]. – 5-е изд., перераб. и доп. – Минск : Амалфея, 2012. – 672 с.

4. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., № 296-3 : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 29.06.2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

5. Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 30 декабря 2001 г., № 197-ФЗ : принят Гос. Думой 21 дек. 2001 г. ; одобрен Советом Федерации 26 дек. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 04.08.2023 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2023.

6. Ковалева, Е. А. Нарушение законодательства о дисциплинарной ответственности [Электронный ресурс] / Е. А. Ковалева. – Режим доступа: <https://www.yandex.by/clck/>. – Дата доступа: 26.09.2023.

Н. С. Пилипенко

*(Гродненский филиал «БИП – Университет права
и социально-информационных технологий», Гродно)*

К ВОПРОСУ КЛАССИФИКАЦИИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ТРУДОВЫХ СПОРОВ

В статье анализируются различные теоретические подходы ученых касающиеся классификации индивидуальных трудовых споров. Показана необходимость разделения индивидуальных трудовых споров на исковые и неисковые, что позволяет определить орган в котором будет рассматриваться тот или иной трудовой спор. Устанавливается, что трудовое законодательство Республики Беларусь не разграничивает исковые и неисковые индивидуальные трудовые споры по подведомственности, определяя для них общую подведомственность.

Формирование правового государства неразрывно связано с укреплением гарантий трудовых прав, включая совершенствование норм законодательства о труде, в том числе о порядке рассмотрения индивидуальных трудовых споров, с целью повышения эффективности защиты трудовых прав граждан Республики Беларусь.

Защищая трудовые права работников посредством индивидуальных трудовых споров с целью эффективности такой защиты считаем необходимым обратить внимание на классификацию данных споров. Классификация индивидуальных трудовых споров имеет не только теоретическое, но и существенное практическое значение. Подразделение индивидуальных трудовых споров на виды дает возможность определить их характерные черты и особенности, что способствует более эффективному разрешению конкретного индивидуального трудового спора на практике.

Рассмотрение различных оснований классификации индивидуальных трудовых споров позволяет более детально и глубоко изучить вопросы сущности индивидуальных трудовых споров и порядка их разрешения, что, в свою очередь, содействует выработке конкретных путей совершенствования правового регулирования в сфере защиты индивидуальных трудовых прав. Классификация должна проводиться по нескольким признакам. При этом могут быть применены лишь такие признаки, которые позволяют раскрыть наиболее важные и практически значимые особенности отдельных видов трудовых споров, отграничить их от других споров, возникающих в сфере трудовых отношений.

Одним из первых на классификацию трудовых споров обратил внимание И.С. Войтинский, который подразделил все споры на споры о праве и споры об интересе [3, с. 248]. В доктрине трудового права ведутся и другие дискуссии, связанные с классификацией индивидуальных трудовых споров. К наиболее распространенной и общепризнанной следует отнести классификацию, основанием которой является характер трудовых споров. В частности, данный критерий классификации используют ученые А.М. Куренной и В.И. Миронов, подразделяя трудовые споры по их характеру на исковые и неисковые [7, с. 19]. К исковым относят споры о применении уже установленных нормами трудового права и индивидуальным трудовым договором (контрактом) условий труда, т.е. по поводу нарушенного права. К спорам неискового характера относят споры, предметом которых является установление новых социально-экономических условий труда и быта или изменение уже существующих. Например, споры о присвоении новых тарифных разрядов, спор об установлении новых норм выработки, споры, возникающие при заключении коллективного договора, – это споры неискового характера, а споры об увольнении, оплате сверхурочных работ – это исковые споры [8, с. 477–478].

Отметим, что классификация индивидуальных трудовых споров на иски и неиски подвергалась критике. Например, И.А. Костян указывает на то, что нецелесообразно подразделять индивидуальные трудовые споры на иски и неиски так как классификация индивидуальных трудовых споров должна отражать специфику их разрешения, процессуальную особенность их рассмотрения [6, с. 55].

Следует отметить, что несмотря на имеющиеся противоречия, классификация трудовых споров на иски и неиски поддерживается исследователями. По мнению А. А. Греченкова, споры искового характера (конфликты права) возникают в связи с применением действующих правовых актов – актов законодательства о труде, коллективных договоров, соглашений, иных локальных правовых актов, трудовых договоров. Предметом таких споров является требование соответствующего лица (лиц) о восстановлении или признании за ним конкретного права. Споры неискового характера (конфликты интересов) возникают по поводу установления, изменения социально-экономических условий труда и быта работников, а также заключения, изменения, исполнения либо прекращения коллективных договоров, соглашений. Предметом таких споров являются требования соответствующего лица (лиц) не о восстановлении (признании) конкретного права, а об установлении (изменении) самого права на уровне локального правового акта [4, с. 307].

Т. Н. Важенкова разграничивает иски и неиски по предмету. В частности, автор указывает, что предметом спора искового характера является требование работника (группы работников) о восстановлении или признании индивидуальных трудовых прав, которые (действительно или по его предположению) нанимателем нарушены, а предметом спора неискового характера – вопросы установления новых условий или изменения существующих [2, с. 374].

А. Л. Анисимов к спорам искового характера относит разногласия, имеющие место в связи с применением нормативных правовых актов о труде и трудовых договоров, а к спорам неискового характера – разногласия, возникающие в связи с установлением новых условий труда, не урегулированных нормативными правовыми актами и соглашениями о труде [1, с. 94].

Таким образом, по мнению ряда ученых, иски – это споры о применении норм, установленных действующим трудовым законодательством, коллективными договорами и соглашениями, а также индивидуальными трудовыми договорами. Это споры о восстановлении нарушенных прав и законных интересов работников, они могут возникать как из трудовых, так и из иных отношений сферы трудового права, и разрешаются КТС или судом. Такие споры именуют спорами о праве или иски.

Неиски – возникают по вопросам установления новых или изменения существующих условий труда, не урегулированных трудовым законодательством или соглашением сторон. Такие споры именуют спорами об интересах или неиски.

Деление индивидуальных трудовых споров по указанному выше признаку весьма условно. В рамках рассматриваемого вопроса представляется целесообразным сопоставить имеющиеся теоретические положения о разграничении индивидуальных трудовых споров на иски и неиски с действующими нормами законодательства о труде Республики Беларусь. Так, индивидуальные трудовые споры искового характера подлежат разрешению в судах общей юрисдикции, а индивидуальные трудовые споры неискового характера в соответствии со ст. 236 ТК Республики Беларусь подлежат разрешению КТС в пределах предоставленной компетенции.

Несмотря на то, что КТС рассматривает вопросы, связанные с субъективными правами работника, ее решение может быть обжаловано работником или нанимателем в суд в соответствии со ст. 239 ТК Республики Беларусь. Следовательно, трудовое законодательство Республики Беларусь не разграничивает иски и неиски индивидуальные споры по подведомственности, устанавливая для них общую подведомственность. Индивидуальные трудовые споры рассматриваются КТС и (или) судами. Поскольку в

настоящее время суды вправе рассматривать любые индивидуальные трудовые споры, возникающие из отношений сферы трудового права, нет необходимости деления таких споров на исковые и неисковые.

Исходя из вышеизложенного, автор считает, что классификация индивидуальных трудовых споров должна отражать специфику разрешения индивидуальных трудовых споров, процессуальную особенность порядка их рассмотрения, а это возможно в том случае если классифицировать индивидуальные трудовые споры исходя из правоотношения. Практическая значимость классификации заключается в том, что подразделение споров по такому основанию, как вид правоотношения, в связи с которым возникает разногласие имеет важность при определении процессуального порядка их рассмотрения. Кроме того, классификация споров в зависимости от вида правоотношения, в связи с которым возникает разногласие, необходима для того, чтобы по каждому трудовому спору правильно определить его подведомственность.

Данная классификация индивидуальных трудовых споров может быть представлена следующим образом: споры из правоотношений по трудоустройству; споры из правоотношений по подготовке кадров и повышению квалификации на производстве; споры по возмещению материального ущерба; споры по возмещению нанимателем вреда, причиненного работнику; споры из правоотношений по надзору и контролю за соблюдением законодательства о труде и правил охраны труда.

Таким образом, индивидуальные трудовые споры разграничиваются в зависимости от того, из каких правоотношений они возникают, а правильное уяснение и использование указанного критерия позволит выяснить юридическую природу индивидуального трудового спора, а также подведомственность данного спора.

Список использованной литературы

1. Анисимов, А. Л. Трудовые отношения и трудовые споры А. Л. Анисимов. – М. : Юстицинформ, 2008. – 455 с
2. Важенкова, Т. Н. Трудовое право : учеб. пособие / Т. Н. Важенкова. – Минск : Амалфея, 2008. – 431 с.
3. Войтинский, И. С. Трудовое право СССР / И. С. Войтинский. – М. ; Л. : Крас. пролетарий, 1925. – 364 с.
4. Греченков, А. А. Трудовое право : учеб. пособие / А. А. Греченков.– Минск : Адукацыя і выхаванне, 2013. – 376 с.
5. Костян И.А. Индивидуальные трудовые споры и гарантии их разрешения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05.– М., 2000. – 241 л.
6. Куренной, А. М. Практический комментарий к законодательству о трудовых спорах / А. М. Куренной, В. И. Миронов. – М. : Дело, 1997. – 383 с.
7. Трудовое право России : учеб. для вузов / Ж. А. Горбачева [и др.] ; под ред. А. М. Куренного. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Правоведение, 2008. – 541 с.

УДК 349.2(470)

Г. С. Скачкова

*(Частное образовательное учреждение высшего образования
«Юридический институт», Санкт-Петербург)*

ЗАПРЕЩЕНИЕ ДИСКРИМИНАЦИИ В СФЕРЕ ТРУДА КАК ОДИН ИЗ ПРИНЦИПОВ ТРУДОВОГО ПРАВА РОССИИ

Указывая в ст. 3 Трудового кодекса Российской Федерации на то, что «каждый имеет равные возможности для реализации своих трудовых прав», законодатель назвал примерный

перечень обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работников, по которым никто не может быть ограничен в трудовых правах и свободах или получать какие-либо преимущества. Одновременно указано, в каких случаях установление различий, исключений, предпочтений, а также ограничение прав работников не являются дискриминацией.

Согласно ст. 1 Трудового кодекса Российской Федерации (далее - ТК РФ) главной целью трудового законодательства является установление государственных гарантий трудовых прав и свобод граждан [1], базирующееся на основных принципах правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных отношений (ст. 2 ТК РФ).

Запрещение дискриминации в сфере труда является одним из таких принципов, закрепленных в ст. 3 ТК РФ, с учетом положений Конституции РФ о равенстве прав и свобод человека и гражданина (ст. 19). Содержание этого принципа, в основном, соответствует Декларации МОТ об основополагающих принципах и правах в сфере труда (1998), а также ратифицированной РФ Конвенции МОТ № 111 «О дискриминации в области труда и занятий» (1958) и другим международно-правовым документам.

ТК РФ устанавливает в ст. 3 запрет на дискриминацию в зависимости от любых обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работника, на всех этапах действия трудового договора, независимо от вида и срока трудового договора. Приводя перечень ряда обстоятельств запрета на дискриминацию, законодатель подчеркивает, что их перечень является примерным, допуская тем самым возможность наличия и других обстоятельств, но только при обязательном соблюдении ряда условий.

Главным из таких условий, законодательно установленных, является то, чтобы эти обстоятельства не были связаны с деловыми качествами работника. При этом установление различий, исключений, предпочтений, а также ограничений прав работников, возможно только в том случае, если свойственные данному виду труда требования: 1) установлены федеральным законом *либо* 2) обусловлены особой защитой государства о лицах, нуждающихся в повышенной социальной и правовой защите.

Так, согласно ч. 1 ст. 351.1 ТК РФ к трудовой деятельности в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних не допускаются лица, имеющие или имевшие судимость, а равно и подвергавшиеся уголовному преследованию (за исключением лиц, уголовное преследование в отношении которых прекращено по реабилитирующим основаниям) за преступления, указанные в абзацах 3 и 4 ч. 2 ст. 331 ТК РФ, за исключением случаев, предусмотренных ч. 3 настоящей статьи.

Как указал Конституционный Суд РФ в Определении от 26 января 2010 г., такое ограничение, обусловленное спецификой педагогической деятельности, содержание которой составляют обучение и воспитание граждан в соответствии с требованиями морали, общепризнанными ценностями уважения к закону и правам других лиц, направлено на защиту общественных интересов и прав обучающихся и не может рассматриваться как несоразмерное, не согласующееся с предписаниями ст. 55 (ч. 3) Конституции РФ [2].

Ограничение, установленное ст. 351.1 ТК РФ, распространяется не только на лиц, вступающих в непосредственный контакт с несовершеннолетними по роду их профессиональной деятельности, но и на весь персонал организаций, в том числе административно-управленческий, технический и вспомогательный, поскольку они также осуществляют трудовую деятельность в вышеуказанных сферах и имеют возможность контакта с обучающимися детьми.

Работодатель обязан не допускать работника к труду или отстранить от труда в указанных сферах при получении от правоохранительных органов сведений о том, что он подвергается уголовному преследованию или был привлечен к уголовной ответственности за совершение преступления. Работодатель не допускает к работе или отстраняет от работы работника на весь период производства по уголовному делу до его прекращения либо до вступления в силу приговора суда.

В случае приема на работу работника, не предъявившего справку об отсутствии судимости, работодатель может быть привлечен к административной ответственности по ч. 1 ст. 5.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее - КоАП РФ). Наказание может быть назначено в виде предупреждения или административного штрафа на должностных лиц и лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, в размере от 1 000 до 5 000 руб., на юридических лиц – от 30 000 до 50 000 руб.

При этом ТК РФ установлено, что лица из числа указанных в абз. 3 ч. 2 ст. 331 ТК РФ, могут быть допущены к трудовой деятельности в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних при наличии решения комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, созданной высшим исполнительным органом государственной власти субъекта РФ, о допуске их к соответствующему виду деятельности.

Имеются в виду лица, имевшие судимость за совершение преступлений небольшой тяжести и преступлений средней тяжести против жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства личности (за исключением незаконной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, и клеветы), семьи и несовершеннолетних, здоровья населения и общественной нравственности, основ конституционного строя и безопасности государства, мира и безопасности человечества, а также против общественной безопасности, и лица, уголовное преследование в отношении которых по обвинению в совершении этих преступлений прекращено по нереабилитирующим основаниям.

Согласно ст. 25 Закона РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» [4] работодателям в объявлениях о поиске новых работников запрещено ставить ограничения по возрасту, полу и национальности, имущественному и семейному положению, цвету кожи, происхождению и др. характеристикам, не связанным с деловыми качествами соискателей.

Нарушение указанного выше правила влечет наложение административного штрафа: на граждан – от 500 до 1000 руб.; на должностных лиц – от 3000 до 5000 руб.; на юридических лиц – от 10 000 до 15 000 руб., предусмотренного ст. 13.11.1 КоАП РФ.

Лица, считающие, что они подверглись дискриминации в сфере труда, вправе обратиться в суд с заявлением о восстановлении нарушенных прав, возмещении материального вреда и компенсации морального вреда: дискриминация в сфере труда влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от 1 000 до 3 000 руб.; на юридических лиц – от 50 000 до 100 000 руб. (ст. 5.62 КоАП РФ).

Таким образом, приведенные примеры показывают реальное осуществление в России на практике норм ТК РФ о запрете дискриминации в сфере труда.

Список использованной литературы

1. Тенденции и новации в регулировании трудовых отношений в современных экономических условиях: Монография / Под ред. А.В. Буяновой, М.О. Буяновой – М.: Прометей, 2023. – 302 с.

2. См.: Определение Конституционного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 127-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лазарева Сергея Федоровича на нарушение его конституционных прав положением части второй статьи 331 Трудового кодекса Российской Федерации» // Документ официально опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».

3. См.: постановление Правительства РФ от 16 апреля 2011 г. № 285 «Об утверждении перечня видов предпринимательской деятельности в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних, при осуществлении которых физическим лицом, регистрируемым в качестве индивидуального предпринимателя, представляется справка в регистрирующий орган о наличии (об отсутствии) судимости и (или) факта уголовного преследования либо прекращении уголовного преследования по реабилитирующим основаниям» (СЗ РФ. 2011. № 17. Ст. 2418).

4. О занятости населения в Российской Федерации: Закон РФ, 19 апреля 1991 г. № 1032-1. СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1915.

УДК 349.2

К. С. Тишкович

(Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск)

ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫЕ КАТЕГОРИИ В СПОРАХ, ВЫТЕКАЮЩИХ ИЗ ТРУДОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К ТОЛКОВАНИЮ

В настоящей статье исследована проблема укрепления междисциплинарных связей экономики и права в правоприменительной практике. На примере применения терминов «экономическая обоснованность», «экономическая эффективность» и «экономическая целесообразность» в судебных решениях, касающихся трудовых правоотношений, обосновывается необходимость использования комплексного, интегративного подхода к применению и толкованию норм трудового права. Предлагается с целью обеспечения баланса интересов сторон трудовых правоотношений и одновременного соблюдения принципа свободы экономической деятельности и обеспечения защиты трудовых прав граждан определение четких границ использования указанных экономических категорий.

Существование взаимосвязи экономики и права вряд ли нуждается в доказывании даже при наличии различных подходов к интерпретации их взаимного влияния. Экономика и трудовое право, более того, фактически обладают общим предметом ведения, однако и до настоящего времени отдельные аспекты соотношения этих наук – предмет научной дискуссии. В некоторых исследованиях радикально настроенных экономистов прослеживается тенденция грубого отрицания аксиологических основ трудового права, убежденность в том, что право призвано обслуживать интересы экономики, а политика гарантированности трудовых прав представляет собой угрозу развития экономики [1]. Что же касается правоведов, то кажется настолько же некорректным и грубое разделение диффузно связанных между собой явлений и понятий экономико-правового характера, и бесконтрольное употребление экономической терминологии, игнорирующее основы экономической теории. К некоторым понятиям, являющимся по существу экономическими категориями, многократно обращаются правоприменители в том числе в процессе толкования норм трудового права. Между тем, гибридная экономическая и юридическая их природа требует применения к толкованию, осуществляемому судом, междисциплинарного подхода.

Примерами таких категорий являются в том числе «экономическая эффективность», «экономическая обоснованность» и «экономическая целесообразность», часто встречающиеся в мотивировочной части судебных решений.

Прежде всего, необходимо заметить, что в постановлениях судов эти понятия используются то как синонимичные, то перечисляются в одном ряду, что, вероятно, предполагает, что эти понятия различны. Сфера их применения в контексте трудовых отно-

шений тоже довольно широка. Так, о целесообразности принятия на работу суды рассуждают и в трудовых спорах с работником, например, в спорах об оплате труда, и с фондом социального страхования по поводу назначения социальных пособий. Экономическая целесообразность обсуждается в спорах с налоговыми органами, и в делах, связанных с изменением условий труда, и в делах о банкротстве. В последнем случае обсуждается как целесообразность заключения трудовых договоров, так и целесообразность повышения оплаты труда. Любопытно, что, оценивая действия как целесообразные и обоснованные, суды редко прибегают к разъяснениям мотивов принятых решений и примененного толкования, ограничиваясь упоминанием оценочной формулировки «был экономически целесообразен» или «целесообразность отсутствовала» (См., например, Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 04.05.2022 № 08АП-2513/2022 по делу № А75-23174/2019 или Определение Верховного Суда РФ от 06.05.2022 № 308-ЭС22-5746 по делу № А32-1805/2018). Вместе с тем, все перечисленные категории, имеют свое содержание. Если речь идет об оценке эффективности, то о какой эффективности идет речь: коммерческой эффективности, экономической эффективности или совокупной. Понятие экономической эффективности также совершенно различно представлено разными экономическими школами или в разные исторические периоды. Например, для неоклассиков эффективность – это способность достигать экономического эффекта в процессе производства, а для институционалистов – «возможность организации защитить себя от воздействия отрицательных факторов и достичь поставленных целей» [2, с. 45]. Некоторые примеры нормативного определения критериев оценки экономической эффективности можно найти в отдельных подзаконных актах, утверждающих методические рекомендации отраслевого характера, как правило касающихся государственных корпораций. Наиболее обобщенными представляются Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов [3]. Однако и этот акт также узко направлен на задачи отбора инвестиционных проектов, критерии которого вряд ли могут быть признаны достаточно универсальными для использования в спорах, так или иначе касающихся трудовых правоотношений, примеры которых приводились выше.

Е. Б. Тютюкина и В. Б. Гисин, определяют в качестве существенных признаков целесообразности как достижения экономической цели участников экономических отношений: полезность, разумность, уместность, рациональность, соответствие. А критериями экономической целесообразности в зависимости от сферы их реализации являются: общественная, социальная, бюджетная, экологическая, экономическая, коммерческая, финансовая и народнохозяйственная направленность [4, с. 148]. Такой подход к определению целесообразности, хотя и содержит оценочные категории, но основан на конкретных и даже измеримых экономических показателях (например, направленность на увеличение объемов производства, направленность на решение социальных вопросов и т.п.), является достаточно прозрачным и потому в большей степени отвечает принципу справедливости чем пространная формулировка о наличии/отсутствии целесообразности.

Пожалуй, значительно более определенным с точки зрения судебной практики является понятие экономической обоснованности, исследованное и Пленумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, определившим обоснованность через обстоятельства, свидетельствующие о намерениях налогоплательщика получить экономический эффект в результате реальной предпринимательской или иной экономической деятельности [5], и Конституционным Судом РФ, обозначившим необходимость объективной связи между понесенными расходами и направленностью на получение прибыли субъектом предпринимательской деятельности [6]. Оба приведенных акта толкования раскрывают правовую позицию именно относительно обоснованности затрат и предоставляют ключевую роль в оценке цели, намерению, а не результату.

Вместе с тем, приведенные выше экономические термины в судебной практике используются несколько хаотично, без всякого соотнесения их содержания друг с дру-

гом. В актах одних и тех же органов упоминаются как взаимозаменяемые и как различные понятия. Более того, множатся и производные термины, например, «целесообразность кадровых решений», или «кадровые решения для повышения эффективности работы предприятия», и даже «кадрово-экономическая целесообразность принятия на работу». Ни правовое, ни экономическое содержание этих терминов не разъясняется.

Не вносят ясности и весьма определенные запреты Конституционного Суда РФ на оценку эффективности и целесообразности предпринимательской деятельности. Так, в упомянутом выше определении отмечается, что принцип свободы экономической деятельности предполагает самостоятельную и единоличную оценку эффективности и целесообразности предпринимательской деятельности. В Постановлении от 24.02.2004 № 3-П отметил, что «судебный контроль призван обеспечивать защиту прав и свобод акционеров, а не проверять экономическую целесообразность решений, принимаемых советом директоров и общим собранием акционеров, которые обладают самостоятельностью и широкой дискрецией при принятии решений в сфере бизнеса. В силу рискованного характера предпринимательской деятельности существуют объективные пределы в возможностях судов выявлять наличие в ней деловых просчетов» [7]. Схожие разъяснения можно встретить и в актах Верховного Суда РФ, и ранее в актах Высшего Арбитражного Суда РФ. Относительно кадровых решений о сокращении численности и штата работников неукоснительно действует аналогичное правило невмешательства, а упоминание термина целесообразность в этих делах встречается в абсолютном большинстве случаев в формулировке «суд не вправе обсуждать вопрос о целесообразности сокращения штатов».

Вместе с тем, как несистемное использование экономической терминологии без четкого и ясного определения пределов, необходимости и допустимости такого использования, а также прозрачности процесса толкования, так и безусловный запрет на всякое упоминание вышеуказанных терминов и судебную оценку хозяйственной деятельности, кажется неоправданным.

О. О. Зорина, не отрицая права работодателя на «кадровую самостоятельность», замечает, что принятие кадровых решений «не должно нарушать принципов правового регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений» [8]. В случае признания договоров или отдельных его условий недействительными суды исходят из недопустимости заключения соглашений с целью причинения вреда имущественным правам кредиторов, в интересах заинтересованного лица, отступая от общего правила недопустимости признания трудовых договоров недействительными, не предусмотренного законодателем в силу специфики предмета и метода регулирования трудовых отношений, и дают оценку эффективности, целесообразности и обоснованности с целью не допустить злоупотребительного поведения и причинения вреда правам и законным интересам заинтересованных лиц. Представляется возможным рассмотреть возможность использования аналогичного подхода и при сокращении численности и штата работников, и в иных случаях, в которых суды вынуждены ограничиваться установлением действительности факта и избегать всякого прямого или косвенного упоминания об экономических причинах принятых кадровых решений.

Однако с целью недопустимости нарушения конституционного принципа свободы экономической деятельности следовало бы установить экономико-правовые пределы такой оценки. Решение видится в применении отраслевого правила толкования, в соответствии с которым в правоприменительном процессе следует основывать толкование на междисциплинарной связи трудового права с иными науками, исключая содержащиеся и терминологические противоречия, сущностно искажающие правоотношения, являющиеся предметом рассмотрения. В связи с чем применительно к рассмотренной ситуации, следовало бы сделать исключение для оценки судом эффективности, целесообразности экономической деятельности и обоснованности решений в случае действительных угроз правам и законным интересам работников, балансу интересов сторон трудовых отношений. Пределы дискреции организации могут быть обусловлены и иными критериями, например, критери-

ями «обоснованности, объективности, законности, недискриминации, стабильности, предоставления необходимого уровня гарантий и адекватных средств правовой защиты сокращаемым (высвобождаемым) сотрудникам» [8]. Однако принципиально важным является и установление требования о ясности и прозрачности осуществляемого толкования, применения обоснованных критериев оценки обстоятельств экономического, а также терминологической определенности непротиворечивости и единообразия.

Список использованной литературы

1. Гринспен А., Вулдридж А. Капитализм в Америке: История. М.: Альпина Паблишер, 2020. 560 с.

2. Шишелов М.А. Ретроспективный анализ сущности и эволюции категории «экономическая эффективность» // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2015. – №1. – С. 40–49.

3. Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов [Электронный ресурс]: утв. Минэкономки РФ, Минфином РФ, Госстроем РФ 21.06.1999 № ВК 477 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс».

4. Тютюкина Е.Б., Гисин В.Б. Оценка экономической целесообразности инвестиционных проектов: методологический подход // Инновационное развитие экономики. – 2019. – № 6(54). – С. 146–155.

5. Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды : постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12.10.2006 № 53 // Вестник ВАС РФ, № 12, декабрь, 2006.

6. По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности абзацев второго и третьего пункта 1 статьи 252 Налогового кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 04.06.2007 № 320-О-П // Вестник Конституционного Суда РФ, № 6, 2007.

7. По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах», регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании «Кадет Истеблишмент» и запросом Октябрьского районного суда города Пензы : постановление Конституционного Суда РФ от 24.02.2004 № 3-П // Вестник Конституционного Суда РФ, № 2, 2004.

8. О разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 (Вместе с "Особым мнением судьи Нешатаевой Т.Н.") : консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 12.09.2017 по делу N CE-2-2/1-17-БК // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс».

УДК 349.2(575.1):349.2(575.2):349.2(476):349.2(574):349.2(470)

К. Л. Томашевский

(Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, Казань)

НОВОЕ В РЕГУЛИРОВАНИИ ДИСТАНЦИОННОЙ РАБОТЫ В УЗБЕКИСТАНЕ, КЫРГЫЗСТАНЕ И БЕЛАРУСИ: СРАВНЕНИЕ С ОПЫТОМ КАЗАХСТАНА И РОССИИ

В статье анализируются нововведения, внесенные в ТК Узбекистана, ТК Кыргызстана и ТК Беларуси в 2022 – 2023 гг. в части регламентации особенностей дистанционной работы.

Проводится сравнение с ТК Казахстана и ТК России. По итогу сравнения автором высказаны выводы относительно сильных и слабых мест новых норм трудового права. Намечены направления дальнейшей гармонизации норм о дистанционной работе.

Трудовой кодекс Республики Узбекистан от 28.10.2022, вступивший в силу с 30.04.2023 (далее – ТК Узбекистана), в §3 гл.26 урегулировал особенности правового регулирования труда дистанционных работников. Законом Кыргызской Республики от 23.12.2022 № 123 «О внесении изменений в Трудовой кодекс Кыргызской Республики» Трудовой кодекс Кыргызской Республики (далее – ТК Кыргызстана) дополнен новой главой 32¹ «Особенности регулирования труда работников, выполняющих дистанционную работу». Законом Республики Беларусь «Об изменении законов по вопросам трудовых отношений» от 29.06.2023 № 273-З, вступающим в силу с 01.01.2024, внесены значительные изменения в гл. 25¹ Трудового кодекса Республики Беларуси (далее – ТК Беларуси), регулиющую особенности трудовых отношений с дистанционными работниками.

Цель статьи – провести сравнительный анализ новых норм ТК Узбекистана, ТК Кыргызстана и ТК Беларуси, принятых в 2022 – 2023 гг., с нормами трудовых кодексов (далее – ТК) РФ и Казахстана. Это представляет особый интерес в аспекте планируемого вступления Беларуси в 2024 г. в полноправные члены Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), в которой уже состоят Казахстан, Кыргызстан, Россия и Узбекистан.

Понятие и общие правила о дистанционной работе

Легальное определение дистанционной работы закреплено в ч. 1 ст. 452 ТК Узбекистана: дистанционной работой является выполнение определенной трудовым договором трудовой функции вне места нахождения работодателя, обособленного подразделения организации (включая расположенные в другой местности), вне стационарного рабочего места, территории или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя, при условии использования для выполнения данной трудовой функции и для осуществления взаимодействия между работодателем и работником по вопросам, связанным с ее выполнением, информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе всемирной информационной сети Интернет. В данной дефиниции почти дословно воспринято определение дистанционной (удаленной) работы, закрепленное в ч. 1 ст. 312¹ ТК РФ. Заметим, что определения дистанционной работы в ч. 1 ст. 307¹ ТК Беларуси, ч. 1 ст. 360¹ ТК Кыргызстана и п. 55-2 ст. 1 ТК Казахстана более лаконичны. Отличия между последними касаются в основном терминологии (в Беларуси – наниматель, в Казахстане и Кыргызстане – работодатель) и добавления в ТК Казахстана еще «принимающей стороны и их объектов».

Во всех пяти сравниваемых кодексах предусмотрена норма о том, что на дистанционных работников распространяется действие трудового законодательства и иных правовых актов о труде с учетом особенностей, установленных соответствующей главой или параграфом.

Причем работа в дистанционном режиме согласно ч. 3 ст. 452 ТК Узбекистана может быть установлена: 1) при приеме работника на работу; 2) в процессе работы в случае перехода работника с обычного режима работы на дистанционный режим. Схожее правило закреплено в ч. 3 ст. 307¹ ТК Беларуси.

На наш взгляд, термин «дистанционный режим», использованный в ТК Узбекистана, представляется не вполне корректным, так как он ведет к смешению его с режимами рабочего времени. К слову, ТК Беларуси, Казахстана и РФ такое словосочетание не используют.

В соответствии с ч. 4 ст. 452 ТК Узбекистана переход работника с обычного режима работы на дистанционный режим работы при продолжении работы по прежней трудовой функции является изменением условий труда. Схожий подход использован в ст. 32 ТК Беларуси, в которую Законом Республики Беларусь от 29.06.2023 №273-З в перечень изменений существенных условий труда включено «установление или отмена дистанционной работы». Обратим внимание на уточнение в ТК Узбекистана, что переход работника с обычного режима работы на дистанционный режим, если при этом изменяется трудовая функция работника, является переводом на другую работу.

Виды дистанционной работы

Подобно предшествующему опыту России (2020 г.) и Казахстана (2021 г.), законодатели Узбекистана (2022 г.) и Беларуси (2023 г.) с разницей в полгода ввели в ТК три вида дистанционной работы: постоянную, временную и комбинированную. ТК Кыргызстана эти виды дистанционной работы не выделяет, хотя и допускает в ст. 360⁵ временный перевод работников на такую работу.

Воспроизведем наиболее важные нормы права, определяющие эти три вида дистанционной работы в ТК Узбекистана.

Постоянной дистанционной работой является работа лиц, заключивших с работодателем: трудовой договор на неопределенный срок или срочный трудовой договор о дистанционной работе в течение всего времени выполнения работы, обусловленной трудовым договором; дополнительное соглашение к трудовому договору, содержащее условие о работе вне стационарного рабочего места, находящегося под контролем работодателя, на постоянной основе.

Временной дистанционной работой является режим работы, предусматривающий временное выполнение работником с его согласия трудовой функции вне стационарного рабочего места, находящегося под контролем работодателя. При временной дистанционной работе по соглашению сторон трудового договора должен быть обусловлен срок работы в дистанционном режиме (ч. 1 и 2 ст. 453 ТК Узбекистана).

Комбинированный режим дистанционной работы включает в себя работу на стационарном рабочем месте и дистанционную работу. Периоды работы на стационарном рабочем месте и дистанционной работы, а также порядок их чередования определяются по соглашению сторон трудового договора. По соглашению между работником и работодателем для работника может быть установлена постоянная или временная дистанционная работа в комбинированном режиме (ст. 455 ТК Узбекистана).

Для сравнения: согласно ч. 2 ст. 307¹ ТК Беларуси (в редакции Закона от 29.06.2023) дистанционная работа может выполняться постоянно, временно (непрерывно в течение определенного срока, не превышающего шести месяцев в течение календарного года) или быть комбинированной (выполняться постоянно или временно с чередованием в течение рабочего времени дистанционной работы и работы по месту нахождения нанимателя). Как видим, в отличие от России и Беларуси в ТК Узбекистана не установлен максимальный срок для временной дистанционной работы в шесть месяцев. Получается, что по усмотрению сторон в Узбекистане он может быть любым. Вместе с тем, предельный срок временного перехода на дистанционную работу в ТК Узбекистана закреплён: он не должен превышать одного года (ч. 4 ст. 453).

Временном переход работника на дистанционную работу по инициативе работодателя

Нормы ст. 454 ТК Узбекистана о временном переходе или переводе работника на дистанционную работу по инициативе работодателя отличаются спецификой в сравнении со странами ЕАЭС.

Во-первых, сам термин «временный переход», который использован узбекским законодателем, пускай и в связке в «переводом» представляется более удачным, чем «временный перевод» как в ст. 312⁹ ТК РФ. Категория «перевод» в трудовом праве имеет несколько иное значение в подинституте изменения трудового договора и связан с изменением трудовой функции, работодателя или поручением работы в другой местности, а при переходе со стационарного рабочего места на удаленное, ни одно из этих условий, как правило не меняется, что ведет к терминологической путанице на практике. На эту терминологическую нестыковку ранее обращала внимание Е.Н. Еремина [1, с.10]. В этой связи предпочтительнее в законодательстве в данном контексте отказаться от термина «перевод» в пользу категории «переход» или как предусмотрено в ч. 2 ст. 32 ТК Беларуси «установление или отмена дистанционной работы».

Во-вторых, в ч. 2 ст. 454 ТК Узбекистана перечислены меры, которые может принять работодатель в чрезвычайных или иных исключительных случаях, требующих установления дистанционной работы, когда он не может обеспечить работника необходимыми для выполнения им трудовой функции дистанционно оборудованием, программно-техническими средствами, средствами защиты информации и иными средствами.

В-третьих, по логике ст. 454 ТК Узбекистана такой временный перевод возможен по инициативе работодателя без согласия работника. Схожий подход был ранее апробирован в ч. 2 ст. 312⁹ ТК РФ и ч. 3 ст. 138 ТК Казахстана.

Согласно ст. 360⁵ ТК Кыргызстана временный перевод работника на дистанционную работу по инициативе работодателя производится в исключительных случаях. В период введения чрезвычайного или военного положения, объявления чрезвычайной ситуации либо при введении иных ограничительных мероприятий, работник может быть временно переведен по инициативе работодателя на дистанционную работу до отмены вышеуказанных случаев.

Для сравнения: в ТК Беларуси предусмотрено соблюдение нанимателем процедуры изменения существенных условий труда, то есть предупреждение работника не менее чем за один месяц с обоснованием производственными, организационными или экономическими причинами (в случае, когда такой переход обусловлен сложной эпидемиологической ситуацией, срок предупреждения снижен абз. 2 п. 14 Указа Президента Республики Беларусь от 24.04.2020 № 143 (ред. от 13.06.2023) «О поддержке экономики» до 1 календарного дня).

Трудовой договор о дистанционной работе

Данные отношения урегулированы в ст. 456 ТК Узбекистана, причем несколько гибче, чем в ст. 307² ТК Беларуси. Так, согласно ч. 1 ст. 307² ТК Беларуси заключение трудового договора с работником, выполняющим дистанционную работу, допускается только при личном присутствии такого работника. Ранее о негибкости такого подхода, усложняющего взаимодействие работника и нанимателя в электронной форме писали мы и Е.В. Мотина [2; 3, с. 28]. Ст. 456 ТК Узбекистана учла правила ст. 312² и ст. 312³ ТК РФ о допустимости заключения трудового договора о дистанционной работе и соглашения об изменении определенных сторонами условий трудового договора о дистанционной работе как в общем порядке либо путем обмена электронными документами. В ст. 360² ТК Кыргызстана допустимы те же два способа, но в иной формулировке: при личном присутствии самого работника, так и в форме электронного трудового договора.

При этом в качестве места заключения трудового договора о дистанционной работе как в Кыргызстане, так и в Узбекистане указывается место нахождения работодателя.

В ст. 456 ТК Узбекистана (более детализировано в сравнении с ч. 3 ст. 307² ТК Беларуси) предусмотрены 13 условий, которые дополнительно включаются в содержание трудового договора с дистанционным работником.

Вызывает сомнение продуманность нормы ч. 6 ст. 456 ТК Узбекистана о том, что в трудовом договоре с дистанционным работником могут предусматриваться дополнительные основания прекращения трудового договора. Полагаем, что столь либеральный подход к расширению оснований прекращения трудового договора с дистанционным работником в самом договоре может повлечь на практике злоупотребления со стороны работодателей по необоснованному навязыванию работникам любых оснований расторжения трудового договора, существенно снижающих защитную функцию трудового права. Первоначально в 2013 г. подобный подход был использован в ТК РФ, но позднее российский законодатель обоснованно от него отказался. О том, что такая практика индивидуально-договорного расширения оснований расторжения трудового договора может на практике приводить к дискриминации дистанционных работников писали Н. Л. Лютов [4] и С.В. Шуралева [5, с. 42–43].

Обратим внимание еще на одну норму в ст. 456 ТК Узбекистана, аналогов которых нет ни в одной из сравниваемых стран ЕАЭС: работник считается дистанционным, если не менее 50% его рабочего времени приходится на дистанционную работу.

Рассмотренными особенностями не исчерпываются все нововведения в ТК Кыргызстана, Узбекистана и Беларуси, внесенные в 2022 – 2023 гг. (применительно к Беларуси они были нами подробнее проанализированы [6]), но учитывая ограниченный объем статьи, перейдем к **кратким выводам**:

1. На примере последних нововведений в законодательстве о труде Беларуси, Кыргызстана и Узбекистана наблюдается общая тенденция к гармонизации специальных норм трудового права, устанавливающих особенности регулирования труда с дистанционными работниками в странах ЕАЭС и ШОС.

2. Из пяти сравниваемых кодексов наиболее детализированные специальные правила о дистанционной работе предусмотрены в ТК РФ и ТК Узбекистана, более лаконично эти особенности урегулированы в ТК Беларуси, ТК Казахстана и ТК Кыргызстана.

3. Четыре из пяти кодексов (кроме Кыргызстана) с учетом предшествующего опыта в период Covid-19 предусмотрели три вида дистанционной работы (постоянная, временная и комбинированная). Заметим, что согласно ст. 360⁵ ТК Кыргызстана есть возможность временного установления дистанционной работы по инициативе работодателя в исключительных случаях.

4. В отдельных вопросах (допустимость оформления трудового договора как в обычной письменной форме, так и в виде электронного документа) законодатели Кыргызстана и Узбекистана поступили дальновиднее белорусского законодателя, в других вопросах (к примеру, в части необоснованного расширения индивидуально-договорного установления дополнительных оснований прекращения трудового договора) в ТК Узбекистана обнаружена ошибка, ранее допущенная и преодоленная в России. Законодатели Беларуси и Кыргызстана, в отличие от российского законодателя, не стали вводить дополнительных оснований прекращения трудового договора с дистанционными работниками.

Список использованной литературы

1. Еремина, С.Н. Удаленная работа в условиях распространения COVID-19 / С. Н. Еремина // Трудовое право в России и за рубежом. – 2020. – №3. – С.8–11.

2. Томашевский, К.Л. Дистанционная (удаленная) работа в трудовом законодательстве стран ЕАЭС в период пандемии / К.Л. Томашевский // Трудовое право в России и за рубежом. – 2021. – №2. – С.30–32.

3. Мотина, Е.В. Модель главы о дистанционной работе в Трудовом кодексе Республики Беларусь: содержание и структура / Е.В. Мотина // Трудовое и социальное право. – 2021. – №4 (40). – С. 24–29.

4. Лютов, Н.Л. Дистанционный труд: опыт Европейского Союза и проблемы правового регулирования в России / Н.Л. Лютов // Lex Russica. – 2018. – № 10. – С. 30–39.

5. Шуралева, С. В. Дистанционная работа: сравнительный анализ законодательства государств — участников ЕАЭС / С.В. Шуралева // Трудовое право в России и за рубежом. – 2019. – №4. – С. 41–44.

6. Томашевский, К. Л. Нововведения в правовом регулировании дистанционной работы / К.Л. Томашевский // Отдел кадров. – 2023. – № 10. – С.69–75.

Е. В. Чичина

*(Национальный центр законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь, Минск)*

ВЫЯВЛЕНИЕ ПОТРЕБНОСТЕЙ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАНЯТОСТИ В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ОТРАСЛИ БЕЛОРУССКОЙ ЭКОНОМИКИ В КОНТЕКСТЕ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

В статье автор, опираясь на принципы нормотворческой деятельности и поставленные цели устойчивого развития, предпринял попытку вывить объективные социально-экономические детерминанты, которые будут определять перспективные направления правового обеспечения занятости в сельскохозяйственной отрасли белорусской экономики.

Согласно Закону Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» к основным принципам нормотворческой деятельности относится принцип социально-экономической обусловленности (п. 1 ст. 6), соблюдение которого обеспечивается соответствием принимаемых (издаваемых) нормативных правовых актов социально-экономическим потребностям и возможностям общества и государства, а также целям устойчивого развития, содержащимся в международно-правовых актах и правовых актах программного характера (п. 8 ст. 6).

Итак, проектирование нормативных правовых актов должно строиться с учетом объективных социально-экономических потребностей и в контексте целей устойчивого развития, содержащимся в международно-правовых актах и правовых актах программного характера.

В сентябре 2015 г. ООН были определены и приняты 17 Целей устойчивого развития (далее – ЦУР). Государства-члены ООН, включая и Республику Беларусь, одобрили Повестку дня в области устойчивого развития до 2030 года и обязались предпринимать все необходимые действия для достижения обозначенных в ней ЦУР.

Как отмечается в Национальном докладе Республики Беларусь «Об осуществлении повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» (далее – Национальный доклад) Беларусь уже предприняла ряд важных шагов для практической реализации данной повестки на национальном уровне. В 2020 году была разработана Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 г. (протокол заседания Президиума Совета Министров Республики Беларусь от 4 февраля 2020 г. № 3). Применительно к проблемам занятости в сельскохозяйственной отрасли белорусской экономики, которые являются объектом настоящего исследования, обращают на себя внимание некоторые стратегические направления, обозначенные в данном концептуально-программном документе. В частности, в нем отмечается, что: (1) развитие технологических инноваций будет сопровождаться переформатированием рынка труда, исчезновением одних видов деятельности и появлением других, но с гораздо меньшим количеством занятых; (2) роботизация производства и интеллектуализация труда приведут к высвобождению работников массовых профессий и росту безработицы, уровень которой может возрасти в разы... В этих условиях актуализируется вопрос принятия превентивных мер по обеспечению занятости населения; (3) роль государства в сфере занятости – обеспечить каждому человеку равные возможности для жизнедеятельности и развития своего потенциала; необходимы новые эффективные модели занятости, включая развитие семейного бизнеса и самозанятости населения, при которых наиболее полно будут проявляться такие качества граждан, как предприимчивость, креативность, новаторство, деловая активность.

Сформулированные на национальном уровне общетраслевые стратегические положения прямо коррелируют с несколькими (даже не одной) ЦУР (Цель 8 «Содействие

поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех», Цель 1 «Повсеместная ликвидация нищеты во всех ее формах»).

Итак, ЦУР находят свое отражение в национальных правовых актах программного характера и обеспечивают социально-экономическую обусловленность основанного на них правового регулирования.

Анализ программных основ начнем с Государственной программы «Рынок труда и содействие занятости» на 2021–2025 годы, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 декабря 2020 г. № 777, в которой отмечается, что по расчетам экспертов в 2021–2025 годах ситуация на рынке труда будет формироваться в условиях дальнейшего перераспределения рабочей силы между отраслями экономики. Динамика отраслевой структуры занятости будет характеризоваться *сокращением численности работников в промышленности и сельском хозяйстве*. Данные тенденции во многом обусловлены модернизацией производства и внедрением ресурсосберегающих технологий, ростом производительности труда и сокращением избыточной занятости. *Более высокие темпы сокращения уровня занятости в сельском хозяйстве будут связаны с сокращением численности трудоспособного населения в сельской местности*.

Действительно, согласно статистическим данным [1], имеет место снижение сельского населения в целом и трудоспособного сельского населения – в частности. Если в 2017 г. численность сельского населения составляла 891 тыс. человек, то на конец 2021 года она составила уже 813 тыс. человек.

Для анализа важно учитывать и еще одну социально-экономическую тенденцию, сформировавшуюся в сфере сельского хозяйства. Как наблюдают экономисты, в сельскохозяйственных организациях республики наибольшими темпами сокращается численность работников в возрасте до 30 лет. За последние 10 лет она сократилась в 2 раза и составила 36 тыс. чел., или 13 % от общей численности. В основном это квалифицированные работники и молодежь, интенсивность миграции которых из села является настораживающе высокой, так как это приводит к потере наиболее эффективной части трудовых ресурсов [2, с. 175].

Сельскохозяйственная отрасль занимает особое место в национальной экономике страны, что обусловлено значением производства сельскохозяйственной продукции и продовольствия в деле устойчивого развития страны и общества. В отношении экономической значимости категории занятости в данной сфере дополнительно укажем, что по экспертным оценкам один работник, занятый в сельском хозяйстве, обеспечивает занятость 6–7 человек в других сферах экономики [2, с. 83].

Основные задачи государственной политики Беларуси в сельскохозяйственной сфере сопряжены и направлены на достижение Цели 2 «Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания, содействие устойчивому развитию сельского хозяйства». Данной цели на национальном уровне коррелирует Государственная программа «Аграрный бизнес» на 2021–2025 годы, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 1 февраля 2021 г. № 59.

При этом важно понимать, что Государственная программа «Аграрный бизнес» на 2021–2025 годы уделяет внимание вопросам не столько прямого развития занятости в сельской местности, сколько развитию села как места проживания населения и сферы приложения их труда. В данной программе содержатся лишь единичные положения, напрямую связанные с занятостью. Например, в рамках реализации подпрограммы 9 «Обеспечение общих условий функционирования агропромышленного комплекса» Государственной программой предусмотрены доплаты к заработной плате руководителям и специалистам с высшим и средним специальным образованием, отработавшим в *организациях агропромышленного комплекса* два года по распределению (перераспределению), направлению (последующему направлению) на работу учреждений образования и продолжающим работать в названных организациях на условиях заключенных контрактов в течение последующих

трех лет. Это мероприятие направлено на поддержание более высокого уровня заработной платы молодых специалистов и передовиков производства; закреплению квалифицированных кадров на селе. На выплаты молодым специалистам запланировано финансирование из средств республиканского бюджета в объеме 18 385 703,56 руб. Действительно, решение задач повышения эффективности и роста сельскохозяйственного производства во многом зависит от того, насколько аграрная сфера обеспечена кадрами и в первую очередь – молодыми квалифицированными работниками, которые способны вести производство на современной научно-технологической и организационно-экономической основе.

Однако, на наш взгляд, недостатком данной программы является игнорирование потребностей малых сельхозпроизводителей на селе – крестьянских (фермерских) хозяйств, которые также испытывают дефицит квалифицированных работников. Вопросы кадровой обеспеченности крупных сельхозпроизводителей в настоящее время решаются через системы заказа на подготовку кадров, целевой подготовки и распределения. Субъекты малых форм хозяйствования на земле, например, крестьянские (фермерские) хозяйства, по целому ряду причин не могут в полной мере пользоваться предлагаемыми законодательством формами обеспечения кадрами для собственных нужд.

Здесь хотелось бы привести актуальную и сравнимую зарубежную практику. Так, например, государственной программой Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» на 2020–2025 годы, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 31 мая 2019 г. № 696 предусматривается субсидирование затрат сельхозпроизводителей *по ученическим договорам и договорам о целевом обучении*. В качестве «адресатов» такой субсидии в Российской Федерации прямо указываются: индивидуальные предприниматели, крестьянско-фермерские хозяйства, организации-сельхозтоваропроизводители.

Проблема кадровой обеспеченности субъектов хозяйствования, будь то крупные производители или малые субъекты аграрного бизнеса, является в настоящее время, пожалуй, самой острой (из числа социальных).

С одной стороны, государством предпринимаются системные меры для кадрового обеспечения такой стратегически значимой для республики отрасли. Ежегодный прием на обучение в учреждения высшего образования по сельскохозяйственным специальностям за счет бюджетных средств составляет 3051 человек, в том числе 2321 человек на дневную форму обучения, в средние специальные учреждения образования соответственно – 4500 и 3700 человек. Важное место в системе подготовки специалистов сельскохозяйственного профиля занимает заочная форма обучения в вузах, которая позволяет всесторонне повысить профессиональный уровень работающих на производстве по соответствующим специальностям. Подготовка специалистов без отрыва от производства осуществляется по 17 специальностям [2, с. 179].

С другой стороны, фактическая закрепляемость кадров на местах составляет не более 50 % и оставляет желать лучшего. В большинстве административных районов республики отмечается дефицит специалистов по наиболее востребованным специальностям сельскохозяйственного профиля, особенно зооветеринарного, несмотря на то что в последние годы в сельскохозяйственные организации направлено достаточное количество молодых специалистов [2, с. 184–185].

Кадровая проблема в сфере сельского хозяйства имеет не только количественное, но и качественное измерение. Как отмечается, «в настоящее время система образования и профессиональной подготовки кадров недостаточно гибко реагирует на изменение требований рынка труда. Структура, объемы и профили подготовки кадров не всегда удовлетворяют требования работодателей» [2, с. 185].

В целом, следует признать, что в отрасли сформирована отлаженная система непрерывного профессионального образования и обучения. При этом реальная востребованность данной системы прямо коррелирует с финансовыми возможностями нанимателей в сфере АПК.

МОТ в своем докладе «Развитие людских ресурсов и подготовка кадров» предлагает проект одноименной Рекомендации МОТ, в котором развивается генеральная идея о том, что «реализация концепции непрерывного обучения должна осуществляться на основе четкой приверженности: правительств – инвестировать средства в развитие образования и подготовки кадров на всех уровнях; предприятий – обеспечивать подготовку своих наемных работников; а отдельных граждан – развивать свои способности и карьеру» [3].

В отношении крупных сельхозпроизводителей «драйвером» в вопросах повышения качества самих профессиональных квалификаций, заботы о профессиональной развитии работников отрасли может стать социальное партнерство.

В настоящее время в Республике Беларусь заключено Генеральное соглашение между Правительством Республики Беларусь, республиканскими объединениями нанимателей и профсоюзов на 2019–2021 годы. В действующем Генеральном соглашении закрепляется ряд согласованных позиций его Сторон по отдельным вопросам профессионального обучения (образования). Так, согласно п. 37 Генерального соглашения стороны обязались: (1) принимать меры по вовлечению в экономическую деятельность незанятого населения; (2) проводить стимулирование нанимателей, развивающих собственную учебную базу, создающих для работников условия для получения профильного профессионального образования; (3) развивать в организациях систему непрерывного профессионального обучения (в том числе внутрипроизводственного обучения), профессиональной подготовки и переподготовки кадров с учетом приоритетов развития экономики; (4) содействовать развитию системы профессионального образования и обучения, а также обеспечению соответствия трудовых ресурсов потребностям экономики путем развития опережающего профессионального обучения.

Более конкретно аспекты профессионального обучения должны находить свое развитие в отраслевых (тарифных), местных соглашениях, а также непосредственно в коллективных договорах, заключаемых в рамках конкретной организации.

В настоящее время в сельскохозяйственной отрасли заключено и действует тарифное соглашение между Министерством сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь, Белорусским профессиональным союзом работников агропромышленного комплекса и Республиканским агропромышленным союзом «БелАПС» на 2019–2021 годы. В тексте данного тарифного соглашения обнаруживаются лишь единичные и крайне обобщенные положения относительно вопросов развития профессиональных и (или) ключевых компетенций работников сельскохозяйственной отрасли. Так, стороны указанного тарифного соглашения зафиксировали свою готовность совместными действиями: (1) совершенствовать систему подготовки и переподготовки кадров с учетом потребностей рынка труда с целью перераспределения высвобождаемых работников в другие виды деятельности и сферу услуг (п. 25.7); (2) сотрудничать с местными исполнительными и распорядительными органами по созданию дополнительных рабочих мест для работников, высвобождаемых в связи с реорганизацией субъектов хозяйствования агропромышленного комплекса в направлении организации крестьянских (фермерских) хозяйств, агроэкотуризма, ремесленной деятельности) (п. 25.6).

Корпускулярное регулирование вопросов профессионального обучения встречается и на уровне местных соглашений. Например, в соответствии с п. 7 Соглашения между Могилевским областным исполнительным комитетом, Могилевским областным объединением профсоюзов и Могилевской областной ассоциацией промышленников и предпринимателей на 2019–2021 годы закреплены договоренности Сторон проводить стимулирование нанимателей, развивающих собственную учебную базу, создающих для работников условия для получения профильного профессионального образования.

Полагаем, что возможности социального партнерства в деле подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров в сельскохозяйственной отрасли белорусской экономики не использованы в полной мере.

Итак, к числу выявленных объективных социально-экономических потребностей сельскохозяйственной отрасли белорусской экономики, которые диктуют необходимость совершенствования правового регулирования отношений занятости, относятся:

– острый дефицит кадров рабочих профессий и специалистов сельскохозяйственного профиля, который обусловлен низкой их закрепляемостью в сельской местности (менее 50 процентов);

– дефицит квалифицированных кадров у крестьянских (фермерских) хозяйств, который обусловлен неэффективностью существующих форм кадрового обеспечения (заказ, целевая подготовка, распределение, самостоятельная подготовка для собственных нужд) применительно к малым субъектам аграрного бизнеса;

– проблема качества квалификаций сельскохозяйственного профиля, которая сформировалась под воздействием общего технологического и цифрового развития белорусской экономики, что диктует необходимость их пересмотра на уровне образовательных программ, квалификационных характеристик, профессиональных стандартов и планомерного, опережающего повышения квалификации работников;

– нереализованность потенциала социального партнерства в деле обеспечения занятости и достойного труда в сельскохозяйственной отрасли белорусской экономики.

Список использованной литературы

1. Труд и занятость в Республике Беларусь : статистический сборник [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь – URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/857/n6oczwl2oiyzigz0k5xi0v5szjq9zp1.pdf>. – (дата обращения 03.10.2023).

2. Развитие сельских территорий Республики Беларусь: состояние, проблемы, перспективы / Н. В. Киреенко [и др.]. – Минск : БГАТУ, 2022. – 260 с.

3. Развитие людских ресурсов и подготовка кадров [Электронный ресурс] : доклад IV (2В) Междунар. конф. труда, 92-я сессия, 2004 – URL: <https://www.ilo.org/public/russian/standards/reim/ilc/ilc92/pdf/rep-iv-2b.pdf>. – (дата обращения 09.03.2023).

УДК 349.2(470)

С. Ю. Чуча

(Институт государства и права Российской академии наук, Москва)

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОЙ ГАРАНТИИ УВАЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА ТРУДА В ОТРАСЛЕВОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Конституционная гарантия уважения человека труда имеет внешнюю (формальную) и внутреннюю (содержательную) стороны реализации. На основе теории стабильности трудового правоотношения выявлены базовые нормы этой двуединой системы. С содержательной стороны – нормы о стабильности работника как стороны трудового договора при изменениях работодателя. С внешней – о форме трудового договора. Обоснована необходимость совершенствования правового регулирования формальной стороны реализации гарантии.

Законом РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» придан конституционный статус уважению человека труда. За годы, прошедшие после конституционной реформы и внесения в Конституцию РФ нормы об уважении человека труда правоприменительная и, особенно,

судебная практика последовательно корректируется в направлении усиления защиты трудовых прав работников и реализации этой конституционной гарантии [1]. В целом это во многом зависит от экономических, внешнеполитических и т.п. факторов, нормотворческая и правоприменительная практика государства на которые оказывает не исчерпывающее воздействие. Усиление гарантий уважения человека труда в этой связи обусловлено во многом экономическим развитием государства.

Однако имеются проблемы в реализации конституционной гарантии уважения человека труда, связанные исключительно с доброй волей нормотворческого органа.

Рассматривая реализацию этой конституционной нормы сквозь призму гарантий и прежде всего трудового законодательства, следует выделять внешнюю (формальную) и внутреннюю (содержательную) стороны.

Примером внешней (формальной) стороны реализации конституционной гарантии уважения человека труда является ч. 1 ст. 57 ТК РФ, регламентирующая содержание трудового договора. Исходя из буквального ее прочтения, первым в трудовом договоре указывается работник, и лишь следом за ним – работодатель: «В трудовом договоре указываются: фамилия, имя, отчество работника и наименование работодателя (фамилия, имя, отчество работодателя – физического лица), заключивших трудовой договор...».

Примером внутренней (содержательной) стороны реализации конституционной гарантии являются очень многие нормы практически всех разделов ТК, обеспечивающие стабильность трудового правоотношения, гарантии и компенсации (и ст. 77, устанавливающая перечень оснований прекращения трудового договора, и ст. 93, предусматривающая обязанность работодателя устанавливать неполное рабочее время при определённых обстоятельствах, и практически все статьи седьмого раздела ТК о гарантиях и компенсациях, и др.) Но в этом длинном ряду норм, образующих основу, скелет ТК и законодательства о труде, мы возьмем на себя смелость выделить одну, назвав ее основной, базовой и наиболее характерно отражающей суть рассматриваемой конституционной гарантии. Это норма статьи 75 ТК, согласно которой «смена собственника имущества организации, изменение подведомственности (подчиненности) организации или ее реорганизация (слияние, присоединение, разделение, выделение, преобразование) либо изменение типа государственного или муниципального учреждения не может являться основанием для расторжения трудовых договоров с работниками» по инициативе работодателя. При реорганизации требуется лишь изменить трудовой договор в части нового наименования и организационно-правовой формы организации-работодателя, если таковая имела место, при смене собственника и этого делать не требуется. Изменение состава учредителей (участников) юридического лица вообще не рассматривается как смена собственника его имущества и не влечет равным счетом никаких трудово-правовых последствий.

Иными словами, трудо-правовая суть конституционной гарантии уважения человека труда – стабильность трудовых отношений, обеспечиваемая прежде всего указанной нормой ст. 75 ТК. Она представляет собой своеобразный маркер. Убери ее – и нам трудно будет говорить о равенстве сторон трудового договора: какое равенство может быть у работника, который следует за судьбой работодателя, причем тогда, когда работодатель в полной мере обладает свободой воли в определении своей дальнейшей судьбы.

Что касается реального воплощения конституционной гарантии (а в советское время – политической декларации, доктрины) уважения человека труда, то дела в формальном и содержательном плане обстоят по-разному.

Если внутреннее содержание гарантии в полной мере находило воплощение в отраслевом законодательстве и трудо-правовой практике и во времена СССР, и в современной России, то формальная юридическая сторона всегда оставалась вне фокуса внимания государства.

Уважение человека труда в СССР формулировалось на уровне политической доктрины и если и находило отражение и закрепление в отраслевом законодательстве и

практике его применения, то лишь содержательно: конкретной нормы об уважении человека труда мы не найдем, она может быть синтезирована из продуктов анализа иных норм, принципов и общего смысла законодательства. С принятием поправок в Основной закон ситуация очевидно изменилась. Появилась конституционная норма, гарантирующая уважение человека труда, в то время как законодательство и реальные трудовые отношения не изменились. И первое, что бросается в глаза, вызывая диссонанс с конституционной нормой, – это форма трудового договора.

Особенность трудового договора – именно личный труд. Человек заключает трудовой договор, поступает на работу, чтобы лично исполнять трудовую функцию. Трудовой договор как никакой другой гуманистичен, можно сказать – человекоцентричен. Работодатель может реорганизовываться, менять собственника и представителя – а работник всегда остается тот же, его невозможно заменить в договоре. Увольняется работник – и прекращается трудовой договор, трудовое правоотношение, его не спасти, можно только заключить новый договор. Юридически значима в трудовых отношениях только личность работника, а не личность работодателя [2, с. 113], они носят «строго личный характер» [3, с. 501; 4, с. 155].

Отчего же с таким упорством (глобально, не отдельными работодателями!) не исполняется очевидное и недвусмысленное предписание ч. 1 ст. 57 ТК об указании работника первым в договоре относительно работодателя? Философский смысл законного расположения сторон в тексте – работник заключает трудовой договор с работодателем. А сложившаяся повсеместно практика иначе толкует это событие – работодатель нанимает работника. Имея неоспоримые преимущества в отношениях с работником, работодатель становится доминирующим субъектом уже и формально.

Но не только в этом проблема. Законодатель сам допустил возможность игнорирования его воли, определив в ст. 56 ТК трудовой договор как соглашение между «работодателем и работником», записав, в соответствии с советской традицией, что сторонами договора являются «работодатель и работник». Разработчики соответствующих норм ТК вспоминают, что это было сделано с единственной целью: указать на ответственную во всех смыслах за заключение письменного договора сторону – работодателя. Но на это обстоятельство позднее и недвусмысленно законодатель указал в ч. 4 и 5 ст. 5.27 КоАП РФ, установив административную ответственность в виде штрафа за уклонение от оформления или ненадлежащее оформление трудового договора либо заключение гражданско-правового договора, фактически регулирующего трудовые отношения между работником и работодателем для должностных лиц (с учетом примечания к ст. 2.4 КоАП – руководителей и иных лиц, осуществляющих организационно-распорядительные функции, т.е. представляющих работодателя) и лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица.

Но и не это главная причина всеобщего расположения работника вторым лицом в договоре, иначе бы непредвзятый работодатель или дотошный юрист, составляя договор, переписали бы ст. 57 ТК – и мы бы имели иную практику. Работникам же кадровой службы, бухгалтерии и иных заинтересованных подразделений предприятия работать стало бы субъективно еще и легче, поскольку каждый договор начинался бы с фамилии работника (с искомой информации), а не с названия организации, которое всем в этих подразделениях и без того известно, это очевидная информация. Но ситуацию серьезно усугубил Минтруд РФ в разных своих ипостасях, утвердив или подготовив для утверждения Правительством РФ ряд типовых форм трудового договора для применения в различных обстоятельствах в зависимости от организационно-правовой формы работодателя, отрасли народного хозяйства и т.п. [5; 6; 7] А вслед за министерством пошли и разработчики неофициальных типовых форм трудовых договоров, размещаемых в базах данных, справочных правовых системах и комментариях трудового законодательства [8]. Э статистская картина мира, в том числе и трудовых отношений, традиционно харак-

терна для российского правопонимания. «Фабрично-заводское право Российской Империи и советское трудовое право существовали в контексте сверхцентрализованной власти – в первом случае формальной, во втором – реальной» [9, с. 172–173]. С.В. Рузин объясняет ориентацию дореволюционного работника и работодателя на государственную волю в сфере труда «гипертрофированными представлениями о роли государственной власти» и «отсутствием конституционной политико-правовой традицией» [10, с. 11]. Н.В. Демидов находит аналогичную характеристику справедливой и в применении к советскому работнику, иллюстрируя свое утверждение примерами из нормативных актов, регулирующих трудовые отношения, в разные периоды советской истории. Во многом обоснована она и сейчас [9, с. 172–173]. Такое правопонимание остановит или поведет не в нужном направлении любое движение правовой материи [11, с. 136–140], если его не учитывать в ходе правового регулирования. Сравните это с подходом, когда государство, правомочное издавать императивные нормы, ограничивается рекомендациями с тем, чтобы окончательное решение принимал предприниматель в рамках отношений социального партнерства [12, с. 186–193].

Поэтому, чтобы изменить практику, во исполнение нормы ст. 75.1 Конституции об уважении человека труда, в соответствие с ч. 1 ст. 57 ТК следует привести формулировки всех типовых форм трудового договора, утвержденные исполнительными органами государственной власти.

Список использованной литературы

1. Летова, Н.В. Государство, труд и человек: новые вызовы (к 30-летию правового регулирования социального партнерства) (обзор международной научно-практической конференции) (30 сентября 2021 г., Москва, Россия) / Н.В. Летова, С.Ю. Чуча // Государство, труд и человек: новые вызовы. – М.: Ин-т государства и права РАН, 2022. – С. 7–14.

2. Фатуев, А.А. Трудовое право в жизни человека / А.А. Фатуев. – М.: Юрид. лит., 1991. – 256 с.

3. Курс российского трудового права. Т. 3: Трудовой договор / Е.Б. Хохлов. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. – 656 с.

4. Лушникова, М.В. Курс трудового права: В 2 т. Т. 2. Трудовые права в системе прав человека. Индивидуальное трудовое право: Учеб. / М.В. Лушникова, А.М. Лушников. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – 608 с.

5. Постановление Правительства РФ от 27 августа 2016 г. № 858 «О типовой форме трудового договора, заключаемого между работником и работодателем – субъектом малого предпринимательства, который относится к микропредприятиям». СПС Консультант Плюс. – Дата доступа: 01.04.2023.

6. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 14 августа 2008 г. № 424н «Об утверждении Рекомендаций по заключению трудового договора с работником федерального бюджетного учреждения и его примерной форме». СПС Консультант Плюс. – Дата доступа: 01.04.2023.

7. Приказ Минтруда России от 20 января 2015 г. № 23н «Об утверждении примерной формы трудового договора, заключаемого работодателем (судовладельцем) и работником (моряком) для работы в составе экипажей морских судов и судов смешанного (река-море) плавания, плавающих под Государственным флагом Российской Федерации». СПС Консультант Плюс. – Дата доступа: 01.04.2023.

8. Трудовой договор, заключаемый между работником и работодателем - субъектом малого предпринимательства, который относится к микропредприятиям (образец заполнения, разработанный на основе типовой формы) (Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2021). СПС Консультант Плюс. – Дата доступа: 01.04.2023.

9. Демидов, Н.В. Закономерности практической реализации норм трудового права: историко-правовой аспект / Н.В. Демидов. // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2020. – № 35. – С. 171-185. DOI: 10.17223/22253513/35/15.

10. Рузин, С.В. Правосознание промышленных рабочих России во второй половине 19 - начале 20 в. и его роль в трансформации российского государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / С.В. Рузин; ВЮИ ФСИН России. – Владимир, 2012. – 22 с.

11. Лебедев, В.М., Дыркова Л.А. Энергия правовой материи / В.М. Лебедев, Л.А. Дыркова // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2020. – № 38. – С. 136-142. DOI: 10.17223/22253513/38/13.

12. Малецки, В. Рекомендации в польском горном и энергетическом праве: на пути к солидарности и сотрудничеству между государственной властью и предпринимателями / В. Малецки // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2020. – № 35. – С. 186-195. DOI: 10.17223/22253513/35/16.

УДК 349.22(075.8)

А. В. Ясинская-Казаченко

(Белорусский государственный экономический университет, Минск)

КАЧЕСТВЕННО ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ОРИЕНТИРЫ СТАНДАРТИЗАЦИИ ПРОЦЕДУР УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНЫХ ТРУДОВЫХ СПОРОВ

В статье автор, опираясь на правовое положение двух групп субъектов – сторон и участников правоотношений по разрешению коллективных трудовых споров, предпринял попытку сформулировать качественно определенные ориентиры стандартизации примирительно-посреднических процедур урегулирования разногласий, придать прикладной характер рекомендаций по совершенствованию нормативных правовых актов, направленный на расширение диспозитивных начал, стимулирование нанимателя, собственника имущества к детализации положений учредительных документов и локальных правовых актов.

Организация процедур урегулирования коллективных трудовых споров охватывает определенных субъектов правоотношений. В рамках темы, очерченной в названии доклада, представляется целесообразным рассмотреть правовой статус субъектов, изложить факты, обуславливающие необходимость трансформации их деятельности. Эти факты интересны тем, что позволяют показать качественно определенные ориентиры стандартизации примирительно-посреднических процедур рассмотрения и разрешения коллективных трудовых споров.

Примирительная комиссия является обязательным для сторон коллективного трудового спора органом по разрешению разногласий и поиску взаимоприемлемого решения. Порядок создания и работы примирительной комиссии определен в ст. 380, 381 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК). Ранее в состав примирительной комиссии в трехдневный срок большинством голосов избирался (назначался) нейтральный член, не работающий у данного нанимателя и не входящий в данный представительный орган, что соответствовало положению о нейтральном члене примирительной комиссии.

Видится целесообразным вернуться к прежнему порядку введения в состав примирительной комиссии нейтрального члена, путем его избрания на заседании путем опроса или голосования. Также представляется возможным предоставить членам примирительной комиссии право воспользоваться консультационными услугами лиц, которые обладают знаниями, умениями, навыками и отвечают квалификационным требованиям специалиста в области разрешения трудовых споров.

На заседании примирительной комиссии по разрешению коллективного трудового спора рассматриваются требования сторон и если ранее по ч. 1 ст. 381 ТК это были предложения, то теперь по указанной норме ТК – решение в виде протокола. В связи с этим в ч. 2 ст. 381 ТК необходимо установить, что *оформленные протоколом и принятые по соглашению сторон примирительной комиссии решения должны облекаться в форму акта и иметь юридическую силу исполнительного листа.*

Данное предложение вносится по аналогии с подпунктом 1.1 п. 1 Указа Президента Республики Беларусь от 09 января 2023 г. «О мерах по обеспечению своевременной выплаты заработной платы», который определил, что в случае установления фактов невыплаты (неполной выплаты) нанимателем в установленный срок заработной платы и (или) иных выплат, причитающихся работнику в соответствии с законодательством о труде, Департаментом государственной инспекции труда МТиСЗ выносится обязательное для исполнения нанимателем требование об устранении нарушений законодательства о труде в отношении обеспечения выплаты заработной платы. Такое решение является исполнительным документом, подлежит оформлению и исполнению в порядке, установленном законодательством об исполнительном производстве, и может быть предъявлено к исполнению в течение трех месяцев со дня его вынесения. Решение, в интересах работника, предъявляется вместе с заявлением о возбуждении исполнительного производства в органы принудительного исполнения [1, с. 22–23].

Наниматель не вправе уклоняться от создания примирительной комиссии и участия в примирительно-посреднических и третейских процедурах, исходя из чего, В.И. Миронов обращает внимание на необходимость надлежащего оформления в законном порядке и предъявления государственному и хозяйственному органу требований трудового коллектива с целью определения этих требований в качестве трудового спора [2, с. 60]. Правонарушения в форме уклонения нанимателя могут быть самыми разнообразными: *прямой отказ, неявка на заседания примирительной комиссии, проволочки в работе примирительно-посреднических и третейских органов, изменение согласованных условий.*

В Концепции модельного трудового кодекса СНГ (от идеи принятия, которого отказались) предлагалось в целях обеспечения реального права на забастовку установить, что процедуры посредничества и арбитража могут применяться в любое время в период конфликта и не должны рассматриваться в качестве обязательных стадий разрешения коллективного спора, без которых объявление забастовки признается незаконным. Предоставление работникам права на проведение забастовки в случае уклонения нанимателя в качестве меры социальной защиты без предварительных примирительно-посреднических процедур является обоснованным. Проблему уклонения нанимателя можно решить путем детальной регламентации *принципа добросовестного ведения переговоров, сотрудничества в примирительно-посреднических и третейских процедурах.*

С учетом ст. 2 и 3 Конвенции МОТ 1948 г. № 87 было бы правильным дополнить ТК ст. 378¹, предусматривающей запрет нанимателю препятствовать организации собраний и конференций в случае возникновения разногласий и оформления требований.

Ответственность нанимателя в виде штрафа за неисполнение принципа добросовестного ведения переговоров, уклонение от примирительно-посреднических процедур может применяться Департаментом государственной инспекции труда МТиСЗ.

В случае несогласия с предложениями примирительной комиссии другим органом, оказывающим содействие сторонам коллективного трудового спора в урегулировании разногласий, является *посредник* или службы посредничества, которые могут создаваться на основании ч. 3 ст. 382 ТК органами государственного управления, другими нанимателями и представительными органами работников.

Посредничество – это процедура оказания помощи независимым и незаинтересованным в исходе дела, компетентным, пользующимся доверием сторон лицом в выра-

ботке согласованного решения на основе предложений нескольких способов урегулирования разногласий и проведении консультаций (в том числе конфиденциальных). В рамках ч. 2 ст. 382 ТК сторонам и посреднику предоставлено право самостоятельно определять порядок взаимоотношений в данной процедуре.

Из анализа содержания ст. 382 ТК нельзя сделать вывод о том, что представляет собой стадия посредничества, как факультативная стадия. Применительно к процедуре посредничества заслуживает внимания процедура медиации. В ст. 40¹ ХПК предлагается урегулирование споров с участием медиатора, Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-З «О медиации» (далее – Закон) регулирует отношения по разрешению споров, связанные с применением медиации, возникающие из трудовых правоотношений.

Считаем необходимым обратить внимание на несколько положений.

Правила проведения медиации, утверждённые постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 декабря 2013 г. № 1150 устанавливают, что участниками медиации являются стороны (представители сторон), медиатор (п. 6); сторонами медиации признаются физические лица, обладающие полной дееспособностью, и (или) юридические лица, заключившие соглашение о применении медиации (п.7). Иначе говоря, за коллективом работников (как одной из сторон коллективного трудового спора) законодательством Республики Беларусь о медиации не признается свойство правосубъектности [3, с. 659–660]. *Указанные факторы не позволяют применить медиацию как процедуру посредничества в рамках заданных ТК примирительно-посреднических форм рассмотрения и разрешения коллективных трудовых споров.*

Как отмечает Е.В. Чичина (применительно к теме медиабильности трудовых споров) невозможность интегрирования медиации в примирительно-третейскую форму рассмотрения коллективных трудовых споров, установленную законодательством о труде, не исключает постановки вопроса об использовании медиации как самостоятельного и альтернативного этой форме способа урегулирования конфликта. Автор полагает, что процедура медиации может быть очень эффективным средством «снятия» заявленных разногласий сторон коллективных трудовых отношений, до момента фиксации возникновения коллективного трудового спора как неурегулированного разногласия и информирования о нем Департамента государственной инспекции труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь для последующего учета [3, с. 660].

Согласно буквальному толкованию нормы действие Закона может быть распространено на споры, *вытекающие из трудовых отношений*. Это значит, что споры, возникающие из «отношений, связанных с трудовыми», хотя и регулируются нормами трудового права, но остались вне зоны охвата нормами Закона [3, с. 657]. Круг таких отношений установлен ч. 1 ст. 4 ТК. К ним относятся отношения, связанные с: профессиональной подготовкой работников на производстве; деятельностью профсоюзов и объединений нанимателей; ведением коллективных переговоров; взаимоотношениями между работниками (их представителями) и нанимателями; обеспечением занятости; надзором за соблюдением законодательства о труде; государственным социальным страхованием; рассмотрением трудовых споров. Получается, что отдельная группа общественных отношений, также регулируемая нормами трудового права, – «отношения, связанные с трудовыми», не включены в сферу его действия.

Вместе с тем, установлено, что некоторые отношения, связанные с трудовыми, носят частноправовой характер, а споры, вытекающие из таких отношений, являются потенциально медиабельными. К таким отношениям можно отнести урегулированные нормами трудового права общественные отношения, связанные с профессиональной подготовкой, переподготовкой, стажировкой и повышением квалификации работников, рассмотрением трудовых споров, некоторыми аспектами обеспечения занятости (в части связи «наниматель – гражданин, обратившийся за заключением трудового договора») и другие [3, с. 657]. И хотя

коллективные трудовые споры относятся и к трудовым, и к тесно связанным с ними отношениям, и процедура медиации при их разрешении во многих государствах стала устойчивой и традиционной, в Законе применительно к рассмотрению и разрешению коллективных трудовых споров ее использование не предусмотрено [4, с. 192].

Итак, исследование в аспекте качественно определенных ориентиров стандартизации на уровне потенциально медиабельных способов применительно к примирительно-посреднической процедуре рассмотрения и разрешения разногласий позволяет выделить следующие *стадии*: получение информации и налаживание связей с представителями сторон; анализ характера спорных отношений; выработка тактики и стратегии поведения; соотнесение интересов сторон с возможностями их реализации; разработка оптимальных способов разрешения спора; выяснение и сопоставление позиций сторон по предложенным вариантам в форме дискуссии.

Следует развивать систему посреднических организаций, предпринять меры по совершенствованию нормативных правовых актов в части достижения добровольного соглашения сторон, установления широкого перечня способов урегулирования разногласий и принятия решений. На основе анализа опыта посредничества, представляется возможным проведение процедуры посредничества до создания примирительной комиссии [4, с. 192]. Видится целесообразным вернуться к прежнему порядку введения в состав примирительной комиссии нейтрального члена, но несколько иным путем: опрос или голосование.

Необходимо организовать обучение, повышение квалификации лиц, участвующих в качестве посредников. В памятке посредникам, более расширенно, чем в ст. 382 ТК, следует закрепить положение, касающиеся порядка выборов посредника, приобретения и прекращения его полномочий, конкретизировать права и обязанности сторон, определить квалификационные требования, предъявляемые к данной категории лиц, предусмотреть ответственность посредника.

Выявленные особенности правового положения двух групп субъектов – сторон и участников правоотношений по разрешению коллективных трудовых споров позволяют сформулировать качественно определенные ориентиры стандартизации примирительно-посреднических процедур, придать конкретно-прикладной характер рекомендаций по совершенствованию нормативных правовых актов, направленный на расширение диспозитивных начал правового регулирования отношений по рассмотрению и разрешению коллективных трудовых споров, стимулирование нанимателя, собственника имущества к детализации положений учредительных документов и локальных правовых актов.

В этой связи необходимо:

1. Внести в Трудовой Кодекс Республики Беларусь следующие дополнения и изменения:

Дополнить Кодекс статьей 378¹ следующего содержания:

«Статья 378¹. Уклонение нанимателя от добросовестного ведения переговоров, участия в примирительно-посреднических и третейских процедурах

«Наниматель, в случае уклонения от добросовестного ведения переговоров, участия в примирительных, примирительно-посреднических и третейских процедурах, организации собраний и конференций привлекается к административной ответственности. Работники имеют право приступить к организации и поредению забастовки. Представительный орган работников обязан не позднее двух недель с начала совершения действий, содержащих признаки уклонения, уведомить Департамент государственной инспекции труда Министерства труда и социальной защиты».

В статье 381:

Часть вторую изложить в следующей редакции:

«При согласии с решением примирительной комиссии коллективный трудовой спор прекращается. Если согласие достигнуто только по части положений, то коллективный трудовой спор не прекращается, достигнутые договоренности подписываются сторонами коллективного трудового спора и приобретают для них обязательный характер.

Оформленные протоколом и принятые по соглашению сторон примирительной комиссии решения должны облекаться в форму правоприменительного акта и иметь юридическую силу исполнительного листа.».

В статье 382:

дополнить статью частью первой в следующей редакции:

«Посредничество – процедура оказания помощи независимым и незаинтересованным в исходе дела, компетентным и пользующимся доверием лицом в выработке согласованного решения на основе предложений нескольких способов урегулирования разногласий и проведении консультаций (в том числе конфиденциальных).».

часть первую данной статьи считать соответственно частью второй.

2. Внести в Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях следующие дополнения и изменения:

Статью 10.12. дополнить частью седьмой следующего содержания:

«Неисполнение принципа добросовестного ведения переговоров, уклонение от участия в примирительных, примирительно-посреднических и третейских процедурах, организации собраний и конференций влекут наложение штрафа в размере от пяти до пятидесяти базовых величин, а на юридическое лицо – до ста базовых величин».

Список использованной литературы

1. Томашевский К. Л. О полномочиях Департамента государственной инспекции труда по обеспечению своевременной выплаты заработной платы / К.Л. Томашевский // Отдел кадров. – 2023. – № 5. – С. 22-28.

2. Миронов, В. Можно ли разрешить коллективный трудовой спор? / В. Миронов // Социалист. труд. – 1990. – № 10. – С. 59–65.

3. Чичина, Е.В. О медиабельности трудовых споров / Е.В. Чичина // Научные труды Белорусского государственного экономического университета. Выпуск 16 / Министерство образования Республики Беларусь, Белорусский государственный экономический университет ; [редакционная коллегия: А. В. Егоров (главный редактор) и др.]. – Минск : БГЭУ, 2023. – С. 654 – 661.

4. Трудовые споры и их урегулирование: учебно-методическое пособие: для магистрантов, обучающихся по специальности 1-24 81 05 «Правовое обеспечение альтернативных способов урегулирования конфликтов и споров» / [А. Г. Авдей и др. – Минск : Издательский центр Белорусского государственного университета, 2015. – 244 с.

**МАТЕРИАЛЫ IV МЕЖДУНАРОДНОГО КРУГЛОГО СТОЛА
«В СЛУЖЕНИИ ФЕМИДЕ И ОБЩЕСТВУ: СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ
И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. Д. СПАСОВИЧА»**

УДК 343.25(091)(470):929*В.Д.Спасович

А. П. Грахоцкий

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель)

В. Д. СПАСОВИЧ О СМЕРТНОЙ КАЗНИ

В статье рассматриваются взгляды В.Д. Спасовича на проблему применения смертной казни в России. Автор приходит к выводу, что в уголовно-правовой науке к концу XIX в. устоялась точка зрения о необходимости отмены данного вида наказания. Одним из первых учёных-криминалистов, последовательно выступавших за отказ от смертной казни, являлся В.Д. Спасович. В своих трудах учёный обосновывал необходимость проведения пенитенциарной реформы в Российской империи и постепенной отмены высшей меры наказания.

Период стремительной модернизации Российской империи (вторая половина XIX–начало XX вв.), старт которому был положен Великими реформами Александра II, являлся временем рассвета российской уголовно-правовой мысли. Выдающиеся учёные-криминалисты А.В. Лохвицкий, П.Д. Калмыков, И.Я. Фойницкий, А.Ф. Кистяковский, Н.С. Таганцев, В.Д. Спасович, Н.Д. Сергиевский в своих классических трудах рассматривали центральные проблемы науки уголовного права и имперской уголовно-правовой политики [1]. Одним из дискуссионных вопросов, обсуждаемых дореволюционными юристами, являлось применение смертной казни, как высшей меры наказания в Российской империи [2, с. 131–274].

В 1845 г. вступило в действие «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных». Данный законодательный акт детально определил пределы применения смертной казни в России. Согласно Уложению, высшая мера наказания применялась за совершение важнейших карантинных и государственных преступлений. К последним относились преступления против императора и членов его семьи, «бунт против верховной власти», государственная измена [3, ст.241–244, 249, 253, 254].

Как отмечают исследователи, в XIX в. смертная казнь не имела широкого применения. Согласно официальной статистике, за период с 1805 по 1905 гг. в Российской империи было казнено порядка 300 человек. Однако данная цифра не охватывала смертные приговоры, вынесенные военно-полевыми судами [4, с. 174]. Поэтому в условиях либеральных преобразований эпохи Александра II дискуссии о целесообразности применения такой меры наказания приобретали всё большую актуальность [5]. В нашей статье поставлена цель проанализировать взгляды одного из наиболее выдающихся дореволюционных учёных-криминалистов В.Д. Спасовича на проблему применения смертной казни в Российской империи.

На страницах «Учебника уголовного права» (1863 г.) В.Д. Спасович предстаёт решительным противником смертной казни [6], [7]. Автор писал, что данный вид наказания «представляется мерою скорее вредною нежели полезною, потому что расходится с целью и назначением наказания» [6, с. 184]. Согласно выводам учёного, смертная казнь являлась «неделимой», «неотменимой», и «невознограждаемой». В.Д. Спасович отмечал: смертная казнь «увекочивает всякую ошибку суда на счёт виновности подсудимого, а ошибки эти неизбежны, как бы хорошо не было судопроизводство» [6, с. 186].

По словам автора, лишение преступника жизни не оставляла последнему шанса на исправление: применение смертной казни оправдывалось «ложным предположением

о том, что в злодее замерли все чувства человеческие» [6, с. 186]. В.Д. Спасович считал, что обязанностью государства являлось не физическое устранение преступника, а изолирование его от общества, помещение последнего в исправительное учреждение с целью дальнейшего перевоспитания. Правовед подытоживал: «Все что переходит за эту крайнюю меру наказания будет жестокостью, варварством и бесчеловечием» [6, с. 185].

Учёный сомневался в эффективности смертной казни, как средстве устрашения преступников. В.Д. Спасович уверял, что данный вид наказания не был способен сдерживать «политических» преступников, выступавших против государственной власти. По мнению автора, устраняя своих противников, власть стремилась «поразить ту идею, которую они представляли». Однако уничтожить идею невозможно: «... корень будущих преступлений остается по снесении с плеч той или другой буйной головы, этот корень будет пускать из себя всё новые и новые побеги» [6, с. 187]. Более того, Спасович подчёркивал, что многие «политические» преступники являлись фанатиками, которые «жаждали мученической смерти» для того, чтобы «заразить» своим примером широкие народные массы [6, с. 187].

В своей работе учёный анализировал опыт зарубежных стран, отказавшихся от смертной казни (на тот момент это был целый ряд германских и итальянских государств – Тоскана, Нассау, Шварцбург и др.). Согласно наблюдениям автора, ни в одной из этих стран отмена данного наказания не привела к всплеску преступности [6, с. 192].

В.Д. Спасович вступал в заочную полемику со сторонниками смертной казни. Западноевропейские богословы оправдывали применение этой меры наказания тем, что смертная кара упоминается в священном писании (Первая книга Моисея, Евангелие от Матфея). В ответ на это правовед указывал: «... мы живём не под моисеевым законом мести, но под христианским законом всепрощающей благодати, по которому одна минута искреннего раскаяния в разбойнике, искупает всю его жизни прошедшую» [6, с. 185]. В.Д. Спасович полемизировал и с приверженцами философских школ Г. Гегеля и И. Канта. Последние настаивали, что за совершение отдельных особо тяжких преступлений затруднительно найти какой-либо иной эквивалент наказания, кроме как смертную казнь. Не соглашаясь с подобными суждениями, учёный отмечал, что современное уголовное наказание не является талионом, уголовному праву противно стремление к мести [6, с. 185].

Спустя два года после выхода «Учебника уголовного права» В.Д. Спасович снова обратился к рассмотрению проблемы смертной казни. В своей статье учёный проанализировал сложившуюся в Российской империи практику, в соответствии с которой военно-полевые суды принимали к рассмотрению дела гражданских лиц и выносили по ним смертные приговоры [8]. Автор приводил конкретные примеры из судебной практики. Так, вопреки нормам «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных», военно-полевой суд приговорил в 1865 г. к смерти крестьянина Нижегородской губернии Пузанкова за совершение поджога лавки, кражу и разбой [8, с. 87]. Подобную практику учёный увязывал с тем, что 17 апреля 1863 г. указом Александра II были отменены телесные наказания. Как пояснял правовед, телесные наказания в Российской империи являлись завуалированной формой смертной казни: лицо, приговорённое к 6 тыс. ударов шпицрутенами, не имело шансов на выживание [8, с. 87].

После издания указа от 17 апреля 1863 г. власти начали поиск иных способов «поддержания дисциплины». В связи с этим, по мнению В.Д. Спасовича, и было принято решение подвергать гражданских лиц, виновных в «нарушении общественной безопасности», юрисдикции военно-полевых судов с применением наказаний, предусмотренных для периода военного времени [8, с. 87]. Учёный писал, что смертная казнь в отношении гражданских лиц начала применяться военно-полевыми судами в период Январского восстания в Польше, Литве и Беларуси (1863 г.). Однако и после окончания восстания подобная практика продолжилась и распространилась на внутренние губернии империи [8, с. 89].

В.Д. Спасович писал, что отмена телесных наказаний являлась прогрессивной мерой, «благим делом, великим успехом в законодательстве». Автор подытоживал: «Из двух тяжких наказаний выбирая меньшее, мы предпочитаем смертную казнь изувечивающим телесным наказаниям» [8, с. 91]. В этой связи правовед допускал применение смертной казни, как вынужденной, временной меры. Учёный подчёркивал: «... люди мягкосердечные, сострадательные и гуманные считают своею обязанностью отвергать безусловно пролитие крови рукою правосудия. Как бы ни были благородны мотивы этого протеста, нельзя безусловно присоединиться к нему, потому что это значило бы твердить своё, зажмурив глаза и отвернувшись от действительности. На задачи жизни надобно смотреть прямо и подчиняться, скрепя сердцем, всякой признанной разумом необходимости. Публицисты, романисты и поэты всего образованного света могут писать сколько угодно против смертной казни, журналы могут издаваться и митинги собираться с специальной целью добиться отмены смертной казни: они не заставят никого изменить и одну йоту в убеждениях, коль скоро по особенным условиям нашего быта окажется, что обществу нашему нельзя обойтись без смертной казни» [8, с. 89].

По мнению В.Д. Спасовича, отмене смертной казни должна была предшествовать всеобъемлющая трансформация пенитенциарной системы Российской империи. Государству предстояло построить необходимое количество исправительных учреждений, подготовить соответствующий персонал, способный выполнять задачи перевоспитания заключённых [8, с. 91]. Правовед настаивал, что в период до отмены смертной казни, данное наказание в отношении гражданских лиц должны были выносить не военно-полевые, а гражданские суды. В законодательстве необходимо было прописать исчерпывающий перечень особо тяжких преступлений (поджоги, «причинение наводнений», «преступления против безопасности езды по железным дорогам», убийства), за совершение которых могла применяться высшая мера наказания [8, с. 92].

В то же время, учёный был убеждён, что отмена смертной казни – «это дело, решённое в науке». В.Д. Спасович писал: «Характер русского народа не крутой, не мрачные, не жестокосердный; смертная казнь не будет никогда иметь у нас сильной поддержки в нравах; все средства к её упразднению будут в руках у государства» [8, с. 92].

Необходимо отметить, что взгляды В.Д. Спасовича на смертную казнь в полной мере соответствовали идеям других выдающихся российских правоведов. Подходы Спасовича к данной проблеме разделяли П.Д. Калмыков, А.Ф. Кистяковский, Н.Д. Сергиевский, А.Ф. Кони, Н.С. Таганцев (см., например: [9]).

Таким образом, в уголовно-правовой науке к концу XIX в. устоялась точка зрения о необходимости отмены смертной казни в Российской империи. Одним из первых учёных-криминалистов, последовательно выступавших за отказ от этой меры наказания, являлся В.Д. Спасович. В своих трудах учёный обосновывал необходимость проведения пенитенциарной реформы в России. Широкие преобразования в данной сфере должны были привести к созданию сети исправительных учреждений и постепенному отказу от применения смертной казни.

Список использованной литературы

1. Чучаев, А.И. Становление в России доктрины уголовного права, его предмета и метода / А.И. Чучаев // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2021. – № 3. – С. 124–139.
2. Смертная казнь: за и против / под ред. С.Г. Келиной. – М.: Юрид. лит., 1989. – 528 с.
3. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Свод законов Российской империи: в 16 т. – СПб.: тип. 2 отд. Соб. ЕИВ канц., 1857–1903. – Т. 15. – 1885. – с. 1–202.
4. Шестакова, А.С. Процесс развития и применения смертной казни в России / А.С. Шестакова // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. – 2014. – № 3. – С. 171–176.

5. Джаншиев, Г.А. Эпоха великих реформ / Г.А. Джаншиев. – СПб.: Типо-лит. Б.М. Вольфа, 1905. – 859 с.
6. Спасович, В.Д. Учебник уголовного права / В.Д. Спасович. – СПб.: Тип. И. Огризко. – 428 с.
7. Грахоцкі, А.П. У.Д. Спасовіч і яго «Учебник уголовного права» (1863 г.) / А.П. Грахоцкі // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2016. – № 2. Социально-экономические и общественные науки. – С. 66–70.
8. Спасович, В.Д. О смертной казни / В.Д. Спасович // За много лет. 1859–1871 / В.Д. Спасович. – СПб: Типография Сущинского, 1872. – С. 87–92.
9. Грачёва, Ю.В. Смертная казнь: взгляды русских криминалистов (обзор уголовно-правой литературы XIX в.) / Ю.В. Грачёва, А.А. Евдакимов // Lex Russica. – 2016. – № 12. – С. 95–105.

УДК 34.09

В. Ф. Голованова

*(Нижегородский научно-исследовательский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород)*

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. Д. СПАСОВИЧА

В данной статье рассматриваются страницы жизни и деятельности “короля российской адвокатуры” В. Д. Спасовича. Особое внимание уделяется его непростым периодам, начиная с увольнения из Санкт-Петербургского университета в 1861 г. в связи с гонением правительства на студентов и заканчивая его работой ведущего адвоката. Так же заслуживают внимания отзывы о великольном преподавателе и адвокате современников Спасовича. Уделяется внимание его наиболее ярким и непревзойденным речам на политических процессах. В частности, дается оценка речи о молодом революционно настроенном поколении и характеристике самого Нечаева.

За годы своей жизни и деятельности В. Д. Спасовичу пришлось не единожды терять любимое дело и начинать все сначала. Надо сказать, что под силу такое только уверенному и деятельному человеку.

Родившись в интеллигентной обеспеченной семье, казалось, ничто не предвещало будущему «королю российской адвокатуры», «величайшему русскому адвокату» [1, с. 615] столкнуться со множеством жизненных и профессиональных трудностей.

Прежде чем заслужить славу еще при жизни «видного», «известного», «выдающегося» адвоката, В.Д. Спасовичу надо будет закончить с отличием минскую классическую гимназию, поступить в Санкт-петербургский университет, где он с интересом занимается не только правовыми науками, но и литературой, историей, философией, пройти немалый путь становления.

В 1848 г., окончив университет, В.Д. Спасович получает скромную должность канцелярского чиновника в Палате уголовного суда в ведомстве Министерства юстиции. Здесь молодого юриста ждет первая неприятность. Случилось непоправимое: исчезает один из томов уголовного дела. Его увольняют, хотя это было самым мягким наказанием. Впервые он остается без работы. Но впереди ждет заслуженная награда: его приглашают в Петербургский университет читать лекции по гражданскому праву, а в 1857 г. он возглавил кафедру уголовного права с помощью известного в то время историка, литератора, философа К. Д. Кавелина, который по собственному признанию В.Д. Спасовича, одним из первых познакомил его с русской жизнью и помог сформироваться ему как писателю [2, с. 393].

Недолго занимал эту должность Владимир Данилович. В 1861 году в знак протеста притеснения прав студентов со стороны правительство он вместе с другими прогрессивными преподавателями был вынужден покинуть стены университета, хотя и очень любил преподавательскую деятельность и студентов. Сам Владимир Данилович, будучи уже «королем адвокатуры», с горечью признавался: «Нет профессии, которая могла бы мне быть больше, как профессорская на пользу студентам. Не будь ко мне немилостива судьба, я бы и донныне профессорствовал бы по призванию» [3, с. 79, 97].

Но и в этот раз В.Д. Спасович не ушел в тень, он опять занимается своим любимым делом: преподает в училище правоведения и одновременно работает над диссертацией, которую защитил в 1863 году. В этом же году издал «Учебник уголовного права». Прогрессивная юридическая общественность приветствовала выход в свет этого учебника. И не мудрено: никто до этого так ярко, подробно и живо не излагал теорию наказания. Это был учебник, в котором звучал призыв к справедливости и свободе самоопределения воли без карательных бесчеловечных мер [4, с. 125].

Однако, враждебно настроенная комиссия, созданная по распоряжению самого Александра II, провела расследование и посчитала необходимым изъять данный учебник, а самого автора отстранить от педагогической деятельности.

Лишившись возможности преподавать, В.Д. Спасович занялся журналистикой. Пишет статьи, критические разборы, издает десять томов сочинений на юридические, литературные, исторические, философские темы.

Общеизвестно, что в 1864 г. была принята Судебная реформа, и 31 мая 1866 года В. Д. Спасович одним из первых становится присяжным поверенным Санкт – Петербургской судебной палаты.

С этого момента весь свой профессиональный и жизненный опыт Владимир Данилович использует во благо людей. Ни физическое недомогание (заикание), ни плохое владение техникой речи в начале карьеры адвоката не помешали ему стать выдающимся защитником. Он обладал эрудицией, глубокими научными знаниями, энциклопедичностью, логикой и продуманной аргументацией, наконец, нравственностью. Это помогло ему зарекомендовать себя лучшим адвокатом своего времени, о чем писал его ученик: юрист, общественный деятель, выдающийся педагог второй половины XIX нач. XX века А.Ф. Кони: «Как часто приходилось представлять себе кого-либо, пришедшего в первый раз послушать в суде знаменитого Спасовича и сначала удивленно вопрошающего себя: «Как? Неужели это Спасович? Не может быть...», говорящего затем, через несколько минут: «А ведь, пожалуй, это он...» – и восклицающего, наконец, с восторгом: «Да, это он! Он и никто другой!» [5, с. 113].

Надо сказать, Владимир Данилович никогда не был импровизатором. Он всегда тщательно выверял лекции во время преподавания и судебные речи, когда был уже адвокатом. Конечно, со временем В.Д. Спасович, будучи опытным судебным оратором, произносил речи, не заглядывая в написанный им текст. Но в начале своей карьеры адвоката, по его собственному признанию, читал по бумажке.

Остановимся на наиболее ярких и значимых выступлениях В.Д. Спасовича как судебного оратора. Прежде всего, это, конечно же, политические процессы, а их в его юридической практике было немало. Именно здесь особенно ярко раскрывается талант адвоката.

Так, на процессе «нечаевцев» он произносит пламенную речь о молодом революционно настроенном поколении: «В России от отсутствия культуры, от того, что не на что опереться, почти всякий молодой человек делается радикалом, т. е. по необходимости, по естественному ходу идет докапываться до корня вещей, до сути отношений, до самой откровенной подкладки; он пробивается разлагающим эти отношения умом сквозь государство, сословность, религию, науки, искусство, сквозь все эти оболочки, и останавливается на том, откуда дальше и пути никакого нет, - на экономическом основании быта, на противоположностях и борьбе капитала и труда. Когда он остановился на этой

точке, то здесь встречает богатую литературу иностранную о рабочем вопросе на Западе и по необходимости делается социалистом. Можно сказать, что почти все мы там были, в этой социалистической стране» [6, с. 432].

Речь В.Д. Спасовича, произнесенную в адрес «фанатика социализма», «экстремиста» Нечаева, почетный академик, авторитет в области судебного красноречия К. К. Арсеньев, назвал «непревзойденным образцом русского ораторского искусства» [7, с. 29].

Надо заметить, что он был противником как красного, так и белого террора. Он не был на стороне революционно настроенных молодых людей, но он им сочувствовал, поэтому и защищал. И это были наиболее яркие и непревзойденные речи Владимира Даниловича.

В заключение хочется привести слова С. А. Андреевского, которые он произнес на юбилее великого мастера слова: «Ваши слова западали в чужое сердце, как капли кипящего сургуча, они сверкали и освещали вашу мысль, как бриллианты и молния» [8, с. 613].

Список использованной литературы

1. Андреевский, С. А. Драмы жизни. – Пг. – 1916. – 650 с.
2. Спасович, В. Д. Избранные труды и речи. – Тула: Изд-во «Автограф». – 2000. – 494 с.
3. Спасович, В. Д. Застольные речи [от 16 марта 1893 г. и 29 апреля 1901 г. Лейпциг, 1903 г.]. – Лейпциг., 1903. – 106 с.
4. Кони, А. Ф. Собр. соч.: в 8 т. Т. 5. – М.: Изд-во «Юридическая литература», 1968. – 542 с.
5. Кони, А. Ф. Указ. соч.: в 8 т. Т. 5. – 542 с.
6. Спасович, В. Д. За много лет. – СПб., 1872. – 665 с.
7. Арсеньев, К. К. За четверть века (1871–1894). – Пг., 1915. – 615 с.
8. Андреевский, С. А. Драмы жизни. – Пг., 1916. – 650 с.

УДК 357.191.11

Л. А. Козыревская

(Белорусский государственный экономический университет, Минск)

КОНВЕРГЕНЦИЯ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО В АКЦИОНЕРНОМ ПРАВЕ В РАБОТАХ В. Д. СПАСОВИЧА ОТНОСИТЕЛЬНО СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ДОКТРИНЫ И НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

В представленной публикации путем экстраполирования теоретико-прикладных положений работы В.Д.Спасовича «Об акционерных обществах» на состояние современного акционерного права выявляются проблемы установления соотношения и взаимопроникновения частноправовых и публично-правовых начал в практику государственного регулирования данной сферы. Высказываются суждения о ценности отдельных выводов и заключений ученого.

Проблема установления оптимального сочетания публично-правовых и частноправовых элементов в регулировании внутренних отношений в организациях корпоративного типа, прежде всего, акционерных обществах, поднималась еще в дореволюционной цивилистике, в том числе в трудах В.Д.Спасовича. Однако революция и последующий отказ от частной собственности, предпринимательства и, как следствие, полное огосударствление хозяйственной деятельности и исключение из системы общественных отношений юридических лиц, основанных на коллективном членстве автономных субъ-

ектов имущественных отношений привели к забвению теоретических достижений в области корпоративного права вообще и акционерного – в частности. В настоящее время состояние акционерного права Республики Беларусь можно оценить, как переходное от тотального государственного контроля в отношении организации и деятельности акционерных обществ (далее – АО) к отказу от патерналистских нарративов и поиску баланса общего и индивидуального интереса. В этой связи полезно провести переоценку взглядов цивилистов прежних эпох с учетом современного состояния общественных отношений и тенденций их развития. Вопрос о необходимости государственного контроля в области акционерного дела и его пределах был поставлен (что само по себе показательно) В.Д.Спасовичем в сообщении на заседании административного отделения Юридического общества при Санкт-Петербургском университете, которое впоследствии было включено в собрание сочинений ученого под наименованием «Об акционерных обществах» [1].

Фиксируя факты многочисленных банкротств и злоупотреблений со стороны учредителей АО, признавая необходимость государственного регулирования этой сферы, В.Д.Спасович тем не менее, указывал, что ценность акционирования, как формы капитализации, проявляет себя через экономический механизм и чрезмерное администрирование только вредит ему: «...несомненно – писал ученый – развитие акционерной растительности совершается крайне быстро и беспорядочно... всякое непринятие своевременно мер..., административных и в особенности законодательных... имеют последствиями крахи, разорения многих тысяч людей, пропажу многомиллионных капиталов. Однако если после катастрофы оглянешься назад, то во многих случаях окажется, что люди и миллионы погибли, а само то дело пережило кризис и что оно только при условии этой спекулятивной горячки и создано» [1, с. 175]. Далее автор, рассматривая внутреннюю структуру АО, делает предположение об отображении в организации управления обществом системы государственного устройства, как формы организации больших коллективов. Именно эта схожесть согласно позиции В.Д.Спасовича стала предпосылкой всех попыток истолковывать и регулировать акционерные отношения с позиций общесоциальных идеалов справедливости, вмешательства государства во внутренние отношения с целью обеспечения финансовой устойчивости организации и обеспечении прав всех участников вне зависимости от количества принадлежащих им акций. В подтверждении этого тезиса ученый ссылается на публикации И. Тарасова и А.Ф.Кони, в которых с позиций идеи равноправия всех участников компании предлагается установить, что все акционеры должны обладать равным числом голосов вне зависимости от количества принадлежащих им акций [1, с. 178]. Далее в своей работе В.Д.Спасович выстраивает систему аргументов, общий смысл которых сводится к тому, что отмеченная схожесть организации государства и АО носит поверхностный характер.

Отдельные проявления идеи трансляции в том или ином аспекте государственно-политической модели на сферу функционирования частноправовых объединений имеют место и в современных условиях. Например, устоявшаяся традиция классификации коммерческих юридических лиц на объединения лиц и объединения капитала и, соответственно, выделение такой специфической организационно-правовой формы, как производственные кооперативы, для которых в императивной форме установлено правило: «один член – один голос» (ч. 4 ст. 110 Гражданского кодекса Республики Беларусь). В русскоязычных публикациях также имеют место попытки заимствования терминологии из публичной сферы для выявления сущности внутриорганизационных отношений в коммерческих организациях. В частности, П.В.Степанов в своё время в качестве одного из принципов корпоративного управления называл «принцип внутрикорпоративной демократии», в содержание которого – по мнению автора – входит «...во-первых, решение важнейших вопросов деятельности организации ее участниками, образующими высший орган управления – общее собрание, а во-вторых, принятие решений участниками большинством голосов с обязательным подчинением меньшинства принятому решению,

даже если они голосовали против». Хотя здесь нужно отметить, что П.В. Степанов, уточняет, что «...постулаты и правила, которые раскрывают понятие демократии, должны применяться с учетом гражданско-правовой окраски регулируемых общественных отношений» [2, с. 56]. Еще более радикально подходит к выявлению сущности внутренних отношений в юридических лицах Ю.Г.Конаневич, который пишет, что «Вся совокупность органов юридического лица образует систему, обладающую признаками «локального разделения властей» (на уровне данного юридического лица) и механизмом сдержек и противовесов, аналогичным таковому в структуре механизма государственного управления» [3, с. 391–392].

Думается, что попытки проводить параллели между организацией корпоративного управления и политической системой общества, помимо того, что носят поверхностный характер и не позволяют выявить специфичность двух этих явлений, также приводят к негативным последствиям, обосновывая императивность в правовом регулировании акционерной сферы. В этой связи нужно отметить непреходящую ценность суждений В.Д.Спасовича о различиях в природе отношений гражданина и государства, с одной стороны, и акционера и общества – с другой. В частности, ученый пишет о том, что гражданин и государство связаны не только взаимными правами, но и обязанностями. «Отношение его [гражданина] к государству постоянное – пишет указанный автор – оно должно быть сердечное, эта сердечность... обязательна нравственно и юридически... патриотизм для гражданина... обязателен и выражается во множестве уголовных постановлений, которыми усиливаются наказания за образ действия в свою личную пользу, и ко вреду общественного, народного или государственного блага» [1. с. 180]. Корпоративные же отношения строятся, прежде всего, на имущественном интересе, акционер предполагает получить доход от своего участия в данном объединении (не обязательно в виде дивидендов, возможно имеется ввиду инвестиционный доход) и, в силу этого, объединение носит свободный характер, его члены не связаны ничем иным, кроме участия в капитале. Соответственно и управление в обществе, по своей сути не является управлением в строгом смысле данного понятия.

Управление как публично-политический феномен предполагает принуждение к определенной модели поведения, навязываемой управляющими управляемым. В акционерном обществе процесс управления представляет собой сложное взаимодействие акционеров, в результате которого, во-первых, формируется воля организации, выбираются лица, которые под видом органов управления будут выражать эту волю вовне. Не случайно органы управления АО не наделяются правосубъектностью в белорусском законодательстве, а ответственность за действия, нарушающие локальные корпоративные нормы и причиняющие убытки организации несут члены этих органов. Во-вторых, отсутствуют механизмы принудительного исполнения решений органов управления применительно к отдельным акционерам. В-третьих, акционеры, которые радикальным не согласны с решением, принятым большинством могут разорвать корпоративную связь через институты продажи акций или принудительного выкупа. Вместе с тем, акционерная форма концентрации капитала потенциально несет угрозы злоупотребления со стороны мажоритарных акционеров, исполнительных органов, что может повлечь за собой значительные финансовые утраты. Вся история акционерных обществ изобилует примерами таких злоупотреблений и даже мошенничеств, на что, как уже отмечалось ранее, в своей работе «Об акционерных обществах» указывает и В.Д.Спасович. Потребность защиты имущественных интересов граждан побуждают государства к использованию административных мер защиты прав участников акционерных объединений, а также иных лиц, взаимодействующих с подобными юридическими лицами, что приводит к конвергенции частноправового и публичного начала в акционерном праве.

Думается, что сочетание публично-правовых частноправовых методов регулирования в акционерном праве, а одной стороны, не означает, что акционерное право представляет собой некое особое правовое образование в отраслевой структуре белорусского

права. Оно было и остаётся частью гражданского права. С другой стороны, имеет место необходимость теоретического обоснования возможности и пределов такой конвергенции. В качестве основ теоретико-прикладного обоснования публичного воздействия и его пределов можно рассматривать выводы В.Д.Спасовича о положительных аспектах законопроекта 1874 г. о компаниях на акциях. В частности, ученый отмечает, что АО должны регулироваться общими законами и, соответственно, должна быть исключена практика индивидуального регулирования. Данный посыл, представляется, не потерял актуальность и для Республики Беларусь. Белорусское государство все чаще использует форму индивидуального правового регулирования. В этой связи можно отметить Указ Президента Республики Беларусь от 21.06.2011 г. № 261 «О создании открытого акционерного общества «Банк развития Республики Беларусь»», в котором в качестве учредителей данной организации названы Совет Министров Республики Беларусь (который не является юридическим лицом – статусом юридического лица обладает только Аппарат Совета Министров – и не имеет полномочий выступать в качестве учредителя акционерных обществ (может создавать, реорганизовывать или ликвидировать юридические лица, имущество которых находится в собственности Республики Беларусь [4, ст. 10¹, 39])). Кроме того, в ст. 3 закона Республики Беларусь от 9 декабря 1992 г. № 2020-XXII «О хозяйственных обществах» закреплено положение согласно которому особенности (другие правила) создания, деятельности, реорганизации и ликвидации отдельных хозяйственных обществ устанавливаются Президентом Республики Беларусь, тем самым создавая основы для индивидуального правового режима, что соответствует скорее распорядительной деятельности государства по формированию системы органов управления и нарушает базовый частноправовой принцип равноправия субъектов имущественных отношений. В.Д.Спасович писал, что правила могут быть общими и специальными для отдельных компаний [1, с. 190–191] и это, безусловно, верный тезис. Действительно, может быть установлен специальный правовой режим в зависимости от вида деятельности АО (например, банки и страховые организации); от личности участников (общества с иностранными инвестициями), но вряд ли соответствует сущности акционерных отношений введение индивидуального правового режима.

В качестве положительных аспектов анализируемого в названной работе законопроекта, В.Д.Спасович указывает на закрепление механизмов антимонопольного контроля, противодействия неправомерному использованию инсайдерской информации. Думается, что это и есть основные направления публично-правового воздействия на сферу корпоративных отношений. Причем наличные нормы белорусского законодательства в отмеченной сфере нуждаются в совершенствовании, особенно, применительно к правовому статусу инсайдеров, в отношении которых установлены специальные ограничения только в законе Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 231 «О рынке ценных бумаг» (ст. 60), что явно недостаточно для обеспечения баланса прав акционеров и третьих лиц.

Кроме того, как проникновение публичного в сферу частного интереса стоит оценить и непосредственное участие государства в качестве акционера в обществах. Во-первых, такое участие порождает вопросы относительно вещных прав на имущество акционерного общества, поскольку, учитывая положения ст. 44 Гражданского кодекса Республики Беларусь, имущество, внесенное в качестве вклада в уставный фонд АО, переходит в собственность последнего. Таким образом, имеет место безвозмездное отчуждение государственного имущества, что вряд ли соответствует функциям и роли государства, как публичного института. Во-вторых, в соответствии со ст. 3 закона Республики Беларусь от 9 декабря 1992 г. № 2020-XXII «О хозяйственных обществах» учредителями таких организаций могут быть только физические и (или) юридические лица, т.е. публично-правовые образования этой правовой возможности не имеют. Кроме того, участие в АО государства с неизбежностью влечет изменение сущности и содержания их деятельности: государство не может в силу своей природы ставить в качестве своей основной цели извлечение прибыли, что, в свою очередь является единственной и исключительной целью акционеров.

Таким образом, наследие В.Д. Спасовича в части разрешения вопроса о допустимости и пределах взаимодействия и взаимопроникновения частноправовых и публично-правовых начал в систему регулирования акционерных отношений применительно к становлению и развитию доктрины корпоративного права не утратило своей актуальности.

Список использованной литературы

1. Спасович, В.Д. Об акционерных обществах / В.Д.Спасович // Избранные труды – Минск : Редакция журнала Промышленно-торговое право, 2015. – С. 174–206
2. Степанов, П.В. Корпоративные отношения в коммерческих организациях как составная часть предмета гражданского права: ... дис. канд. юрид. наук: 12.00.03 / П.В.Степанов. – М., 1999.
3. Конаневич, Ю.Г. Правоспособности и дееспособность юридических лиц. Органы юридического лица / Ю.Г.Конаневич // Гражданское право. Общая часть : учеб. пособие / В. А. Витушко [и др.] ; под ред. В. А. Витушко и М. Н. Шимкович. – 2-е изд., стереотипное. - Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2023. – С. 265–266.
4. О Совете Министров Республики Беларусь [Электронный ресурс] : закон Респ. Беларусь, 23 июля 2008 г. № 424-З : с изм. и доп. от 12 июля 2023 г. № 282-З. ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

УДК 94:343.14:808.51:347.97/.99(470)«18»:929*В.Д.Спасович

Т. В. Сенькова

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель)

ЮРИДИЧЕСКАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ В СУДЕБНЫХ РЕЧАХ В. Д. СПАСОВИЧА

В статье на основе имеющихся в науке представлений о теории аргументации проанализированы известные судебные речи В.Д. Спасовича. Приведены примеры различных средств аргументации, применяемых оратором. Отмечены некоторые современные подходы к юридической аргументации, а также ее значимость в юридической практике как эффективного способа убеждения и разрешения правовых конфликтов.

Аргументация от лат. *argumentatio* – приведение аргументов. В научной литературе немало внимания уделяется аргументации, как теории убеждения. Аргументация связана с различными сферами общественной жизни, исследуется в логике, риторике, социологии, а также в юридической науке, что свидетельствует не только о теоретической, но и о практической значимости исследуемого вопроса. Ученые дают разные определения понятию «аргументация», выделяют виды, характеризуют структурные элементы, цели и функции аргументации, предпринимают попытки разграничить аргументацию и доказательства. Задача данного исследования состоит в том, чтобы на основе имеющихся в науке представлений о правилах, принципах и средствах аргументации проанализировать некоторые судебные речи известного юриста «короля русской адвокатуры» Владимира Даниловича Спасовича (1829-1906) и привести примеры средств аргументации, мастерски использованных им при обосновании позиции в судебных процессах.

В юридической сфере аргументация имеет особое значение. Исследовательский интерес к ней проявляли многие правоведы и философы различных исторических эпох, начиная с античности (Сократ, Платон, М.Т. Цицерон). Значительный вклад в разработку

приёмов правовой аргументации внесли французские судебные деятели XVI – XVII вв. – Леместр, Патрю, де Саси, Жербье, XIX в. – Лашо, Беррье, Лабори, Морнар и др., русские юристы А.Ф. Кони, А.И. Урусов, Ф.Н. Плевако, М.Г. Казаринов, А.В. Лоховицкий [1, с. 17]. Правовую, нормативную аргументацию приводят как один из основных методов в юридической практике активно способствующий разрешению конфликта. Под аргументацией понимают систему способов убеждения, которым присущи рациональный характер, социальная и диалогическая обусловленность, вербальная форма выражения. Следует согласиться с тем, что целью аргументации является не только убеждение аудитории в правильности какого-то положения и склонение к принятию определенной точки зрения, но также, что немаловажно – побуждение к размышлению, действию [2, с. 295].

К аргументам в юридической практике предъявляют требования эффективности, действительности, законности, обоснованности, весомости. Кроме того, в научной литературе разработаны принципы представления юридической аргументации, среди которых ясность и однозначность; последовательность и логичность; достоверность; имманентность (постоянство); плюрализм и максимальная простота [2, с. 296].

Отдельное внимание ученых уделяется сопоставлению аргументации и доказывания в судебном процессе. Так Каргин К.В. выделяет следующие критерии разграничения аргументации и доказывания: разные стадии, отличающиеся цели и средства, характер деятельности и процессуальная регламентация. Автор высказывает мнение о том, что юридическая аргументация и доказывание являются смежными правовыми явлениями, но придерживается позиции об их самостоятельности и обособленности друг от друга [3, с. 15–16]. Нам же ближе позиция, согласно которой правовые доказательства являются одним из важнейших средств юридической аргументации, который лежит в основе выбора правовых аргументов, приемов и способов аргументации [4, с. 69].

Ученые справедливо отмечают, что современная юридическая аргументация строго регламентирована, в ней используются языковые средства, которые подчеркивают нейтральность речи, нет места метафорам, художественным приемам. Правовые аргументы имеют однозначный характер [1, с. 19]. В тоже время исследователи современной юридической аргументации часто рассматривают ее как особый вид коммуникативной активности, при которой аргументация не сводится к доказательству или опровержению, а ориентируется на убеждение аудитории, путем воздействия на интеллектуальные, эмоциональные, волевые сферы, использования таких способов убеждения как апелляция к силе или невежеству, апелляция к выгоде, здравому смыслу, апелляция к состраданию, верности [5, с. 252].

Внимание к ораторскому искусству и сегодня не ослабевает, также очевидно, что, для юриста важно иметь развитые коммуникативные навыки, владеть средствами эффективной аргументации. В свою очередь это делает еще более интересным изучение ораторского мастерства известных юристов дореволюционного периода России, таких как В.Д. Спасович. Русский юрист, много сделавший для обобщения богатого опыта российского судебного красноречия П.С. Пороховщиков высоко оценивал ораторские качества В.Д. Спасовича, сравнивая его судебные речи с «пушкинским стихом» [6, с. 171]. Судебные речи Спасовича В.Д. могут служить хорошим примером с точки зрения композиции, культуры, языковых и психологических механизмов воздействия [7, с. 181].

Юридическую аргументацию ученые часто разделяют на рациональную и нерациональную. Где рациональная аргументация предполагает использование четких фактов, а нерациональная допускает использование чувств и эмоций [8, с. 53]. Выделяют также разные аспекты аргументации: фактуальный, риторический, аксиологический, этический, логический, лингвистический, психологический и другие аспекты. В этой связи всю совокупность методов и приемов убеждающего воздействия делят на две большие группы: логические и внелогические (лингвистические, риторические, эмоционально-психологические) [9, с. 30–31].

В речах В.Д. Спасовича четко прослеживается рациональный, логический подход, где адвокат опирается на конкретные эмпирические и теоретические факты. В обоснование позиции В.Д. Спасович активно приводит сильные аргументы. К сильным аргументам в литературе относят научные теоремы и аксиомы, статьи нормативных правовых актов, экспериментально доказанные положения, данные экспертиз, ссылки и цитаты авторитетных источников, пользующихся доверием, свидетельства очевидцев [10, с. 65]. Так в судебных речах В.Д. Спасович всегда активно ссылается на свидетельские показания: «...из всего судебного следствия, из рассказов тех лиц, которые участвовали в преступлении и передали все мельчайшие подробности...» [11]; вещественные доказательства: «При обыске, произведенном поздно ночью в собственной квартире Островлевой в Разъезжей, в коридоре и в кухне отысканы уздечка, шлея и вожжи, похищенные у Савина» [12]; на результаты экспертиз: «...впрочем, удостоверено медицинским освидетельствованием, что обе раны, и на затылке, и у глаза, нанесены заостренным тяжелым орудием; вероятно обе нанесены почти с одинаковой силой и одним и тем же орудием» [12].

Также следует обратить внимание на то, что в своих речах В.Д. Спасович уделяет большое внимание анализу законодательства, мнениям ученых и экспертов. Так по делу Островлевой В.Д. Спасович обращается к вопросам квалификации преступления: «...вы, господа присяжные,.. должны подумать, с тем, чтобы их (преступные действия) подвести, как того требует обвинение, под понятие разбоя. Для понятия разбоя, по нашему закону, необходимо, чтобы нападение на личность было переходной ступенью и средством для нападения на имущество» [12]. Анализируя нормы законодательства о невменяемости В.Д. Спасович отмечает: «Закон уголовный не представляет вам права судить так называемых когда-то «людей божьих», иными словами, тронутых, помешанных». Он подвергает критике ст. 95 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, ссылаясь на научные теории и новые нормативные акты, апеллирует к авторитетным юристам и экспертам: «Эта статья немного устарела; вот какими чертами изображаются причины невменяемости в теории и в новых законодательных проектах... Юристы, например, Таганцев, утверждают... Так ответил, по крайней мере, эксперт Чечот, когда я ему поставил прямо этот вопрос» [12].

В.Д. Спасович полагал, что доказательства являются основанием убеждения судьи о виновности или невиновности подсудимого [13, с. 18]. При этом достоверность доказательств, как считал В.Д. Спасович, не может быть безусловной, а только относительной, «ибо наш ум – близорукий и ограниченный, не может и помышлять о том, чтобы объять всю истину, совместить в себе необъятное, беспредельное». А.Ф. Кони подчеркивал, что речи В.Д. Спасовича отличались тонким анализом обстоятельств дела и личности обвиняемого, мастерской разработкой доказательств. Адвокат докапывался до сути вещей, выявлял слабые стороны обвинения, мастерски распределял доказательный материал. Во многих делах В.Д. Спасович демонстрировал отменное искусство доказывания с помощью косвенных улик [14, с. 13].

В своих судебных речах В.Д. Спасович всегда рассудительно, последовательно, с глубоким знанием права, психологии, медицины формулировал доводы в обоснование своей позиции. По делу Островлевой В.Д. Спасович также демонстрирует глубокую осведомленность в области психиатрии и анатомии с тем чтобы аргументировать ее невменяемость: «...всякое нервное или мозговое страдание есть душевная болезнь, но все душевные болезни суть вместе с тем болезни нервные и мозговые, так что в область психиатрии входят и падухая болезнь, и истерия, и отравление себя человеком вследствие злоупотребления спиртными напитками или так называемый алкоголизм»; «...память ее ослабела, в умственной функции замечен регресс. Причина того обнаружена на суде и заключается в ее гидроцефализме, в дурном окостенении ее рахитического черепа, в неправильном строении этого черепа, со впадиною в темени, с горловидной выпуклостью затылка в два вершка и с соответствующей глубокой впадиной между костями верхнезатылочной и заднетеменной» [12].

Часто тезисы в пользу защиты своего клиента В.Д. Спасович формулировал посредством вопросительных предложений, в чем отчетливо проявляется цель побудить присяжных к размышлению: «...но второй вопрос: было ли событие деянием Островлевой, несравненно легче решается, нежели третий; может ли быть вменено ее деяние в вину, то есть, может ли быть возложена на нее полновесная за это деяние ответственность» [12].

В случаях использования рациональных средств аргументации оратор стремится доказать истинность своей позиции. Однако в своих судебных речах В.Д. Спасович не пренебрегает и нерациональной, внелогической аргументацией, используя средства, воздействующие на чувства и эмоции, имея целью убедить аудиторию путем эмоционально-психологического влияния. Адвокат часто апеллирует к совести, здравому смыслу, состраданию, справедливости: «Я не оскорблю вас, господа судьи, если скажу, что и я, и мои клиенты возлагаем на вашу совесть надежду, что вы совершите эту великую, трудную работу» [15]; «..и если постигнет ее та кара, которая грозит ей, то я думаю, что это наказание для нее все-таки будет благотворно, потому что оно не может на нее не подействовать. Положение, которое будет создано для нее вашим вердиктом, как оно ни ужасно, для нее будет все-таки лучше, нежели то положение, в котором она находилась» [11]; «...эта женщина так мало развита, и потом преступление, которое совершилось на ее глазах, до такой степени могло подействовать на еще большее ее падение, стереть совершенно все ее нравственные понятия»; «Какая польза государству, что эта осужденная зарежется или повесится. Не она первая, не она последняя, много осуждаемо было и осуждается сумасшедших. Это явления печальные, точно упреки нашей цивилизации» [12].

Важнейшим элементом аргументации является топос (общее место) который помогает оратору объединиться с аудиторией. Топосы – это мысли, основанные на ценностях и предпочтениях, нравственных ориентирах, эстетических идеалах, интеллектуальных интересах, разделяемых конкретной аудиторией [16, с. 58].

В.Д. Спасович в своих речах часто прибегал к доводам, основанным на общепринятых ценностях, таких как честь, достоинство, нравственность, совет, справедливость, истина. Из дела Дементьева: «Я полагаю, что к военной дисциплине совершенно применимо то, что говорили средневековые мыслители о справедливости: *justitia regnorum fundamentum* основа царства есть правосудие. Я полагаю, что правосудие есть основание всякого устройства, будет ли то политическое общество, будет ли то строй военный» [17]. В целом в защитительной речи по делу Дементьева В.Д. Спасович постоянно апеллирует к военной дисциплине, имеющей бесспорное значение для военнослужащих. А как справедливо отмечает Баишева З.В. самой перспективной для оратора категорией считаются топосы, построенные на основе групповых ценностей. Топосы в целом, помогают оратору склонить слушателей к своей точке зрения, придают речи особую, силу, повышают эффективность судебных речей [16, с. 62].

Искусство аргументации предполагает также умение опровергать. Опровержение может производиться в том числе путем «сведения к абсурду», когда условно допускается истинность выдвинутого оппонентом положения и выводятся логически вытекающие из него следствия, которые в итоге противоречат объективным данным, что делает несостоятельным тезис оппонента [2, с. 298].

Зачастую в судебных процессах В.Д. Спасович использует прием, при котором изначально признает вину подзащитного и представляет факты, уличающие его. Однако затем последовательно, системно приводит доводы в оправдание с целью смягчить приговор суда. Из дела Авдеевой: «Если есть дело, которое могло бы прямо идти на суд без судебных прений, прямо после судебного следствия, так это именно настоящее... Я должен сказать, что это поле, эта возможность добиваться смягчения участи особенно малы, особенно ничтожны для меня, как защитника Авдеевой... Совершается дело

крови ... говорит обвинительная власть; неизвестно, по чьему велению, - говорит товарищ мой по защите. Из этих двух предположений, я должен откровенно сказать, что не могу не стать на сторону первого. Конечно, есть приличия, которые должна соблюдать защита, но есть и истина, которая имеет также свои права [11].

Характеризуя подзащитную Авдееву, обращаясь к присяжным В.Д. Спасович использует сравнение, образные слова, риторические вопросы: «...если бы вы не имели перед собой живое лицо... то в вашем воображении должно бы составиться представление о каком-то чудовище, - что это не женщина, а какой-то демон, урод, страшилище, что в ней нет ничего человеческого... Но, затем, вы натолкнетесь на следующие соображения: как же могло появиться такое чудовище? Мыслило ли оно и чувствовало ли оно, как все другие лица? Какое было его сердечное участие в деле, сверх несомненного механического?» [11].

Далее в своей речи по делу Авдеевой В.Д. Спасович уделяет детальное внимание характеристике воспитания, уровня умственного и нравственного развития, социального статуса подзащитной, ее зависимости от главного участника с целью оправдания: «Я только рассказывал и описывал, но мне кажется, что это-то описание и послужит в защиту Авдеевой. Сообразите, - вы видите теперь, что это за субъект? Он измывал при внимательном разборе. Вместо чудовища... оказывается в действительности только существо, едва подходящее на человека недоразвитого, существо, с которым только и можно обойтись, как с неразумным животным» [11]. Призывая суд к справедливости по делу Авдеевой В.Д. Спасович говорит: «Это совершенно обыкновенные люди, так что, собственно говоря, они должны возбуждать скорее жалость... Вы соизмерите строгость вашего приговора с действительной виной каждого из них» [11].

В.Д. Спасович использует всю широту устных средств юридической аргументации. К таким средствам в современной научной литературе относят: лексические (сравнения, образные слова и др.); стилистические (повторы, оценочные слова и др.); композиционные (любая речь имеет введение, основную часть и заключение); семантические (явное отрицание или уступка); аргументативные (риторические вопросы, создание очевидности и общеизвестности фактов и др.) [10, с. 65].

В.Д. Спасович в судебных речах умеет выдержать баланс рационального и эмоционального изложения доводов, сухих юридических фактов и мастерски подобранных лексических, стилистических оборотов, отражающих образность мышления: «...где ум проводит черты и грани, там существуют только едва заметные переходы от света к тени, едва уловимые переливы красок без всяких точных очертаний... Вы не отметите, когда именно больной выздоровел, где кончается чудачество и где начинается психоз, где психопатическое состояние превращается в определенную форму сумасшествия»; «Пред вами может стоять человек, на котором крупными чертами написано, что он тронутый. Еще несколько шагов и тускло мерцающий, еле дымящийся огонек сознания потухнет»; «... в этом ненормальном существе есть два органических недостатка, невольные, природные и некоторые, может быть, наследственные: склонность к пьянству, располагающему к душевному заболеванию. Машина, как видите, была плохая и испорченная, когда машина плоха, то она не может хорошо действовать»; «Вы не решитесь это печальное явление допустить. Над этой женщиной тяготеет проклятие природы, ее не должна касаться казнь государственная» [12].

Следует отметить, что В.Д. Спасович умело определяет необходимые средства воздействия на суд, знает и владеет методологией аргументации. Так по делу Деменьтьева В.Д. Спасович обращает внимание суда: «Хотя судьба, а может быть, и жизнь, трех людей висит на конце пера, которым суд подпишет свой приговор, защита не станет обращаться к чувству судей, играть на нервах, как на струнах»; «...из образа действий на суде сквозила бы та истина, до которой приходится теперь добираться путем весьма трудным, окольным, путем соображений, сопоставлений, сравнений, заключений» [17].

Как справедливо отмечается современными учеными судебная речь – одна из самых ответственных из всех речей, поскольку за выступлением судебного оратора стоит жизнь человека [2, с. 298].

Вышеизложенное, позволяет сделать вывод о том, что судебная речь В.Д. Спасовича соответствует основным правилам аргументирования, принятым в теории аргументации: она отличается простотой, точностью, использованием корректных и убедительных терминов. Доводы, приводимые им в доказательство своей позиции понятны, логичны, они вытекают из глубоких теоретических и практических знаний. Изучение судебных речей таких известных юристов как В.Д. Спасович ценно для современных юристов, которым, безусловно, важно владеть техникой аргументации, обосновывать свою позицию и опровергать тезисы оппонентов. Владение средствами аргументации позволяет не только убеждающе воздействовать на аудиторию, но и эффективно разрешать конфликтные ситуации.

Список использованной литературы

1. Парунова, Ю.Д. Правовая аргументация: логико-лингвистический аспект / Ю.Д. Парунова // Известия вузов. Северо– кавказский регион. Общественные науки. – 2019. – № 3. – С. 7–21.
2. Пронина, М.П. Правовая аргументация и ее использование в процессе доказывания по гражданским делам / М.П. Пронина // Юридическая техника. – 2013. – №7 (ч.1) – С. 295–298.
3. Каргин, К.В. Основания разграничения юридической аргументации и юридического доказывания / К.В. Каргин // Вестник Нижегородского академии МВД России. – 2013. – №24. – С. 15–19.
4. Байрамов, А.Г. Правовые доказательства как средства юридической аргументации / А.Г. Байрамов // Юридическая техника. – 2013. – №7 (ч.1) – С. 68–70.
5. Парфенов, А.В. К вопросу об основных тенденциях в области юридической аргументации / А.В. Парфенов // Юридическая техника. – 2013. – №7 (ч.1) – С. 250–255.
6. Сергеич, П. Искусство речи на суде / П. Сергеич // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2014. – №1 – С. 168–183.
7. Сенькова Т.В., Можяева Л.А. Судебная речь В. Д. Спасовича в формировании коммуникативных компетенций юриста / Т.В. Сенькова, Л.М. Можяева // Государство, право и общество в Российской империи XIX в.: к 190– летию со дня рождения В.Д. Спасовича: материалы международной научной конференции. Гомель, 15–16 ноября 2019 г. / отв. ред. И.В. Ершова, С.О. Шаляпин. – Архангельск: 2020. – С. 180–185.
8. Александров, А.С. Цель и средства аргументации в уголовном судопроизводстве / А.С. Александров // Юридическая техника. – 2013. – №7 (ч.1) – С. 52–59.
9. Толстик, В.А. Специфика аргументации в юридической науке / В.А. Толстик // Юридическая техника. – 2013. – №7 (ч.1) – С. 28–35.
10. Усманова, Е.Ф. Юридическая аргументация при разрешении правовых споров и конфликтов / Е.Ф. Усманова // Вестник академии права и управления. – 2021. – №4. – С. 64–66.
11. Спасович, В.Д. Речь по делу Авдеевой [Электронный ресурс] : Судебные речи известных русских юристов. – Режим доступа : <https://hatituli.ru/rech-po-delu-avdeevoj/>. – Дата доступа : 14.11.2023.
12. Спасович, В.Д. Речь по делу Островлевой и Худина [Электронный ресурс] : Судебные речи известных русских юристов. – Режим доступа : <https://hatituli.ru/rech-po-delu-ostrovlevoj-i-xudina/>. – Дата доступа : 14.11.2023.
13. Брянская, Е.В. О развитии доказательств в уголовном процессе дореволюционной России / Е.В. Брянская // Сибирский юридический вестник. – 2014. – №4(67). – С. 15– 20.

14. Спасович, В.Д. Избранные труды / В.Д. Спасович. – Минск : Редакция журнала «Промышленно– торговое право», 2015. – 320 с. – (Наследие права).
15. Спасович, В.Д. Речь по делу Давида и Николая Чхотуа и др. (Тифлисское дело) [Электронный ресурс] : Судебные речи известных русских юристов. – Режим доступа : <https://hatituli.ru/rech-po-delu-davida-i-nikolaya-chhotua-i-dr-tiflisskoe-delo/>. – Дата доступа : 14.11.2023.
16. Баишева, З.В. Топосы в судебной речи/ З.В. Баишева // Правовое государство: теория и практика. – 2011. – № 3 (25). – С. 58-61.
17. Спасович, В.Д. Речь по делу Дементьева. [Электронный ресурс] : Судебные речи известных русских юристов. – Режим доступа : <https://hatituli.ru/rech-po-delu-dementeva/>. – Дата доступа : 14.11.2023.

ТЕНДЕНЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ СНГ И МИРОВОГО СООБЩЕСТВА, ИНТЕГРАЦИИ ОБЩЕПРИЗНАННЫХ ПРИНЦИПОВ И НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ В БЕЛОРУССКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

УДК 349.3.338.2.339.924(476+470+571)

Т. А. Горупа

(Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина, Брест)

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В данной статье автор исследует понятие гражданского общества, его структуру и роль в международных организациях региональной интеграции. Автор приходит к выводу, что институтами гражданского общества интеграционного союза будут являться организации, которые прямо решают интеграционные цели и задачи. ЕС демонстрирует активную вовлеченность институтов гражданского общества государств-членов в реализацию целей европейской интеграции, что требует обобщения такого опыта и внедрения в региональные организации постсоветского пространства.

Гражданское общество как совокупность независимых от государства самоорганизующихся общественных, религиозных и иных некоммерческих организаций, состоящих из граждан и юридических лиц, имеет длительную историю развития, начиная со времен Просвещения. Основной проблемой, решаемой с тех времен, является проблема степени вмешательства государства в дела гражданского общества и поиск путей взаимодействия гражданского общества и государства.

В ряде социальных наук (философия, социология, юриспруденция) сложились собственные школы, предлагающие с разных позиций решать актуальные проблемы гражданского общества и государства. В национальном законодательстве с принятием Закона Республики Беларусь «Об основах гражданского общества» [1] определяется содержание нормативного регулирования вопросов взаимодействия государства и гражданского общества преимущественно в политической сфере. А вот вопросы взаимодействия гражданского общества и институтов интеграционных союзов либо выявления вообще роли гражданского общества в функционировании организаций региональной экономической интеграции в науке не исследованы, а наднациональное (интеграционное) законодательство постсоветского пространства (СНГ, ЕАЭС, Союзного государства) фактически не регулирует подобные отношения. Более того, на официальных сайтах интеграционных союзов так же отсутствует информация по данному вопросу.

Современные авторы фрагментарно исследуют роль гражданского общества в становлении и развитии интеграционных союзов, концентрируя свое внимание лишь на отдельных аспектах проблематики, к примеру, миграционной политике (Прыткова Ю. И. [2]), коллективной безопасности (Алексеев С.Н. [3]).

Если традиционно считается, что гражданское общество противостоит государству и представляет собой совокупность некоммерческих организаций, можно ли считать, что гражданское общество интеграционных союзов государств – это совокупность всех некоммерческих организаций всех государств-членов, которые противостоят институтам союза и одновременно органам власти соответствующих государств? Цели союзов и цели государств-членов таких союзов и их гражданских обществ идентичны?

Здесь уместно процитировать определение гражданского общества Ермак О.И., к которому она приходит в процессе своего диссертационного исследования: «гражданское общество, в котором условия для реализации законных интересов, прав и свобод

граждан, создаются при активной поддержке со стороны государства, передающего часть властных функций добровольным, самоуправляемым, некоммерческим формированиям, созданным по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей» [4, с. 4].

Таким образом, у гражданского общества и государства в идеале должны быть общие цели. По нашему мнению, гражданское общество находится между личностью и государством и как раз соединяет интересы отдельной личности и государства в общие коллективные интересы. Учитывая специфику интеграционного союза, который создается на основании международного договора и имеет статус международной региональной организации, в которых определены свои цели и задачи, можно предположить, что институтами гражданского общества союза будут являться организации, которые также будут решать интеграционные цели и задачи.

Проанализируем учредительные договоры интеграционных союзов постсоветского пространства. К примеру, Устав СНГ в ст. 2 определяет, что целями Содружества являются, в том числе сотрудничество, создание общего экономического пространства и содействие гражданам в передвижении, взаимной правовой помощи и т.д. [5]. В свою очередь Договор о ЕАЭС определяет в ст. 4 сугубо экономические цели данной организации – создание условий для стабильного развития экономик государств-членов, стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов и всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики [6]. Договор о Союзном государстве в ст. 2 целями называет, кроме обеспечения безопасности, мира и построения экономического пространства, также проведение согласованной внешней и социальной политики, создание единой правовой системы [7].

Соответственно гражданское общество интеграционного союза должно включать негосударственные организации, призванные решать цели союза. Соответственно для СНГ и Союзного государства, ставящих, кроме экономических целей интеграции, так же военные, социальные и иные цели, в состав гражданского общества будут входить самые разнообразные организации. И соответственно в ЕАЭС – это негосударственные организации, преследующие исключительно цели экономической интеграции.

Обратимся к опыту ЕС как организации, существующей с середины прошлого века, накопившей ряд позитивных практик, в том числе и по вопросу правового регулирования функционирования субъектов гражданского общества государств-членов, реализующих интеграционные цели и задачи.

На уровне источников первичного права необходимо отметить статью 11 Договора о ЕС, которая императивно требует, чтобы институты Союза поддерживали открытый, прозрачный и регулярный диалог с гражданским обществом и с помощью соответствующих средств предоставляли гражданам и представительным объединениям возможность доводить до сведения и публично обмениваться своими взглядами во всех областях деятельности Союза, более того, Европейская Комиссия обязана проводить широкий диалог с заинтересованными сторонами [8].

Среди источников вторичного права следует указать на Регламент (ЕС) 2021/692 Европейского парламента и Совета от 28 апреля 2021 года, устанавливающий Программу «Граждане, равенство, права и ценности». В преамбуле Регламента неоднократно указывается на важность европейских прав и ценностей, которые должны «активно культивироваться, защищаться, продвигаться, обеспечиваться и распространяться среди граждан и народов и чтобы они оставались в центре проекта Союза» [9]. Данный Регламент учреждает новый Фонд справедливости, прав и ценностей, включающий ряд Программ, цели который закреплены ст. 2 как защита и продвижение ценностей Союза (а), продвигать права, недискриминацию и равенство (б), содействовать вовлечению граждан в демократическую жизнь Союза и обменам между гражданами государств-членов, повышать осведомленность об их общей европейской истории (с), по борьбе с насилием (g).

Приняты и другие Регламенты ЕС по вопросам сотрудничества между образовательными и научными учреждениями [10; 11].

Таким образом, можно сделать следующие обобщающие выводы по поставленной проблеме понятия, сущности и роли гражданского общества в деятельности международных региональных организаций:

– гражданское общество государств-членов интеграционных союзов включает негосударственные организации (региональные, национальные, транснациональные), которые имеют цели аналогичные целям, определенным в учредительных договорах международных региональных организаций, то есть их деятельность направлена на решение интеграционных задач в различных сферах. Таким образом, гражданское общество является полноценным субъектом интеграционных отношений в любой региональной организации;

– особенностью интеграционных процессов на постсоветском пространстве является их инициирование «сверху», благодаря политической воле глав государств-членов, хотя в идеале, представляется, что инициатива должна быть «снизу» от гражданского общества государств-членов, как естественное выражение воли граждан на евразийском пространстве;

– гражданское общество ЕС вовлечено в реализацию целей европейской интеграции, а институты ЕС имеют ряд обязанностей реализовывать данную политику, так как «это будет иметь глубокие и прямые последствия для политической, социальной, культурной и экономической жизни в Союзе» [9]. И позитивный европейский опыт должен быть исследован более глубоко для решения вопроса возможности его применения на постсоветском пространстве.

Список использованной литературы

1. Об основах гражданского общества [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 14 фев. 2023 г. №250-З. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=N12300250>. – Дата доступа: 19.11.2023.

2. Прыткова, Ю. И. Современная миграционная политика Российской Федерации по отношению к странам-участницам СНГ: процесс становления, особенности институционализации и технологии осуществления : автореф. дис....канд. полит. наук : 23.00.02 / Ю. И. Прыткова; ГОУ ВПО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского». – Н. Нов-д., 2011. – 24 с.

3. Алексеев, С. Н. Проблема нормативного закрепления участия институтов гражданского общества в обеспечении коллективной безопасности стран СНГ / С. Н. Алексеев // Российское законодательство в сфере борьбы с пожарами и другими стихийными бедствиями: история и современность : Материалы Всерос. круглого стола, С-Петербург, 31 окт. 2017 г. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, 2020. – С. 12–15.

4. Ермак, О. И. Гражданское общество: интерпретация в политической науке его формирования и развития (на примере Республики Беларусь) : автореф. дис....канд. полит. наук : 23.00.01 / О. И. Ермак ; ГУО «Респ. Ин-т высшей школы». – Мн., 2018. – 24 с.

5. Устав СНГ от 22 января 1993 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://e-cis.info/page/3373/79407>. – Дата доступа: 2.11.2023.

6. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 24.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.04.2023) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=F01400176>. – Дата доступа: 02.08.2023.

7. Договор о создании Союзного государства от 8 дек. 1998 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://soyuz.by/dogovor-o-sozdanii-soyuznogo-gosudarstva>. – Дата доступа: 2.11.2023.

8. Договор о ЕС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A12016M%2FTXT&qid=1693164019069>. – Дата доступа: 02.11.2023.

9. Регламент (ЕС) 2021/692 Европейского парламента и Совета от 28 апреля 2021 года, устанавливающий Программу «Граждане, равенство, права и ценности» и отменяющий Регламент (ЕС) № 1381/2013 Европейского парламента и Совета и Регламент Совета (ЕС) № 390/2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32021R0692&qid=1701007266317>. – Дата доступа: 19.11.2023

10. Регламент (ЕС) 2021/695 Европейского парламента и Совета от 28 апреля 2021 года о создании Horizon Europe – Рамочной программы исследований и инноваций, устанавливающий правила участия и распространения и отменяющий Регламент (ЕС) № 1290/2013 и (ЕС) № 1291/2013 (текст имеет отношение к ЕЭЗ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32021R0695&qid=1701007266317>. – Дата доступа: 19.11.2023.

11. Регламент (ЕС) 2021/817 Европейского парламента и Совета от 20 мая 2021 года об учреждении Erasmus+: Союзной программы образования и обучения, молодежи и спорта и отменяющий Регламент (ЕС) № 1288/2013 (текст, имеющий отношение к ЕЭЗ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32021R0817&qid=1701007266317>. – Дата доступа: 19.11.2023.

УДК 340.13

И. В. Гринев

(Белорусский государственный университет, Минск)

**ИСТОРИЯ КОДИФИКАЦИИ ПРАВОВЫХ АКТОВ
МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЗДУШНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА,
РЕГУЛИРУЮЩИХ БЕЗОПАСНОСТЬ ПОЛЕТОВ, И ИХ ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ
В ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

В статье рассматриваются исторические аспекты работы международной конференции и подписания Конвенции о международной гражданской авиации, итоги работы организации по принятию и кодификации правовых актов международного воздушного законодательства в области обеспечения безопасности полетов и их имплементации в правовую систему Республики Беларусь.

В 2023 этом году гражданская авиация Беларуси отмечает двойной юбилей: свое 90-летие и 100 лет авиации стран Содружества независимых государств, которое предлагает единую модель правового регулирования, чем сближает позиции входящих в него государств в отношении организации воздушных сообщений, туризма и торговли, оказывая влияние на политические и экономические вопросы.

Важным моментом начала этого процесса было присоединение в 1970 году Советского союза к Конвенции о международной гражданской авиации и вступление в Международную организацию гражданской авиации (ИКАО) [1]. При этом ретроспектива присоединения Советского Союза к Конвенции начинается в 1944 году, когда Правительство Соединенных Штатов Америки озаботилось вопросами о послевоенном мироустройстве и о значении авиации в этом послевоенном миропорядке. В связи с тем,

что после окончания второй мировой войны высвободились огромные мощности военного авиастроения, Правительство США беспокоила дальнейшая судьба авиационных предприятий и работников этих предприятий.

Вторым фактором являлась необходимость создания системы международных отношений, гарантирующих авиации США свободно летать, свободно производить и свободно продавать авиационную технику.

Учитывая вышеназванные обстоятельства, 11 сентября 1944 года Президент США пригласил представителей 54 государств принять участие в работе международной конференции по проблемам воздушного транспорта в городе Чикаго. Не приняли приглашение два государства: Саудовская Аравия и СССР. Остальные приглашенные приняли участие в работе конференции и 7 декабря 1944 года по итогам ее работы была подписана Конвенция о международной гражданской авиации (Doc. 7300) [1].

Отметим, что на конференции лидировали США и Великобритания, выражая альтернативные точки зрения по вопросу суверенитета государств на воздушное пространство. Так, Соединенные Штаты Америки как морская держава отстаивали либерализацию воздушных передвижений и принцип мирного пролета гражданских воздушных судов над территорией иностранных государств [2, с.10], по аналогии с правом мирного прохода торговых морских судов [3, ст. 17–19]. В то время как Великобритания несмотря на то, что она тоже относилась к морским державам и имела аналогичную с США систему права, отстаивала позиции полного и исключительного суверенитета государств над своим воздушным пространством.

Великобритания объясняла свою позицию итогами Первой и Второй мировых войн, где авиации приобрела особую роль и особое значение, так как начало Второй мировой войны сопровождалось массированными авиационными ударами, что могло решить исход войны и вопросы потери страной государственности в течение нескольких дней.

В результате принципиальной дискуссии удалось достичь компромисса, по которому спорные права по вопросу свободы мирного пролета будут регулироваться двусторонними соглашениями, а само право мирного пролета будет разделено на разные объемы прав, в зависимости от наличия согласия государства допустить пролет иностранных воздушных судов над своей территорией. Такие права получили названия «свободы воздуха».

По этому вопросу было принято три соглашения: Соглашение о транзите при международных воздушных сообщениях («соглашение о двух свободах воздуха»), Соглашение о международном воздушном транспорте («соглашение о пяти свободах воздуха») и Стандартная форма двухстороннего соглашения об обмене воздушными маршрутами (для содействия государствам в их двухсторонних переговорах и достижения высокой степени согласованности в практике) [4, ст. 34].

Наряду с определением объема прав принадлежащим «свободам воздуха» на конференции были приняты в качестве основы для дальнейшего изучения проекты двенадцати приложений к Конвенции о международной гражданской авиации [5, с. 292], сформировавших новую форму (источник) права, характерную только для воздушного законодательства и получившую название: «Приложение». Принятие этих двенадцати приложений затянулось на шестнадцать лет.

В последующие годы было принято еще семь Приложений, последнее из которых Приложение 19 «Управление безопасностью полетов» (Annex 19) принято в 2013 году (сейчас действует вторая редакция 2016 года) [6].

Для обеспечения деятельности международной организации гражданской авиации, до момента вступления Конвенции от 7 декабря 1944 года в законную силу, государства ее подписавшие, достигли Временного соглашения о международной гражданской авиации по учреждению временной организации гражданской авиации: ПИКАО (the Provisional International Civil Aviation Organization (PICAO)), которая проработала до 4 апреля 1947 года, до ратификации основной конвенции 26-м государством, в соответствии со ст. 91 [7], проведя за это время одну конференцию организации в мае-июне 1946 года [5, с. 17].

Другими правовыми актами международного воздушного права, регулирующими обеспечение безопасности полетов стали: Руководство по предотвращению авиационных происшествий (РПАП) (Дос. 9422), принято в 1984 году, не действует после вступления в силу в 2013 году третьей редакции РУБП [8]; Руководство по управлению безопасностью полетов (РУБП) (Дос. 9859), принято в 2006 году, действует четвертая редакция: 2018 г. [9]; Глобальный аэронавигационный план (ГАНП) (Дос. 9750) принят в 1998 году, действует шестая редакция документа 2016-2030 в онлайн формате) [10]; Глобальный план обеспечения безопасности полетов (ГПБП) (Дос. 10004) , действует шестая редакция 2023-2025 годов [11].

Указанные правовые акты заложили основы воздушного законодательства обеспечения безопасности полетов, определив в соответствии со ст.ст. 37, 38 Конвенции необходимость их имплементации и гармонизации с национальным воздушным законодательством, обязав государства-члены организации в случае расхождения с нормами внутреннего воздушного права уведомлять об этом Международную организацию гражданской авиации [1].

В 1991 году Республика Беларусь подписав с государствами СНГ, Соглашение о гражданской авиации и об использовании воздушного пространства [12] обязалось соблюдать обязательства СССР принятые им в рамках Конвенции о международной гражданской авиации, в связи с чем в 1992 году ратифицировала указанную конвенцию, присоединившись к ней в 1993 году [13], приняв на себя обязательства имплементировать положения международного воздушного права в свое национальное законодательство.

В связи с этим в 1999 году в Республике Беларусь были приняты: Воздушный кодекс Республики Беларусь [14] (вторая редакция в 2006 году) [15], Программа обеспечения безопасности полетов воздушных судов гражданской авиации Республики Беларусь в 2009 году [16] (в 2019 году заменена Национальной Программой по безопасности полетов гражданской авиации Республики Беларусь) [17], а так же Авиационные правила «Расследование авиационных происшествий и инцидентов» в 2009 году (вступили в силу с 22 января 2010 года) [18] (вторая редакция в 2020 году) [19], Авиационные правила «Поисковое и аварийно-спасательное обеспечение полетов в гражданской авиации Республики Беларусь» в 2019 году (вступили в силу 25.01.2020 года) [20].

В связи с принятием вышеназванных правовых актов в Республике Беларусь перестали действовать соответствующие правовые акты воздушного законодательства СССР.

В 2015 году Республика Беларусь подверглась проверке со стороны Международной организации гражданской авиации (ИКАО), где среди прочего оценивалось соответствие национального воздушного законодательства международным требованиям. Как следует из отчета ИКАО, правовая система Республики Беларусь в целом эффективна, соответствует требованиям Универсальной программы проверок организации контроля за обеспечением безопасности полетов, предъявляемых ИКАО к национальному воздушному законодательству государств - членов организации гражданской авиации. При этом имелись вопросы, требующие дополнительного уяснения и проработки: об источниках воздушного права, показателях безопасности полетов, государственной политики обеспечения безопасности полетов [21].

Список использованной литературы

1. Конвенция о международной гражданской авиации [Электронный ресурс] : [заключена в г. Чикаго 07.12.1944 г.] // iLex : информ. правовая система / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

2. Тарханов, И. Е. Международное воздушное право : крат. курс / И. Е. Тарханов, В. Н. Михалев. – Л. : Воен. мор. акад., 1978. – 184 с.

3. Конвенция Организации Объединенных наций по морскому праву [Электронный ресурс] : [заключена в г. Монтего-Бее 10.12.1982 г.] // Кодекс : электрон. фонд норматив.-техн. и норматив.-правовой информ. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1900747>. – Дата доступа: 13.11.2023.

4. Мильде, М. Международное воздушное право и ИКАО / М. Мильде ; под. ред. О. И. Аксаментова ; с предисл. А. А. Баталова ; пер. с англ. А. М. Бобкова [и др.]. – СПб. : Ин-т АЕРОHELP, 2017. – 451 с.

5. Шоукросс, Х. Н. Воздушное право : сокр. пер. со 2-го англ. изд. 1951 г. (с доп. авт. на 1 нояб. 1955 г.) / Х. Н. Шоукросс, К. М. Бьюмонт ; пер. с англ. С. И. Волка [и др.] ; под ред. и с предисл. С. Б. Крылова, А. К. Кислова. – М. : Изд-во иностр. лит., 1957. – 400 с.

6. Приложение 19 к Конвенции о международной гражданской авиации. Управление безопасностью полетов [Электронный ресурс]. – 2-е изд. – Монреаль : ИКАО, 2016. – Режим доступа: https://caa.gov.kz/storage/app/media/%D0%B4%D1%83%D0%B1%D0%BF/AN19_cons_RU.pdf. – Дата доступа: 27.03.2023.

7. Нерадько, А. В. К 70-летию Конвенции о международной гражданской авиации [Электронный ресурс] / А. В. Нерадько // Науч. вестн. МГТУ ГА. – 2015. – № 216. – Режим доступа: https://aerohelp.com/sites/default/files/neradko_70_let_chikagskoi_konvencii.pdf. – Дата доступа: 13.11.2023.

8. Руководство по предотвращению авиационных происшествий [Электронный ресурс]. – 1-е изд. – Монреаль : ИКАО, 1984. – Режим доступа: https://sparcatc.ru/files/ICAO_Doc-9422-Rukovodstvo-po-predotvrashcheniyu-aviacionnyh-proisshestviy.pdf. – Дата доступа: 27.03.2023.

9. Руководство по управлению безопасностью полетов [Электронный ресурс]. – 4-е изд. – Монреаль : ИКАО, 2018. – Режим доступа: <https://e.eruditor.one/file/2992363/>. – Дата доступа: 27.03.2023.

10. The global air navigation plan (Doc 9750) [Electronic resource] // ICAO. – Mode of access: https://www4.icao.int/ganportal/?_gl=1*1qdllbd*_ga*NTc5NjAzMzA5LjE2OTc3OTkxNzY.*_ga_992N3YDLBQ*MTY5OTYwNjE5Mi4xMi4xLjE2OTk2MDY3MjQuMC4wLjA. – Date of access: 13.11.2023.

11. Глобальный план обеспечения безопасности полетов [Электронный ресурс]: изд. 2023–2025 гг., doc. 10004 // Международная организация гражданской авиации. – Режим доступа: https://www.icao.int/Meetings/a41/Documents/10004_ru.pdf – Дата доступа: 27.10.2023.

12. Соглашение о гражданской авиации и об использовании воздушного пространства [Электронный ресурс] : [заключено в г. Минске 12.12.1991 г. – 25.12.1991 г.] // iLex : информ. правовая система / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

13. О присоединении Республики Беларусь к Чикагской конвенции о Международной гражданской авиации : постановление Верхов. Совета Респ. Беларусь, 9 дек. 1992 г., № 2022-ХІІ // Ведамасці Вярхоўн. Савета Рэсп. Беларусь. – 1992. – № 34. – Ст. 549.

14. Воздушный кодекс Республики Беларусь : 11 янв. 1999 г., № 240-З : принят Палатой представителей 15 дек. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 дек. 1998 г. – Минск : Полигр. предприятие Упр. делами Президента Респ. Беларусь, 1999. – 59 с.

15. Воздушный кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 3 апр. 2006 г. : одобр. Советом Респ. 24 апр. 2006 г. – Минск: Амалфея, 2006. – 83 с.

16. Программа обеспечения безопасности полетов воздушных судов гражданской авиации Республики Беларусь [Электронный ресурс] : утв. постановлением М-ва трансп. и коммуникаций Респ. Беларусь, 5 июня 2009 г., № 53 // iLex : информ. правовая система / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

17. Об утверждении Национальной программы по безопасности полетов гражданской авиации Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 22 авг. 2019 г., № 563 // iLex : информ. правовая система / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

18. Авиационные правила «Расследование авиационных происшествий и инцидентов» [Электронный ресурс] : утв. постановлением М-ва трансп. и коммуникаций Респ. Беларусь, 30 дек. 2009 г., № 103 // iLex: информ. правовая система / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

19. Авиационные правила «Расследование авиационных происшествий и инцидентов» [Электронный ресурс]: утв. постановлением М-ва трансп. и коммуникаций Респ. Беларусь, 29 мая 2020 г., № 30 // iLex : информ. правовая система / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

20. Авиационные правила «Поисковое и аварийно-спасательное обеспечение полетов в гражданской авиации Республики Беларусь» [Электронный ресурс] : утв. постановлением М-ва трансп. и коммуникаций Респ. Беларусь, 14 окт. 2019 г., № 47 // iLex : информ. правовая система / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

21. Safety Audit Results: USOAP interactive viewer [Electronic resource] // ICAO. – Mode of access: <https://www.icao.int/safety/Pages/USOAP-Results.aspx>. – Date of access: 27.03.2023.

УДК 344.3

Т. П. Иванова, В. П. Юран

(Витебский филиал Международного университета «МИТСО», Витебск)

ВЛИЯНИЕ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА НА ПРОВЕДЕНИЕ «МАЛЫХ НЮРНБЕРГСКИХ ПРОЦЕССОВ»

Показано, что Нюрнбергский процесс внес важный вклад в развитие норм международного и национального права послевоенного периода, определение тенденций правового развития; его опыт оказал значительное влияние на проведение региональных судебных процессов над нацистскими преступниками. «Малые Нюрнбергские процессы», состоявшиеся над немецкими военными преступниками в СССР и других странах мира, можно рассматривать как последующий этап Нюрнбергского процесса.

После завершения разгрома немецко-фашистских захватчиков и их союзников в ходе Великой Отечественной войны и Второй мировой войны состоялся Нюрнбергский судебный процесс (20 ноября 1945 г. – 1 октября 1946 г.), первый в истории пример Международного суда за преступления против мира, военные преступления, преступления против человечности.

В современный период правоведы подтверждают уникальность Нюрнбергского процесса. Историческое и политико-правовое наследие Нюрнбергского процесса для обеспечения международного мира и безопасности человечества определяется нормативно-правовой, организационно-институциональной и правоприменительной формами развития уголовного права.

Прежде всего, был определен перечень подсудных Международному уголовному трибуналу конкретных преступлений; предусмотрена особая процедура отправления правосудия, установлены виды наказания для виновных и их сроки, порядок и форма исполнения приговора суда. Международный уголовный трибунал установил три состава преступлений: 1) преступления против мира; 2) военные; 3) преступления против человечности. Впервые квалифицированы такие преступления, как геноцид и агрессивная война. В приговоре Международного военного трибунала впервые на глобальном уровне субъектом названных преступлений были признаны юридические лица.

Нюрнбергский процесс обозначил внимание к досудебной стадии уголовного судопроизводства и сотрудничеству стран в этой сфере, вопросам исполнения наказаний и

соблюдения прав обвиняемых. Современные российские правоведы высказывают мысль, что Международный военный трибунал в Нюрнберге следует рассматривать не как «суд победителей над поверженными», а воспринимать как уникальный судебно-правовой феномен в истории человечества – правосудие переходного периода на переломном этапе в новейшей истории человечеств [5].

Нюрнбергский процесс заложил общие и специальные принципы международного уголовного права [4, с. 453]. Общепризнанные принципы международного уголовного права впервые сформулированы в Уставе ООН [11], Уставе Нюрнбергского трибунала [12], в дальнейшем – в Декларации прав человека и гражданина [2], Статуте Международного Суда [9], последующих международных документах. Несомненно, такие общие принципы международного права, как право на жизнь, принцип законности, применение смертной казни как исключительной меры только за особо тяжкие преступления в соответствии с законом, право на гласное рассмотрение дела в суде оказали влияние на национальное (внутреннее) законодательство стран.

Общепризнанные принципы международного уголовного права, во-первых, имеют приоритет перед национальным уголовно-правовым законодательством; во-вторых, они являются основой для формулировки принципов, закрепленных в национальных законодательствах; в-третьих, международное уголовное право сочетает в себе положения национальных уголовных законодательств [4, с. 452].

Несомненно, Нюрнбергский процесс внес важный вклад в развитие норм международного и национального права послевоенного периода, определение тенденций правового развития, сыграл значительную роль в имплементации норм международного уголовного права в национальные правовые системы (в форме инкорпорации оснований уголовной ответственности за военные преступления).

Ряд исследователей рассматривают Нюрнбергский процесс как основной этап международного судебного процесса над немецкими военными преступниками, а процессы в других странах как его составную часть [3]. Мы также поддерживаем эту точку зрения и считаем: учитывая влияние Нюрнберга на национальные уголовные процессы над нацистскими преступниками, а также внесение изменений в уголовные законодательства стран, достаточно большой перечень этих стран, «Малые Нюрнбергские процессы» можно рассматривать как последующий этап Нюрнбергского процесса.

Приговор Международного военного трибунала в Нюрнберге подтверждается не только материалами Нюрнбергского процесса, но и доказательствами, представленными на других процессах над гитлеровскими преступниками в СССР, ГДР, Польше, Чехословакии, Франции, Норвегии и других странах, на территориях которых немецко-фашистские захватчики совершали злодеяния против мира и человечества.

Судебные процессы над немецкими военными преступниками прошли в 23 городах СССР, в том числе в белорусских городах – Минске, Бобруйске, Витебске и Гомеле. Эти процессы в российской и белорусской историографии получили следующие названия: «Советский Нюрнберг», «Второй Нюрнберг», «Малые Нюрнбергские процессы», «Советский Нюрнберг-2».

Правовые принципы и положения Нюрнбергского процесса были использованы в национальных судебных процессах. По мнению юристов военного и послевоенного времени, расследование преступлений войны, дела которых подсудны национальным судам, должны осуществляться по национальным законам и должны быть организованы национальной юстицией, руководствующейся соответствующими нормами процессуального и материального права [9, с. 244–245].

Правовой основой для проведения названных процессов стали нормативные правовые акты: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истяза-

ниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников»; Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 21 ноября 1945 года «О проведении судебных процессов над бывшими военными служащими германской армии и немецких карательных отрядов»; Постановление Совета Министров СССР от 10 сентября 1947 года «О проведении судебных процессов над нацистскими преступниками».

Вместе с тем, юристы были высокого мнения об использовании опыта Международного военного трибунала для подготовки и проведения других процессов над немецкими военными преступниками. В итоге оказание военных преступников осуществлялось на основе норм международного и внутреннего права [1, с. 90].

В сложных условиях завершения Великой Отечественной войны и послевоенной разрухи были созданы условия для проведения судебных процессов, обеспечения всеми необходимыми ресурсами для отправления правосудия.

Проведение судебных процессов над нацистскими преступниками показывает, что наряду с судом историческим не менее важно юридическое содержание обвинений, оно даже более объективно, поскольку несет законодательное регулирование будущего, выполняя предостерегающую роль [5].

В уголовное законодательство в послевоенный период неоднократно вводились изменения. Так, Уголовный кодекс РСФСР издавался по состоянию на 12 февраля 1957 года, на 1 мая 1957 г.

В УК РСФСР 1960 года, УК БССР 1960 года и других союзных республик после принятия Основ уголовного законодательства 1958 года введены новые принципы: принцип индивидуализации наказания и связь уголовной ответственности со степенью вины; отменен принцип объективного вменения, позволявший применять наказание без установления факта виновности. Наказание должно было применяться только по приговору суда, с учётом всех объективных и субъективных обстоятельств дел.

На 28-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН 3 декабря 1972 года признано, что военные преступники подлежат розыску, аресту и выдаче тем странам, где они совершили злодеяния. В 1960-1980-х годах в СССР продолжались открытые судебные процессы в отношении лиц, сотрудничавших с немецким оккупационным режимом по обвинению по статье 61 Уголовного кодекса РСФСР («Измена Родине»), часть 1 («Особо опасные государственные преступления»), по статье 63-1 Уголовного кодекса БССР [7].

В современный период, принимая во внимание международный опыт, характер и степень общественной опасности умышленных действий по реабилитации нацизма, государство вынуждено реагировать на них и уголовно-правовыми средствами. В Республике Беларусь внесены изменения в Уголовный кодекс, приняты Закон Республики Беларусь «О недопущении реабилитации нацизма» от 14 мая 2021 г. № 103-З и Закон Республики Беларусь «О геноциде белорусского народа» от 5 января 2022 г. № 146-З. Прокуратурой Республики Беларусь проводятся мероприятия, направленные на контроль за исполнением этих законодательных актов.

19 мая 2021 года министры иностранных дел государств – участников Организации Договора о коллективной безопасности приняли заявление «О 75-летию приговора Международного военного трибунала в Нюрнберге». В документе подготовка и проведение Нюрнбергского процесса рассматривается как уникальный опыт профессионального сотрудничества международного сообщества. Мировое сообщество призывает уважать и защищать наследие Международного военного трибунала в Нюрнберге, а также активизировать усилия по распространению объективной информации о преступлениях нацизма в целях недопущения распространения неонацистской идеологии, движений и организаций, которые могут составлять угрозу мирному сосуществованию народов» [8].

Важно, что Генеральная Ассамблея ООН 18 ноября 2020 года приняла резолюцию «Борьба с героизацией нацизма». Подобная резолюция принята и в ноябре 2023 года.

На 26-ом заседании Координационного совета генеральных прокуроров государств – участников СНГ по случаю 70-летия Нюрнбергского трибунала, в принятом Заявлении особо отмечено, что важным элементом профессиональной и нравственной подготовки будущих поколений юристов, в том числе прокуроров, является изучение историко-правового наследия Нюрнбергского процесса [10, с. 152].

Российский юрист Т. И. Отческа обращает внимание на то, что «Студенты-юристы в обязательном порядке должны знать о Нюрнбергском процессе следующее: это международный суд высокого уровня; процесс стал важной вехой в развитии международного права; впервые агрессия была признана преступлением против мира; впервые были привлечены к уголовной ответственности должностные лица государства, которые планировали, готовили и развязывали агрессивную войну; решение Нюрнбергского трибунала никто не отменял!» [10].

Таким образом, национальные судебные процессы, наряду с Нюрнбергским, способствовали формированию в послевоенный период новых прогрессивных норм международного и национального (внутреннего) права, содействовали выработке новых правовых институтов и процессуальных норм. Результаты Нюрнбергского процесса, а затем национальные процессы над виновными в тяжчайших массовых нарушениях прав и свобод человека имели значительное влияние на укрепление мира и развитие международного сотрудничества, особенно в пенитенциарной сфере.

Список использованной литературы

1. Великий, А.Ф. Применение международного и внутреннего права СССР в судебных процессах над военными преступниками в Беларуси в 1946-1947 гг. / А.Ф. Великий // СССР во Второй мировой войне (1939-1945): проблемы исторической памяти / Сборник трудов междунар. науч. конф. – Санкт-Петербург: Санкт-Пет. ун-т им. Петра Великого, 2020. – С. 89–99.
2. Декларация прав человека и гражданина // Антология мировой политической мысли. В 5 т. V том. Политические документы. – М.: Мысль, 1997. – С. 416–421.
3. Звягинцева, И. В. Исторический анализ подготовки Нюрнбергского процесса как одного из основных стадий международного судебного процесса / И. В. Звягинцева, Ю. О. Рясная // Новая наука: опыт, традиции, инновации. – 2016. – № 3-4. – С. 133–137.
4. Кузнецов А.П. Отраслевые юридические проблемы юридических принципов в законодательстве / А.П. Кузнецов // Юридическая техника. – 2020. – № 14. – С. 452–455.
5. Кузнецов, А.П. Принципы международного уголовного права / А. П. Кузнецов // Юридическая техника. – 2020. – № 14. – С. 452–455.
6. Нюрнбергский процесс: торжество правосудия или суд победителей? Государство и право. – 2022. – № 12. – С. 7-26. Рецензия на: Савинков, А. Н. Нюрнберг: Приговор во имя Мира. – М.: Проспект, 2021. – 760 с.
7. Об утверждении Уголовного кодекса БССР: Закон от 29 декабря 1960 г. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
8. Пивовар, Э. Главы МИД ОДКБ приняли заявление к 75-летию приговора трибунала в Нюрнберге / Э. Пивовар // БелТА. – 2021. – 19 мая.
9. Статут Международного суда // Антология мировой политической мысли. В 5 т. V том. Политические документы. – М.: Мысль, 1997. – С. 376-391.
10. Теоретические аспекты имплементации норм международного уголовного права в национальную правовую систему: опыт Нюрнбергского процесса: история и современность: сб. матер. Междун. научн.-практ. форума, 26-27 ноября 2020 г., г. Ялта. – Симферополь, 2021. – 331 с.
11. Устав Организации Объединенных Наций (принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г.) // Антология мировой политической мысли. В 5 т. V том. Политические документы. – М.: Мысль, 1997. – С. 343–375.

12. Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических актов. Дата доступа: 08.11.2023.

УДК 341.4+343.1

В. I. Самарын

(Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск)

АСНОЎНЫЯ РЫСЫ ІНТЭРФЕРЭНЦЫІ НАДДЗЯРЖАЎНАГА Ў КРЫМІНАЛЬНЫ ПРАЦЭС

У артыкуле аналізуецца асноўныя рысы інтэрферэнцыі наддзяржаўнага ў крымінальнага працэсу, якія адрозніваюць яе ад іншых з’яў, што існуюць у крымінальным працэсе і якія звязаныя з міжнароднымі і іншаземнымі элементамі. Устаноўлена, што ў крымінальным працэсе міжнародна-прававой парадыхмы не можа адсутнічаць інтэрферэнцыя наддзяржаўнага. Да яе з цягам часу прыводзяць кантакты з іншымі дзяржавамі, удзел у міжнародных зносінах пры наяўнасці адпаведных умоў. Інтэрферэнцыя ўзнікае, калі нацыянальнаму крымінальнаму працэсу патрэбныя элементы, недаступныя ўнутры яго самога. Яна ў найбольшай меры носіць аднакіраваны характар. Адзначаецца, што такая інтэрферэнцыя дазваляе ў шэрагу выпадкаў асобным індывідам прымяняць нормы міжнароднага публічнага права ў крымінальным працэсе на нацыянальным узроўні.

На працягу апошніх стагоддзяў пад уплывам міжнародна-прававой парадыхмы паступова змянялася крымінальна-працэсуальная дзейнасць. Дадзеная з’ява была звязана як з гуманізацыяй узаемаадносін чалавека і дзяржаўнага апарату, так і з усведамленнем неабходнасці сумеснага процідзеяння злачынным праявам. Паступова назіраецца рух да гарманізацыі заканадаўства ў гэтай даволі кансерватыўнай сферы (асабліва ў рамках інтэграцыйных утварэнняў, напрыклад, Еўрапейскага Саюза). Такі ўплыў наднацыянальнага носіць характар пранікнення з узаемаабумоўленасцю і растварэннем ці іншымі словамі інтэрферэнцыі.

У кантэксце, які разглядаецца, складана знайсці публікацыі, бо тэрмін “інтэрферэнцыя наддзяржаўнага ў крымінальнага працэсу” не ўваходзіць у юрыдычны тэрміналагічны апарат, які шырока ўжываецца. У той жа час узаемадзеянню крымінальна-працэсуальнага права і міжнароднага права прысвячалі свае публікацыі такія працэсуалісты, як А.І. Бастрыкін, П.М. Бірукоў, А.Р. Валяводз, В.М. Валжэнкіна і інш. Актыўней аналізавалі ўзаемны ўплыў унутрыдзяржаўнага і міжнароднага права прадстаўнікі міжнароднага публічнага права (І.П. Блішчанка, В.Г. Буткевіч, Г.У. Ігнаценка, І.І. Лукашук, М.У. Міронаў, Р.А. Мюлерсан, Я.Т. Усенка і інш.). Аднак, у большасці публікацый названых аўтараў даследаваліся толькі асобныя аспекты міжнародна-прававой парадыхмы без спробы разгляду пранікнення наддзяржаўнага як цэласнай з’явы ў сучасным крымінальным працэсе цывілізаваных народаў.

На наш погляд, інтэрферэнцыя наддзяржаўнага ў крымінальнага працэсу уяўляе сабой узаемадзеянне і ўзаемаўплыў прававых нормаў і вынікаў дзейнасці, якія ўзнікаюць паміж наддзяржаўнымі (уключаючы міжнароднымі) і нацыянальнымі элементамі, звязанымі з вядзеннем па матэрыялах і крымінальных справах. Пранікненне наддзяржаўнага закранае перш за ўсё прававую матэрыю (змяненню падвяргаюцца нормы права). Аднак заканамерна праяўляюцца змены і ў дзейнасці. У дадзенай публікацыі мы засяродзім увагу на вылучэнні асноўных рыс інтэрферэнцыі наддзяржаўнага ў крымінальнага працэсу.

1. У крымінальным працэсе міжнародна-прававой парадыхмы не можа адсутнічаць інтэрферэнцыя наддзяржаўнага.

Інтэрферэнцыя наддзяржаўнага ў крымінальна-прававага працэсу у мінімальнай меры існавала заўсёды, калі была дзейнасць, накіраваная на вырашэнне крымінальна-прававых канфліктаў (крымінальных спраў), паколькі падчас яе ажыццяўлення час ад часу адбывалася сутыкненне з замежным элементам і неабходнасцю размежавання юрысдыкцыі. Так, развіццё міждзяржаўных гандлёвых зносін прыводзіла да мабільнасці гандляроў (купцоў). Яны ў сваю чаргу часам уцягваліся ў крымінальна-прававыя адносіны і адпаведна маглі стаць удзельнікамі крымінальнага працэсу, што прыводзіла да неабходнасці рэгулявання пытання аб падсуднасці на ўзроўні дагавораў паміж суверэнамі. Але пры гэтым дасягненні аб'ёму інтэрферэнцыі становіцца складана казаць пра закрыты крымінальна-прававы працэс, а значыць і пра нацыянальна-дзяржаўную парадыгму, змена парадыгмы адбываецца на міжнародна-прававую (хоць гэта не азначае, што немагчыма адваротнай відазмены парадыгмы: дзяржава можа пачынаць рэагаваць на глыбіню пранікнення міжнароднага публічнага права ў крымінальна-працэсуальныя адносіны, мяркуючы, што тым самым у яе адымаюць элемент суверэнітэту).

Адкрытасць дзяржаў (у эканамічным, культурным, палітычным плане) пашыраецца, што вядзе да іх ўзаемадзеяння (і нават такой яго форме як сутыкненне (напрыклад, у ходзе ўзброенага канфлікту)), а разам з ім да росту значнасці трансгранічнай, з'яўлення міжнароднай значнасці, развіцця мабільнасці асоб, якія здзейснілі ці здзяйсняюць злачынствы. Дзяржавы ўсведамляюць усё большую патрэбнасць у сумесным супрацьдзеянні злачыннасці (нават нацыянальнай). Улічваючы, што пытанні крымінальнай юстыцыі складаюць дастаткова адчувальны элемент суверэнітэту дзяржавы, патрабуецца ўзаемны давер да сістэмы правосуддзя. Нездарма прафесар Ф. Мартэнс зазначаў, што “дзяржавы з адсталым крымінальным заканадаўствам і з судовай арганізацыяй, якая не забяспечвае цалкам правосуддзе, не павінны спадзявацца... на аказанне судовай дапамогі з боку іншых, больш адукаваных дзяржаў” [1, с. 397]. Еўрапейскі саюз паставіў амбіцыйную мэту дасягнуць паўнаважнага даверу да сістэм правосуддзя паміж дзяржавамі-членамі, аднак пакуль не здолеў гэтага рэалізаваць [2, с. 128–130], бо складана “зламаць” нацыянальныя прававыя традыцыі адразу. У любым выпадку ў большасці прававых сістэм паступова шырыцца міжнародна-прававая парадыгма крымінальнага працэсу [3, с. 72–74], што абумоўлівае шырокасць інтэрферэнцыі наддзяржаўнага.

Пранікненне міжнародных стандартаў у сферы крымінальнага працэсу ідзе не толькі праз прамое прымяненне міжнародных дагавораў, якія вызначаюць правы чалавека, пра якія мы неаднаразова пісалі [4, с. 42–49], але і праз іх імплементацыю ў нормы крымінальна-працэсуальнага права і перш за ўсё прынцыпы крымінальнага працэсу [5, с. 51–52]. Як слушна адзначае Л.В. Галаўко *soft law* (міжнародныя стандарты) “уплывае на сапраўдныя крыніцы рэгулявання” ў крымінальным працэсе і з'яўляецца на яго думку “афіцыйным непрацэсуальным умяшаннем у арганізацыю дзяржавай крымінальнага судаводства” [6, с. 10–11, 97]. У дадзеных словах аўтара адчуваецца негатыўная канатацыя такога пранікнення, хаця яно відавочна вядзе да ўзбагачэння нацыянальнага крымінальнага працэсу і не з'яўляецца прымусовай мерай. Паўсюднасць інтэрферэнцыі ў рамках адзначанай парадыгмы не заўсёды відавочная. Паколькі элементы ўзаемадзеяння могуць быць ускоснымі, а значыць, і не заўсёды “бачнымі”. Некаторыя міжнародна-прававыя стандарты ўжо настолькі сталі звыклымі, што іх цяжка вылучыць з нацыянальнага крымінальнага працэсу (напрыклад, права на абарону).

2. Кантакты з іншымі дзяржавамі, удзел у міжнародных зносінах з цягам часу прыводзяць да інтэрферэнцыі наддзяржаўнага ў крымінальна-прававы працэс пры наяўнасці адпаведных умоў.

Удзел у міжнародных зносінах не абавязкова прыводзіць да інтэрферэнцыі з самага пачатку ці на ўсіх кірунках. Урады, акадэмічная супольнасць могуць абменьвацца інфармацыяй, палітычнай падтрымкай, не падвяргаючы пасля нацыянальныя крымінальна-прававыя працэсы ўплыву наддзяржаўнага. Аднак неабходнасць прававога ўзаемадзеяння, патрэбнасць у росце ўзаемага даверу да сістэмы крымінальнага правосуддзя прыводзіць да інтэрферэнцыі.

3. Інтэрферэнцыя ўзнікае, калі нацыянальнаму крымінальнаму працэсу патрэбныя элементы, недаступныя ўнутры яго самога.

Рост неабходнасці атрымання з-за мяжы доказнай інфармацыі альбо асоб прывёў да спуску інстытута міжнароднай прававой дапамогі па крымінальных справах у нацыянальнае крымінальна-працэсуальнае права. Гаранты ад самавольства крымінальнага працэсу вядуць да вывучэння і імплементацыі міжнародных стандартаў у дадзенай галіне, да развіцця міжнароднай прававой (судовай) абароны і г.д.

4. Указаная інтэрферэнцыя ў найбольшай меры носіць аднакіраваны характар.

Складана казаць аб наяўнасці сіметрыі ў доследнай інтэрферэнцыі. Кірунак дапамоўнага ў большасці выпадкаў надзяражаўнае --> нацыянальнае. Хаця зразумела, што пры стварэнні норм міжнароднага публічнага права ў сферы крымінальнага працэсу, а таксама норм міжнароднага крымінальна-працэсуальнага права эксперты збіраюць нормы і найлепшую практыку (*best practice*) з розных нацыянальных прававых сістэм. Але ў ходзе выпрацоўкі надзяражаўнай нормы нацыянальныя нормы раствараюцца ў сабе падобных і выкрышталізоўваецца меркаваны ідэал, які потым можа вяртацца зноў на ўзровень асобнай дзяржавы, што і дазваляе казаць аб больш прыкметным напрамку ад агульнага ў нацыянальнае.

5. Інтэрферэнцыя надзяражаўнага дазваляе асобным індывідам у шэрагу выпадкаў прымяняць нормы міжнароднага публічнага права ў крымінальным працэсе на нацыянальным узроўні.

Так, норма Венскай канвенцыі аб консульскіх зносінах, якая ўстанаўлівае абавязальнасць дзяражаў па забеспячэнні консульскай дапамогі затрыманаму замежніку, у апошнія гады ўсё больш набывае характар права затрыманага на такую дапамогу [7] (гл. ч. 2 арт. 115, ч. 6 арт. 512 КПК Рэспублікі Беларусь).

У якасці яшчэ аднаго прыкладу можна назваць выпадкі, калі для забеспячэння рэалізацыі прынцыпу спецыялізацыі ў адносінах да асобы, выдадзенай замежнай дзяржавай, суды Рэспублікі Беларусь спасылаюцца на ч. 4 арт. 1 КПК Рэспублікі Беларусь (тычыцца міжнародных дагавораў Рэспублікі Беларусь, якія вызначаюць правы і свабоды чалавека і грамадзяніна), абгрунтоўваючы межы крымінальнага пераследу такой асобы, замацаваныя ў міжнародных дагаворах (гл. пастановы прэзідыума Гомельскага абласнога суда ад 4.07.2022, прэзідыума Мінскага гарадскога суда ад 1.02.2023 і інш.). Хаця такая пазіцыя спрэчная, бо складана казаць, што адпаведныя нормы надзяражаюць фізічную асобу правам патрабаваць абмежавання сваёй адказнасці. У свой час Федэральны Вярхоўны Суд ФРГ адзначыў: «прынцып спецыялізацыі службыць толькі для абароны правоў запытанай аб выдачы дзяржавы, ... але не для абароны асобы, якая выдаецца, бо апошняя з яго не можа атрымліваць ніякіх правоў» [8, с. 135]. На наш погляд, у такіх выпадках трэба спасылацца на норму ч. 5 арт. 1 КПК Рэспублікі Беларусь, якая і дазваляе прымяняць у крымінальна-працэсуальнай дзейнасці палажэнні міжнародных дагавораў аб міжнароднай прававой дапамозе. Аднак гэтае пытанне заслугоўвае асобнага даследавання.

На аснове праведзенага аналізу можна пералічыць асноўныя рысы інтэрферэнцыі надзяражаўнага ў крымінальным працэсе:

- 1) уласцівая крымінальнаму працэсу міжнародна-прававой парадэгмы;
- 2) заканамерна ўзнікае з часам пры наяўнасці адпаведных умоў з прычыны кантактаў з іншымі дзяржавамі, удзелу ў міжнародных зносінах;
- 3) узнікае, калі нацыянальнаму крымінальнаму працэсу патрэбныя элементы, недаступныя ўнутры яго самога;
- 4) носіць пераважна аднакіраваны характар;
- 5) дазваляе асобным індывідам у шэрагу выпадкаў прымяняць нормы міжнароднага публічнага права ў крымінальным працэсе на нацыянальным узроўні.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Мартенс, Ф. Современное международное право цивилизованных народов / Ф. Мартенс : В 2 т. – 3-е изд., исправл. и доп. – СПб.: типография А. Бенке, 1895-1896. – Т. 2. – 1896. – 609 с.
2. European Criminal Law and Procedure : textbook / F. Bonfils [et al.] ; edited by G. Schmoelzer, T. Kruessmann. – Minsk: BSU, 2021. – 215 p.
3. Самарын, В. І. Генезіс і развіццё інтэрферэнцыі надзяржаўнага ў нацыянальнае крымінальна-працэсуальнае права / В. І. Самарын // Журнал БГУ. Право. – 2020. – № 2. – С. 66–77.
4. Самарин, В. И. Интерференция надгосударственного в уголовный процесс Беларуси / В. И. Самарин. – Минск : БГУ, 2021. – 303 с.
5. Самарин, В. И. Понятие международных стандартов в сфере уголовного процесса / В. И. Самарин // Юстыцыя Беларусі. – 2022. – № 6. – С. 51–55.
6. Головки, Л. В. Государство и его уголовное судопроизводство / Л. В. Головки. – М. : Изд. дом «Городец», 2022. – 464 с.
7. Самарин, В. И. Применимость консульских конвенций в уголовном процессе Республики Беларусь / В. И. Самарин // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / ГУ «Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь» ; редкол. : В. В. Марчук (гл. ред.) [и др.] ; под ред. В. В. Марчука, А. В. Солтановича. – Минск : Изд. центр БГУ, 2018. – Вып. 11. – С. 307–315.
8. Internationale Rechtshilfe in Strafsachen: Rechtsprechungssammlung 1949/1992 / hrsg. von Eser A. u. andere. – 2., fortgeschriebene Auflage – Freiburg : MaxPlanck-Inst. für Asländ. u. Internat. Strafrecht, 1993. – 697 S.

УДК 347.7

О. Н. Толочко

(Белорусский государственный университет, Минск)

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ В МЕЖДУНАРОДНОМ И НАЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВОМ АСПЕКТАХ

Статья посвящена актуальным проблемам правового регулирования электронной торговли на современном этапе. Автор отмечает усилия, предпринимаемые международными организациями и экспертным сообществом с целью разрешения многочисленных правовых проблем в этой новой для экономики и правовой системы области, и предлагает ряд мер по совершенствованию норм права ЕАЭС и законодательства Республики Беларусь об электронной торговле.

Электронная торговля играет ключевую роль в развитии экономики. Однако формы и методы правового регулирования электронной торговли до сих пор представляют проблему для юридической науки и практики. Само понятие электронной торговли с точностью не определено, и иногда его употребление перемежается с понятиями цифровой торговли (digital trade) и электронной коммерции (e-commerce), хотя в целом слова «торговля» и «коммерция» имеют схожее содержание. Международные организации, в том числе ЮНСИТРАЛ, обсуждают электронную торговлю в аспекте международной торговли. Однако всё большее распространение электронная торговля получает и во внутренней экономике.

Во Всемирной торговой организации (ВТО) обсуждение правил электронной торговли продолжается уже более двадцати лет. В 2017 г. 71 государство, в том числе США, ЕС и Россия, договорились о выработке единых правил регулирования электронной торговли на очередных переговорах ВТО в 2018 г., однако инициативу не поддержал Китай. Не удалась также попытка заключить новое Соглашение по торговле услугами, куда планировалось ввести также положения по электронной торговле [1, с. 11]. В итоге действующие многосторонние торговые соглашения значительно отстают от развития экономических отношений в эпоху цифровой трансформации. Разные аспекты электронной торговли обсуждаются несогласованно, а некоторые вообще не входят в число рассматриваемых в ВТО вопросов. Это обусловлено не только сложностью разработки нового правового инструментария для торговли в цифровой среде, но и разногласиями между государствами-участниками, часть которых привержена методам строгого государственного контроля, а другая предпочитает полагаться на открытые и основанные на преобладании частного сектора международные режимы [1, с. 17]. Только при условии тесного сотрудничества с другими международными организациями и использования лучших практик региональных торговых соглашений у ВТО есть шанс найти компромиссные решения и занять ключевую роль в системе глобального управления электронной торговлей.

Определённые меры по развитию электронной торговли предпринимаются в ЕАЭС. Сформированы Цифровая повестка ЕАЭС, в рамках которой ЕЭК разработала Общие подходы к формированию цифрового пространства ЕАЭС до 2030 года и проект Стратегических направлений формирования и развития цифрового пространства Евразийского экономического союза в перспективе до 2025 года. Проект предлагает, в числе прочего, формирование комплекса гармонизированных правил и стандартов, регулирующих электронную торговлю в ЕАЭС; гармонизацию правил защиты прав потребителей государств-членов ЕАЭС в цифровом пространстве; гармонизацию правил обращения цифровых товаров, в т.ч. правил определения страны происхождения; регулирование деятельности глобальных цифровых компаний на территории ЕАЭС; разработку рекомендаций по стимулированию экономики приложений; разработку программ поддержки вхождения бизнеса государств - членов ЕАЭС на трансграничные цифровые рынки третьих стран; выработку согласованной позиции о целесообразности создания евразийских цифровых платформ (в форме частно-государственного партнерства); а также формирование постоянной площадки-диалога представителей индустрии цифровых рынков.

Как можно видеть, предлагаемые меры носят не столько стратегический, сколько организационно-технический характер. Вместе с тем, процесс становления новой цифровой экономики, неотъемлемой частью которого является электронная торговля, требует более решительных шагов. При этом сложности, связанные с новизной регулируемых экономических отношений, обуславливают необходимость комплексного подхода в сочетании технических, экономических, финансовых и непосредственно правовых мер.

Как представляется, совершенствование права ЕАЭС в области электронной торговли должно осуществляться по следующим направлениям: расширение свободы движения ИТ-услуг в государствах-участниках, закрепление принципов внутреннего рынка в отношении ИТ-сектора; обеспечение права граждан и юридических лиц на доступ к сети Интернет и предоставлению соответствующих услуг на недискриминационной основе, что должно обеспечиваться, в том числе, развитием оптоволоконных сетей и служб доставки в отдалённых и малонаселённых географических регионах; государственное стимулирование образовательных услуг в ИТ-сфере; правовые ограничения на принятие государствами-участниками мер протекционистской направленности в сфере электронной торговли с адекватным обеспечением доступа в суды общей юрисдикции в случае нарушений.

Для трансграничной (внешней) электронной торговли важными являются также унификация и/или взаимное признание электронных торговых документов, поступающих от зарубежных участников сделок. По мнению Г.С. Топоркова, в рамках ЕАЭС

можно было бы разработать электронные формы торговых документов, которые могли бы распознаваться, классифицироваться, выделяться и соединяться для ускорения торговых процессов: «для каждого из указанных этапов можно сформировать модель данных, а далее с использованием такой модели данных создавать электронные сообщения и электронные документы» [2, с. 112].

В целом создание электронной торговой платформы как проекта ЕАЭС будет способствовать инклюзивному развитию экономики государств-членов, включению во внешнюю, взаимную и внутреннюю торговлю широкого круга малых и средних предприятий.

Регулирование электронной торговли на уровне права ЕАЭС должно распространяться не только на торговлю товарами с использованием сети Интернет, но и на предоставление услуг, оказываемых по индивидуальному запросу клиента посредством электронной передачи и хранения данных. Такое широкое понимание регулируемого объекта призвано обеспечить в Союзе не только свободу сделок, заключаемых посредством электронных сообщений на специализированных площадках, но и свободу услуг по поиску и предоставлению информации, доступу к базам данных и т.д. По примеру Директивы ЕС об электронной торговле 2000 г. [3] целесообразно закрепить принцип, согласно которому государства-члены не вправе ограничивать осуществление услуг информационного общества, происходящих или адресованных за национальную границу, но в пределах ЕАЭС. При этом государство происхождения услуги должно нести ответственность за деятельность поставщиков услуг на своей территории и обеспечивать соблюдение ими законодательства.

Развитие цифровых технологий исключительно важно для торговли. В перспективе это позволит увеличить долю страны в мировом экспорте. В Республике Беларусь электронная торговля регулируется рядом нормативных правовых актов, среди которых Гражданский кодекс, Закон «О государственном регулировании торговли и общественного питания» от 8 января 2014 г. № 128-З (ст. 16), Закон «О товарных биржах» от 5 января 2009 г. № 10-З, Закон «О государственных закупках товаров (работ, услуг)» от 13 июля 2012 г. № 419-З, Закон «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» от 28 декабря 2009 г. № 113-З, а также Закон «О защите прав потребителей» от 9 января 2002 г. № 90-З и многочисленные акты законодательства, регулирующие экономическую деятельность в сфере торговли.

Закон о государственном регулировании торговли и общественного питания регулирует электронную торговлю, направленную на приобретение физическими лицами товаров для личного потребления. Закон о государственных закупках, соответственно, относится к закупкам за счет государственного бюджета или внебюджетных средств государства. Закон о товарных биржах содержит нормы, применимые к биржевой торговле: в случаях, определенных Правительством, биржа может обеспечивать электронные торги и закупки в электронном формате (ст. 10). Что касается электронной торговли между субъектами хозяйствования, не относящейся к перечисленным выше категориям, то к ней применимы нормы Гражданского кодекса, относящиеся к форме договора (ст. 161 «Письменная форма сделки» и ст. 404 «Форма договора»). Однако заключение договора в электронной форме не тождественно понятию электронной торговли, которое предполагает использование в торговой деятельности технических средств, таких как электронные торговые площадки, логистическую инфраструктуру, организацию платежей, правовую защиту контрагентов в случае оспаривания факта, условий и исполнения договора и т.д. В этой части законодательство Республики Беларусь, как представляется, нуждается в дополнении.

Формы и методы правового регулирования электронной торговли могут быть различными и зависят от общей конфигурации экономического законодательства. Одним из вариантов может быть принятие особого Закона об электронной торговле, – на основе Типового закона ЮНСИТРАЛ 1996 г. либо Модельного закона «Об электронной торговле», утв. постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ 2008 г. [4].

Однако этот путь не представляется оптимальным. С момента принятия Типового закона ЮНСИТРАЛ прошло уже более 20 лет. Часть предлагаемых в нем норм уже реализована в действующем законодательстве об электронных документах, цифровых подписях, в гражданском процессуальном, таможенном законодательстве и др. Некоторые вопросы в Типовом законе не учтены в силу отсутствия того опыта развития электронной торговли, который есть сейчас. То же можно сказать и о Модельном законе СНГ. В условиях глубокой цифровой трансформации экономических отношений принятие специального закона на цифровую тематику, по сути, разделяющего принципы правового регулирования «торговли» и «электронной торговли», неконструктивно. Более корректным с методологической точки зрения представляется, в данном случае, включение специальных норм в общеотраслевой законодательный акт о торговле, как это сделано, например, в Законе Казахстана «О регулировании торговой деятельности» 2004 г. [5], который регулирует особенности осуществления электронной торговли, определяя требования к оферте, порядку заключения договора, первичным учётным документам, инфраструктуре электронных торговых площадок, информационно-рекламных торговых площадок, фулфилмент центров и др.

Инкорпорация общих положений об электронной торговле в Республике Беларусь затрудняется отсутствием единого законодательного акта о торговой деятельности. Действующий Закон о государственном регулировании торговли и общественного питания содержит ряд изъятий: он не распространяется на отношения, связанные с продажей товаров физическими лицами, в том числе ремесленниками; на внешнюю торговлю; на куплю-продажу недвижимости и энергии и др. Следовательно, включённые в Закон положения об электронной торговле будут распространяться только на сферу его действия, а электронная торговля, к примеру, продуктами ремесленной деятельности, объектами интеллектуальной собственности либо продажа товаров за рубеж должна быть урегулирована отдельно в соответствующих нормативных правовых актах. Такой подход вряд ли пойдет на пользу.

Представляется целесообразным консолидировать торговое законодательство в единый Закон о торговой деятельности, и включить в него особую статью «Электронная торговля», где будут закреплены общие положения об организации электронной торговли, которые будут распространяться на все сферы: розничную торговлю, оптовую, биржевую, внешнюю и т.д. Такой подход, как представляется, будет способствовать развитию электронной торговли на основе транспарентности и предсказуемости правового регулирования.

Список использованной литературы

1. Бирюкова, О. В. Когда сотрудничество не складывается: глобальное управление цифровой торговлей / О. В. Бирюкова, А. В. Данильцев // Вестник международных организаций. – 2019. – Т. 14. – № 1. – С. 7–20.
2. Топорков, Г. С. Перспективы развития электронной торговли на межгосударственном уровне (на примере стран Таможенного союза) / Г. С. Топорков // Инновации и инвестиции. – 2018. – № 8. – С. 96–113.
3. Directive 2000/31/EC of the European Parliament and of the Council of 8 June 2000 on certain legal aspects of information society services, in particular electronic commerce, in the Internal Market ('Directive on electronic commerce') [Electronic resource] // EUR-lex. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=celex%3A32000L0031>. – Date of access: 07.10.2023.
4. Об электронной торговле [Электронный ресурс] : Модельный закон : утвержден постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 25 ноября 2008 г. № 31-12 // Консорциум Кодекс. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902157685>. – Дата доступа: 07.10.2023.
5. О регулировании торговой деятельности : Закон Республики Казахстан от 12 апреля 2004 г. № 544-III [Электронный ресурс] // Юрист. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1047488. – Дата доступа: 07.10.2023.

Ж. В. Хацук

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ В СНГ

В статье анализируется правовое регулирование определения терроризма и борьбы с ним в рамках СНГ. Республика Беларусь как отдельная страна – участник СНГ, ОДКБ, ЕАГ принимает активное участие в борьбе с международным терроризмом, оказывая содействие при сотрудничестве, совершенствуя национальные антитеррористические нормы права, а также реализуя действующие международные меры по противодействию международному терроризму. Результаты исследования позволили сформулировать научную проблему, которая состоит в необходимости разработки теоретико-методологических подходов к анализу международного терроризма в условиях возникших угроз в интересах укрепления безопасности Республики Беларусь.

Сегодня повышенное внимание к проблеме международного терроризма обусловлено тем, что он представляет серьезную угрозу не только отдельным государствам, но и безопасности всего мирового сообщества. Террористические акты в наши дни стали повседневной реальностью, и многочисленные факты совершения этих преступлений свидетельствуют об актуальности этой проблемы. В 70-х годах XX века в оборот было введено понятие «международный терроризм», а с 1996 года понятие «терроризм», несмотря на его правовую неоднозначность, стало широко использоваться в международно-правовых актах ООН.

За последние несколько десятилетий количество исследований, посвященных терроризму, увеличилось. Хотя определение терроризма оказалось весьма спорным вопросом, среди ученых существует определенное согласие в том, что этот термин является весьма гибким и, следовательно, открыт для множества различных определений и интерпретаций [1, с. 12].

Было выявлено множество факторов, способствующих усложнению определения терроризма. К основным факторам, препятствующим любой попытке дать официальное определение терроризму, относятся: 1) использование термина в политических целях; 2) проблемы, связанные со сферой применения термина (т. е. определение того, где начинается и заканчивается терроризм); 3) вопросы, связанные с аналитическими характеристиками терроризма [2, с. 42].

Другие утверждают, что большая часть трудностей, связанных с определением терроризма, проистекает из необходимости выработки конкретного значения этого термина. Например, Гроб-Фитцгиббон утверждает, что термин остается двусмысленным в результате того, что правительства и ученые пытаются определить этот термин слишком широко, чтобы классифицировать любую форму нетрадиционного насилия как терроризм. Скорее, автор предлагает правительствам и академическим кругам избегать «общих» определений терроризма и вместо этого признавать различные значения, которые может иметь этот термин. Несмотря на этот призыв использовать многочисленные и разнообразные определения терроризма, юридические определения продолжают служить основными и официально признанными определениями, используемыми многими правительствами и людьми. Учитывая масштаб этого проекта, крайне важно, чтобы такие термины впоследствии послужили основой, на которой основан этот отчет [3, с. 36].

Договор о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с терроризмом от 4 июня 1999 года (далее – Договор СНГ) дает свое определение терроризму: «незаконное преступное деяние, совершаемое с целью нарушения общественной безопасности,

оказания влияния на принятие решений органами власти, запугивания населения, проявляющееся в виде: насилия или угрозы его применения в отношении физических или юридических лиц; уничтожения (повреждения) или угрозы уничтожения (повреждения) имущества и других материальных объектов, создающей опасность гибели людей»; причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий; посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенного с целью прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность; нападения на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации, пользующегося международной защитой, а также на служебные помещения либо транспортные средства лиц, пользующихся международной защитой; иных деяний, подпадающих под понятие террористических в соответствии с национальным законодательством Сторон, а также иными общепризнанными международно-правовыми актами, направленными на борьбу с терроризмом» [4].

Региональные усилия по борьбе с терроризмом сегодня упорядочиваются в рамках СНГ. Страны-члены СНГ имеют в своем наличии общую правовую базу для сотрудничества в области противодействия терроризма, которая появилась посредством принятия Договора о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с терроризмом. Сотрудничество компетентных органов определяет Антитеррористический центр СНГ. Республика Беларусь также участвует в Организации Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ), где тоже ведет борьбу с терроризмом. Это осуществляется посредством обмена информацией, переговоров между «национальными антитеррористическими органами и специальными подразделениями». Кроме того, в рамках всего этого проводятся специальные тренинги, мероприятия, учения.

Республика Беларусь принимает членство в Евразийской группе по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма (далее – ЕАГ) по образцу Целевой группы по финансовым мероприятиям (далее – ФАТФ). ЕАГ считается региональной организацией, которая ставит цель – «содействовать эффективной интеграции всех членов в международную инфраструктуру борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма в соответствии с рекомендациями ФАТФ и стандартами других международных организаций». Более того, отмечается, что Республика Беларусь постоянно совершенствует нормы права своего государства в области борьбы с терроризмом, а также развивает политику и правовую практику в этой области [5].

Важным документом в области противодействия терроризму является Договор СНГ. В соответствии со ст. 2 Договора СНГ, «стороны сотрудничают в предотвращении, раскрытии, пресечении и расследовании актов терроризма в соответствии с данным Договором СНГ, их национальным законодательством и их международными обязательствами» [4]. Можно сказать, что данный Договор СНГ был принят для того, что государства-члены путем совместных консультаций совместно разрабатывали меры по достижению согласованных подходов к правовому регулированию вопросов, связанных с предотвращением террористических актов и борьбой с ними.

Также можно подчеркнуть, что согласно ст. 5 Договора СНГ, «компетентные органы Сторон в соответствии с настоящим Договором, другими международными договорами и национальным законодательством должны сотрудничать посредством следующих действий: «обмениваться материалами и соответствующей информацией между собой по поводу терроризма»; «выполнять запросы стран-участниц о проведении конкретных оперативно-розыскных мероприятий»; «разрабатывать или же вводить действия меры предупреждения терроризма, которые должны быть согласованы, т.е. уведомлять о введении тех или иных мер противодействия терроризму»; «взаимодействовать между собой в вопросах оценки состояния системы физической защиты объектов повышенной технологической и экологической опасности, разработке и реализации мер»; «обмени-

ваться нормативными правовыми актами и практикой их применения в области терроризма»; «направлять в государства-члены антитеррористические формирования при необходимости»; «делиться опытом противодействия терроризму между странами – участницами Договора СНГ, подготавливать сотрудников и повышать их профессиональную квалификацию»; «осуществлять между собой поставку определенных средств, необходимых для антитеррористической деятельности и другие» [4].

В июне 2023 года главы спецслужб стран СНГ обсудили в Минске борьбу с международным терроризмом. **Владимир Ераносян, эксперт Бюро военно-политического анализа (Россия), давая интервью о взаимодействии стран СНГ в борьбе с международным терроризмом сказал:** *«Просто о плотном взаимодействии говорить уже не приходится. Сейчас это взаимодействие должно выходить на практический ракурс. И не только в области обмена информацией, но и, возможно, в области прямого противодействия террористам и тем террористическим рейдам, которые возможны. Ведь мы знаем, что по всему периметру не только Российской Федерации, но и этих стран СНГ сейчас существует определенная угроза. Есть определенные полигоны для подготовки террористов, для заброски. Есть определенные технические ресурсы, которыми снабжают эти группировки либо квазигосударства. Снабжают страны НАТО, которые пытаются раскачать ситуацию. Конечно, здесь необходимо взаимодействие на более высоком уровне, именно поэтому Минск стал отправной точкой. Эта история связана с тем, что платформой и базисом, фундаментом, на котором все это дело происходит, стала та переговорная площадка, которая уже зарекомендовала себя как наиболее перспективная и эффективная. И вообще тот факт, что Президент Лукашенко держит на контроле и участвует в этих мероприятиях, говорит о том, что есть приоритетные направления, а самым приоритетным сейчас является борьба с международным злом, терроризмом, квазигосударствами, которые готовят нас к развалу, хотят разорвать наши связи»* [6]. Кроме того, Республика Беларусь как отдельная страна-участник СНГ, ОДКБ, ЕАГ, принимает активное участие в борьбе с международным терроризмом, оказывая содействие при сотрудничестве, совершенствуя национальные антитеррористические нормы права, а также реализуя действующие международные меры по противодействию международному терроризму.

В настоящее время в Республике Беларусь обсуждается проект новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, который разработан с учетом изменившейся сегодня внешней политической ситуации и внешних угроз. В проекте новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь в главе 4 статье 29 проявление терроризма названо как одна из основных угроз национальной безопасности. В статье 38 сказано, что в военной сфере основными внутренними источниками военных угроз являются в том числе «террористическая деятельность на территории Республики Беларусь преступных организаций, незаконных вооруженных формирований, преследующая цели по дестабилизации общественного порядка и провоцированию внутреннего вооруженного конфликта» [7].

Статья 40 новой Концепции указывает, что в политической сфере основными внешними источниками угроз национальной безопасности являются: международный терроризм, незаконный оборот технологий и оборудования двойного назначения, оружия, боеприпасов, радиоактивных, химических, биологических и других опасных веществ и материалов [7].

Таким образом, коллизии в определении понятия международного терроризма указывают на то, что необходимо разработать единое и общепринятое определение, в первую очередь, – для повышения эффективности борьбы с этим преступлением, поскольку оно является основным в обеспечении правового решения данной проблемы. Для того чтобы его разработать, требуется усилия всех государств, чтобы прийти к единому компромиссу. Это довольно непростая задача, однако возможная.

СНГ принимает активное участие в противодействии международному терроризму. Благодаря наличию Договора СНГ, все государства-участники данного соглашения обязуются реализовывать общие меры для достижения положительного результата.

Данный Договор СНГ, как правило, улучшает сотрудничество между странами для общей борьбы с терроризмом, что значительно повышает шансы на успех и что также необходимо на данном этапе.

Список использованной литературы

1. Арбатов, А. Г. Уроки борьбы с терроризмом / А. Г. Арбатов // Год планеты : Политика. Экономика. Бизнес. Банки. Образование / Ин-т мировой экономики и международных отношений РАН; гл. ред. О. Н. Быков. – М. : Экономика, 2002. – С. 11–17.
2. Бобков, Ф. Терроризм как форма прикрытия агрессии / Ф. Бобков // Жизнь национальностей. – 2000. – № 1. – С. 42.
3. Вельган, В. Д. Что такое терроризм? / В. Д. Вельган // Русский дом. – 2007. – № 6. – С. 36–37.
4. Договор о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом (Минск, 4 июня 1999 г.) [Электронный ресурс] // Национальный антитеррористический комитет. – 2021. – Режим доступа: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/mezhdunarodnye-pravovye-akty/dogovor-o-sotrudnichestve.html>. – Дата доступа: 02.10.2023.
5. Борьба с международным терроризмом [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – 2007–2020. – Режим доступа: https://mfa.gov.by/multilateral/global_issues/global_security/nter_terrorism. – Дата доступа: 02.10.2023.
6. Эксперт о защите стран СНГ: самое приоритетное направление – борьба с международным злом, терроризмом [Электронный ресурс] // СТВ. – Режим доступа: <https://ctv.by/ekspert-o-zashchite-stran-sng-samoe-prioritetnoe-napravlenie-borba-s-mezhdunarodnym-zlom-terrorizmom>. – Дата доступа: 02.10.2023.
7. О рассмотрении проекта новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: постановление Совета Безопасности Республики Беларусь от 6 марта 2023г. №1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P223s0001> – Дата доступа: 02.10.2023.

УДК 341.231.14+343.81

И. Н. Цыкунова

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель)

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ ОБРАЩЕНИЯ С ЖЕНЩИНАМИ-ЗАКЛЮЧЕННЫМИ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Проанализированы правила, закрепленные в международных документах, содержащих стандарты обращения с женщинами, находящимися в заключении, и их имплементация в законодательстве Республики Беларусь. Сформулировано определение международно-правовых стандартов обращения с женщинами-заключенными. Сделан вывод о том, что рекомендации международных актов, касающихся обращения с женщинами-заключенными, получили закрепление в законодательстве Республики Беларусь и применяются в деятельности органов и учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, а также принудительные меры в виде задержания и заключения под стражу.

Международно-правовые стандарты обращения с женщинами-заключенными являются частью системы международных актов об обращении с заключенными, содержащих стандарты в сфере организации и требований режима, труда, отдыха, оказания медицинской помощи и т.д., и распространяющихся на осужденных как мужского, так и женского пола.

Наличие физиологических, психологических и других особенностей женщины, отличающих ее от мужчины, социальная значимость женщины как матери, во многом и предопределили разработку международных актов, посвященных именно женщинам, находящихся в заключении. Международные стандарты в части удовлетворения потребностей женщин, оказавшихся в системе уголовного правосудия, были приняты в декабре 2010 г. резолюцией 65/229 Генеральной Ассамблеи в виде Правил Организации Объединенных Наций, касающихся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы, известных, как Бангкокские правила.

Бангкокские правила состоят из Предварительных замечаний, Введения и четырех разделов (Общеприменимые правила; Правила, применимые к особым категориям; Меры, не связанные с лишением свободы; Исследования, планирование, оценка и информирование общественности), объединяющих 70 правил, касающихся положения женщин, оказавшихся в системе уголовного правосудия.

В Бангкокских правилах содержатся нормы о регистрации и размещении женщин, личной гигиене и медицинском обслуживании, безопасности и охране, контактах с внешним миром, персонале исправительных учреждений и их профессиональной подготовке. Особое внимание уделено удовлетворению потребностей несовершеннолетних заключенных женского пола (пункт 10 раздела I) [1]. Во втором разделе конкретизируются правила, применимые к заключенным женщинам, отбывающим наказание, и находящихся под арестом или ожидающих суда, в том числе касающиеся классификации и индивидуализации осужденных, а также режима исполнения наказания. В отдельных правилах выделены особые потребности беременных женщин, кормящих матерей, женщин с детьми, женщин, являющихся иностранными гражданами, а также принадлежащих к меньшинствам и коренным народам.

Заметим, что многие положения, содержащиеся в Бангкокских правилах, дополняют международные стандарты обращения со всеми заключенными независимо от их половой принадлежности, закрепленные в Минимальных стандартных правилах Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными или Правилах Нельсона Манделы.

Проанализировав международные документы, содержащие стандарты обращения с женщинами, находящимися в заключении, можно выделить следующие приведенные в них правила, имеющие первостепенное значение:

– содержание мужчин и женщин в отдельных учреждениях, «если же мужчины и женщины содержатся в одном и том же учреждении, то женщин следует размещать в полностью отдельных участках» [2, правило 11];

– «В помещениях, в которых размещаются женщины-заключенные, имеются средства и принадлежности, необходимые для удовлетворения специфических гигиенических потребностей женщин...» [1, правило 5];

– особенности медицинского осмотра женщин-заключенных при поступлении (на установление «наличия заболеваний, передающихся половым путем, или заболеваний, переносимых с кровью», «истории репродуктивного здоровья женщины-заключенной», «случаев сексуального насилия» и др.) [1, правило 6];

– «Если с женщиной-заключенной находится ребенок, то этот ребенок также проходит медицинский осмотр» [1, правило 9];

– личные обыски проводятся только женским персоналом, прошедшим надлежащую подготовку [1, правило 19];

– запрет на использование одиночного заключения, помещения в штрафной изолятор и аналогичных мер в отношении беременных женщин, женщин с грудными детьми и кормящих матерей [1, правило 22; 2, правило 45];

– «Средства усмирения никогда не должны применяться к женщинам во время родовых схваток, при родах и сразу после родов» [1, правило 24; 2, правило 48];

– несовершеннолетние женщины-заключенные имеют равный с несовершеннолетними заключенными мужского пола доступ к образованию и профессионально-техническому обучению [1, правило 37];

– беременные несовершеннолетние заключенные «получают такую же поддержку и медицинскую помощь, как и взрослые заключенные женского пола» [1, правило 39];

– «Женские тюремные учреждения должны располагать особыми помещениями для необходимого лечения и ухода за беременными женщинами и роженицами...» [2, правило 28];

– решение разрешить ребенку остаться с матерью в исправительном учреждении принимается, исходя из наилучших интересов ребенка. В этом случае нужно предусматривать создание служб по уходу за детьми, располагающих квалифицированным персоналом, куда детей следует помещать в периоды, когда они не пользуются заботой матери. «К детям, находящимся в таких учреждениях со своими матерями, никогда не относятся как к заключенным» [1, правило 49; 2, правило 29];

– женщины-заключенные должны иметь возможность осуществлять право на супружеские свидания наравне с мужчинами [2, Правило 58];

– «Заботу о находящихся в заключении женщинах и надзор над ними следует возлагать только на сотрудников женского пола. Это не должно, однако, мешать сотрудникам мужского пола, в частности врачам и учителям, выполнять свои профессиональные обязанности в женских исправительных учреждениях или отведенных для женщин отделениях тюремных учреждений» [2, Правило 81].

Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства (ст. 8 Конституции Республики Беларусь). В ст. 3 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь 2000 г. (далее – УИК) определено, что уголовно-исполнительное законодательство Республики Беларусь основывается на Конституции Республики Беларусь, общепризнанных принципах и нормах международного права, международных договорах Республики Беларусь, относящихся к исполнению наказания и обращения с осужденными. В случае противоречия между уголовно-исполнительным законодательством и ратифицированным Республикой Беларусь международным договором, применяются правила международного договора.

Необходимо отметить, что в действующем законодательстве термин «заключенный» не используется. Поэтому возникает необходимость адаптации терминологии международно-правовых стандартов к условиям отечественного законодательства. В связи с чем далее речь пойдет о стандартах обращения с женщинами, содержащимися под стражей, в отношении которых в ходе производства по уголовному делу применены принудительные меры в виде задержания и заключения под стражу, а также о стандартах обращения с осужденными женщинами при исполнении наказания в виде лишения свободы.

Условия содержания лиц под стражей регулируются Законом Республики Беларусь от 16 июня 2003 г. № 215-З «О порядке и условиях содержания лиц под стражей» (далее – Закон) независимо от половой принадлежности лица, задержанного или заключенного под стражу. Тем самым, женщины, содержащиеся под стражей, оказываются в санитарно-гигиенических условиях, созданных для мужчин, и не учитывающих их специфических физиологических и других потребностей. Особенности содержания под стражей предусмотрены лишь для беременных женщин и женщин, имеющих при себе детей в возрасте до трех лет (ст. 23 Закона), включая улучшенные материально-бытовые условия, медицинское обслуживание, повышенные нормы питания и вещевого обеспечения; ежедневные прогулки продолжительностью не менее трех часов; недопустимость ограничения продолжительности ежедневных прогулок; недопустимость водворения в карцер в качестве меры взыскания; с согласия женщин, содержащихся под стражей, их дети могут быть переданы родственникам. Кроме того, норма площади в камере на од-

ного человека устанавливается рассматриваемой категории лиц в размере не менее четырех квадратных метров (ст. 13 Закона), и не допускается ограничение веса передач (ст. 17 Закона). Дополнительно Правила внутреннего распорядка изоляторов временного содержания территориальных органов внутренних дел, утвержденные постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 30 ноября 2016 г. № 315 (п. 19) и Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел, утвержденные постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 13 января 2004 г. № 3 (п. 26) предусматривают, что для размещения беременных женщин и женщин, имеющих при себе детей в возрасте до трех лет, используются наиболее светлые и сухие камеры, а камеры следственных изоляторов оборудуются одноярусными спальными местами и детскими кроватями. Личный обыск производится лицом одного пола с обыскиваемым (п. 24, п. 38 соответствующих Правил), женщины с детьми в возрасте до трех лет получают предметы ухода за ними (п. 57, п. 54 соответствующих Правил).

Таким образом, обращение с женщинами, содержащимися под стражей, на законодательном уровне не имеет отличий по сравнению с мужчинами, за исключением категории беременных женщин и женщин, имеющих при себе детей в возрасте до трех лет. Что касается стандартов обращения с осужденными женщинами при исполнении наказания в виде лишения свободы, исходя из анализа отечественного уголовно-исполнительного законодательства, можно заключить, что условия отбывания наказания в виде лишения свободы для осужденных женщин несколько мягче, чем для осужденных мужского пола. В частности, осужденные женщины отбывают лишение свободы в исправительных колониях только в условиях общего и строгого режимов, в то время как осужденные мужчины – еще и в условиях усиленного режима и исправительной колонии особого режима (ст. 64 УИК). Каких-либо других принципиальных отличий в правилах организации и требований порядка и условий отбывания наказания в виде лишения свободы для осужденных мужского и женского пола не имеется.

В то же время уголовно-исполнительное законодательство предусматривает особенности, касающиеся положения осужденных беременных женщин, кормящих матерей и женщин, имеющих детей, при отбывании ими наказания в виде лишения свободы.

Так, в тюрьме на строгом режиме не могут содержаться осужденные беременные женщины и женщины, имеющие при себе малолетних детей (ч. 4 ст. 124 УИК). Осужденные беременные женщины и кормящие матери в штрафной изолятор, помещения камерного типа не водворяются и на строгий режим в тюрьме не переводятся (ч. 2 ст. 112 УИК). Осужденным беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, судом может быть предоставлена отсрочка отбывания наказания на период освобождения от работы по беременности, родам и до достижения ребенком трехлетнего возраста (ст. 189 УИК).

УИК также закрепил особенности материально-бытового обеспечения осужденных беременных женщин, кормящих матерей и женщин, имеющих детей, включая: улучшенные жилищно-бытовые условия и повышенные нормы питания беременным женщинам и кормящим матерям (ч. 4 ст. 94 УИК), бесплатное питание на период освобождения их от работы (ч. 6 ст. 94 УИК), дополнительные продовольственные посылки и передачи в количестве и ассортименте, необходимых для поддержания нормального здоровья матери и ребенка, право на медицинскую помощь на период родов и в послеродовой период (ч. 4 ст. 95 УИК). Осужденные женщины могут помещать своих детей в возрасте до трех лет в дом ребенка исправительного учреждения, им может быть разрешено совместное проживание с детьми в домах ребенка (ч. 1 ст. 95 УИК). Осужденным женщинам, имеющим детей в доме ребенка исправительной колонии, может быть разрешен краткосрочный выезд за пределы исправительного учреждения на срок до семи суток для

устройства детей у родственников либо в детском интернатном учреждении, а осужденным женщинам, имеющим детей-инвалидов вне исправительной колонии, – один краткосрочный выезд в год на тот же срок для свидания с ними (ч. 3 ст. 92 УИК).

Подводя итоги, отметим. Международно-правовые стандарты обращения с женщинами-заключенными можно определить как принятые на международном уровне и закрепленные в международных документах нормы, содержащие правила в сфере обеспечения прав и особых потребностей женщин, находящихся в заключении, а также деятельности учреждений, исполняющих меры, связанные с заключением, направленные на совершенствование законодательства и практики в сфере исполнения наказания в виде лишения свободы, а также принудительных мер в виде задержания и заключения под стражу.

Рекомендации международных документов, содержащих стандарты обращения с женщинами, находящимися в заключении, в основном получили отражение в законодательстве Республики Беларусь и практике деятельности органов и учреждений, исполняющих принудительные меры в виде задержания и заключения под стражу, а также наказание в виде лишения свободы. Однако самостоятельного исследования заслуживает проблема законодательного закрепления различных условий содержания под стражей женщин и мужчин. В настоящее время обращение с женщинами, содержащимися под стражей, на законодательном уровне не имеет отличий по сравнению с мужчинами, за исключением категории беременных женщин и женщин, имеющих при себе детей в возрасте до трех лет. В конечном счете, любые женщины, содержащиеся под стражей, или отбывающие наказание, связанное с изоляцией от общества, нуждаются в особой защите государства в вопросах признания и обеспечения их прав, особых нужд и потребностей.

Список использованной литературы

1. Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы (Бангкокские правила) [Электронный ресурс] : приняты резолюцией 65/229 Генеральной Ассамблеи от 21 декабря 2010 года // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangkok_rules.shtml. – Дата доступа: 13.11.2023.

2. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) [Электронный ресурс] : приняты Резолюцией Генеральной Ассамблеи 70/175, приложение от 17 декабря 2015 года // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/SMRbrochures/UN_Standard_Minimum_Rules_for_the_Treatment_of_Prisoners_the_Nelson_Mandela_Rules-R.pdf. – Дата доступа: 13.11.2023.

УДК 341.225.5

Е. С. Анянова

(Общество с ограниченной ответственностью «Балтторг», Калининград)

МОРСКАЯ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ

*Anyanova Ekaterina
(LLC “BALTTORG”)*

MARITIME CYBER SECURITY

The threat of cyber-attacks is very acute. The purpose of this research paper is to examine the need of the amendment of rules of international law required for the cyber resilient enterprise. This

paper proposes a novel approach investigating whether the amendment of rules of international law is required for the cyber resilient enterprise in the maritime industry. The methodology of international legal research and analysis of data is applied. The proposals of documents on cyber security and recommendations for maritime cyber risk management are discussed.

Угроза совершения кибер-нападений является очень актуальной. Целью настоящей исследовательской работы – изучить необходимость несения поправок в нормы международного права для киберустойчивого предприятия. В данной статье предлагается новый подход к исследованию вопроса о том, требуется ли изменение норм международного права для создания киберустойчивого предприятия в морской промышленности. Применяется методология международно-правового исследования и анализа данных. Обсуждаются предложения документов по кибербезопасности и рекомендации по управлению киберрисками на море.

Maritime industry including shipbuilders and ports has become increasingly vulnerable to cyber threats. Cyberattacks have been rapidly increasing over the years. Cybersecurity is the primary example of a developing maritime security threat.

This paper will present how to shape cyber security toward international law in the maritime industry.

I. Cybersecurity threat for shipping

Cyber security means a security concept used to protect the cyber environment, organisation and user [1].

Cybersecurity for the maritime industry is particularly addressed at international level since 2017 by means of such documents as guidelines and recommendations [2, p. 12]. However, there is no mandatory requirements. The issue of cyber security is a gap in the security of ships and port facilities.

Ports are active participants of global trade [3, p. 10]. Ports and ships use information technologies (IT), which are networked together and connected to the internet. Such technologies reduce port laborers, increase efficiency, but face cyberthreat [4].

II. Cyber Attacks Examples

The number of reported incidents of cyberattacks on the maritime industry increased in the last years.

For example, the ‘NotPetya’ attack on Maersk caused loss approximately \$300 million [5, p. 8]. In July 2017, the Danish shipping company in container transport “MAERSK” was attacked by the “NotPetya” ransomware. This malware had already attacked the Dutch company TNT Express in June 2017.

The NOT PETYA virus originated in a small Ukrainian software company. The programme came to the Maersk terminal in Rotterdam from the Ukrainian branch of Maersk which had this software on one of their computers. This attack disabled the terminal, and port terminal operations were managed manually for more than two weeks [2, p. 33]. Through the connected device in their network the programme damaged Maersk’s systems worldwide.

In 2013, the port of Antwerp was attacked via the remote access to the terminal systems and containers were stolen.

In 2016 the navigation systems of approximately 280 vessels were disrupted in one of the most digitally developed countries in the world - South Korea.

In 2017 76 APM Terminals in the United States, India, Spain, and the Netherlands were attacked by cyber-criminals.

In 2018 the ports of Barcelona, Australian defense shipbuilder Austal, customer service centre of COSCO Shipping Lines terminals in Long Beach Port and Port of San Diego in the United States [4] were attacked.

In 2020 the Geneva HQ [6] of shipping major like Mediterranean Shipping Company (MSC) was attacked by a malware. As a result of this attack its customer website did not function for several days.

French container shipping major CMA CGM was also attacked by cyber-criminals in 2020 and 2021. In 2020 the cyber-attack of the Iran's Shahid Rajaei port in the Strait of Hormuz created traffic jams of delivery trucks and delays in shipments.

In 2022 Sea-Invest, one of the largest Belgian-based port terminals has shut down all operations due to a hacking attack.

In 2022 a Singapore shipbuilder Sembcorp Marine was attacked by an unauthorized user, who gained access to the IT network through third-party software. IT system of a Singapore maritime company Voyager Worldwide was attacked in December 2022.

The website and internal computer system of the Port of Lisbon were disrupted in December 2022 and did not work for several days after a cyberattack.

Norwegian shipping classification society *Det Norske Veritas* (DNV) was attacked by a ransomware attack in 2023. The International Maritime Organisation (IMO) was also attacked in 2020 and 2023. The Port of Los Angeles is constantly attacked by ransomware, malware and spear-phishing attacks.

Due to these incidents prevention of cyberattack became very important [4]. After the number of such incidents increased, the companies started to take offline e-commerce platforms and data centres [5, p.8].

III. International law used to address cyber attacks in shipping

Documentary part of international law on cybersecurity in shipping is scarce.

The Guidelines on maritime cyber risk management were adopted in 2017 and put into effect in 2021 in order to combat cyber threats in the shipping industry.

The cyber guidelines contained recommendations on maritime cyber risk management to safeguard shipping from current and emerging cyber threats and vulnerabilities [2, p. 12]. Para. 2.1.8 of Guidelines emphasizes that the computer technologies are rapidly changing, therefore it is difficult to address these risks only through technical standards. A risk management approach to cyber threat is recommended in addition to the existing safety and security measures.

The Resolution MSC.428(98) adopted by the Maritime Safety Committee (MSC) on 16 June 2017 concerns Maritime Cyber Risk Management in Safety Management Systems [6].

Additional guidance and standards include the Guidelines on Cyber Security Onboard Ships and the Cybersecurity Guidelines for Ports and Port Facilities.

In order to ensure the security of port facilities against attacks from within the cyber domain, it is proposed to use the International Ship and Port Facility Security (ISPS) Code [7]. The ISPS Code has two parts: a mandatory Part A and a recommendatory Part B. There are no cybersecurity provisions in Part A.

Part B mentions cybersecurity as it encourages port facilities to consider "radio and telecommunications equipment, including computer systems and networks" in the assessment of physical security vulnerabilities. The cybersecurity provisions in Part B of the ISPS Code are soft law. This is non-binding instructive guidance [7].

IV. Counter measures

The increased number of maritime cybersecurity incidents demonstrated the need to increase cybersecurity measures [5, p.8]. Cyber risk management should be incorporated into the safety management system.

The counter-measures shall be aimed at reducing the risk of unauthorised access to the ship including its cyber-physical systems. The protection from unauthorised access includes measures to check any removable media or portable devices that will be connected to the system for malware (for example, software updates on USB memory sticks or diagnostic software on laptops or tablet devices). Access to systems consoles, displays, etc. shall be password protected.

A special attention shall be paid to cabling routes and their containment (for example ducts and trunking); control systems; critical permanent plant or machinery [1].

A series of recommendations are made for maritime cyber risk management.

It is proposed to develop new cybersecurity guidelines for maritime domain with the participation of the IMO. Sometimes the proposals are made to amend the ISPS Code with cybersecurity standards [7].

Since port systems become more connected and digitalised, it is important to build security and resilience into processes and training.

One proposal concerns the amending Part B Section 18 to encompass training, drills, and exercises specific to cybersecurity.

Another proposal concerns the port facility security assessment. Cyber systems are not covered in the port facility security assessment.

It was also proposed to amend the ISPS Code is a change to Section 16 of Part A and Part B to require port facilities to prepare and governments to approve the cyber security plans (CSPs). The CSP should be an independent document, a supplement to the already required facility security plan [7].

CSP shall be based on a risk-based approach [1]. CSP shall include regular training and cyber risk assessment for persons having access to cyber systems. The completed CSP for the ship should be protected from unauthorised access or disclosure and should form an annex of the ship security plan (SSP).

CSP shall contain a mechanism for periodic, at least annual, reviews of the CSP to verify that it remains effective and update it.

In order to promote the cyber security management, the proposal was made to designate the cyber security officer (CySO). This CySO shall be responsible for all security aspects of cyber-enabled systems on the ship, i.e. both the IT and communications systems. The CySO should also be responsible for the development of the cyber security assessment (CSA)/CSP and implementing the CSP.

The CySO shall have the authority to act [1], but it is important that the responsibility for cybersecurity is shared by the CySO with other managers. Not only the IT department shall participate in the cyber security measures, but also port executives, managing governance in order to build an organizational culture and develop cybersecurity strategies.

Such position of CySO is introduced in certain places. For example, in the Rotterdam port the Port Security Officer has recently also been appointed Cyber Resilience Officer. However, this position is not required by the ISPS Code.

In such a way, it is proposed to amend the provisions of the SOLAS Convention and the ISPS Code with the cyber security provisions [8, p. 178]. The question arises whether it is necessary to introduce additional measures regulating the cyberthreat in the ISPS Code. The amendment of the ISPS Code is a difficult procedure. Part B of the ISPS Code contains a series of recommendations. The amendments to the Part B of the Code shall be adopted by the MSC in accordance of the rules of its work. Part A of the Code is mandatory. The amendments to the Part A of the ISPS code are adopted after consideration within the Organization and voting in the MSC. The Part A of the ISPS code could also be amended by a convened Conference of Contracting Governments to consider amendments to the present Convention.

The conclusion is made that the amendment of the ISPS Code is not advisable, since the ship and port facility security could be achieved by the existing regulation. However, these cyber threats shall be considered of the work and activity of maritime industry. It is possible to imagine, one could carry out the necessary procedures for computer systems and networks of ship or enterprise without the amendment of the ISPS Code.

Conclusion

Nowadays the maritime industry has become increasingly vulnerable to cyber threats. This paper argues that the cyber resilient approach to ships and port facilities would require additional cyber security measures.

Список использованной литературы

1. The UK Department for Transport (eds.). Code of Practice Cyber Security for Ships, published 13 September, 2017, last updated July 24, 2023 [Electronic resource]. – Mode of access: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/642598/cyber-security-code-of-practice-for-ships.pdf. – Date of access: 02.09.2023.
2. European Union Agency for Cybersecurity (ENISA) (Eds.). Port cybersecurity - Good practices for cybersecurity in the maritime sector, November, 2019 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.enisa.europa.eu/>. – Date of access: 02.09.2023.
3. IAPH (eds.). IAPH Cybersecurity Guidelines for Ports and Port Facilities, Version 1.0, 02 July, 2021 [Electronic resource]. – Mode of access: https://sustainableworldports.org/wp-content/uploads/IAPH-Cybersecurity-Guidelines-version-1_0.pdf. – Date of access: 02.09.2023.
4. Senarak, C. Cybersecurity knowledge and skills for port facility security officers of international seaports: Perspectives of IT and security personnel / C. Senarak [Electronic resource] // The Asian Journal of Shipping and Logistics. – 2021. – Vol. 37, iss. 4. – P. 345–360. – Mode of access: <https://doi.org/10.1016/j.ajsl.2021.10.002>. – Date of access: 02.09.2023.
5. DNV (eds.) Maritime cyber priority, 2023 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.dnv.com/cybersecurity>. – Date of access: 02.09.2023.
6. The IMO (eds.), Maritime cyber risk [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.imo.org/en/OurWork/Security/Pages/Cyber-security.aspx>. – Date of access: 02.09.2023.
7. Petta, M. C. Port Cybersecurity: Incorporating the IAPH's new Guidelines into the ISPS Code, 29 September 2021 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://cimsec.org/incorporating-the-iaphs-new-cybersecurity-guidelines-into-the-international-ship-and-port-facility-security-code/>. – Date of access: 02.09.2023.
8. Faria, D. L. de. The impact of cybersecurity on the regulatory legal framework for maritime security [Electronic resource] / D. L. de Faria // Janus.net, e-journal of international relations. – 2020. – Vol. 11, iss. 2. – P. 163–184. – Mode of access: <https://doi.org/10.26619/1647-7251.11.2.10>. – Date of access: 02.09.2023.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

УДК 343.81

Е. А. Артюх

*(Учреждение «Следственный изолятор № 6» управления ДИН МВД
Республики Беларусь по Брестской области, Брест)*

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПОРЯДКА И УСЛОВИЙ ИСПОЛНЕНИЯ И ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ОТНОШЕНИИ КОРРУПЦИОНЕРОВ

В статье рассматриваются особенности порядка и условий отбывания наказания в виде лишения свободы в отношении лиц, совершивших коррупционные преступления. Представлены направления совершенствования уголовно-исполнительного законодательства Республики Беларусь в сфере исполнения наказания в отношении рассматриваемой категории лиц, в том числе создание легального механизма дифференцированного отбывания наказания для осужденных коррупционеров.

В науке уголовно-исполнительного права в настоящее время необходимость дифференциации исполнения наказания в виде лишения свободы для лиц, совершивших экономические и должностные преступления, не просто находит поддержку, а обозначается в качестве одного из основных направлений реформирования системы исполнения наказаний.

В 2018 г. научно-исследовательским центром изучения уголовно-исполнительного права при МГУ им. М. В. Ломоносова был реализован научный проект по разработке Теоретической модели отбывания наказания в виде лишения свободы осужденными за экономические и должностные преступления. Указанный проект получил широкую поддержку в научном сообществе, задача выделения в отдельную группу осужденных к лишению свободы за совершение экономических и должностных преступлений в условиях современных реалий, как отмечается в литературе, является сверхактуальной [1, с. 21].

Необходимость совершенствования, а также формирования принципиально новых подходов к исполнению и отбыванию наказания для лиц, совершивших коррупционные преступления, обусловлена рядом разноплановых факторов:

1) общей тенденцией уголовного и уголовно-исполнительного законодательства к гуманизации наказаний, порядка их исполнения в отношении лиц, совершивших преступления в сфере экономики, должностные преступления;

2) существенными отличиями данной категории осужденных по своим характеристикам от иных категорий осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы;

3) объективными негативными последствиями возможного пересечения экономической и должностной преступности в условиях мест лишения свободы, что приводит к дальнейшему воспроизводству преступности на новом интегративном и более опасном уровне.

В этой связи одним из основных принципов реформирования системы исполнения наказаний в отношении лиц, совершивших экономические и должностные преступления, должен стать принцип дифференциации исполнения наказания.

В уголовно-исполнительном законодательстве Республики Беларусь, регламентирующем порядок и условия исполнения и отбывания наказания в отношении лиц, совершивших коррупционные преступления, этот принцип четко прослеживается. У данной категории осужденных отсутствует возможность представления к условно-досрочному освобождению и замене наказания более мягким (ч. 8 ст. 90 Уголовного кодекса Республики Беларусь) [2].

Однако, на наш взгляд, при исполнении наказания в отношении коррупционеров, особенно следует учитывать и их социально-демографические факторы, к которым относятся род занятий и образование.

Как показывает практика, уровень образования, учитывается не во всех направлениях исполнения наказания. При трудоустройстве осужденного, образование играет ключевую роль и, исходя из этого, осужденный получает работу. Однако, при размещении осужденного в отряд или камеру, уровень образования не учитывается, что, на наш взгляд, не совсем верно.

Так, например, осужденные за коррупционные преступления, как правило имеют высшее образование, занимают руководящие должности, и помещение их совместно с осужденными, подверженными тюремной субкультуре ведет к деформированию личности, вхождению ее в эту субкультуру.

Также следует учитывать возможные высокие коррупционные риски совместного содержания лиц, совершивших экономические и должностные преступления, и «обычных» преступников. Большинство лиц, привлеченных к ответственности за рассматриваемые категории преступлений, имеют доход выше среднего и, попадая в экстремальные условия исправительных учреждений, готовы оплачивать более комфортное проживание в местах лишения свободы, что является крайне благоприятной средой для коррупции в уголовно-исполнительной системе.

В этой связи создание легального механизма дифференцированного отбывания наказания для данной категории осужденных будет направлено и на минимизацию возможных коррупционных проявлений в уголовно-исполнительной системе.

Считаем, что для снижения коррупционных рисков в исправительных учреждениях, минимизации деформирования личности коррупционеров и вовлечения их в криминальную субкультуру, необходимо их отдельное содержание (отдельные отряды в исправительных колониях, камеры в тюрьмах). Также рассмотреть вопрос создания специализированных ИУ по аналогии с исправительными учреждениями, в которых отбывают наказание бывшие работники правоохранительных органов для лиц, совершивших экономические и должностные преступления. Правовая возможность дифференцированного подхода к бывшим работникам предусмотрена ч. 5 ст. 71 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь [3].

При использовании рассматриваемой модели потребуются внесение изменений в ч. 5 ст. 71 УИК Республики Беларусь, а именно ее конкретизация. Вышеуказанная норма предусматривает возможность направления в эти учреждения и иных категорий осужденных. Мы предлагаем дополнить ее: «Для содержания осужденных – бывших работников правоохранительных органов могут создаваться отдельные исправительные учреждения. В эти учреждения могут быть направлены и иные осужденные, не относящиеся к работе в правоохранительных органах, совершившие экономические и должностные преступления».

Однако следует учитывать, что такого указания для полноценной реализации принципа дифференциации исполнения наказания для рассматриваемой группы осужденных недостаточно. Направление в подобные учреждения – право, а не обязанность уполномоченных органов и должностных лиц. Следовательно, для рассматриваемой категории субъектов не гарантировано отбывание лишения свободы в специализированных исправительных учреждениях.

Список использованной литературы

1. Голик, Ю. В. Экономические и должностные преступники в местах лишения свободы: об итогах научного проекта / Ю. В. Голик, В. В. Александрова // Вестник Самарского юридического института. – 2019. – № 2 (33). – С. 21–26.

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275 –3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.03.2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

3. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 2000 г., № 365-3 : принят Палатой представителей 14 дек. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.06.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

УДК 343.01

Т. П. Афонченко

*(Белорусский торгово-экономический университет
потребительской кооперации, Гомель)*

О КРУГЕ ЛИЦ, В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ МОЖЕТ БЫТЬ УСТАНОВЛЕН ПРЕВЕНТИВНЫЙ НАДЗОР

Превентивный надзор за осужденным представляет собой специальную постпенальную меру уголовной ответственности, применение которой обусловлено предшествующим поведением лица, совершившего преступление. В своей изначальной правовой основе превентивный надзор выражает усиленный режим осуждения по сравнению с профилактическим наблюдением и сопровождается для лица целым рядом ограничений.

С учетом значительного объема вмешательства в сферу личных прав лица представляет интерес изучение круга субъектов, потенциально попадающих в сферу уголовно-правового воздействия в форме превентивного надзора. Правовые основы установления превентивного надзора закрепляет ст. 80 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), отдельные положения которой более детально раскрыты в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь 21 декабря 2017 г. № 14 «О практике применения судами законодательства о превентивном надзоре».

Согласно указанной статье действующего УК, превентивный надзор может быть установлен в пределах срока судимости за лицом, отбывшим наказание в виде лишения свободы, достигшим восемнадцатилетнего возраста, являющимся гражданином Республики Беларусь, а также за постоянно проживающим в Республике Беларусь иностранным гражданином или лицом без гражданства (ч. 1¹ ст. 80 УК).

Установление превентивного надзора за лицом, судимым за преступление, совершенное в составе организованной группы или преступной организации, а также судимым за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления либо судимым два или более раза к наказанию в виде лишения свободы за любые умышленные преступления (в необходимых случаях при условии установления иных критериев, закрепленных в ч.4 ст. 80 УК), совершившим преступление в возрасте до восемнадцати лет, допускается после достижения им совершеннолетия.

Для установления превентивного надзора за иностранным гражданином или лицом без гражданства необходимо наличие у него выданного в установленном порядке разрешения на постоянное проживание в Республике Беларусь и вида на жительство. Согласно ст. 1 Закона от 4 января 2010 г. № 105-3 «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства», постоянно проживающий в Республике Беларусь иностранный гражданин (лицо без гражданства) – лицо, получившее в порядке,

установленном законодательными актами и постановлениями Совета Министров Республики Беларусь, разрешение на постоянное проживание и вид на жительство, биометрический вид на жительство в Республике Беларусь иностранного гражданина или биометрический вид на жительство в Республике Беларусь лица без гражданства. Принимая во внимание положения указанного Закона, превентивный надзор не устанавливается: 1) за временно пребывающими в Республике Беларусь иностранными гражданами и лицами без гражданства – лицами, прибывшими в Республику Беларусь на срок не более девяноста суток в календарном году на основании визы или в порядке, не требующем получения визы, и не имеющими разрешения на временное проживание в Республике Беларусь или разрешения на постоянное проживание, если иное не определено Законом Республики Беларусь «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства» и международными договорами Республики Беларусь; 2) за временно проживающими в Республике Беларусь иностранными гражданами и лицами без гражданства, то есть лицами, получившими в порядке, установленном законодательными актами, разрешение только на временное проживание.

Вместе с тем, отсутствие у лица регистрации по месту жительства или месту пребывания не препятствует установлению за ним превентивного надзора. В этом случае необходимо учитывать данные, свидетельствующие о месте фактического жительства лица, а при отсутствии такового – о месте его фактического пребывания, в том числе в государственной организации (ее структурном подразделении), оказывающей социальные услуги населению (например, дом временного пребывания лиц без определенного места жительства).

Отметим также, что в отличие от превентивного надзора, ограничение на осуществление профилактического наблюдения в отношении постоянно не проживающих в республике иностранных граждан и лиц без гражданства отсутствует, что, на наш взгляд, является не совсем верным. Вполне логичным представляется ограничить круг находящихся под профилактическим наблюдением, на которых распространяется данная мера, теми допустившими девиантное поведение лицами, которые хоть и не являются гражданами Республики Беларусь, но постоянно проживают на территории государства, что подтверждается соответствующим образом оформленными документами.

Основания установления превентивного надзора, определяющие круг лиц, в отношении которых надзор может быть установлен, сформулированы в п. 1-3 ч. 3 и п. 1 и 2 ч. 4 ст. 80 УК. К таковым относятся: факт осуждения к лишению свободы лица, допустившего особо опасный рецидив (ч. 3 ст. 43 УК), на период до снятия судом судимости (судимость с указанной категории лиц может быть снята только по решению суда в соответствии с ч. 2 ст. 98 УК). Основание установления превентивного надзора в данном случае предельно формализовано и конкретно; факт осуждения лица к лишению свободы за преступление в составе организованной группы (ст. 18 УК) или преступной организации (ст. 19 УК); факт осуждения к пожизненному лишению свободы либо к смертной казни при условии замены ее в порядке помилования пожизненным лишением свободы, если дальнейшее отбывание пожизненного лишения свободы заменено лишением свободы (ч. 4 ст. 58 УК); факт осуждения лица к лишению свободы за тяжкое или особо тяжкое преступление, а равно неоднократного (два или более раза) осуждения к лишению свободы за любые умышленные преступления, если в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь на момент освобождения из исправительного учреждения оно признано злостно нарушающим установленный порядок отбывания наказания (п. 1 ч. 4 ст. 80 УК); факт осуждения лица к лишению свободы за тяжкое или особо тяжкое преступление, а равно неоднократного осуждения к лишению свободы за любые умышленные преступления, если после отбытия наказания в виде лишения свободы оно более двух раз в течение года привлекалось к

административной ответственности за совершение административных правонарушений, за которые законом предусмотрено административное взыскание в виде административного ареста (п. 2 ч. 4 ст. 80 УК). При этом превентивный надзор может быть установлен за лицом и в том случае, если после освобождения из исправительного учреждения (отбытия лишения свободы), но до установления превентивного надзора оно было осуждено и отбывало наказание, не связанное с лишением свободы.

При решении вопроса об установлении превентивного надзора за лицом, судимым два или более раза к наказанию в виде лишения свободы, таким признается лицо, в отношении которого имеется не менее двух вступивших в законную силу приговоров, по каждому из которых данный вид наказания ему назначен за любое умышленное преступление. Осуждение лица к лишению свободы не может учитываться в качестве самостоятельного основания к установлению превентивного надзора, когда окончательное наказание за совершенные преступления назначено по правилам, предусмотренным ч. 2 ст. 71 или ч. 5 ст. 72 (п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь 21 декабря 2017 г. № 14 «О практике применения судами законодательства о превентивном надзоре»).

Наряду с формализованными условиями (наличие судимости за преступления определенной категории, в том числе в случае признания в действиях лица особо опасного рецидива) закон выдвигает обстоятельства, требующие аналитической оценки суда. Поэтому вопрос об установлении превентивного надзора разрешается судом с участием осужденного.

В контексте п. 1 ч. 4 ст. 80 УК подвергается анализу поведение осужденного в период отбывания лишения свободы, устанавливается адекватность определенных актов поведения осужденного с его нежеланием встать на путь исправления, причины такого поведения, меры дисциплинарного воздействия, принимаемые администрацией исправительного учреждения, послужившие основанием для признания осужденного злостно нарушающим установленный порядок отбывания наказания (ч. 1 и 2 ст. 117 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь). Также выясняется, имелись ли основания для его вынесения и не истекает ли на момент освобождения осужденного из исправительного учреждения срок, в течение которого он признается злостно нарушающим установленный порядок отбывания наказания (п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь 21 декабря 2017 г. № 14 «О практике применения судами законодательства о превентивном надзоре»).

В другом случае (п. 2 ч. 4 ст. 80 УК) оценивается характер и степень совершенных осужденным административных правонарушений, наличие систематичности (совершение более двух правонарушений), характер примененных мер взыскания (закон не требует, чтобы за каждое совершенное административное правонарушение осужденный подвергался административному аресту). Совершенные правонарушения должны свидетельствовать о нежелании осужденного, несмотря на отбытое наказание, вести законопослушный образ жизни. При рассмотрении представления территориального органа внутренних дел об установлении превентивного надзора за лицом, указанным в п. 2 ч. 4 ст. 80 УК, проверяется законность привлечения его к административной ответственности за совершение административных правонарушений, за которые предусмотрено административное взыскание в виде административного ареста (п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь 21 декабря 2017 г. № 14 «О практике применения судами законодательства о превентивном надзоре»). Для установления превентивного надзора за таким лицом необходимо не менее трех постановлений о наложении на него административных взысканий, вынесенных в течение года. При этом вид наложенного административного взыскания значения не имеет. По правилам о течении сроков началом исчисления годичного срока следует считать день наложения первого административного взыскания.

На основании оценки названных обстоятельств принимается или отклоняется представление об установлении превентивного надзора в отношении осужденных, указанных в п. 1 и 2 ч. 4 ст. 80.

При этом вопрос об установлении превентивного надзора за лицами, указанными в ч. 3 и п. 2 ч. 4 ст. 80 УК, условно-досрочно освобожденными от отбывания наказания в виде лишения свободы или которым неотбытая часть наказания в виде лишения свободы заменена более мягким наказанием, может быть разрешен судом только после полного отбывания основного наказания по приговору суда, о чем прямо указывает ч. 4¹ ст. 80 УК, п. 6¹ постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь 21 декабря 2017 г. № 14 «О практике применения судами законодательства о превентивном надзоре»).

Таким образом, законодатель, определяя круг лиц, в отношении которых устанавливается превентивный надзор, исходит из продемонстрированной ими общественной опасности, проявившейся в совершении преступных деяний, представляющих наиболее серьезную угрозу для охраняемых интересов. В целях унификации законодательства предлагаем сузить круг лиц, находящихся под профилактическим наблюдением, установив, что данная мера не осуществляется в отношении постоянно не проживающих на территории Республики Беларусь иностранных граждан и лиц без гражданства.

УДК 343.131

Т. Ю. Вилкова

*(Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина
(МГЮА), Москва)*

К ВОПРОСУ О КОНФИСКАЦИИ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ, ЯВЛЯЮЩИХСЯ ПРЕДМЕТОМ КОНТРАБАНДЫ

В работе проводится разграничение общей и специальной (процессуальной) конфискации. Показано, что специальная конфискация применима лишь к имуществу, полученному в результате преступных действий либо обеспечивавшему их совершение. Сделан вывод, что конфискация законно полученных наличных денежных средств при их контрабанде приводит к смешению общей и процессуальной конфискации. Обосновано предложение о приведении п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ в соответствие с принципом неприкосновенности собственности.

Уголовный кодекс Российской Федерации в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 предусматривает конфискацию за совершение контрабанды наличных денежных средств (ст. 200.1 УК РФ).

Между тем предусмотренная данной нормой возможность конфискации денежных средств независимо от обстоятельств их происхождения приводит к смешению в указанной статье общей и специальной конфискации.

Два указанных правовых режима конфискации имущества при едином названии имеют разную правовую природу и разное целевое назначение. Общая конфискация (полная или частичная) лишает виновного части собственности, что определяет ее репрессивный характер. Специальная же конфискация традиционно рассматривается как принудительное изъятие не любого имущества осужденного, а лишь имущества, полученного им преступным путем, а также доходов от этого имущества либо изъятие орудий, средств и предметов преступления. Иначе говоря, по своей природе специальная конфискация (в отличие от общей) применима только к «криминализованному» имуществу, которое порождено преступлением, является его результатом, последствиями либо обеспечивало или предназначалось для обеспечения его совершения.

Различная природа общей и специальной конфискации подчеркивается тем, что в отдельные исторические периоды развития отечественного законодательства эти две разновидности конфискации имущества сосуществовали одновременно. Например, УК РСФСР

1960 года предусматривал конфискацию имущества в качестве вида наказания (п. 8 ч. 1 ст. 21), а УПК РСФСР 1960 года регулировал порядок уголовно-процессуальной деятельности как в связи с применением этого вида наказания (например, применение обеспечительных мер в виде наложения ареста на имущество – ч. 1 ст. 175), так и в связи с конфискацией орудий преступления, признанных вещественными доказательствами (п. 1 ст. 86).

В настоящее время общая конфискация имущества в качестве вида наказания за совершение преступления отсутствует в законе (ранее она была предусмотрена п. «ж» ст. 144 УК РФ, но в последующем упразднена Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации»).

Специальная же конфискация продолжает успешно применяться, однако ее правовое регулирование претерпело существенные изменения.

Традиционно специальная конфискация имущества регулируется УПК РФ. Так, орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, принадлежащие обвиняемому, признаются вещественными доказательствами, а вопрос об их конфискации разрешается в приговоре (ч. 1 и п. 1 ч. 3 ст. 81, п. 12 ч. 1 ст. 299 УПК РФ).

Наряду с этим Федеральным законом от 27.07.2006 г. № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма" и Федерального закона "О противодействии терроризму"» УК РФ был дополнен главой 15.1 «Конфискация имущества».

Конфискация имущества отнесена уголовным законом не к видам наказания, а к иным мерам уголовно-правового характера. По содержанию и целеполаганию эта мера уголовно-правового характера (в первоначальной редакции ст. 104.1 УК РФ) не заменила общую конфискацию, а во взаимосвязи с п. 8 ч. 1 ст. 73, п. 2.1 ч. 1, п. 4 и 4.1 ч. 3 ст. 81, п. 3.1 ст. 83, ч. 1 и 3 ст. 115, ч. 1 ст. 116, п. 4.1 ст. 307 УПК РФ урегулировала правоотношения, связанные с традиционной специальной конфискацией имущества, полученного в результате преступных действий либо обеспечивавшего совершение преступления. Применение такой специальной конфискации направлено на устранение последствий преступления и на предотвращение его совершения в будущем. Специальная конфискация не является ни основным, ни дополнительным видом наказания за преступление и не заменяет собой наказание.

Данная позиция находит отражение и в доктринальных исследованиях. Так, В.Н. Каплунов и В.А. Широков отмечают, что предусмотренная ст. 104.1 УК РФ конфискации имущества – это не реанимация прежней меры уголовного наказания, «а, по существу, перенос специальной конфискации, предусмотренной ст. 81 УПК РФ» [1].

Иное имущество обвиняемого, легальное по своему характеру, если оно не было получено в результате преступления, не являлось средством совершения преступления и не было направлено на финансирование преступной деятельности, конфискации не подлежит.

Например, по делу М., признанному виновным в получении взятки, суд не привел в приговоре доказательства, свидетельствующие о том, что изъятые в ходе обыска денежные средства были получены М. в результате совершенных им преступлений, либо являлись орудием, оборудованием или иными средствами совершения преступлений, либо относятся к имуществу, указанному в пунктах «а» - «в» части 1 статьи 104.1 УК РФ. Также суд не указал в приговоре мотивы со ссылкой на соответствующую норму уголовно-процессуального закона, по которым пришел к выводу о том, что денежные средства подлежат обращению в доход государства. При таких обстоятельствах Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила приговор и последующие судебные решения в части обращения в доход государства изъятых в жилище М. денежных средств в сумме 313 000 руб. и дело направила на новое судебное разбирательство в порядке, предусмотренном статьями 397, 399 УПК РФ [2].

Вместе с тем федеральным законом от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям» одновременно с установлением уголовной ответственности за контрабанду наличных денежных средств и (или) денежных инструментов (ст. 200.1 УК РФ) п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ был дополнен возможностью конфискации имущества, явившегося предметом контрабанды, ответственность за которую установлена статьей 200.1, и любых доходов от этого имущества, за исключением имущества и доходов от него, подлежащих возвращению законному владельцу.

Конфискация перемещенных через границу наличных денежных средств и (или) денежных инструментов не обусловлена характером этих средств и подлежит применению независимо от их происхождения и предназначения. При признании лица виновным в незаконной контрабанде наличных денежных средств и (или) денежных инструментов (ст. 200.1 УК РФ) могут быть конфискованы как денежные средства, представляющие собой доходы от преступной деятельности, использовавшиеся либо предназначенные для использования при совершении преступного деяния или для достижения преступного результата, так и законно полученные наличные денежные средства и (или) денежные инструменты. В последнем случае происходит отступление от цели и задач специальной конфискации (в отличие от иных положений ст. 104.1 УК РФ), приводит к фрагментарному реанимированию общей конфискации и удвоению наказания.

Между тем не допускается использование средств уголовного закона для избыточного ограничения прав и свобод при применении мер уголовной ответственности [3], а значимость объекта уголовно-правовой охраны должна быть соразмерна с размером уголовно-правовой санкции [4].

Представляется, что положение п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, позволяющее применять специальную конфискацию в отношении контрабанды законно полученных денежных средств, не представляющих собой доходы от преступной деятельности, не использовавшихся и не предназначенных для использования при совершении преступного деяния или для достижения преступного результата, является нормой, приводящей к неадекватности порождаемых ею последствий для виновного тому вреду, который был причинен в результате преступного деяния. Особенно отчетливо это проявляется в случаях, когда назначаемое наказание в виде штрафа оказывается многократно меньше размера денежных средств, которые принудительно безвозмездно изымаются и обращаются в собственность государства на основании обвинительного приговора.

Таким образом, требуется приведение п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ во взаимосвязи со ст. 200.1 данного Кодекса в соответствие с конституционными принципами верховенства права и правового государства, а также с общеправовыми принципами соразмерности, справедливости и равенства во избежание несоразмерного ограничения неприкосновенности собственности.

Список использованной литературы

1. Каплунов, В. Н. «Новая» конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера и новые проблемы / В. Н. Каплунов, В. А. Широков // Российский следователь. – 2008. – № 6. – С. 22–24.
2. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18.05.2022 г. № 5-УД22-29-К2 // Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2023) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.07.2023 г.).
3. Подмарев, А. А. Соразмерность как конституционный принцип ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации / А. А. Подмарев // Известия Саратовского университета. – Новая серия. – Серия: Экономика. Управление. Право. – 2021. – Т. 21, вып. 1. – С. 83–91.

4. Упоров, И. В. Социальные ценности и их уголовно-правовая защита: к проблеме критериев соответствия / И. В. Упоров // Евразийское научное объединение. – 2021. – № 2-5 (72). – С. 305–308.

УДК 343.9.01

Т. И. Вишневская

(Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Могилев)

ГЕРОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В РАКУРСЕ НЕГАТИВНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ МЕЖПОКОЛЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассматриваются отдельные аспекты детерминант геронтологической преступности, связанных с противоречиями между людьми разных поколений. Акцентируется внимание на связь между геронтологической преступностью и семейно-бытовыми конфликтами, социальной изоляцией, эйджизмом, геронтофобией, люмпенизацией и маргинализацией пожилого населения. Определены перспективные пути минимизации геронтологической преступности с помощью повышения статусно-ролевого положения пожилых людей как среди молодежи, так и среди населения всех возрастных групп.

Вечно эволюционирующий тургеневский конфликт поколений – отцов и детей, в настоящее время приобретает новую особо актуальную социальную реальность. Цифровизация, глобализация, виртуализация, консьюмеризация и другие новации современного общества увеличивают дистанцированность в отношениях между людьми разных поколений, порождают негативные девиации, правильная криминологическая идентификация которых предполагает многомерный научный дискурс.

Поколением принято считать группу людей, которые родились и выросли в определенный промежуток времени, обладающие схожими ценностями, взглядами на формирование которых повлияли различные факторы (исторические, экономические и др.). Теория поколений американских исследователей Howe N., Strauss W., описанная в книге «Generations», доказывает, что каждое новое поколение обладает определенными общими характеристиками, меняясь каждые 20 – 25 лет. Согласно данной концепции выделяются следующие поколения: молчаливое поколение (1925 – 1944), поколение бэби-бумеров (1944 – 1967), поколение X (1967 – 1984), поколение Y или миллениалы (1984 – 2000), поколение Z или зумеры (2000 – 2015), поколение A (с 2011) [1].

Поколение молодых людей, рожденных в XXI веке особенно отличаются от предыдущих поколений своим мировоззрением, ценностными ориентациями, жизненными целями, представлениями о дозволенном и недозволенном, девиантным-разрешенным и девиантным-запрещенным, что бесспорно оказывает влияние на общественное устройство, криминальную обстановку. Нередко то, что обыденно для молодежи неприемлемо для представителей старших возрастных групп. Различия поколенческих когорт в представлении о мироустройстве определяют острые конфликты и противоречия, которые в будущем, учитывая быстрые темпы развития современного информационно-технологического общества, будут усиливаться и породить новые криминальные угрозы.

Среди современных экспанентно возрастающих форм негативных девиаций следует выделить геронтологическую преступность, которая представляет собой патологию социальной системы, проявляющейся в деструктивных противоречиях, конфликтных взаимодействиях пожилых людей друг с другом и обществом, выражающейся в воспроизводстве определенной суммы преступных деяний, совершенных пожилыми лицами, а также преступных деяний, совершенных в отношении пожилых лиц [2, с. 51]. По данным Министерства внутренних дел Республики Беларусь отмечается увеличение удельного

веса пожилых лиц, совершивших преступления, в общем количестве лиц, совершивших преступления с 2007 г. (0,6 %) по 2022 г. (2,2 %) на 1,6 % и стабильно высокая численность пожилых лиц, потерпевших от преступлений – ежегодно около 9 % от общего количества потерпевших от преступлений всех возрастных групп [3, с. 1].

Следует акцентировать внимание на то, что прослеживается тесная связь между геронтологической преступностью и семейно-бытовыми конфликтными взаимоотношениями с людьми более молодого возраста. Бесспорно, пожилой возраст – это время угасания сил как физических, так и психологических, что оказывает влияние на поведение человека в обществе. Пожилые люди становятся более раздражительными, упрямыми, недовольными. Психолог Е. Авербух приводит такую обобщенную характеристику старого человека: «У старых людей снижены самочувствие, самоощущение, самооценки, усиливается чувство малоценности, неуверенности в себе, недовольство собой. Настроение, как правило, снижено, преобладают различные тревожные опасения: одиночества, беспомощности, обнищания, смерти. Старики становятся угрюмыми, раздражительными, мизантропами, пессимистами. Способность радоваться снижается, от жизни они ничего хорошего уже не ждут. Интерес к внешнему миру, к новому снижается. Все им не нравится, отсюда – брюзжание, ворчливость. Они становятся эгоистичными и эгоцентричными, более интровертированными, круг интересов суживается, появляется повышенный интерес к переживаниям прошлого, к переоценке этого прошлого» [4]. Возможно вышеназванный портрет имеет чрезмерно негативную характеристику. Однако очевидно, что отрицательные возрастные изменения под влиянием деструктивных социальных факторов влияют на антисоциальное поведение пожилых людей. Растущая социальная изоляция, недостаточный уровень социально-материального обеспечения, отсутствие положительных контактов, геронтофобия, эйджизм создают предпосылки для криминальных и виктимных поведенческих реакций пожилых людей на фоне ухудшения когнитивных и иных биологических свойств.

Анализ судебной практики демонстрирует аморальные примеры совершения преступлений в отношении пожилых людей их детьми и наоборот – совершения преступлений пожилыми лицами в отношении своих детей. Все это свидетельствует о нарушении межпоколенной трансляции норм, ценностных ориентаций, разрыве духовных и нравственных связей между поколениями.

Доминирование в детерминантах геронтологической преступности социально-экономических причин, связанных с потерей значительной частью населения уважения к людям старшего поколения, неудовлетворительным материальным положением обуславливает необходимость разработки и использования новых подходов, форм и методов, психолого-педагогических приемов работы, направленных на формирование в обществе почтительно-достойного отношения к пожилым людям. Не случайно еще в глубокой древности Протогор провозгласил: «Старик – хранитель законов, традиций, истории» [5, с. 33], подчеркивая важность ценности пожилых людей в обществе. История человечества свидетельствует о том, что пожилые люди, имея опыт, знаний и мудрость во все времена оказывали положительное влияние на развитие общественного уклада. Сегодня, как никогда, требуется повысить уровень правильного восприятия молодым поколением пожилых людей как группы лиц, способных вносить вклад в развитие общества. Положительное отношение к пожилым людям в первую очередь обеспечивается при помощи формирования правильных семейных ценностей и традиций, ориентированных на милосердие и заботу в отношении пожилых родственников. Как верно утверждал Ш. Монтескье «Если нет почтения с старцем, то его не будет и к отцам» [6]. Необходимо предпринимать меры для улучшения культурно-воспитательного воздействия в отношении детей, подростков и молодежи в рамках образования (дошкольного, школьного и вузовского); проведения культурно-просветительских мероприятий; расширения масштабов социальной рекламы. Вместе с тем, создание в обществе атмосферы уважения и признания достоинства пожилых людей должно строиться при одновременном принятии мер по моральной, материальной, организационной и иной поддержке пожилых людей.

Список использованной литературы

1. Howe, N. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069 / N. Howe, W. Strauss. – N. Y. : William Morrow & Company, 1991. – 544 p.
2. Вишневская, Т. И. Геронтологическая преступность как самостоятельный криминологический объект исследования / Т. И. Вишневская // Право.by. – 2023. – № 3. – С. 49–56.
3. Вишневская, Т. И. Геронтологическая преступность: криминологическая характеристика и предупреждение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Т. И. Вишневская ; Академия МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2022. – 29 с.
4. Изменение личности старого человека [Электронный ресурс] // Онлайн библиотека. – Режим доступа: http://loveread.ec/read_book.php?id=45839&p=112. – Дата доступа: 16.11.2023.
5. Василенко, Н. Ю. Социальная геронтология / Н. Ю. Василенко. – Владивосток : Изд-во Дальневосточ. ун-та, 2005. – 140 с.
6. Афоризмы и цитаты Монтескье [Электронный ресурс] // Цитаты и биографии. – Режим доступа: <https://citaty.su/aforizmu-i-citaty-sharlya-monteske>. – Дата доступа: 01.10.2023.

УДК 343.7

Е. Ю. Горошко

(Университет гражданской защиты МЧС Беларуси, Минск)

КВАЛИФИКАЦИЯ УМЫШЛЕННОГО УНИЧТОЖЕНИЯ ЛИБО ПОВРЕЖДЕНИЯ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА ОБЩЕОПАСНЫМ СПОСОБОМ В ОТНОШЕНИИ СОБСТВЕННОСТИ СУПРУГОВ

Рассматриваются вопросы квалификации умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества в отношении собственности супругов относительно норм уголовного, семейного и гражданского законодательства, судебной практики. Уделено внимание личному имуществу супруги (супруга), предметам роскоши, имуществу совместно проживающих родственников и детей, как объектам преступных деяний по современному уголовному законодательству.

В белорусском уголовном законодательстве предусмотрено ряд статей, которые квалифицируют деяние как преступное при пожаре. При этом вина в данных деяниях может выражаться как в форме умысла, так и неосторожности. В качестве квалифицирующих признаков преступлений, связанных с пожаром, законодатель предусмотрел в рамках общественно-опасных последствий наличие ущерба в отношении чужого имущества (при его уничтожении или повреждении). Так, уголовно-правовая норма, содержащаяся в части 2 статьи 218 Уголовного Кодекса Республики Беларусь определяет, что умышленное уничтожение либо повреждение чужого имущества общеопасным способом (в том числе и поджога) является уголовно наказуемым деянием.

Исходя из положений п.2 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21.12.2001 № 15 (в ред. от 30.09.2021 г. № 8) [1], имущество или право на него считается чужим, если на момент совершения преступления физическое лицо не являлось его собственником или владельцем на законных основаниях. Ущерб в рамках уголовно-правовой квалификации при уничтожении либо повреждении чужого имущества способом поджога определяется в соответствии с определенными правилами. Он подлежит денежной оценке в национальной валюте Республики Беларусь. Если ущерб первоначально определен в иностранной валюте, следует исчислять его размер на основании официального курса иностранных валют. Для квалификации размер имущественного ущерба определяется на день его причинения, т.е. наступления последствия, а не на

время проведения проверки. Размер ущерба определяется на основе цен, действовавших на момент его причинения (т.е. на момент наступления последствия). Для определения размера ущерба, при отсутствии подтверждающих документов о стоимости поврежденного или уничтоженного имущества, независимо от мнения собственника, может назначаться проведение экспертизы (товароведческой, строительно-технической, комплексной технико-экономической и др.). При этом во внимание принимается только реальный имущественный ущерб, недополученные доходы либо упущенная выгода не относятся к реальному материальному ущербу и на квалификацию деяний не влияют.

В правоприменительной практике возникают определенные сложности при определении материального ущерба, связанного с уничтожением или повреждением чужого имущества способом поджога, относительно имущества, являющегося совместной собственностью супругов. Возникают ситуации, когда при умышленном уничтожении имущества одного из супругов другим супругом, один из них заявляет, что ему причинен имущественный ущерб. Например, в ходе супружеской ссоры супруг умышленно поджог картины своей супруги, которые включены в выставочную коллекцию и должны экспозиционироваться в художественных галереях различных городов и стран. Супруга, заявляя, что данные картины являются личным имуществом, просит привлечь супруга к уголовной ответственности по части 2 статьи 218 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

В соответствии со ст. 23 Кодекса о браке и семье Республики Беларусь общей совместной собственностью супругов признается имущество, нажитое ими в период брака. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 22 декабря 2022 г. № 7 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» (п. 19), разъясняет, что исходя из положений ст. 23 Кодекса о браке и семье Республики Беларусь, общим имуществом супругов является любое нажитое ими в период брака имущество, которое в силу закона может находиться в собственности граждан, независимо от того, на кого из супругов оно приобретено либо на кого или кем из них внесены денежные средства, если Брачным договором не установлен иной режим этого имущества [2].

Не является общей совместной собственностью супругов личное имущество супругов, к которому следует относить имущество, принадлежавшее ему до вступления в брак, полученное в период брака в дар или в порядке наследования, а также приобретенные в период брака за счет общих средств вещи индивидуального пользования (одежда, обувь и т.д.), если они не являются драгоценностями и не относятся к предметам роскоши.

Не является общей совместной собственностью супругов имущество, приобретенное одним из супругов исключительно за счет его личного имущества, в том числе в результате мены, или на денежные средства, полученные от реализации его личного имущества, а также имущество, приобретенное каждым из супругов после фактического прекращения семейных отношений и ведения общего хозяйства, в том числе когда их брак не был расторгнут в установленном законом порядке.

Вместе с тем, имущество, принадлежащее одному из супругов, если иное не предусмотрено Брачным договором, может быть признано судом общей совместной собственностью супругов в случаях, предусмотренных ч. 3 ст. 26 Кодекса о браке и семье Республики Беларусь.

Таким образом, в силу закона к личной собственности одного из супругов, а, следовательно, в контексте квалификации уголовно-правовых деяний может рассматриваться как «чужое имущество»: доля одного из супругов, которая бы причиталась ему в случае раздела общего имущества супругов; имущество, приобретенное супругом до заключения или после расторжения брака; имущество, полученное в период брака в дар или в порядке наследования; приобретенные в период брака за счет общих средств вещи индивидуального пользования (одежда, обувь и т.д.), если они не являются драгоценностями и не относятся к предметам роскоши; имущество, приобретенное одним из супругов исключительно за счет его личного имущества, в том числе в результате мены, или

на денежные средства, полученные от реализации его личного имущества; имущество, приобретенное каждым из супругов после фактического прекращения семейных отношений и ведения общего хозяйства, в том числе, когда их брак не был расторгнут в установленном законом порядке.

Законодатель определил вещи индивидуального пользования (одежда, обувь и т.д.), если они не являются драгоценностями и не относятся к предметам роскоши личной собственностью супруга. Однако, исчерпывающий перечень предметов, которые относятся к предметам роскоши законодателем не определен. Исследователи отмечают, что «данное понятие носит оценочный характер, и в некоторых случаях на практике однотипные вещи в одном случае могут быть признаны предметом роскоши, а в другом – нет» [3]. Исходя из словарных толкований к предметам роскоши применяются различные критерии. Например, в словаре экономики и права предметы роскоши толкуются как товары, предметы, без которых можно обойтись в жизни, доступны по цене только состоятельным людям [4]. В словаре бизнес-терминов, предметы роскоши-товары, потребление которых не имеет верхнего предела, по мере роста доходов возрастает более быстрыми темпами и возникает после того, как доход превышает нижнее пороговое значение, до достижения которого возможность приобретать товары данной группы отсутствует [5]. Следовательно, при квалификации уничтожения либо повреждения чужого имущества способом поджога в отношении предметов роскоши важным сегментом является установление обстоятельств, доказывающих действительно ли данное имущество есть предмет роскоши для конкретного гражданина. Соответственно, если заявленное уничтоженное либо поврежденное имущество одного из супругов не является предметом роскоши (и не совместно нажитым имуществом), то оно относится к категории личного имущества и может выступать объектом при квалификации части 2 статьи 218 Уголовного Кодекса Республики Беларусь. Говоря о вышеобозначенной ситуации в примере, то при принятии решения о возбуждении уголовного дела необходимо установить являлись ли уничтоженные картины личным имуществом супруги либо предметом роскоши. В случае, если картины супруги являются предметами ее профессиональной деятельности (супруга официально состоит в союзе художников, зарегистрирована как самозанятая, имеет профильное образование и т.д.), они являются ее личным имуществом и их уничтожение либо повреждение – есть преступление. Соответственно отказать в возбуждении уголовного дела по части 2 статьи 218 Уголовного кодекса Республики Беларусь нет оснований.

Следует иметь в виду, что общей собственностью признается только совместно нажитое имущество супругов, а между остальными членами семьи отношения собственности строятся совсем по иным основаниям. Так, не возникает общей собственности у детей и родителей, родственников даже если один член семьи с согласия другого пользовался его вещами или они ведут совместное хозяйство. Имущественные отношения между родственниками основаны на раздельном режиме. Следовательно, в случае причинения ущерба имуществу, которое принадлежит родственнику, ведущему совместное хозяйство, с другими родственниками, имеет место признак «чужое имущество» и квалифицировано должно быть в рамках части 2 статьи 218 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Список использованной литературы

1. О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21.12.2001 № 15 (в ред. от 30.09.2021 г. № 8). – Режим доступа: <https://court.gov.by/ru/public>. – Дата доступа: 10.10.2023.

2. О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 22.12.2022 г. № 7. – Режим доступа: <https://court.gov.by/ru/public>. – Дата доступа: 10.10.2023.

3. Плиско, А. И. Некоторые особенности отнесения имущества, полученного супругами в браке, к их отдельной или общей совместной собственности [Электронный ресурс] / А.И. Плиско. – Режим доступа: [//kaznachey.com/doc/7rIamnY8yXy](http://kaznachey.com/doc/7rIamnY8yXy). – Дата доступа: 10.10.2023.

4. Кураков, Л. П. Экономика и право : словарь-справочник / Л. П. Кураков, В. Л. Кураков, А. Л. Кураков. – М. : Вуз и школа, 2004. – 260 с.

5. Предметы роскоши : словарь бизнес-терминов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [// https://dic.academic.ru/dic.nsf/business/20528](https://dic.academic.ru/dic.nsf/business/20528). – Дата доступа: 10.10.2023.

УДК 343.7

А. А. Дедковский

(Международный университет «МИТСО», Минск)

МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Показана значимость развития социального предпринимательства в Республике Беларусь. В качестве меры уголовно-правовой защиты социального предпринимательства аргументируется необходимость установления уголовной ответственности за получение дохода путем злоупотребления доверием или обмана при осуществлении социального предпринимательства.

Предпринимательство в настоящее время – часть белорусской экономики. Как и любое явление в социально-экономической составляющей государства, предпринимательская деятельность постоянно подвергается правовому регулированию со стороны государства, а также изменениям, например, увеличению сумм выплат обязательных налогов взносов. Такое регулирование определяет его значительное место в экономике. Анализ статистических данных Единого государственного регистра юридических лиц и индивидуальных предпринимателей позволяет отметить, что примерно каждый седьмой белорус занят в предпринимательской деятельности. Так, за 2023 год число зарегистрированных субъектов хозяйствования составило по состоянию на 17 сентября 2023 г. 1,5 млн субъектов хозяйствования на 9 255 524 человек населения. С учетом эпидемиологической ситуации в 2020, 2021 и 2022 гг. в сфере регистрации и ликвидации субъектов хозяйствования особенно востребованы были электронные услуги. Количество согласованных регистрирующими органами наименований юридических лиц осталось прежним (более 25 тыс. справок) [1].

В связи с систематической оптимизацией законодательства, следует отметить, что предпринимательская сфера жизнедеятельности общества претерпевает постоянные изменения, в том числе под воздействием развития информационных технологий, развития спектра услуг в социальной сфере, появляются новые концепции предпринимательской деятельности. Появляются различные новые формы такой работы: стартапы, майнинг, фандрайзинг, самозанятость, коворкинг, краудфандинг, социальные инкубаторы и т. д. Одно из современных направлений – это социальное предпринимательство. Для Республики Беларусь оно имеет особый приоритет, так как базируется на закреплённом в Конституции и Гражданском кодексе принципе социальной ориентированности белорусской экономики.

Согласно Глобальному мониторингу предпринимательства 2022/23 (Global Entrepreneurship Monitor, GEM) в мире становится все больше предпринимательских инициатив, направленных на решение социальных задач. По данным доклада «Глобальный взгляд на социальное предпринимательство» в 2022 году в мире насчитывалось более 11,5 млн социальных предпринимателей [2]. Такие инициативы вносят значительный вклад в усиление устойчивости местного социально-экономического развития. Обладая

большей организационной гибкостью и способностью быстро реагировать на вызовы, социальное предпринимательство дополняет государственную систему социальной защиты. Социальное предпринимательство в Беларуси поддерживают как государственные организации, так и бизнес. Государственные институты формируют условия и предпосылки для развития такого вида предпринимательства на национальном и региональном уровнях. В свою очередь, предприятия создают и развивают корпоративные программы для решения социальных вызовов.

Социальное предпринимательство помогает не только решать социальные вопросы, но и за счет коммерческой составляющей обеспечивать устойчивость полученных результатов. Развитие социального предпринимательства позволяет повысить эффективность реализации национальных приоритетов, закрепленных в государственных программах «Социальная защита» и «Малое и среднее предпринимательство» на 2021–2025 годы.

За прошедших четыре года в реализации социально-значимых инициатив приняли участие 111 партнеров на национальном и местном уровнях. Более 10 тысяч человек повысили свои компетенции и приобрели новые навыки в социальном предпринимательстве, освоили новые профессии. Социально-значимыми инициативами создано более 200 рабочих мест, в том числе и для людей с инвалидностью [2].

Например, создание центра пчеловодства в Жлобинском районе позволило не только увеличить доходы местных предпринимателей от занятия пчеловодством, создать новые рабочие места, но также содействовало сохранению биоразнообразия и укреплению продовольственной безопасности в регионе. В Березовском районе небольшое частное предприятие по очистке и упаковке овощей дает хорошо оплачиваемую работу женщинам и людям с инвалидностью из сельской местности. Инициатива в городе Лида помогает улучшить качество реабилитационных услуг для детей с особенностями развития. Благодаря этому социальному предприятию местные жители получили доступ инновационным методам диагностики нарушений развития у детей, создана мастерская по производству из дерева игр для занятий по развитию речи [3].

Эти примеры показывают, что социальное предпринимательство может предлагать эффективные и комплексные решения на актуальные социальные вызовы в регионах и одновременно содействовать развитию предпринимательства и увеличению доходов и благополучия местных жителей.

Вместе с тем, имеется обратная сторона социального предпринимательства, когда субъект хозяйствования под «прикрытием» решения социально полезных задач, получая налоговые льготы и преференции, используя финансовые ресурсы государства или общественных организаций, направляет их не по прямому социальному назначению или вовсе присваивает.

Правоприменитель на сегодняшний день квалифицирует подобные деяния как мошенничество (ст. 209 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК)), как предпринимательскую деятельность, осуществляемую без специального разрешения (лицензии) (ст. 233 УК), в некоторых случаях, когда речь идет от уклонения уплаты налогов, сборов, в соответствии со ст. 243 УК. На наш взгляд, такой подход не совсем справедливый, поскольку, во-первых, большинство направлений социального предпринимательства не требуют лицензирования, что исключает применение ст. 233 УК, во-вторых, объектом мошенничества является право собственности, незаконное же социальное предпринимательство в первую очередь посягает на установленный государством порядок осуществления предпринимательской деятельности.

Сравнительно-правовой анализ национального и российского уголовного законодательства позволяет обратить внимание на части 5, 6 и 7 статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации, которые устанавливают ответственность за мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности. Обязательным и неотъемлемым, подлежащим установлению и доказыванию, является признак преднамеренности неисполнения договорных обязательств.

Под преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности следует понимать умышленное полное или частичное неисполнение лицом, являющимся стороной договора, принятого на себя обязательства в целях хищения чужого имущества или приобретения права на такое имущество путем обмана или злоупотребления доверием, когда сторонами договора являются субъекты хозяйствования.

Вместе с тем, на наш взгляд в случаях, когда субъект хозяйствования с целью хищения не исполняет взятые на себя обязательства основным непосредственным объектом преступления является порядок осуществления предпринимательской деятельности, а дополнительным – чужое имущество.

На основании изложенного:

1. Предлагается дополнить УК статьей 233¹ «Незаконное социальное предпринимательство», предусматривающей ответственность за получение дохода путем злоупотребления доверием или обмана при осуществлении социального предпринимательства.

2. Для законодательного закрепления данной нормы необходимо уровне закона дать четкое определение понятия «социальное предпринимательство», установить круг субъектов социального предпринимательства, механизм отнесения субъектов хозяйствования к субъектам социального предпринимательства, предусмотреть конкретные меры поддержки социальных предпринимателей, установить механизм оценки эффективности деятельности (социального воздействия) социальных предпринимателей, которым оказывается поддержка со стороны государства, определить орган государственного управления, координирующий вопросы социального предпринимательства.

Список использованной литературы

1. Единый государственный регистр юридических лиц и индивидуальных предпринимателей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://egr.gov.by/egrn>. – Дата доступа: 11.11.2023.

2. Глобальная сеть Организации Объединённых Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.undp.org/ru/belarus>. – Дата доступа: 11.11.2023.

3. Когда мечта о собственном бизнесе становится реальностью [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.undp.org/ru/belarus/stories>. – Дата доступа: 12.11.2023.

УДК 343.7(476)

М. Р. Дмитриева

(Белорусский государственный университет, Минск)

ОСОБЕННОСТИ СОСТОЯНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ, СВЯЗАННОЙ С ХИЩЕНИЯМИ ПОСРЕДСТВОМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ, В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ПРОФИЛАКТИКА ТАКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Настоящая работа посвящена проблеме популяризации киберпреступлений, связанных с хищениями, на территории Республики Беларусь, а также вопросам профилактики и предупреждения таких преступлений. Автором предложено сгруппировать два состава преступления (мошенничество и хищение путем модификации компьютерной информации) для целей настоящей работы и последующих исследованиях данной темы. Проанализирована статистика регистрируемых преступлений, а также количества осужденных лиц за их совершение, на основании чего сделан вывод о низкой степени раскрываемости при большом количестве возбуждаемых дел. Выделены проблемы расследования данной группы преступлений и внесено предложение о решении наиболее актуального, по мнению автора, вопроса.

Современные условия развития технологий и общества диктуют свои правила организации, тенденции и направления роста всех институтов социума. Конечно, важнейшим инструментом нынешнего прогресса является цифровизация жизнедеятельности, повлекшая переход практически всех форм человеческого взаимодействия в виртуальное пространство. Этот процесс сказался и на состоянии преступности, превратив просторы Всемирной сети в криминогенную зону. Так, в Республике Беларусь в период с 2015 по 2020 год число зарегистрированных преступлений, совершенных в сети Интернет, возросло в более чем 10 раз, а в 2020 году удельный вес киберпреступлений в структуре преступности составил 26,7% [1]. Стоит отметить, что, по сравнению с аналогичным показателем 2019 года, в 2020 году наблюдался достаточно резкий скачок количества цифровых преступлений (10 539 противоправных деяний в 2019 и 25 561 в 2020 году) [2]. Связана такая негативная динамика со всеобщим переходом характера функционирования человечества в дистанционный, что форсировало закономерный процесс цифровизации. Неопытные пользователи Сети, вынужденно использовавшие возможности технического прогресса, массово пострадали от действий интернет-преступников. После постепенного отказа белорусского общества от установленных правил удаленной деятельности вернуть прежний уровень киберпреступности не удалось. Всё же, данные показатели были существенно снижены – в 2023 году было зарегистрировано около 10 тысяч киберпреступлений [3].

Самым популярным объектом сетевых преступных посягательств является чужое имущество, а соответственно, наиболее распространенные составы – мошенничество и хищение путем модификации компьютерной информации. При чем первый случай – пример классического перехода «традиционного» преступления в интернет-пространство, а второй – пример появления, хоть и не принципиально, однако, нового вида преступлений, обусловленное внедрением цифровых инноваций.

Несмотря на различное происхождение норм уголовного законодательства, оба этих преступления имеют большое количество общих черт. Основное сходство двух рассматриваемых составов состоит в выборе преступниками методов и приемов совершения деяния. И кибермошенничество, и хищение путем модификации компьютерной информации совершаются посредством введения потерпевших в заблуждение, а для достижения преступных целей зачастую применяются одинаковые схемы.

В качестве примера рассмотрим ситуацию, при которой потерпевшему поступают звонки от незнакомых лиц, представляющихся сотрудниками правоохранительных органов, служб безопасности различных банковских учреждений. Злоумышленники посредством обмана, убеждая потерпевшего в том, что ему необходимо выполнять все инструкции, озвученные звонящими лицами, поручают потерпевшему оформить кредит на свое имя. Так, в зависимости от того, в какой форме жертва получит кредитные денежные средства, преступники избирают способ хищения чужого имущества. В случае получения потерпевшим денежных средств наличными злоумышленники, используя упомянутые методы, убеждают потерпевшего самостоятельно отправить денежные средства с помощью банковского оборудования. В ситуации, при которой банк предоставляет кредит в виде начисления денежных средств на карт-счет пострадавшего лица, похитители, склонив потерпевшего к скачиванию специального *фишингового* приложения на свое мобильное устройство и введению данных полученной кредитной карты, похищают денежные средства путем модификации компьютерной информации.

Как видно из примера, одна криминальная ситуативная конъюнктура может порождать как совершение преступления, предусмотренного статьей 209 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) (мошенничество), так и преступления, предусмотренного статьей 212 УК (хищение путем модификации компьютерной информации). Квалификация определенного деяния зависит от части объективной стороны, указывающей на способ непосредственно похищения.

Описанные обстоятельства демонстрируют близость двух, казалось бы, различных составов, в связи с чем нами вносятся предложения сгруппировать данные преступления для целей настоящей работы, а также последующих исследований интернет-хищений.

Помимо вышеуказанного способа совершения таких преступлений существует огромное количество сценариев киберхищений. Рассмотрим наиболее популярные виды преступлений, совершаемых в отношении жителей Республики Беларусь за последние несколько лет.

Хищения путем модификации компьютерной информации практически всегда совершаются путем использования вышеупомянутых фишинговых инструментов. Злоумышленники всячески инициируют связь с потенциальными жертвами для того, чтобы направить в их адрес ссылку, после перехода по которой и ввода персональных данных потерпевшего, сведения о банковских платежных картах получают преступники, немедленно использующие эти данные для похищения денежных средств. Способы инициирования связи с потерпевшим отличаются разнообразием: общение от лица девушки с потерпевшим-мужчиной на сайте знакомств с последующим предложением приобрести билеты он-лайн для совместного похода в театр; общение от лица потенциального покупателя с потерпевшим-продавцом и с последующим предложением оплатить товар он-лайн; размещение рекламных публикаций, содержащих фишинговые ссылки; имитация страниц интернет-банкинга.

Мошенничество, совершаемое в информационном поле, наиболее широко представлено на популярных платформах социально-сетевого типа. Лица, намеревающиеся приобрести какой-либо товар посредством аккаунта интернет-магазина, нередко становятся жертвами мошенников, оплачивая товар и в последствии его не получая. Здесь нередки случаи переплетения в одном эпизоде мошенничества и хищения путем модификации компьютерной информации: потерпевший после исхода срока доставки товара требует возвращения переведенных денежных средств. Лицо, ведущее переписку от имени администрации интернет-магазина, предоставляет потерпевшему ссылку для оформления заявки на возврат денежных средств. Потерпевший, переходя по направленной ссылке и вводя данные своей банковской платежной карты, предоставляет злоумышленникам доступ к своему счету, становясь тем самым лицом, в отношении которого совершено, наряду с мошенничеством, и хищение путем модификации компьютерной информации.

При расследовании рассматриваемой группы преступлений следователь, наряду со стандартными процедурами, сопровождающими уголовный процесс, производит мероприятия, результаты которых обладают наибольшей степенью информативности. В первую очередь задача следствия – выявить счет, на который были перечислены похищенные денежные средства. Вне зависимости от того, самостоятельно ли потерпевший перевел денежные средства, либо вследствие обмана предоставил данные своей платежной карты, следователь направляет требование на предоставление выписки о движении денежных средств по счету в банковское учреждение, эмитировавшее платежную карту потерпевшего. После получения ответа на указанный запрос следователь направляет следующее аналогичное требование в банк-эмитент карт-счета, на который были перечислены похищенные денежные средства, а также накладывает арест на указанный счет. Чаще всего преступники при совершении интернет-хищений пользуются дроп-системой, то есть «прогоняют» денежные средства через некоторое количество счетов, открытых на имя третьих лиц, до направления денежных средств на конечный счет.

Каждая из упомянутых следственных процедур должна быть санкционирована прокурором ввиду фигурирования в деле сведений, составляющих банковскую тайну.

В результате выполнения вышеуказанных действий следователь, как правило, приходит к выводу о том, что денежные средства, принадлежащие потерпевшему, были перечислены на счет, открытый в заграничном банковском учреждении. В таком случае

лицо, ведущее расследование, направляет международное требование в адрес компетентного органа соответствующего государства, содержащее просьбу об оказании международно-правовой помощи в раскрытии преступления и привлечения к ответственности виновных лиц. Ввиду своего международно-правового характера такие требования помимо стандартного санкционирования требуют добавочных этапов проверки со стороны вышестоящих должностных лиц, что нуждается в затрате дополнительных ресурсов. Так, нами могут быть выделены основные проблемы, наличие которых становится очевидным при расследовании данной группы преступлений. Среди них: низкая степень ведомственной организации (направление необходимых запросов и требований, их проверка и санкционирование, а также рассмотрение учреждениями-адресатами занимает большое количество времени, не позволяющее оперативно среагировать на поступившее сообщение и наложить арест на счет-получатель похищенных денежных средств до их направления за границу) и трансграничность таких преступлений, заключающаяся в зарубежном местонахождении баз преступных организаций, деятельность которых направлена на совершение преступлений в отношении жителей Республики Беларусь. Государства, на территории которых базируется киберпреступные объединения, систематически игнорируют запросы белорусского следствия на оказание международно-правового содействия, в связи с чем раскрытие и привлечение виновных лиц к ответственности не представляется возможным.

Стоит отметить, что в настоящий момент принимаются меры, направленные на решение указанных проблем. Так, в конце августа 2023 года Президентом Республики Беларусь был подписан Указ № 269 «О мерах по противодействию несанкционированным платежным операциям», устанавливающий четкую систему оперативного взаимодействия между банковскими учреждениями и правоохранительными органами по поводу предоставления данных о движении денежных средств [3].

Как было отмечено ранее, данная группа преступлений характеризуется крайне низкой степенью раскрываемости при достаточно большом количестве возбуждаемых уголовных дел, о чем свидетельствуют данные о количестве осужденных лиц за совершение преступления, предусмотренного статьей 212 УК. Согласно кратким статистическим сведениям, предоставленным Верховным Судом Республики Беларусь, за каждый год в период с 2018 по 2022 год за хищение путем модификации компьютерной информации было осуждено не более 2 тысяч лиц, не смотря на куда большее количество регистрируемых преступлений [4].

Эта отрицательная тенденция, как отмечалось ранее, обуславливается в первую очередь отсутствием возможности не сколько раскрыть преступление, сколько привлечь к ответственности виновных лиц и пресечь таким образом дальнейшее совершение подобных деяний. Однако, существуют еще одно обстоятельство, прямо сказывающееся на состоянии преступности в этой части. Таким фактором является низкая степень осведомленности населения о принципах защиты персональных данных, о многообразии способов и средств совершения преступления, жертвой которого может стать любое лицо. На наш взгляд, решение именно этого вопроса является приоритетным направлением в борьбе с киберпреступностью на сегодняшний день. Во-первых, в отличие от проблем, связанных с международным взаимодействием, а, вернее выразиться, его отсутствием, задача информирования населения и ее результаты зависят лишь от эффективности работы компетентных государственных структур. Во-вторых, проведение отдельных мероприятий, направленных на доведение до сведения масс информации, необходимой для собственной защиты от рассматриваемых преступных посягательств, приносит видимые результаты. Так, периодически наблюдается спад числа возбуждаемых уголовных дел по факту совершения киберхищений тем или иным способом. Многие схемы совершения таких преступлений устаревают в связи с тем, что постепенно утрачивают «целевую аудиторию». В качестве примера можно привести сценарий, при котором потерпевшие

в процессе телефонного разговора со злоумышленниками озвучивали данные своих платежных карт по просьбе последних. После проведения эффективных мероприятий по всеобщему информированию населения о недопустимости разглашения своих данных (размещение соответствующих призывов на рекламных билбордах, в общественном транспорте, на информационных стендах государственных учреждений и т.п.) количество преступлений, совершенных таким способом сократилось до минимума.

Таким образом, в настоящий момент скорость появления новых преступных планов совсем не соответствует степени оперативности реагирования информационно-просветительских государственных каналов. Усовершенствования требует также и программа профилактики совершения преступлений. В настоящее время основным инструментом предупреждения является направление информационных писем по месту работы потерпевшего. Однако, содержание информационного письма не пересматривается с периодичностью, которую требует скорость появления новых преступных моделей совершения киберхищений. Также информационное письмо содержит рекомендации по проведению просветительских мероприятий среди сотрудников, однако отсутствует всяческий контроль за их выполнением.

Следовательно, для достижения высоких результатов по предотвращению киберпреступности в области хищений имущества необходимо разработать эффективную программу информирования жителей Республики Беларусь о возможных преступлениях и способах их избегания, а также обеспечить своевременную актуализацию данных, содержащихся в материалах программы.

Список использованной литературы

1. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dataportal.belstat.gov.by>. – Дата доступа: 07.11.2023.
2. Основные аспекты профилактики киберпреступности в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minsk.ru/actual/view/209/2021>. – Дата доступа: 07.11.2023.
3. В Беларуси в 2023 году зафиксировано более 10 тыс. киберпреступлений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society>. – Дата доступа: 07.11.2023.
4. Верховный Суд Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.court.gov.by>. – Дата доступа: 07.11.2023.

УДК 343(476)(091)(043.3)

Т. И. Довнар

(Белорусский государственный университет, Минск)

НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ О ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА УГОЛОВНЫЙ ЗАКОН

В статье на основе сравнительного анализа уголовных кодексов БССР 1928 и 1960 годов показано влияние научных дискуссий в СССР на уголовное законодательство, регламентирующее должностные преступления. Выявлено стремление законодателя основываться на прогрессивных научных разработках советских ученых.

Применение на практике норм УК РСФСР 1922 года и УК БССР 1928 г. о должностных преступлениях показало существенные недостатки уголовного закона. В связи

с этим, а также в контексте развития науки уголовного права в послевоенное время советские ученые и правоприменители в послевоенное время все более активно стали заявлять о необходимости внесения изменений в законодательство.

В этот период активизировались научные дискуссии в СССР по многим проблемным вопросам уголовного права, в том числе относительно должностных злоупотреблений. Например, ученые предлагали разделить должностные преступления на две основные категории: так называемые общие и специальные [8, с. 6]. Под общими должностными преступлениями понимались те, которые могли быть совершены в любой отрасли советского государственного аппарата (в широком смысле). Под специальными должностными преступлениями понимались такие, которые могли совершаться в определенной отрасли государственного аппарата. К числу общих должностных преступлений причислялись в первую очередь злоупотребление властью и превышение власти. К специальным должностным преступлениям относились в первую очередь преступления в сфере осуществления судебной власти (постановление судьями неправосудного приговора, решения или определения; незаконное задержание и привод; принуждение к даче показаний путем применения незаконных мер; незаконное заключение под стражу как меры пресечения и т.п.) [8, с. 6–7].

В целом вопрос о разделении на две группы не вызывал особых сомнений у ученых, хотя некоторые из них предлагали деление должностных преступлений на три группы: общие, специальные и иные. При этом относительно иных должностных преступлений учеными представлялось необходимым создание самостоятельных составов специальных должностных преступлений с особой санкцией [8, с. 6, 11 и др.].

Кроме того, вызывало сомнение у ряда ученых целесообразность оставления некоторых специальных должностных преступлений в главе Особенной части УК. Так, ученые считали желательным выделение специальных должностных преступлений в области правосудия из главы Особенной части кодекса, предусматривающей ответственность за совершение должностных преступлений, и включение их вместе с составами других преступлений в области правосудия в специальную главу [8, с. 6, 7; с. 15 и др.]. Такое же мнение касалось и специальных должностных преступлений в сфере избирательного права и некоторых иных областях.

В контексте обсуждения многих проблемных вопросов должностной преступности дискуссии велись относительно состава такого тяжкого должностного преступления как взяточничество. Так, некоторые ученые полагали, что дача взятки, получение взятки и посредничество во взятке должны регламентироваться одной статьей. Отдельные дискуссии велись по вопросу предмета взятки. Ряд ученых считал, что предметом взятки могут быть лишь материальные блага [см., например: 11, с. 40], другие же, что и нематериальные блага [8, с. 8]. Отметим, что судебная практика республик в отношении нематериальных благ весьма различалась.

В этот период учеными и практиками обсуждались и иные вопросы относительно взяточничества, в том числе: может ли должностное лицо получать взятки в форме ложного совместительства, получения премий или наград от других организаций; может ли быть связана имущественная выгода, получаемое должностным лицом при передаче взятки, с получением денег, прощением долга, получением определенных вещей и продуктов и др.

Результатом научных дискуссий стало включение ряда теоретических наработок и рекомендаций советских ученых в Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик от 25 декабря 1958 г. и новые уголовные кодексы республик. При этом, несмотря на сохранение определенной идеологизированности советского уголовного права, произошло его коренное обновление как по форме, так и по содержанию, что проявилось в отказе от социологической школы права и возвращении к классическим уголовно-правовым учениям, смягчении законодательства, усилении тенденции гуманизма, депенализации и декриминализации, увеличении педагогических методов воздействия и др. [5, с. 15–16]. Самым важным было то, что Основы отразили в себе очень значительный шаг в направлении укрепления законности и демократизации советской уголовной политики и уголовного законодательства [11, с. 152–153 и др.].

В УК БССР 1960 года, который был утвержден Верховным Советом БССР 29 декабря 1960 года и введен в действие с 1 апреля 1961 года, в отличие от УК БССР 1928 года, глава V которого называлась «Должностные (служебные) преступления» [14], глава 12 именовались, как и в большинстве соответствующих глав кодексов союзных республик, «Должностные преступления». В Особенной части УК БССР 1960 года должностные преступления занимали седьмое место, находясь между хозяйственными преступлениями и преступлениями против правосудия [15]. Ученые, поддерживая такую позицию законодателя, отмечали, что перемещение их с третьего места на седьмое место вполне логично, т.к. уровень должностных преступлений в этот период значительно снизился [7, с. 59]. Например, к концу 1960-х годов они стали составлять лишь 2–3 % в общей структуре преступности [9, с. 119].

Сравнительно с предыдущим уголовным законом в новом кодексе БССР количество должностных преступлений сократилось до шести статей (стст.166-171 УК БССР 1960 г.). УК БССР и преобладающее большинство кодексов союзных республик (за исключением УК УССР и УК Грузинской ССР) не содержали родового определения должностного преступления. Вместе с тем, ученые подчеркивали, что «непосредственным объектом должностных преступлений являются те конкретные общественные отношения, которые составляют содержание нормальной работы отдельного звена государственного или общественного аппарата либо отдельных организаций, учреждений или предприятий» [6, с. 4].

Первым из должностных преступлений новый закон регламентировал состав злоупотребления властью или служебным положением, под которым подразумевалось «умышленное использование должностным лицом своего служебного положения вопреки интересам службы» (ст. 166 УК БССР). В законе подчеркивалось, что обязательным основанием для ответственности за такое преступление являлось совершение данного преступления «из корыстной или иной личной заинтересованности», а также причинение существенного вреда государственным или общественным интересам либо охраняемым законом правам и интересам граждан». Квалифицирующими признаками преступного деяния являлось наличие тяжких последствий.

В отличие от УК 1928 г., в статье 166 УК 1960 г. не говорилось о разделении правонарушений в области злоупотребления властью или служебным положением на проступки и преступления. Кроме того, было уточнено, что состав преступления злоупотребления властью или служебным положением имеет место в том случае, если данного вида преступление носило умышленный характер и «если оно было совершено из корыстной или иной личной заинтересованности» и причинило существенный (слово «существенный» было добавлено) вред государственным или общественным интересам» (ст.166). Кроме того, в примечании к ст. 166 давалось более полное определение должностных лиц. Так, уточнялось, что это не просто лица, «занимающие постоянные или временные должности в государственном, общественном или кооперативном учреждении или предприятии» (УК 1928 г.), но «...должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей, или выполняющие такие обязанности в указанных учреждениях, организациях и на предприятиях по специальному полномочию».

По мнению В.Ф. Кириченко, закон допускал понимание термина «использование служебного положения» только в узком смысле» [8, с.123]. Ранее действовавшие УК содержали более широкую формулировку, которая охватывала также возможность использования своего служебного авторитета. При этом отметим, что в судебной практике довольно редко встречались дела, в которых термин «использование служебного положения» использовался в широком смысле [7, с. 110]. Так, в 1960-е гг. они составляли 6,6 % к числу изученных А.Е. Светловым дел [13, с. 49].

Подчеркнем, что большинство ученых (Б.В. Здравомыслов, Н.И. Загородников, А.Я. Светлов, В.И. Соловьев, Б.С. Утевский и др.) поддерживали более широкую формулировку «использование служебного положения» на том основании, что должностное

лицо может использовать предоставленные ему возможности, «вытекающие не только из выполнения (или невыполнения) обязанностей по службе, но и из служебного авторитета, из его связей с другими должностными лицами» [7, с. 63].

Статья УК БССР 1960 г. о превышении власти в целом повторяла положения соответствующей статьи УК 1928 г., за исключением того, что п. б и п. в прежнего кодекса были объединены во вторую часть статьи 167 с добавлением такогоотягчающего вину обстоятельство как применение оружия. Кроме того, значительно увеличивалась и санкция по второй части – лишение свободы до десяти лет.

В отношении такого состава преступления как халатность, под влиянием ученых статья 168 УК БССР 1960 г. несколько уточнила и конкретизировала положения предыдущего кодекса. Так, если в соответствии с кодексом 1928 г. халатностью являлось «Небрежное или недобросовестное отношение должностного лица к своим служебным обязанностям, волокита и протекционизм...» (ст.196.), то в новом кодексе таковым считалось «невыполнение или ненадлежащее выполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие небрежного или недобросовестного в нем отношения, причинившего существенный вред государственным или общественным интересам, либо охраняемым законом правам и интересам граждан» (ст. 168). Санкция в целом оставалась прежней, но с добавлением – «или увольнением от должности».

Закрепляя такой состав преступления как взяточничество, УК 1960 г. в основном повторял прежние положения. Однако отметим: несмотря на мнения некоторых ученых (Н. П. Кучерявый, С. Г. Закутский и др.) о том, что получение взятки и дача взятки представляют собой одно преступное деяние [см.: 12, с. 40–41], они, как и ранее регламентировались различными статьями. При этом, в новом законе значительно увеличивались санкции за дачу взятки – от трех до восьми лет лишения свободы, а при отягчающих обстоятельствах – от семи до пятнадцати лет с конфискацией имущества (ст.170 УК БССР 1960 г.). По УК 1928 г. дача взятки или посредничество при даче взятки влекли лишение свободы не менее как на шесть месяцев, а при отягчающих обстоятельствах – лишение свободы не менее как на пять лет с конфискацией всего или части имущества или без конфискации.

Последняя статья раздела «Должностные преступления» УК 1960 г. регламентировала такой состав преступления как «должностной подлог». Следует подчеркнуть, что название статьи под влиянием мнения ученых изменилось. В УК 1928 г. аналогичная статья именовалась «служебный подлог». Кроме того, в содержание статьи УК БССР 1960 г., которая в основном повторяла прежние положения, было добавлено «в корыстных целях или из иных личных побуждений» (ст.171).

Подчеркнем, что в отличие от предыдущих кодексов ряд составов должностных преступлений, основываясь на позиции большинства ученых, были помещены в другие разделы новых кодексов. Прежде всего, это касалось раздела 13 «Преступления против правосудия», ряд статей которого регламентировал ответственность судей и других официальных лиц (дознавателей, следователей, прокуроров) за неправомерные деяния.

Говоря о позиции некоторых российских ученых по вопросу выделения в своих исследованиях и третьей группы должностных преступлений, которые при определенных условиях могли совершаться должностными лицами в виду занимаемого ими служебного положения, отметим, что к их числу эти ученые относили преступления, предусмотренные ст.ст. 69, 75, 76, 78, 107, 118 и 141 УК РСФСР 1960 года. Данную категорию они именовали «альтернативно-должностные преступления» [12, с. 53–54].

Завершая тему, следует подчеркнуть, что научные дискуссии, касающиеся должностных преступлений, значительно усилились после введения в действие новых кодексов, чему способствовала наработанная судами практика применения уголовного закона. Так, ученые СССР А. В. Галахова, Б. В. Здравомыслов, В. Ф. Кириченко, А.Е. Светлов и др.) в связи с необходимостью разграничения сходных составов преступлений и рядом иных обстоятельств высказывали различные точки зрения относительно таких составов преступления как злоупотребление властью, халатность, взяточничество, а также относительно ряда

терминологических понятий («вымогательство взятки», «посредничества во взяточничестве», «мнимое посредничество», «лжепосредник», «использование служебного положения») и многое другое. Подчеркнем, что в этих дискуссиях активно участвовали ученые Белорусской ССР И. И. Горелик, М. А. Ефимов, В.А. Шкурко, И.С. Тишкевич и др.).

В целом и в последующем в ходе все более набирающих оборот научных дискуссий, основывающихся на анализе судебной практики, а также в связи с введением новых теоретических понятий и составов преступлений (например, «коррупционная преступность») советскими учеными вырабатывались основополагающие позиции по многим проблемным вопросам должностной преступности, которые ложились затем в основу корректива уголовного закона.

Список использованной литературы

1. Бутаров, С. М. Вымогательство взятки: уголовно-правовая характеристика / С.М. Бутаров // Сибирский юридический вестник. – 2004. – № 2. – С. 62–67.
2. Галахова, А. В. Превышение власти или служебных полномочий / А. В. Галахова // «Советская юстиция». – 1974, – № 4. – С. 16–18.
3. Голиков, А. Е. Исторический опыт противодействия коррупции в военной организации государства: военно-правовой аспект / А. Е. Голиков // Военно-юридический журнал. – 2014. – № 2. – С. 10–14.
4. Гумеров, Т. А. Коррупционная преступность: историко-правовой аспект / Т. А. Гумеров // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 11 (72). – С. 129–133.
5. Гур'еў, С. А. Гісторыя развіцця крымінальнага права Беларускай ССР : аўтарэф. дыс. ... канд. юрыд. навук : 12.00.01 / С. А. Гур'еў. – Мінск, 2015. – 24 с.
6. Ефимов, М. А. Вопросы квалификации должностных преступлений по Уголовному кодексу БССР. Пособие для следователей и работников дознания / М.А. Ефимов. – Минск : «Беларусь», 1967– 40 с.
7. Здравомыслов, Б. В. Должностные преступления. Понятие и квалификация / Б. В. Здравомыслов. – М.: Юридическая литература, 1975. – 168 с.
8. Кириченко, В. Ф. Виды должностных преступлений по советскому уголовному праву / В. Ф. Кириченко. М.: Издат-во Академии наук СССР, 1959. – 184 с.
9. Криминология: Учебник для юрид. фак. и ин-ов / Всесоюзн. ин-т по изучению причин и разработке мер предуп-я прес-ти. – [2-е изд.,испр. И доп.]. – М.: Юридическая литература, 1968. – 471 с.
10. Крымінальны кодэкс Беларускай Сацыялістычнай Савецкай Рэспублікі. – Афіц. выд. – Мінск : Выд. кіраўніцтва спраў СНК і экан. нарады Беларускай ССР, 1928. – 163 с.
11. Курс уголовного права: в 5 т. Т.1 : Учение о преступлении / С. В. Ананич [и др.] ; под ред.И. О. Грунтова, А. В. Шидловского. – Минск : Изд. центр БГУ, 2018. – 863 с.
12. Кучеравый, Н. П. Ответственность за взяточничество по советскому уголовному праву / Н. П.Кучеравый. – М.: Госюриздат, 1957. – 188 с.
13. Светлов А. Я. Борьба с должностными злоупотреблениями. – Киев: Наукова думка, 1970. – 187 с.
14. Уголовный кодекс БССР: утвержденный ЦИК БССР VIII созыва 23 сентября 1928 г., введенный в действие с 15 ноября 1928 г. // Уголовное законодательство СССР и союзных Республик. – М.: Государственное издательство юридической литературы, М., 1957. – С.126-162.
15. Уголовный кодекс Белорусской ССР : комментарий / И. И. Горелик [и др.] ; под общ. ред. С. Т. Шардыко, Г. Ф. Басова. – Минск : Гос. изд-во Белорус. ССР, 1963. – 278 с.

С. А. Кузьмичёв

(Управление Следственного комитета Республики Беларусь
по Гомельской области, Гомель)

СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СОУЧАСТИИ С ЛИЦОМ, НЕ ДОСТИГШИМ ВОЗРАСТА ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

В статье рассматриваются особенности квалификации деяний лиц, совершивших преступления в группе лиц по предварительному сговору, когда один из соучастников не достиг возраста привлечения к уголовной ответственности. Приводятся мнения учёных по данному вопросу, а также анализируется правоприменительная практика. На основе проведённого исследования предлагается единый подход к квалификации таких преступлений.

До настоящего времени в теории уголовного права и следственно-судебной практике не выработан единый подход к квалификации деяний лиц, совершивших преступления в соучастии, в случаях, когда один из участников не обладает признаками субъекта в силу недостижения возраста привлечения к уголовной ответственности.

В соответствии с пунктом 24 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21.12.2001 № 15 «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества» хищение группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой следует квалифицировать действия участников хищения независимо от того, что другие участники преступления освобождены от уголовной ответственности по законным основаниям [1].

Под законными основаниями в рассматриваемом случае подразумевается освобождение от уголовной ответственности надлежащих субъектов преступления в соответствии с нормами главы 12 Уголовного кодекса (далее УК) Республики Беларусь. Не достигшие возраста уголовной ответственности не могут являться надлежащими субъектами преступления, поскольку к уголовной ответственности не привлекаются, в связи с чем не могут быть от неё освобождены.

В то же время, на практике имеют место иные мнения относительно толкования пункта 24 постановления.

Органами предварительного следствия несовершеннолетний С. обвинялся в том, что совместно с малолетним М., который не достиг возраста привлечения к уголовной ответственности, действуя с единым умыслом и общей целью, направленными на умышленное противоправное безвозмездное завладение чужим имуществом, путём модификации компьютерной информации похитил денежные средства потерпевшей, тем самым совершил преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 212 УК Республики Беларусь.

Уголовное дело 12.06.2023 передано прокурору и впоследствии направлено в суд для рассмотрения по существу.

В ходе судебного заседания у государственного обвинителя возникли сомнения в обоснованности квалификации преступных действий С. по ч. 1 ст. 212 УК Республики Беларусь.

По мнению государственного обвинителя, совершение С. хищения имущества путём модификации компьютерной информации совместно с М. по предварительному сговору подтверждалось показаниями самого обвиняемого, свидетелей, видеозаписью с камер наблюдения и другими материалами дела, в связи с чем 18.07.2023 государственным обвинителем С. предъявлено новое обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 212 УК Республики Беларусь с вменением квалифицирующего признака «группа лиц по предварительному сговору».

Следует отметить, что согласно абзацу 2 пункта 21 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 17 июня 1994 г. № 3 «*О применении судами законодательства по делам о хищениях имущества*», утратившего силу 21.12.2001, как хищение по предварительному сговору группой лиц, следует квалифицировать действия участников хищения независимо от того, что другие участники преступления освобождены от уголовной ответственности по законным основаниям, в том числе и в связи с недостижением возраста, с которого наступает уголовная ответственность [2].

Схожее положение содержалось и в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 20.12.1991 № 11 «*О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную и иную антиобщественную деятельность*», утратившее силу 18.07.2000, согласно которому если взрослый и вовлечённый им несовершеннолетний, не достигший возраста, предусмотренного ст. 10 УК Республики Беларусь (1960 г.), являлись исполнителями конкретного преступления, то оно должно рассматриваться как совершённое группой и действия взрослого квалифицироваться по статье, предусматривающей преступление, в совершении которого он участвовал, и по ст. 205 УК Республики Беларусь [3].

В обзоре судебной практики Верховного Суда Республики Беларусь от 08.02.2003 «*О судебной практике по делам об убийствах (ст. 139 УК)*» указано, что суды расценивают убийство, совершённое группой лиц и в случае, если один из участников группы не достиг возраста уголовной ответственности.

По приговору Могилёвского областного суда Д. признан виновным в насилии с целью непосредственного завладения имуществом, совершённым группой лиц с причинением тяжкого телесного повреждения и в убийстве с особой жестокостью, сопряжённым с разбоем, группой лиц.

По делу установлено, что Д. совершил преступление совместно с Н., уголовное преследование в отношении которого прекращено в связи с недостижением возраста привлечения к уголовной ответственности, поэтому преступные действия Д. квалифицированы стороной обвинения и судом по п. 15 ч. 2 ст. 139 УК Республики Беларусь.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь признала правильной квалификацию содеянного Д. [4].

Проблематика в части вменения указанного выше квалифицирующего признака, когда преступления совершены с участием лиц, не обладающих юридическими признаками субъекта преступления в силу недостижения возраста привлечения к уголовной ответственности, отмечается и в правоприменительной практике Российской Федерации, в связи с чем отдельные из российских учёных предлагают пойти по пути совершенствования законодательства.

Так, И. В. Пантюхина и А. С. Грибов предлагают изложить ч. 8 ст. 35 УК Российской Федерации в следующей редакции: «*Преступление признаётся совершённым группой лиц, не образующей соучастия, если в нём участвовали два или более лица, только одно из которых подлежит уголовной ответственности, другие участники не подлежат уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных настоящим Кодексом*».

По мнению Д. Савельева разрешить этот вопрос возможно на законодательном уровне посредством включения в УК Российской Федерации ст. 32.1 «*Совершение преступления группой лиц в форме умышленного или неосторожного сопричинения*». Под умышленным сопричинением он предлагает понимать «*совершение преступления вменяемым физическим лицом, достигшим установленного настоящим Кодексом возраста, с использованием физических усилий лиц, не отвечающих общим или специальным условиям уголовной ответственности*» [5].

Ряд исследователей придерживаются диаметрально противоположной позиции, которая заключается в том, что в подобных ситуациях соучастие отсутствует и такие преступления не должны квалифицироваться как групповые. При этом обоснованно отмечается, что лишь совместная деятельность субъектов преступления образует соучастие.

В соответствии с ч. 1 ст. 17 УК Республики Беларусь преступление признается совершённым группой лиц если хотя бы два лица совместно участвовали в совершении данного преступления в качестве его исполнителей. Поскольку лица, не достигшие возраста привлечения к уголовной ответственности, не обладают юридическими признаками субъекта преступления они не могут являться его исполнителями [6].

В научно-практическом комментарии к УК Республики Беларусь (в редакции 2007 года) доктор юридических наук, профессор В. М. Хомич отмечал, что для соисполнительства как и в целом для соучастия и других форм его выражения необходимо, чтобы в качестве соисполнителей выступали надлежащие субъекты, т.е. лица, достигшие возраста уголовной ответственности и находящиеся в состоянии вменяемости во время совершения преступного деяния, о чём осведомлены соучаствующие в преступном деянии другие соисполнители. В противном случае квалификация содеянного как группового преступления исключается [7, с. 53].

Аналогичная позиция профессора В. М. Хомича отражена и в комментарии к УК Республики Беларусь в редакции 2019 года [8, с. 46].

По мнению кандидата юридических наук, доцента В. В. Лосева: *«Преступления совершают лица, обладающие всеми обязательными признакам субъекта преступления, а общественно опасные деяния – лица, такими признаками не обладающие. Тем самым соучастие в преступлении могут совершить и образовать группу только вменяемые и достигшие возраста уголовной ответственности лица. Не может быть «одностороннего соучастия», образующего группу (соисполнительство), с лицом, не являющимся субъектом преступления»* [9].

Анализ следственно-судебной практики за 2022-2023 годы свидетельствует об отсутствии единого подхода к квалификации деяний лиц, совершивших преступления в соучастии с малолетними, не достигшими возраста привлечения к уголовной ответственности.

Согласно 4-м приговорам, постановленным судами г. Гомеля и Гомельской области, лица, совершившие преступления в соучастии с малолетними, осуждены без вменения квалифицирующего признака *«группа лиц по предварительному сговору»*.

Так, согласно приговору суда Гомельского района от 19.07.2022 обвиняемый А, который совершил преступления с лицом, не достигшим возраста привлечения к уголовной ответственности, осужден по ч.ч. 1 и 2 ст. 205 УК Республики Беларусь без вменения квалифицирующего признака «группа лиц по предварительному сговору».

Приговором суда Буда-Кошелёвского района от 21.10.2022 В., похитивший имущество совместно с малолетним, который не достиг возраста привлечения к уголовной ответственности, осужден по ч. 1 ст. 205 УК Республики Беларусь. Ни в ходе предварительного следствия, ни в ходе судебного заседания вопрос о необходимости вменения обвиняемому квалифицирующего признака «группа лиц по предварительному сговору» не поднимался и не рассматривался.

Аналогичные приговоры постановлены судами Железнодорожного района г. Гомеля и Ветковского района Гомельской области.

В большинстве же случаев (7) обвинение, предъявленное таким лицам на стадии предварительного следствия с вменением квалифицирующего признака *«группа лиц по предварительному сговору»*, поддержано как государственными обвинителями, так и судами при вынесении приговоров.

На основании проведённого исследования следует сделать вывод о том, что предъявление обвинения в указанных выше случаях с учётом квалифицирующего признака *«группа лиц по предварительному сговору»*, по нашему мнению, представляется оправдан-

ным, поскольку соучастники, в том числе и не достигшие возраста привлечения к уголовной ответственности, совершают активные действия в целях достижения преступного результата. При этом для субъекта преступления не имеет значения, кто именно оказывает ему помощь, – достигшее либо не достигшее возраста уголовной ответственности лицо.

Кроме того, лицо, не обладающее юридическими признаками субъекта преступления, нельзя сводить до положения обычного орудия преступления в руках другого человека.

В то же время, факты наличия диаметрально противоположных точек зрения по данному вопросу наряду с различной правоприменительной практикой свидетельствуют о необходимости корректировки уголовного законодательства либо дачи дополнительных разъяснений с учётом указанной выше проблематики.

Список использованной литературы

1. О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г., № 15 : в ред. постановления Пленума Верховного Суда от 30.09.2021 г., № 8 // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

2. О применении судами законодательства по делам о хищениях имущества [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 17 июня 1994 г., № 3 : в ред. постановления Пленума Верховного Суда от 29.03.2001 г., № 5 // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

3. О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную и иную антиобщественную деятельность [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 20 декабря 1991 г., № 11 // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

4. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 139 УК) [Электронный ресурс] : обзор судебной практики Верховного Суда Республики Беларусь от 18 февр. 2003 // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

5. Ковалев, М. В. К вопросу о квалификации деяния, совершенного с лицом не подлежащим уголовной ответственности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/>. – Дата доступа: 15.08.2023.

6. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 09 июл. 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 02 июня 1999 г.: одобрен Советом Республики 24 июня 1999 года : в ред. Закона Республики Беларусь от 09 марта 2023 г., № 256-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

7. Научно-практический комментарий к уголовному кодексу Республики Беларусь / под общ. редакцией А. В. Баркова, В. М. Хомича. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2007. – 1007 с.

8. Уголовный кодекс Республики Беларусь : науч.-практ. коммент. / Т. П. Афонченко [и др.] ; под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. – Минск : Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 1000 с.

9. Лосев, В. В. Соисполнительство, или совершение преступления группой лиц как форма соучастия в уголовном праве (часть 1) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. Беларусь. – Режим доступа: <http://consultantplus://offline/ref=5D63D240867B3F1C92598591B4D43459D2A84140FFD3B8FD9CFF5C8AE3E8F4D3zAq3H>. – Дата доступа: 20.08.2023.

А. Э. Набатова

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель)

ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В КНР: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В материалах комплексно рассматриваются уголовно-правовые аспекты противодействия коррупции в Китайской Народной Республике. Автором исследуются вопросы исторической обусловленности данного социально-правового явления, определяются некоторые качественные и количественные показатели коррупционной преступности, дается краткая характеристика антикоррупционного законодательства, рассматриваются вопросы уголовной ответственности за коррупцию в Китае.

В Китайской Народной Республике (далее по тексту – КНР) уделяется особое внимание проблемам противодействия коррупции. С приходом к власти Коммунистической партии Китая (далее по тексту – КПК), в 1951 году председателем партии Мао Цзэдуном была объявлена кампания «против трех зол» – коррупции, расточительства и бюрократии, что привело к значительному снижению коррупционных правонарушений. Очередной виток коррупции в Китае пришелся на 80-е годы в связи с переходом страны к рыночной экономике. В 1989 году в Уголовный кодекс КНР (далее по тексту – УК КНР) были включены положения об ответственности за коррупционные преступления. В 2003 году КНР ратифицирована конвенция ООН против коррупции. С 2010 года введено обязательное декларирование доходов и имущества государственными служащими и их родственниками. С приходом к власти Си Цзиньпина в Китае продолжают масштабные антикоррупционные кампании. Обратимся к уголовной статистике Китая (таблица 1) [1, с. 40].

Таблица 1 – Качественные и количественные показатели коррупционной преступности в КНР с 2018 по 2020 гг.

Качественные показатели	Количественные показатели		
	2018	2019	2020
Возбуждено уголовных дел о коррупции	638 000	617 000	618 000
Количество лиц, привлеченных к уголовной ответственности	621 000	587 000	604 000

Таким образом, приходится констатировать, что коррупционные проявления характерны и для Китайского общества. В данном вопросе наблюдается историческая обусловленность, связанная с желанием делать подарки «гуанси». С давних времен китайцы, при взаимодействии с государственными служащими делали подарки, чтобы добиться их расположения в разрешении различных вопросов. Причем, дорогой подарок преподнесенный просителем выделял его среди других и способствовал скорейшему выполнению его просьбы. В современном понимании, гуаньси (guanxi) – межличностные отношения, возникающие для удовлетворения потребностей повседневной жизни, включающие в себя обмен подарками, услугами, культивирование взаимных обязательств. В китайском языке гуаньси состоит из двух иероглифов: ворота и связь – и означает дословно «связи за воротами» [2, с. 182–183]. Гуаньси может предоставлять гражданину эксклюзивный доступ к ограниченным ресурсам, поэтому нередко рассматривается как вид капитала, который накапливается и преумножается на протяжении длительного времени.

В коррупционной проблематики гуаньси воспринимается как личные обязательства, налагаемые социальными отношениями, вынуждающие людей в ситуации выбора нарушать формальные процедуры и правила.

На современном этапе в КНР выстроена система антикоррупционного законодательства и государственных органов, деятельность которых направлена на борьбу с коррупцией, учрежден специализированный орган, имеющий конституционный статус – Государственный контрольный комитет. Его основными полномочиями являются: воспитание лиц, осуществляющих общественные обязанности, в духе честного исполнения своих полномочий; проведение надзора и проверок за соблюдением ими закона, морали и нравственности; проведение проверок в отношении подозрений в совершении коррупции и взяточничества, злоупотребления служебным положением, небрежного исполнения служебных обязанностей, включая растрату государственного имущества; наложение дисциплинарных взысканий; передача результатов проверки в отношении подозреваемых в совершении должностных преступлений в прокуратуру для проведения расследования и предъявления обвинения; возбуждение уголовных дела о коррупции и др.

Так же, вопросами борьбы с коррупцией, наряду с органами национальной безопасности, судами и прокуратурами занимаются Комиссии КПК по проверке дисциплины. Их деятельность сосредоточена на оценке соответствия деятельности членов КПК внутренним партийным инструкциям, центральное место в которых занимают Положения об улучшении стиля работы и укреплении связей с народными массами – «восемь правил». Именно они рассматриваются как фундамент для реализации нового этапа антикоррупционной политики в Китае для государственных служащих. Укажем некоторые из этих правил: отказ от пышных торжеств за государственный счет; отказ принимать участие в коммерческих мероприятиях; бережное и обоснованное использование государственных средств; понимание актуальных запросов населения, уменьшение дистанцированности от народных масс и др.

В Китае огромное внимание уделяется антикоррупционному образованию в школах и высших учебных заведениях, также функционирует достаточно обширная система подготовки юридических кадров. Антикоррупционные кампании широко освещаются в средствах массовой информации (далее по тексту – СМИ), действует специализированные Интернет-ресурсы и телефоны доверия где любой из граждан может анонимно сообщить о государственном служащем, допускающим злоупотребления должностным положением.

На законодательном уровне приняты и действуют ряд законов, среди которых можно назвать следующие: о борьбе с отмыванием денег (2006); о государственных служащих (2006); о контроле (2018); о туризме (2013) – предусматривает запрет на «командировочный туризм» государственных служащих, отправляющихся в зарубежную командировку; о правительственных закупках (2014) и др.

Особого внимания заслуживают вопросы уголовной ответственности за коррупционные преступления по китайскому законодательству. Нормы, предусматривающие ответственность за совершение коррупционных преступлений, содержатся в гл. 8 УК КНР «Коррупция и взяточничество». Она объединяет 17 составов – ст. ст. 382-396 [3, 186–192]. К сожалению, объем материалов не позволяет осуществить анализ всех составов. В связи с чем, остановимся на некоторых положениях китайского уголовного законодательства.

В ст. 382 УК КНР определено следующее: «Присвоение, воровство, получение мошенническим путем или незаконное завладение иными способами общественным имуществом государственными служащими с использованием своих служебных преимуществ расцениваются как коррупция.» (ч.1 ст. 382);

«Присвоение, воровство, получение мошенническим путем или незаконное завладение иными способами государственным имуществом лицами, которым государственными органами, государственными компаниями, предприятиями, организациями, народными объединениями поручено управление и хозяйственное распоряжение государственным имуществом, с использованием своих служебных преимуществ, расцениваются как коррупция.» (ч.2 ст. 382).

Таким образом, в рассматриваемой норме диспозиция определяет понятие коррупции, способы ее совершения и содержит признаки специального субъекта – государственной служащий. В то же время, меры наказания по отношению к лицам, совершившим действия, подпадающие под определение коррупции, в зависимости от тяжести обстоятельств содержатся в ст. 383 УК КНР: 1) индивидуальная коррупция в размере свыше 100 тыс. юаней (44 556 рублей) – наказывается лишением свободы на срок свыше 10 лет или бессрочным лишением свободы с конфискацией имущества или без таковой; при особо отягчающих обстоятельствах – наказывается смертной казнью и конфискацией имущества; 2) индивидуальная коррупция в размере свыше 50 тыс. юаней (22 278 рублей), но менее 100 тыс. юаней (44 556 рублей) – наказывается лишением свободы на срок более 5 лет с конфискацией имущества или без таковой; при особо отягчающих обстоятельствах – наказывается бессрочным лишением свободы и конфискацией имущества; 3) индивидуальная коррупция в размере свыше 5 тыс. юаней (свыше 2230 рублей), но менее 20 тыс. юаней (до 4 460 рублей) – наказывается лишением свободы от одного года до 7 лет; при отягчающих обстоятельствах – наказывается лишением свободы на срок от 7 до 10 лет. Лицу, совершившему действия, расцениваемые как индивидуальная коррупция в размере свыше 5 тыс. юаней, но менее 10 тыс. юаней, в случае раскаяния после совершения преступления и добровольного возврата присвоенного, наказание может быть смягчено либо данное лицо может быть освобождено от уголовного наказания; в указанном случае организацией или вышестоящими органами применяются административные меры наказания; 4) индивидуальная коррупция в размере менее 5 тыс. юаней при отягчающих обстоятельствах – наказывается лишением свободы на срок до 2 лет или краткосрочным арестом; при смягчающих обстоятельствах организацией или вышестоящими органами применяются административные меры наказания. В отношении лиц, многократно совершавших действия, подпадающие под определение коррупции, наказание определяется исходя из общей суммы средств, присвоенных в результате указанных действий.

Как видим, в анализируемой норме, китайский законодатель определяет виды и размеры наказания в зависимости от суммы, полученной за индивидуальную коррупцию. Также состав предусматривает условия освобождения от уголовного наказания, правила назначения наказания за многократное совершение коррупции. Следует обратить внимание, что в соответствии со ст.ст. 55 – 57 УК КНР, помимо перечисленных видов наказания в качестве дополнительного при осуждении к смертной казни, бессрочному лишению свободы осужденный за индивидуальную коррупцию пожизненно лишается политических прав.

В китайском законодательстве уголовная ответственность предусматривается за следующие деяния: использование казенных средств не по назначению (ч. 1 ст. 384 УК КНР); использование в личных целях средств, предназначенных для помощи во время стихийных бедствий, для служб оперативного реагирования, для принятия предупредительных мер против паводков, для оказания материальной помощи, поддержки малоимущих, переселенцев, для оказания иной экстренной помощи (ч. 2 ст. 384 УК КНР); взяточничество (ст. 385 УК КНР); требование взятки (ст. 386 УК КНР); дача взятки (ст. 389-390 УК КНР) – в нормах определяются объективные признаки деяния, виды и размеры наказания, условия смягчения и освобождения от наказания; посредничество во взяточничестве – помимо ответственности за данное деяние, норме определяются условия смягчения и освобождения от наказания (ст. 392 УК КНР); дача взятки организацией (ст. 393 УК КНР).

Интересными являются положения следующих норм: ст. 394 УК КНР определяет обязанность государственного служащего сдать подарки, полученные при несении государственной службы внутри страны или в процессе осуществления внешних связей. В случае невыполнения данной обязанности и получения подарка на крупную сумму наступает уголовная ответственность за индивидуальную коррупцию; ст. 395 УК КНР устанавливает обязанность государственного служащего объяснить источник доходов,

в случае если, стоимость их имущества или расходы заметно превышают величину законных доходов, и это превышение составляет значительную сумму. При невозможности подтверждения законности доходов сумма, составляющая разницу, считается незаконно полученной. В этом случае следует наказание лишением свободы на срок до 5 лет или краткосрочным арестом, а излишки имущества подлежат взысканию.

Помимо государственных служащих в КНР, уголовной ответственности подлежат юридические лица. Так, ч. 1 ст. 387 УК КНР предусмотрено, что государственные органы, государственные компании, предприятия, учреждения, народные объединения, требовавшие и незаконно получившие имущество других лиц в целях получения такими лицами выгоды, при отягчающих обстоятельствах наказываются штрафом (при этом несущие непосредственную ответственность руководители организации и другие непосредственно ответственные лица наказываются лишением свободы на срок до 5 лет или арестом). Согласно ч. 2 ст. 387 УК КНР, перечисленные в анализируемой норме организации, в процессе осуществления хозяйственной деятельности скрытно получившие под различными предложениями агентские и комиссионные вознаграждения, минуя расчетный счет, несут ответственность как за получение взятки в соответствии с ч. 1 ст. 387 УК КНР.

Таким образом, можно констатировать следующее:

1. В КНР коррупция исторически обусловленное социально-правовое явление, связанное с желанием делать подарки «гуанси», которое на современном этапе трансформировалось в межличностные отношения, возникающие для удовлетворения потребностей повседневной жизни, включающие в себя обмен подарками, услугами, культивирование взаимных обязательств.

2. Противодействие коррупции в КНР осуществляется путем выстраивания системы антикоррупционного законодательства и государственных органов, деятельность которых направлена на борьбу с коррупцией. В КНР учрежден специализированный орган, имеющий конституционный статус – Государственный контрольный комитет. Так же, вопросами борьбы с коррупцией занимаются Комиссии КПК по проверке дисциплины, органы национальной безопасности, суды и прокуратура. Особое внимание уделяется институтам гражданского общества, образованию и СМИ.

3. На законодательном уровне приняты и действуют ряд законов. Среди них – уголовное законодательство. В нем содержится комплексный подход к вопросам уголовной ответственности за коррупцию государственных служащих и юридических лиц, дачу взятки и посредничестве во взяточничестве, исполнение обязанностей по сдаче подарков и объяснению своих доходов государственными служащими, а также рассматриваются вопросы назначения наказания и условия смягчения и освобождения от него.

Список использованной литературы

1. Кулакова, В.А. Коррупция в России и Китае: состояние и противодействие / В.А. Кулакова, М. Гао // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – №98. – С. 38-41.

2. Михайлова, О.В. Социально-культурные аспекты коррупционного поведения / О.В. Михайлова, Ц. Шао // Государственное управление. Электронный вестник – 2023. – №98. – С. 178-190.

3. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под общей ред. проф. А.И. Чучаева и проф. А.И. Коробеева, пер. с китайского проф. Хуан Даосю. – 2-е изд. — М.: ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2021.— 312 с.

И. В. Пантюхина

(Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань)

**ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМАХ
С АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИЕЙ
(УК РФ НУЖЕН ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)**

В статье рассмотрены проблемные вопросы, связанные с нормами с административной преюдицией в УК РФ, представлены статистические показатели по отдельным из них, подтверждающие их эффективность. Отмечены недостатки конструкций таких норм. Проанализированы дефиниция нормы с административной преюдицией, содержащаяся в УК Республики Беларусь, и правила назначения штрафа за совершение таких преступлений. Проведенный анализ позволил заключить, что российскому законодателю необходимо перенять опыт белорусского законодателя в части рассмотренных норм.

Одной из тенденций развития российского уголовного законодательства на современном этапе следует признать увеличение числа преступлений с административной преюдицией. В Особенной части УК РФ 1996 года первая такая норма появилась в 2009 году. Начиная с 2011 года нормами о преступлениях с административной преюдицией он стал пополняться регулярно. Причем происходило это двумя способами: путем реконструирования имеющихся норм и посредством криминализации новых деяний, ранее не известных уголовному закону. Однако, если до 2022 года их появление в УК РФ было достаточно редким явлением (одна норма в течение одного года или двух лет), то в 2022 году в уголовном законе сразу девять таких норм нашли свое закрепление. На сегодняшний день УК РФ имеет около 30 уголовно-правовых норм, содержащих преступления с административной преюдицией.

Содержание в УК РФ таких норм обосновывается и оправдывается их профилактическим характером, а также стремлением законодателя к минимизации карательного воздействия. Подтверждение их профилактического эффекта достаточно наглядно прослеживается на примере нормы, предусмотренной ст. 264.1 УК (Управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость), которая успешно применяется с 01 июля 2015 года. Так, если в 2016 году число осужденных по ней составило 75 271 лицо, то в 2017 – 72 018, в 2018 – 66 287, в 2019 – 59 543, в 2020 – 57 731, в 2021 – 56 795, в 2022 – 55 602 [1]. Приведенные данные наглядно свидетельствуют о ежегодном сокращении таких преступлений. При этом также сокращается число ДТП с участием водителей, находившихся в состоянии опьянения. В частности, только за последние пять лет (2018–2022 годы) их совокупное снижение составило 29,2 % [2].

Конечно, далеко не все нормы с административной преюдицией так эффективны, некоторые применяются крайне редко или вовсе остаются невостребованными на практике. Кроме того, как отмечено выше, почти 1/3 норм рассматриваемого вида содержится в уголовном законе с 2022 года, то есть слишком краткий период, поэтому проводить их статистических анализ пока представляется преждевременным. Так, чуть менее двух лет в УК РФ содержится ст. 264.2 УК РФ (Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию и лишенным права управления транспортными средствами). За 2022 год и первое полугодие 2023 года к уголовной ответственности по ней привлечено 67 лиц [3]. Летом 2022 года в УК РФ включена ст. 264.3 (Управление транспортным средством лицом, лишенным права управления транспортными средствами и подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость). За год ее применения по ней было осуждено 309 лиц [3]. Насколько эти нормы в конечном счете будут востребованными и эффективными можно будет судить, по меньшей мере, по истечении трехлетнего срока их использования.

Вместе с положительным моментом, отметим, что одновременно с ним, за счет включения в УК новых составов преступлений растет число общественно опасных запретов и, как следствие, возникают судимости по тем деяниям, которые ранее их не создавали, чему свидетельствует приведенная выше статистика по ст. 264.1–264.2 УК РФ.

Оценки российских ученых о целесообразности норм с административной преюдицией и их необходимости российскому уголовному закону противоречивы. Одни приветствуют их включение в закон, другие отвергают [4, с. 134; 5, с. 318; 6, с. 26–27]. Однако, оценивая наметившиеся темпы их включения в УК можно предположить, что в ближайшие годы следует ожидать расширение их числа. Вместе с тем, несмотря на то, что законодатель взял курс на их увеличение, он до сих пор не определился с конструкцией таких уголовно-правовых норм. Данное утверждение обусловлено отсутствием единообразного подхода к построению уголовно-правовых норм с административной преюдицией, включения в их конструкции различных признаков. В целом такой подход создает впечатление, что они формируются совершенно произвольно. Одной из причин сложившейся ситуации является отсутствие регламентации общей нормы об административной преюдиции в УК РФ, которая могла бы служить ориентиром для единообразного конструирования таких норм для нужд Особенной части УК РФ.

Обращение к законодательству зарубежных стран позволило выявить тот факт, что только в постсоветских странах используется конструкция преступлений с административной преюдицией. Причем, регламентация ее дефиниции в виде общей нормы (которую мы и имеем в виду) встречено только в УК Республики Беларусь. Более того, в нем определена также дисциплинарная преюдиция в понятии которого также нуждается российское уголовное законодательство. Также обращает на себя внимание тот факт, что такая дефиниция изначально содержалась в УК Республики Беларусь, что с учетом даты принятия уголовного закона Беларуси (1999 год) указывает на более длительный опыт использования законодательных конструкций преступлений с административной преюдицией и их практического применения в сравнении опытом российского законодателя и российской правоприменительной практики.

Исходя из содержания ст. 32 УК Республики Беларусь следует, что преступления с административной или дисциплинарной преюдицией представляют собой деяния не большой общественной опасности, сущность которых заключается в совершении административного или дисциплинарного нарушения в течение года после наложения административного или дисциплинарного взыскания за такое же нарушение [7]. Из соответствующего их закрепления вытекает, что их признаками являются: небольшая общественная опасность деяния (что обусловлено их первичной запрещенностью административным или иным законодательством); четко очерченный срок совершения нового деяния – один год с момента наложения административного или дисциплинарного взыскания за совершение предыдущего нарушения; простая повторность деяния (совершение уже второго нарушения влечет уголовную ответственность); тождественность вновь совершенного (повторного) нарушения. Совокупность этих признаков, также позволяет констатировать, что субъект преступлений с административной или дисциплинарной преюдицией является специальным, поскольку, совершая новое деяние он находится в состоянии наказанности за предыдущее.

Безусловно позитивной оценки заслуживает установление законодателем Беларуси единого подхода к основанию криминализации повторных административных или дисциплинарных правонарушений: однозначной тождественности нарушений, одинакового срока для их повторности, а также достаточности такой повторности, поскольку это обеспечивает системность в подходе к конструированию рассматриваемого вида преступлений, единообразия их понимания и применения, тем самым соблюдения принципов уголовного законодательства. К сожалению, следует признать, что в УК РФ совершенно отсутствует системность к подходу конструирования норм, регламентирующих

преступления с административной преюдицией. В нормах ее содержащих встречаются различия в установлении количества предшествующих административных правонарушений, сроков, в тении которого лицо должно их совершить, в одних деяниях наступление уголовной ответственности связывается с привлечением лица к административной ответственности, в других – с наказанностью в административном порядке, отсутствие полной тождественности деяния предыдущему административному деликту и др. Также в УК РФ усматривается бессистемность в названиях статей, содержащих нормы с административной преюдицией (в некоторых делается акцент на признаке субъекта как лице подвергнутом административной ответственности, тогда как в других такового указания нет) [8, с. 114–115; 9, с. 156–157]. Наличие нормы, аналогичной той, что предусмотрена в ст. 32 УК Республики Беларусь, пусть даже в несколько иной формулировке, безусловно способствовала устранению большинства таких разногласий и недостатков при разработке уголовно-правовых норм с административной преюдицией.

Еще одно достоинство, которое усматривается в УК Республики Беларусь применительно к нормам с административной преюдицией – это правило о размере назначаемого наказания за совершение преступления с административной преюдицией, согласно которому «размер штрафа ... не может быть меньше максимального размера штрафа, налагаемого в административном порядке» [7]. Данное положение также указывает на продуманность пошагового ужесточения наказаний при переводе административного правонарушения в разряд преступного деяния, что является логичным, а также демонстрирует согласованность взаимодействия разноотраслевого законодательства, чего лишен УК РФ.

Таким образом, изложенное позволяет констатировать, что российскому законодателью давно следует пойти по пути белорусского законодателя и сформулировать базовую уголовно-правовую норму с административной преюдицией, указав в ней основные признаки такой разновидности преступления, в соответствие с которыми привести все имеющиеся нормы с административной преюдицией Особенной части УК РФ.

Список использованной литературы

1. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2016–2022 годы. Ф № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3834>; <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4572>; <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894>; <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259>; <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669>; <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6121>; <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7649>. – Дата доступа: 16.11.2023.

2. Показатели состояния безопасности дорожного движения за 2018–2022 годы [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. – Режим доступа: <http://stat.gibdd.ru/>. – Дата доступа: 16.11.2023.

3. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2022 и 1 полугодие 2023 года. Ф № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7649>; <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7900>. – Дата доступа: 16.11.2023.

4. Гошаев, И. М. Регламентация административной преюдиции в уголовном законодательстве России: историко-правовой анализ / И. М. Гошаев // Юрист-Правовед. – 2017. – № 3 (82). – С. 130–135.

5. Кольцова, Е. Ю. Институты административной и дисциплинарной преюдиции в уголовном законодательстве Российской Федерации / Е. Ю. Кольцова // Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения–2020 : в 2 т. : сб. науч. тр. по материалам

VII Международной научно-практической конференции (г. Гатчина, 22 мая 2020 г.) / под общ. ред. В. Р. Ковалева, Т. О. Бозиева. – Гатчина : Изд-во ГИЭФПТ, 2020. – Т. 1. – С. 317–321.

6. Сончев, М. Н. Административная преюдиция в уголовном праве России / М. Н. Сончев // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2021. – № 1. – С. 25–27.

7. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275–З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.03.2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

8. Пантюхина, И. В. Новые составы преступлений с административной преюдицией в УК РФ / И. В. Пантюхина // Новеллы права, экономики и управления 2022 : в 2 т. : сб. науч. тр. по материалам VIII международной научно-практической конференции (г. Гатчина, 25 ноября 2022 г.) / отв. ред. О. В. Заборовская и др. – Гатчина : Изд-во ГИЭФПТ, 2023. – Т. 1. – С. 114–118.

9. Пантюхина, И. В. Формы взаимодействия охранительных норм КоАП РФ и УК РФ: проблемы разграничения и квалификации преступных деяний / И. В. Пантюхина, С. А. Сидорова // Эпомен. – 2022. – № 67. – С. 145–162.

УДК 343.79

С. В. Рыбак

(БИП – Университет права и социально-информационных технологий, Минск)

О ТЕНДЕНЦИЯХ НОРМАТИВНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ИНСТИТУТА КРИМИНАЛЬНОГО БАНКРОТСТВА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

С 1 октября 2023 года вступили в силу изменения, предусмотренные Законом Республики Беларусь от 13 декабря 2022 года № 227-З «Об урегулировании неплатежеспособности», которые существенным образом модернизировали институт криминального банкротства. Помимо исключения ст. 238 УК, серьезной модификации подверглась редакция ст. 239-241 УК. Из содержания диспозиции данных статей исключены признаки личного интереса или интереса иных лиц, а также устойчивого характера неплатежеспособности. В настоящей статье анализируется необходимость принятых изменений, обосновывается негативное влияние существующей ранее редакции норм на достижение целей уголовного процесса, а также создание «искусственных барьеров» для правильной и эффективной квалификации деяния в сфере криминального банкротства.

Общественно опасные посягательства на урегулированные правом отношения, складывающиеся в экономической деятельности в связи с банкротством (в юридической литературе именуется криминальным банкротством), предусмотрены ст. 239-241 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК).

Институту криминального банкротства уделяется пристальное внимание как законодателем, так и правоприменителями. 1 октября 2023 года вступили в силу изменения в УК, внесенные Законом Республики Беларусь от 13 декабря 2022 года № 227-З «Об урегулировании неплатежеспособности». Они коснулись и института криминального банкротства, серьезным образом изменив уголовно-правовое регулирование соответствующих общественных отношений. Вместе с тем, необходимость данных изменений не всегда правильно понимается исследователями. Предыдущая редакция ст. 239-241 УК препятствовала эффективному применению уголовно-правовых средств борьбы с ложным банкротством. По мнению отдельных ученых, действующая до 1 октября 2023 года редакция ст. 239-241 УК не позволяла соотнести эти нормы с другими нормами уголовного права,

что шло вразрез с представлениями исследователей-теоретиков в области системы построения уголовно-правовых норм о требованиях к формулированию уголовно-правовых запретов [1, с. 93]. Остановимся подробнее на некоторых изъянах уголовно-правового регулирования, на нивелирование которых направлена последняя редакция УК.

Основной проблемой выступала конкуренция норм, составляющих институт криминального банкротства, с иными нормами Особенной части УК а также между собой. Так, результатом сравнения содержания диспозиций ст. 239, 241 УК и ст. 240 УК до внесения в них изменений являлось утверждение о том, что предусмотренные ст. 239 и 241 УК деяния могут не охватываться содержанием ст. 240 УК лишь в случае совершения их не в интересах самого субъекта реализации или не в интересах иных лиц. В общей теории права, а также отраслевых областях знаний содержание терминов «личный интерес», «корыстный интерес», «иной личный интерес» и т.д. довольно неопределенное, расплывчатое и дискуссионное.

Корыстная личная заинтересованность субъекта проявляется, чаще всего, в стремлении с нарушением установленных законом правил и запретов незаконно получить материальную (имущественную) выгоду либо же создать условия, способствующие получению такой выгоды.

Иная личная заинтересованность субъекта действий характеризуется его стремлением извлечь или для себя, или своих знакомых, близких, родных любую выгоду нематериального (неимущественного) характера. Как правило, данное стремление детерминировано такими побуждениями личного характера, как протекционизм, карьеризм, желание исказить действительное положение, скрыть свою некомпетентность, получить взаимную услугу и т.п. [2, с. 150–151].

Корыстная и иная личная заинтересованность, также как и подобные этим мотивы преступного поведения, носят личный характер, т.к. опосредуются волей и сознанием субъекта, совершающего действия преступного характера. В то же время УК придает мотиву свойство субъективного признака состава преступления исключительно при антисоциальном содержании побуждений субъекта совершения действий (порицаемых обществом, низменных по сути) [3].

В отечественных нормативных правовых актах отсутствует определение личной заинтересованности. Соответственно, законодателем не уделено внимание формированию перечня критериев, который могут быть положены в основу принятия решения о наличии или отсутствии у субъекта совершения действий этой заинтересованности. Пленум Верховного Суда Республики Беларусь в ст. 20 Постановления от 16.12.2004 N 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы» обозначил лишь примеры личной заинтересованности, которая выражается в побуждениях личного характера.

В толковых словарях русского языка категория «заинтересованный» определяется как «обнаруживающий, заключающий в себе или имеющий для кого-нибудь интерес» [4, с. 206]. Под понятием «интерес», в этих же источниках, понимается «выгода, корысть» [4, с. 249]. Категория «личный» определяется как «касающийся непосредственно какого-нибудь лица, лиц, принадлежащий какому-нибудь лицу» [4, с. 330].

Не вызовет острых дискуссий утверждение о том, что целью совершения деяний, предусмотренных предыдущей редакцией ст. 239 и 241 УК, в подавляющем большинстве случаев выступало извлечение материальной или иной выгоды для себя либо для иных лиц. В этой связи, ст. 240 УК фактически являлась общей нормой по отношению к ст. 239 и 241 УК.

Еще большие проблемы порождала конкуренция норм, регламентирующих уголовную ответственность за криминальное банкротство, с иными нормами УК. Для примера рассмотрим ст. 239 УК (Соккрытие банкротства), в редакции до внесения в нее изменений, и ст. 216 УК «Причинение имущественного ущерба без признаков хищения». Очевидно, что, исходя из своих признаков, ст. 216 УК могла выступать в качестве нормы,

в соответствии с которой оценивались умышленные злоупотребления процедурой банкротства как инструментом для причинения умышленного вреда путем извлечения выгоды (получения прибыли, материальных (имущественных) благ посредством экономии собственного имущественного фонда, избавление от материальных затрат и т.д. [5, с. 169]), корыстной или иной личной заинтересованности (карьеризм, месть, удовлетворение интересов конкурентов, сокрытие хищения имущества организации и т.д.).

Правоприменительная практика напрямую подтверждает сформулированный тезис. Так, в юридической литературе приводится следующий пример разрешения судебного спора. Гражданин С., будучи одновременно учредителем и директором общества с ограниченной ответственностью, с целью погашения задолженности предприятия, ясно осознавая его фактическую неплатежеспособность, привлек в качестве займов крупные денежные суммы. По мнению суда, рассматривавшего уголовное дело, причинение имущественного вреда потерпевшим и гражданским истцам выразилось в неполучении ими к выплате обещанных гражданином С. доходов за пользование денежными средствами, принадлежащими им, а равно в невозвращении этих денежных средств потерпевшим и гражданским истцам в предусмотренные договорными обязательствами сроки. Суд квалифицировал действия С. как обман и злоупотребление доверием, а соответственно привлек обвиняемого к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 216 УК [1, с. 99–100].

Такая практика подтверждает одновременный охват ст. 216 УК основных признаков деяний, сформулированных в устаревшей редакции ст. 239 УК.

Для квалификации преступного деяния в соответствии со ст. 239 УК (в том числе и в указанном выше случае) необходимо было установить, что привлекаемое к уголовной ответственности лицо при заключении сделки осознавало устойчивую неплатежеспособность субъекта хозяйствования. Именно такое требование напрямую фиксировалось в редакции ст. 239 УК. Возможен был и другой вариант. Если оценивать преступное деяние с той позиции, что факт умышленно необоснованного привлечения денежных заемных средств или последовавшие за этим умышленные действия повлекли экономически необоснованное использование имущества предприятия (организации) и причинение ему крупного ущерба, то содеянное необходимо было квалифицировать по ст. 240 УК.

В обоих случаях для квалификации содеянного по статье, предусматривающей уголовную ответственность за криминальное банкротство, орган уголовного преследования сталкивался с существенными трудностями в процедуре доказывания. В ходе расследования уголовных дел по данной категории преступлений в большинстве случаев необходимо проводить финансово-экономическую экспертизу хозяйственной деятельности и соответствующих финансовых документов на предмет определения вида неплатежеспособности предприятия, момента ее возникновения и ее динамики во взаимосвязи с производимыми хозяйственными операциями. Помимо качественной и исчерпывающей формулировки вопросов в постановлении о назначении экспертизы (с учетом всех нюансов конкретного расследования), следователю (прокурору) необходимо привлекать для этого соответствующего эксперта, что не является быстровыполнимой задачей ввиду специфики и объема предстоящей экспертизы. На практике это занимает в среднем около полугода. Реализуя задачи уголовного процесса, регламентированные ст. 7 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, которые требуют от органа уголовного преследования быстрого и полного расследования преступлений, уполномоченное вести расследование должностное лицо определяет оптимальное сочетание полноты и оперативности в расследовании. При этом, вполне объяснимо, предпочтение отдается известной и апробированной методике расследования, не вызывающей «лишних» трудностей и необходимости отклоняться от «классических наработок». В этой связи видится вполне foreseeable стремление должностного лица органа уголовного преследования, а равно и судьи в приведенном выше примере, квалифицировать содеянное по тем статьям УК, где механизм доказывания и установления обстоятельств совершенного преступления в ходе доказывания известен, не вызывает проблем и не детерминирует увеличение срока расследования.

Не стоит забывать, что доказыванию и установлению в суде подлежит не только сама устойчивая неплатежеспособность субъекта хозяйствования, а, в первую очередь, осознание привлекаемым к уголовной ответственности лицом этой неплатежеспособности с признаком устойчивости. Собрать убедительные доказательства именно этого обстоятельства в подавляющем большинстве случаев затруднительно или невозможно. Не случайно практика применения ст. 239 УК в предыдущей ее редакции практически отсутствовала.

С 1 октября 2023 года, помимо исключения из УК ст. 238, в диспозиции статей о криминальном банкротстве не употребляются фразы «в личных интересах или интересах иных лиц», а также об устойчивом характере неплатежеспособности. Насколько удачными эти изменения окажутся для правоприменителей, покажет время. Думается, корректировка диспозиций рассматриваемых норм в сторону исключения «сдерживающих барьеров» указывает на позитивные тенденции в данном направлении.

Список использованной литературы

1. Захилько, К. Л. Уголовно-правовые меры противодействия криминальному банкротству: дисс ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / К. Л. Захилько. – Минск, 2020. – 289 л.

2. Рыбак, С. В. Мотив как элемент субъективной стороны и одно из оснований включения преступлений в перечень коррупционных / С. В. Рыбак, М. Ю. Король // Актуальные проблемы правовых, экономических и гуманитарных наук : материалы XII Международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов, магистрантов и студентов. – Минск, 21 апреля 2022 г. : в трех частях / ред. кол.: С. И. Романюк [и др.]. – Минск : БИП, 2022. – Ч. 1. – С. 150–152.

3. Субъективная сторона преступлений против интересов службы. – Режим доступа: https://studopedia.su/12_27669_sub-ektivnaya-storona-prestupleniy-protiv-interesov-sluzhbi.html. – Дата доступа: 16.10.2023.

4. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеол. выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.

5. Хилюта, В. В. Преступления против собственности и порядка осуществления экономической деятельности: концептуальные основы моделирования объекта и системы : монография / В. В. Хилюта. – Москва : Юрлитинформ, 2012. – 208 с.

УДК 343.843-055.2

И. М. Сеница

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ ЖЕНЩИН

В статье исследуются вопросы ресоциализации (социальной интеграции) женщин, совершивших преступление. Акцентируется внимание на некоторых аспектах ресоциализационной работы, обусловленных поведенческими и личностными особенностями женщин. Цель исследования – анализ проблем, возникающих в процессе ресоциализации осужденных женщин, и предложение направлений их решения.

Международные документы в области прав человека относят женщин, к уязвимым группам населения. Попадая в сферу уголовного правосудия, они особенно нуждаются в том, чтобы государством принимались специальные меры по защите их прав и законных интересов.

Долгое время отсутствовал международный документ в отношении женщин-правонарушителей, и только в 2010 году Резолюцией 65/229 Генеральной Ассамблеи на две-

надцатом международном тюремном конгрессе приняты Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы (Бангкокские правила) [1]. Бангкокские правила направлены на защиту женщин с учетом их физиологических, эмоционально-психологических и иных особенностей, отличающих их от мужчин. Данная защита включает в себя и заботу о социальной реинтеграции женщин, что неоднократно повторяется в тексте (пп. 29, 40, 43, 46 и др.). В п. 47 Бангкокских правил прямо указано, что после освобождения освободившимся женщинам-заключенным, нуждающимся в психологической, медицинской, юридической и практической помощи, с целью обеспечения их успешной социальной реинтеграции в сотрудничестве с общинными службами оказывается дополнительная поддержка.

Таким образом, необходимость социальной реинтеграции (ресоциализации) женщин, учитывающей их гендерные особенности и особую уязвимость, декларируется на самом высоком международном уровне. Тезис о том, что уголовная ответственность имеет цель ресоциализации преступника, то есть достижения такой степени исправления, которая характеризуется наличием у него стойкой мотивации законопослушного поведения в обществе, можно назвать общепризнанным, однако не всегда должное внимание уделяется потребностям женщин, обеспечивающим именно их ресоциализацию. Кроме того, практически всегда особенности ресоциализации женщин рассматриваются исключительно в рамках материнства и семейных отношений, в то время как иные ее аспекты отходят на второй план.

Очевидно, что процесс социальной адаптации осужденных, освобожденных из мест лишения свободы сложен и противоречив. Возвращение таких лиц в ставшую непривычной им социальную среду, которая, со своей стороны, может их не принимать и даже отторгать, как чужеродный элемент, требует усилий как со стороны бывших преступников, так и со стороны органов, участвующих в их адаптации. Женщины при этом зачастую находятся еще в более сложном положении, поскольку «клеймо» преступницы отражается на их жизни значительно сильнее и разрушительнее. Как показывает практика, в процессе отбывания наказания чаще, чем у мужчин, происходит распад семей осужденных женщин и прерывание отношений с близкими им людьми.

С одной стороны, можно говорить о том, что общество относится к женщинам требовательнее в определенных аспектах (наличие семьи, положительная репутация, неконфликтное поведение и др.), с другой – сами женщины могут острее реагировать на собственную стигматизацию, усугубляя отторжение от общества. Это может создавать сложности в ресоциализации, как объективного характера, так и субъективного – чтобы найти подход к таким осужденным женщинам, необходимы формы и методы воздействия как общего для всех осужденных лиц характера, так и специфических, обусловленных поведенческими и личностными особенностями женщин.

Пол осужденного, конечно, не является определяющим признаком, который в полной мере характеризует человека. Исправительная (ресоциализирующая) работа требует индивидуализированного подхода ко всем осужденным лицам в зависимости от различных факторов: устойчивости криминогенных склонностей и убеждений, интеллектуальных способностей, конфликтности, внушаемости, выработанных механизмов психологической защиты, положительного потенциала и др. При этом женщины-преступницы отличаются эмоциональной нестабильностью, больше подвергаются отрицательным влияниям, у них часто сохраняются антиобщественные привычки и взгляды [2].

Исследователи обращают внимание, что на ресоциализацию осужденных женщин негативное влияние могут оказывать условия содержания в исправительных учреждениях. Они указывают на то, что имеется некая специфика восприятия женщинами наказания и мер воздействия, что проявляется в комплексе психических состояний в виде фрустрации, тоски, безнадежности, отчаяния [3]. Длительная разлука с детьми и семьей препятствуют сохранению и развитию родительских качеств и отчуждает женщину (и, соответственно, ее детей) от совместной жизни и формирования крепких семейных связей.

Такая же проблема характерна и для осужденных мужчин, имеющих семьи, однако, как уже говорилось, члены их семей чаще прилагают усилия к сохранению близких связей и возвращению мужчины в семью. Более того, реализация женщины в жизни в большей степени рассматривается обществом через материнство и семейность, нежели мужчины. Соответственно, для женщины тяжелее осознавать разрыв таких связей и затрудненные возможности обретения их в будущем.

Однако, на наш взгляд, нельзя определять успешность ресоциализации осужденных женщин исключительно через их отношение к семье, материнству и своим детям. Конечно, любой человек будет испытывать меньше трудностей с возвращением к законопослушной жизни на свободе, если у него есть принимающая его семья. В то же время, осужденная женщина, даже оставшись в одиночестве, не должна утрачивать желание и возможности восстанавливать общественно-полезные связи, вести трудовую деятельность, повышать культурно-образовательный уровень. Особенно это касается женщин, по каким-либо причинам не имеющих возможности стать матерью, и пожилых лиц, не имеющих семьи или не принимаемых ею. У женщин разного возраста уже в силу биологических причин могут быть совершенно разные потребности и перспективы, и это тоже необходимо учитывать в ресоциализационной работе с ними.

Именно в постпенициарный период важна помощь и содействие государственных органов и общественных организаций, к которым женщина может обратиться, чтобы не остаться один на один с проблемами как бытового и материального, так и психологического характера. Особенно важно это в случаях, когда личность женщины претерпела значительную деформацию и до осуждения она вела антиобщественный образ жизни, т.е. не выработала навыки самостоятельной законопослушной жизни.

На наш взгляд, указанная проблема должна быть решена на основе следующих принципов деятельности уполномоченных государственных органов: системности, взаимосвязанности участия и усилий, гибкости и разнообразия применяемых мер, распространения удачного опыта и открытости для обращения лиц, нуждающихся в помощи. Женщины, освобожденные после отбывания наказания, должны иметь возможность обратиться за помощью к государственным органам и общественным организациям, которые, в свою очередь, будут иметь широкие возможности ее оказать. Трудоустройство, получение образования, некоторые бытовые, правовые, медицинские и семейные вопросы – тот спектр проблем, в решении которых государство и общественные организации могут оказать помощь на первоначальном этапе при возвращении женщины в нормальную жизнь.

При этом, на наш взгляд, излишняя забюрократизированность, «казённость» в ответ на такие обращения может снизить эффективность работы с обратившимися женщинами. В силу различных причин, в т.ч. недостаточной образованности, кругозора, слабых социальных навыков и неумения формулировать проблемы, для женщины коммуникация с государственными органами может быть стрессом, которого она предпочтёт избежать даже в ущерб своим интересам.

Кроме непосредственно оказания помощи, постоянный контакт женщины с соответствующими органами позволит осуществлять мониторинг ее жизни после освобождения, что немаловажно в целях предотвращения «срыва» и рецидива преступлений.

Существующий механизм интеграции осужденных в общество, основанный на нормах Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь, рассматривается как достаточно скудный [4]. В исправительных учреждениях в отношении осужденных проводится воспитательная работа, направленная на подготовку к освобождению, а также на разъяснение их прав и обязанностей после освобождения. Фактическая помощь осужденным сориентирована на содействие в поиске работы и жилья.

Ресоциализация по своей сути длительный процесс. Более того, сама по себе социализация предполагает постоянное усвоение норм жизнедеятельности и социокультурных ценностей на протяжении всей жизни, т.е. предполагается выработка таких осознанных

норм законопослушного поведения, мотивация которых базируется не на страхе наказания, а на осознании лицом ценности и перспектив такого поведения и интеграции в общество. Именно на этом должна быть сосредоточена работа по ресоциализации осужденных женщин во время и после отбытия ими наказания. Такая работа требует единого комплексного подхода по ресоциализации осужденных женщин, четкой регламентации обязанностей государственных органов в этой сфере и координации действий субъектов профилактики правонарушений по оказанию помощи данной категории граждан.

Список использованной литературы

1. Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы (Бангкокские правила) [Электронный ресурс] : Приняты резолюцией 65/229 Генеральной Ассамблеи от 21 декабря 2010 года // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangkok_rules.shtml/. – Дата доступа: 10.11.2023.

2. Семенова, Е. К. Особенности ресоциализации и социальной адаптации женщин, отбывающих наказание в исправительных учреждениях и освободившихся из мест лишения свободы [Электронный ресурс] / Е. К. Семенова // Заседание Координационного совета уполномоченных по правам человека по теме: «Ресоциализации осужденных и лиц, освободившихся из мест лишения свободы (пенитенциарная и постпенитенциарная ресоциализации)», Красноярск, 20 мая 2021 г. – Режим доступа: https://map.ombudsmanrf.org/Karta_Yadro/prav_z_karta/institut/institut_upoln/koordin_sov/20.04.2021_koordin_sov/Semenova_penitentsialnaya_ressocializaciya_osugd_genshin.pdf. – Дата доступа: 10.11.2023.

3. Кутлубаев, И. И. Личность осужденных женщин [Электронный ресурс] / И. И. Кутлубаев // Молодой ученый. – 2020. – № 11 (301). – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/301/68114/>. – Дата доступа: 10.11.2023.

4. Тит, А. А. Ресоциализация как цель наказания (на примере Республики Беларусь) [Электронный ресурс] / А. А. Тит // Вестник Кузбасского института. – 2020. – № 2 (43). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/resotsializatsiya-kak-tsel-nakazaniya-na-primere-respubliki-belarus>. – Дата доступа: 10.11.2023.

УДК 343:004.056:004.77

Н. Ю. Скрипченко

*(Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова,
Архангельск)*

РАСШИРЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗНАЧЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ В КРИМИНАЛЬНЫХ ЦЕЛЯХ: СОЦИАЛЬНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ КРИМИНАЛИЗАЦИОННАЯ ИЗБЫТОЧНОСТЬ?

Стремительная цифровая трансформация преступности определяет высокую значимость уголовно-правового регулирования, требующего, по мнению отдельных ученых, модернизации, обеспечивающей более строгое порицание лиц, использующих информационные технологии в преступных целях. По мнению автора, расширение дифференцирующего значения анализируемого объективного признака может быть продиктовано появлением в обществе не урегулированных законом общественных отношений, порождающих социально опасные деяния.

Стремительно расширяя свое влияние на все социальные сферы, цифровые технологии трансформируя общественную жизнь из реального в виртуальное пространство, оказывают существенное влияние на существование и развитие, как отдельного индивида, так и всего мирового сообщества. Ликвидируя пространственные и языковые барьеры, обеспечивая экономию временных и финансовых ресурсов, оперативно совершенствующиеся IT-технологии, стимулируют перманентную апгрейдизацию электронных средств связи и коммуникационных устройств, развитие систем искусственного интеллекта, массовой гибридизации и киборгизации. Однако, за блага, существенно облегчающие жизнь современного человека, общество вынуждено платить бременем негативных последствий, связанных с появлением «цифровой преступности». Отличаясь технической оснащенностью, интеллектуальностью и модернизацией способов криминального воздействия, киберпреступность не только причиняет более значимый вред, чем «традиционная», но и неуязвима перед законом в силу низкой раскрываемости.

Интенсификация криминала, использующего потенциал информационно-коммуникационных технологий, определила активизацию усилий российского законодателя, направленных на совершенствование уголовно-правового механизма противодействия использованию информационных технологий в преступных целях. Криминализовав с 1997 г. преступления в сфере компьютерной информации (глава 28 УК РФ), публичная власть пошла по пути последовательного расширения составов, учитывающих применение технологических систем передачи информации в качестве конструктивного или квалифицирующего признака. За 14 лет перечень норм, напрямую закрепляющих указанный объективный признак увеличился с 1 до 50, более 20 составов содержат скрытую инфотехнологичность, устанавливая ответственность за деяние, которое может быть совершено исключительно посредством информационно-телекоммуникационных технологий без конкретизации соответствующего способа.

Возрастающая цифровизация преступности послужила поводом для доктринальных предложений расширить дифференцирующее значение рассматриваемого объективного признака. Отдельные ученые высказываются за необходимость закрепления использования информационно-телекоммуникационных сетей в качестве квалифицирующего признака составов угрозы убийством, развратных действий, призывов к массовым беспорядкам, сбыта прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, сильнодействующих или ядовитых веществ, не являющихся наркотическими средствами или психотропными веществами, либо оборудования для их изготовления или переработки, новых потенциально опасных психоактивных веществ [1, с. 86]. Другие предлагают модернизировать закон не путем увеличения квалифицированных составов, а посредством расширения обстоятельств, отягчающих наказания, дополнив ч. 1 ст. 63 УК РФ пунктом соответствующего содержания [2, с. 74; 3, с. 206]. По мнению Е. А. Рускевич в качестве обстоятельства отягчающего наказания следует закрепить не любое использование информационных технологий, а только обеспечивающее анонимность злоумышленника, снижающей риски разоблачения [4, с. 180].

Безусловно, цифровая трансформация преступности влечет изменение и уровня общественной опасности, требующее учета при государственном порицании. Однако формальное насыщение статей Особенной УК РФ признаками, влекущими более строгие санкции за использование в криминальных целях информационно-телекоммуникационных сетей, без учета правил конструирования квалифицированных составов грозит искусственным повышением общественной опасности преступности. Стремительное вытеснение офлайн общения дистанционным, переводит личный контакт из правила в исключение, а, следовательно, и признак, возведенный в ранг отягчающего, становится нормой для большинства деяний, зафиксированных в основном составе, исключая нехарактерность квалифицирующего признака для деяний основного состава [5, с. 182–184]. Игнорирование же требования о нехарактерности квалифицирующего признака для деяний, описанных основным составом, элиминирует его практическую реализацию.

Следует обратить внимание, что далеко не всегда применение в криминальных целях информационных технологий повышает уровень общественной опасности деяния. Так, принимая в 2022 г. решение о дифференциации ответственности за понуждение несовершеннолетнего к действиям сексуального характера, законодатель установил более строгие санкции за понуждение, совершенное с использованием... информационно-телекоммуникационных сетей (в том числе сети "Интернет") (п. «б» ч. 3 ст. 133 УК РФ). Однако адресность педофильного посягательства исключает существенное повышение уровня общественной опасности понуждения к действиям сексуального характера, совершаемого посредством коммуникационного потенциала соответствующих технологий. Будучи реальными и действительными, угрозы, переданные путем конклюдентных действий, устных высказываний, столь же социально вредны, как и доведенные до потерпевшего через мессенджеры, социальные сети и т.п. [6, с. 584].

Прогрессирующая зависимость социума от информационно-телекоммуникационных технологий, определит дальнейшую криминальную экспансию виртуального пространства, актуализируя пересмотр содержания уголовных запретов, но не в сторону увеличения квалифицированных инфотехнологичных составов, а в сторону их сокращения, так как завышенная легальная оценка общественной опасности преступного деяния влечет судебную депенализацию, что негативно сказывается на социальном отношении к регулируемому значению уголовного закона.

Учитывая, что те же самые требования (вероятная распространенность на практике (типичность); нехарактерность для большинства криминальных деяний; безусловность (обязательность) перепада в уровне общественной опасности; строгая направленность влияния), предъявляются и к содержанию обстоятельств, отягчающих наказание, критической оценки заслуживает и предложение закрепить соответствующий способ в исчерпывающем перечне ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Нормативное ограничение рассматриваемого объективного признака указанием на использование для «неправомерного сокрытия либо изменения идентификаторов», обеспечивают требуемый для отягчающего обстоятельства, значимый перепад в уровне общественной опасности деяния, раскрытие которого требует значительных усилий со стороны сотрудников правоохранительных органов. Однако, для преступников свойственны действия, направленные на сокрытие своей причастности к криминальному деянию, а также противодействие правоохранительным органам в раскрытии преступления. Оценивая любое воспрепятствование органам уголовной юстиции со стороны виновного как способ защиты, государство не порицает указанную деятельность. Реализация же предложения Е. А. Русскевич об усилении наказания лицам, использующим информационные технологии в целях избежать уголовного преследования, повлечет отступление от конституционных положений равенства граждан перед законом и праве не свидетельствовать против себя самого, определяя уязвимость положений уголовного закона в случаях оспаривания на предмет соответствия Основному закону.

Репрессивность уголовно-правового регулирования исключает поспешное, лишенное криминологического обоснования реформирование закона. Не усматривая на сегодняшний день социальной потребности увеличения квалифицированных составов, охватывающих новый (информационный) способ совершения преступления и отнесение указанного способа к числу обстоятельств, отягчающих наказание, следует отметить, что решение о расширении дифференцирующего значения анализируемого объективного признака может быть продиктовано появлением в обществе не урегулированных законом общественных отношений, порождающих деяния, представляющие социальную опасность.

Список использованной литературы

1. Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации / Н. А. Голованова, А. А. Гравина, О. А. Зайцев [и др.] ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – Москва : Юридическая фирма "Контракт", 2019. – 212 с.
2. Букалерева, Л. А. К вопросу о значении искусственного интеллекта в уголовном праве / Л. А. Букалерева, Т. Н. Уторова, Д. О. Сизов // Пенитенциарная наука. – 2020. – Т. 14, № 1. – С. 70–75.
3. Шутова, А. А. Современные тенденции использования информационно-телекоммуникационной сети в процессе совершения преступления / А. А. Шутова // Пробелы в российском законодательстве. – 2015. – № 4. – С. 205–208.
4. Русскевич, Е. А. Уголовное право и "цифровая преступность": проблемы и решения / Е. А. Русскевич. – М. : ИНФРА-М, 2019. – 227 с.
5. Кругликов, Л. Л. Дифференциация ответственности в уголовном праве / Л. Л. Кругликов, А. В. Василевский. – СПб : Юридический центр Пресс, 2002. – 300 с.
6. Милюков, С. Ф. Усиление уголовной репрессии за посягательства на половую неприкосновенность: нормативное видение и перспективное правоприменение / С. Ф. Милюков, Н. Ю. Скрипченко // Всероссийский криминологический журнал. – 2022. – Т. 16, № 5. – С. 580–589.

УДК 343.271/.273

Е. В. Старикова

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель)

НАКАЗАНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ИМУЩЕСТВЕННЫМ ВОЗДЕЙСТВИЕМ НА ОСУЖДЕННОГО

В статье рассматриваются наказания, связанные с имущественным воздействием на осужденного в рамках действующей системы наказаний. Они представляют собой объективно обусловленные целями и задачами уголовной ответственности виды наказаний, которые по своему содержанию и направлению ограничивают имущественные (в отдельных случаях и трудовые) права осужденного. Возможность применения данных видов наказаний и направления их реализации закреплены в действующем уголовном законодательстве.

Одной из тенденций современного развития уголовного законодательства касательно вопросов уголовной ответственности является ориентированность на её совершенствование, а также на более эффективное урегулирование применения мер уголовно-правового воздействия и наказания, что непременно связано с уровнем становления и развития общества и государства. Уголовно-правовые нормы определяют наказание как принудительную меру уголовно-правового воздействия, применяемую к лицу, осужденному за преступление по приговору суда, которая заключается в предусмотренном законом лишении или ограничении прав и свобод осужденного [1].

В действующем уголовном законодательстве Республики Беларусь установлен исчерпывающий перечень видов наказаний. Из данной системы наказаний суд избирает наиболее эффективные средства воздействия на осужденных, наиболее приемлемый вариант меры наказания и меры уголовно-правового воздействия с учетом и в пределах требований, предусмотренных законодательством. Поскольку одним из основных

направлений воздействия мер принуждения на лицо является воспитательный и предупредительный аспект, то их реализация должна быть максимально урегулирована в действующем уголовном законодательстве и в правоприменительной практике.

При этом более половины наказаний закрепленных в Уголовном кодексе не связаны с лишением свободы. Но, несмотря на это, особое значение, в рамках развития и совершенствования института наказаний, придается наказаниям, которые могут выступать альтернативой лишению свободы. На наш взгляд, особый интерес в данном направлении представляют наказания, связанные с имущественным воздействием на осужденного. Поскольку рассматриваемые наказания по своей сути не связаны с изоляцией от общества, потенциальные возможности наказаний, связанных с имущественным воздействием на осужденного, достаточно значительны, что является приоритетом при совершенствовании путей повышения их эффективности в предупреждении и профилактике преступности.

Наказания, связанные с имущественным воздействием на осужденного, представляют собой объективно обусловленные целями и задачами уголовной ответственности виды наказаний, которые по своему содержанию и направлению ограничивают имущественные (в отдельных случаях и трудовые) права осужденного. Неблагоприятные для лица последствия наступают только на основании обоснованного и законного решения суда.

К наказаниям, связанным с имущественным воздействием на осужденного, в рамках действующей системы наказаний в Республике Беларусь целесообразно отнести штраф, исправительные работы, ограничение по военной службе. При этом можно также выделить имущественные ограничения, которые выступают в рамках реализации поощрительного уголовно-правового воздействия. В этом случае речь идет об уголовно-правовой компенсации как условии прекращения (смягчения) уголовного преследования, а также о добровольном возмещении причиненного ущерба (вреда), уплаты дохода, полученного преступным путем (статья 88-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь) как условие освобождения от уголовной ответственности. Стоит отметить, что система наказаний устанавливается в соответствии с различными факторами и уровнем развития общества и отражает действенные меры, способствующие достижению целей самого наказания.

Назначение наказаний, связанных с имущественным воздействием на осужденного позволяет избежать утраты осужденным социальных связей, отрыва от профессиональной деятельности, его дальнейшей криминализации, что снижает многие проблемы ресоциализации. Карательный потенциал наказаний, связанных с имущественным воздействием на осужденного направлен на ущемление материальных благ осужденного и поэтому зависит от размеров, которые назначаются конкретному лицу с учетом тяжести совершенного преступления и уровнем его благосостояния [2]. Таким образом, применение данных видов уголовных наказаний не связаны с изоляцией осужденного от общества, осужденный проживает дома и работает по прежнему месту работы. Основным правоограничением при исполнении данных мер является удержание в доход государства денежных взысканий.

Эффективность назначения наказаний, связанных с имущественным воздействием на осужденного заключается в учете уровня его благосостояния, пределов денежных доходов данного лица. Назначение наказаний, связанных с имущественным воздействием на осужденного, позволяет избежать утраты осужденным социальных связей, а также отрыва от профессиональной деятельности, что позволяет реализовать ряд задач по охране защищаемых интересов, соразмерно наказанию. Это позволяет наиболее приемлемым образом осуществить взаимодействие с социальной средой, учитывая потребности общества и с учетом задач и целей уголовного наказания, определить степень отклонения существующей системы от установленных норм и определить пути их преобразования.

Самодостаточность назначения наказаний, связанных с имущественным воздействием на осужденного, как и иных видов наказаний, предусматривает применение их строго регламентировано закону, но характеризуется своим особым специфическим назначением, которые по своей сути являются более мягкими и наиболее полно позволяют

адаптироваться под условия социальной направленности общества и государства. Также следует выделить, воспитательную направленность применения данных видов наказаний. В рамках воспитательного воздействия на осужденного, можно особо отметить применение методов, включающих меры поощрения и взыскания, которые закреплены законодательно. При этом в научных работах ученых встречается ряд обоснованных предложений о необходимости дальнейшей правовой регламентации данных мер поощрения и взыскания, применяемых к осужденным. При этом данные меры призваны способствовать формированию правосознания и побуждают лицо к становлению на путь исправления, активизируя правомерное поведение.

Постоянное совершенствование норм уголовного законодательства, в том числе и связанных с системой наказания и мерами уголовно-правового воздействия, способствует возможности формирования логичности и обоснованности при определении конкретных мер воздействия на лицо, совершившее общественно опасное деяние. При этом уделяя особое внимание комплексному исследованию научных и нормативных основ и расширению соответствующей правоприменительной практики назначения наказаний, связанных с имущественным воздействием на осужденного, данные меры будут достаточно полно выступать как эффективное воздействие на поведение как осужденного, так остальных участников уголовного процесса.

Список использованной литературы

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 09 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 02 июня 1999 г. : одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Республики Беларусь от 09 марта 2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

2. Макушенко, А. В. Штраф как уголовное наказание имущественного характера [Электронный ресурс] / А. В.Макушенко // КиберЛенинка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/shtraf-kak-ugolovnoe-nakazanie-imuschestvennogo-haraktera/viewer>. – Дата доступа: 03.11.2023.

УДК 343.7

С. Н. Титов

*(Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова,
Ульяновск)*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Автор обращается к проблемным вопросам уголовно-правовой охраны интеллектуальной собственности. Им исследуются проблемы уголовной ответственности за незаконное использование объектов, созданных с использованием искусственного интеллекта, усиления ответственности за преступления, совершаемые с использованием информационных технологий. Значительное внимание уделяется вопросу корректировки системы наказаний за преступления указанной категории. На основании проведенного исследования автором сформулированы предложения по модернизации действующего уголовного законодательства.

Интеллектуальная собственность в настоящее время представляет собой важнейший ресурс экономики любой страны. Более того, развитие технологий, усложнение используе-

мых человечеством механизмов и технологий приводит к беспрецедентному усилению роли результатов интеллектуальной деятельности в социально-экономическом и культурном развитии государства и обеспечении ее конкурентоспособности на мировой арене.

Бурное развитие информационных технологий также актуализирует вопросы охраны интеллектуальной собственности. Во-первых, в настоящее время быстрее, чем когда-либо в истории, ускорена беспрепятственная передача информации. Поскольку объекты интеллектуальной собственности суть информация, значительно облегчается их незаконное распространение, в том числе трансграничное. Во-вторых, получают актуальность вопросы, связанные с развитием систем искусственного интеллекта. Подобные системы могуткратно увеличить объемы незаконного использования объектов интеллектуальной собственности. Кроме того, они сами получили способность к созданию «произведений» науки, литературы и искусства, вопрос о правовой охране которых в настоящее время не решен.

Указанные обстоятельства обуславливают актуализацию вопросов охраны интеллектуальной собственности от ее незаконного использования. Круг этих вопросов, конечно, очень широк и рамках настоящей работы автор не имеет возможности подробно осветить их все, поэтому считает возможным остановиться на некоторых из них.

Действующее законодательство предусматривает возможность создания объектов интеллектуальной собственности исключительно человеком (ст. 1228, 1257 ГК РФ).

Подобный подход является бесспорным для произведений, в процессе создания которых принимает участие только человек. Однако он требует, как минимум, дополнительной трактовки относительно произведений, в создании которых человек не принимает непосредственного участия. Между тем, случаи создания таких произведений становятся все более распространенными. Существует множество публикаций о том, как современные роботы проявляют себя в поэзии, живописи, кулинарии, проектировании различных бытовых хозяйственных предметов и даже фармацевтике [1, с. 291; 2, с. 45].

Анализ законодательства и судебной практики показывает, что ни в России, ни за рубежом в настоящее время на законодательном и на правоприменительном уровне за искусственным интеллектом не признается способность к созданию произведений творчества [3–7].

В науке вопросы охраны результатов интеллектуальной деятельности, созданных искусственным интеллектом, находятся на стадии осознания и поиска решений. Для примера, по мнению Р. О. Оморова, в качестве автора изобретения, созданного программой, основанной на искусственном интеллекте, нужно признавать только человека или группу людей, создавших алгоритм. Последний может выступать лишь инструментом [8, с. 46]. В. Витко занимает противоположную позицию, утверждая, что создатель алгоритма в этом случае не проявляет творчества при создании произведения и потому автором быть не может [9, с. 9].

Представляется, что для признания искусственного интеллекта автором создаваемых им объектов с точки зрения способности первого к творчеству нет оснований. Подчеркнем, что это не умаляет ценности, эстетического и экономического значения создаваемых объектов.

Более того, указанный тезис не снимает вопроса о предоставлении таким объектам правовой охраны. Целесообразно рассмотреть данную проблему с позиции теорий интеллектуальной собственности. Наиболее взвешенной из них на сегодняшний день представляется утилитарный подход [10, с. 255, 259, 265].

Общество в целом получает выгоду от создания новых произведений и изобретений, поэтому правовая система должна поощрять их создание. Предоставление создателям монопольных прав на свои творения позволяет им больше зарабатывать на них и, таким образом, побуждает продолжать творческую деятельность.

В свете обозначенного теоретического подхода представляется наиболее рациональным не признавать авторство за объектами, созданными искусственным интел-

лектом. Что касается исключительных прав, они возникают у правообладателя систем искусственного интеллекта, производящих эти объекты. При такой конструкции понятным становится предмет преступления, а также потерпевший для целей судопроизводства.

Информационная природа интеллектуальной собственности, взрывное развитие технологий обработки и передачи сведений, компьютерных (в том числе вредоносных) программ, иные процессы, связанные с цифровизацией, требуют специального рассмотрения вопроса об учете использования информационных технологий при совершении преступлений против интеллектуальной собственности.

В настоящее время использование сетей никак не учитывается в составах преступлений против интеллектуальной собственности. Между тем, повышенная общественная опасность совершения преступления таким способом не вызывает сомнений.

Выделяют несколько причин повышения общественной опасности деяния при использовании сети Интернет как характеристики объективной стороны преступления. Использование информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, при совершении преступления повышает его степень общественной опасности за счет упрощения совершения деяния, анонимности преступников, а также массовости, быстроты и глубины проникновения негативного информационного воздействия на общество [11, с. 56].

Указанные обстоятельства становятся основанием для предложений о расширении использования данного способа как квалифицирующего признака в тексте уголовного закона [11, с. 56–57], и даже законопроектов о дополнении соответствующим пунктом списка универсальных отягчающих обстоятельств [12].

Представляется, что сказанного достаточно для того, чтобы признать обоснованным включение в число отягчающих обстоятельств в составе преступлений против интеллектуальной собственности такого обстоятельства, как «совершение преступления с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет».

Список использованной литературы

1. Ruiperez C., Gutierrez E., Puente C., Olivas J.A. New Challenges of Copyright Authorship in AI // Proceedings of the 2017 International Conference on Artificial Intelligence. – Las Vegas, 2017. – P. 291–296.

2. Kaur, J. Intellectual Property Law in times of artificial intelligence: is it a misnomer to consider the Bot a possible IP right holder? / J. Kaur // Journal of legal studies and research. – 2016. – Vol. 2, iss. 6. – P. 45–47.

3. Gesetz über Urheberrecht und verwandte Schutzrechte (Urheberrechtsgesetz) // Сайт Федерального министерства юстиции ФРГ. – Режим доступа: <https://www.gesetze-im-internet.de/urhg/BJNR012730965.html>. – Дата доступа: 21.10.2023.

4. Real Decreto Legislativo № 1/1996, de 12 de abril de 1996, por el que se aprueba el texto refundido de la Ley de Propiedad Intelectual, regularizando, aclarando y armonizando las disposiciones legales vigentes sobre la material // Сайт Министерства президиума, по связям с судами и демократической памяти. – Режим доступа: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOEA-1996-8930>. – Дата доступа: 21.10.2023.

5. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, 23.04.2019 г., № 10 // Сайт Верховного Суда Российской Федерации. – Режим доступа: <https://www.vsrp.ru/files/27771/>. – Дата доступа: 21.10.2023.

6. Burrow-Giles Lithographic Co v Sarony. 111 U.S. 53, 4 S. Ct. 279 28 L. Ed. 349 (1884) [Электронный ресурс] // Сайт Информационного центра Верховного Суда США. – Режим доступа: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/111/53/case.html>. – Дата доступа: 21.10.2023.

7. Bridgeman art library, LTD. v. Corel corp., 36 F. Supp. 2d 191 (SDNY 999) / United States District Court for the Southern District of New York [Электронный ресурс] // Сайт Корнельского университета. – Режим доступа: https://www.law.cornell.edu/copy-right/cases/36_FSupp2d_191.htm. – Дата доступа: 21.10.2023.

8. Оморов, Р. О. Интеллектуальная собственность и искусственный интеллект / Р. О. Оморов // E-Management. – 2020. – Т. 3, № 1. – С. 43–49.

9. Витко, В. Анализ научных представлений об авторе и правах на результаты деятельности искусственного интеллекта / В. Витко // ИС. Авторское право и смежные права. – 2019. – № 3. – С. 5–22.

10. Margot E. Kaminski and Shlomit Yanisky-Ravid, The Marrakesh Treaty for Visually Impaired Persons: Why a Treaty Was Preferable to Soft Law, 75 U. PITT. L. REV. 2014. – P. 254–300.

11. Косарев, М. Н. Информационно-телекоммуникационные сети как признак преступления / М. Н. Косарев // Вестник уральского юридического института МВД России. – 2014. – № 2. – С. 55–57.

12. Добрикова, Е. Использование Интернета при совершении преступлений предлагают отнести к отягчающим обстоятельствам // Информационно-правовой портал Гарант.ру. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/news/722335/>. – Дата доступа: 10.02.2023.

УДК 343.352

А. В. Устинович

(Унитарное предприятие «МТС Белинвест», Минск)

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА ЗА КОРРУПЦИЮ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СНИЖЕНИЯ РИСКОВ

В материале анализируются новеллы законодательства по борьбе с коррупцией: рассмотрен особый статус руководителя в сфере снижения коррупционных проявлений, ответственность юридических лиц за коррупцию. Сделан акцент на проблему и риск привлечения к ответственности юридических лиц за дачу взяток. Приведена статистика и примеры из правоприменительной практики по привлечению юридических лиц за дачу взяток в их интересах. Предложены меры по снижению коррупционных и репутационных рисков в деятельности компаний публичного и частного сектора.

В Республике Беларусь впервые за всю историю суверенного государства утверждена Стратегия борьбы с коррупцией [1]. Документ принят 23.12.2022 года на 25-м заседании республиканского координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией. Одним из стратегических направлений деятельности в сфере борьбы с коррупцией названо предупреждение коррупции в публичном и частном секторах.

Со вступлением в силу Закона Республики Беларусь от 30.12.2022 № 232-3 «Об изменении законов по вопросам борьбы с коррупцией» обязанности руководителей государственных органов и иных организаций принимать установленные актами законодательства меры, направленные на борьбу с коррупцией, дополнились конкретными направлениями их реализации, а именно: предупреждение и выявление нарушений законодательства о борьбе с коррупцией, устранение последствий, наступивших в результате таких нарушений, причин и условий, им способствующих.

Руководители государственных органов и иных организаций, не выполнившие или не в полной мере выполнившие перечисленные выше требования, несут ответственность в соответствии с законодательными актами.

Согласно Закону Республики Беларусь от 15.07.2015 № 305-З «О борьбе с коррупцией» за невыполнение (ненадлежащее выполнение) антикоррупционных обязанностей руководитель несет в том числе дисциплинарную ответственность (вплоть до увольнения с занимаемой должности). Юридические лица должны не допускать в своей деятельности нарушения требований законодательства о борьбе с коррупцией, в том числе осуществления в любой форме от их имени или в их интересах подкупа государственных должностных или приравненных к ним лиц либо иностранных должностных лиц.

Законом Республики Беларусь от 30.12.2022 № 232-З «Об изменении законов по вопросам борьбы с коррупцией» установлены общие основания ответственности юридического лица за нарушение требований законодательства о борьбе с коррупцией: если физическим лицом от имени или в интересах юридического лица, в том числе иностранного, осуществлялся подкуп государственного должностного или приравненного к нему лица либо иностранного должностного лица, это юридическое лицо несет ответственность в соответствии с законодательными актами.

Впервые в январе 2021 года в Беларуси введена ответственность для юридических лиц за незаконное вознаграждение от имени или в интересах юридического лица. Такая ответственность предусмотрена ст. 24.59 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП): штраф в размере до двухсот процентов от переданных материальных ценностей, предоставленных выгод имущественного характера, но не менее пятидесяти базовых величин. В то же время предусмотрена возможность освобождения юридического лица от ответственности, если в процессе судебного разбирательства будет доказано, что взятку у него вымогали, либо юрилицо способствовало выявлению этого правонарушения и (или) раскрытию и (или) расследованию преступления, связанного с этим правонарушением.

В 2022 – 2023 годах 9 организаций были привлечены к административной ответственности по ст. 24.59 КоАП. Общая сумма наложенных штрафов составила 26,1 тыс. белорусских рублей. Так, например, директор ООО «Л.» с февраля по май 2021 года неоднократно давал взятки директору аграрной организации за приобретение у возглавляемой им фирмы товаров, и отгрузку в счет оплаты продукции сельского хозяйства. Факты передачи взяток установлены приговором суда Лидского района, которым директор предприятия АПК осужден по ч.1 ст.430 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Постановлением судьи экономического суда Гродненской области вынесено постановление о наложении на ООО «Л.» административного взыскания в размере 70% от суммы незаконно переданных вознаграждений (2,1 тыс. рублей) [2].

Должностное лицо ООО «ОлмизТом», представляя интересы общества по поставке и закупке мяса, неоднократно передавал денежные средства в качестве взятки в общей сумме не менее 11600 рублей должностному лицу ОАО «Борисовский мясокомбинат №1» исключительно в связи с занимаемым им должностным положением за выполнение в интересах ООО «ОлмизТом» действий, которые это лицо могло совершить с использованием своих служебных полномочий. Экономическим судом г. Минска вынесено постановление о наложении на ООО «ОлмизТом» административного взыскания по ст. 24.59 КоАП РБ в виде штрафа на сумму 5800 белорусских рублей [3].

Практика привлечения юридических лиц к административной ответственности давно и успешно действует в Российской Федерации. Так, в 2022 году 362 организации были привлечены к административной ответственности по ст. 19.28 КоАП РФ (незаконное вознаграждение от имени юридического лица). Общая сумма наложенных штрафов составила 1,028 млрд. российских рублей. В 2022 году взыскано в доход государства 90,6 млрд. российских рублей и 7642 объекта недвижимости по коррупционным делам.

Не менее познавательна и обширна зарубежная правоприменительная практика в части привлечения компаний к ответственности за дачу взяток.

В 1977 году в США был принят федеральный закон «О коррупции за рубежом» (FCPA), который запрещает гражданам и организациям США давать взятки должностным лицам иностранных правительств в интересах своего бизнеса. FCPA применяется во всем мире и распространяется на публично торгуемые компании и их персонал, иностранные фирмы и лица, которые напрямую или через посредников содействуют осуществлению коррупционных платежей на территории США. Начиная с 1977 года, когда был принят Закон о коррупции за рубежом, наблюдается ошеломляющий рост штрафов в отношении крупных компаний. Так, в 2020 году Goldman Sachs Group, Inc. (США) оштрафован на сумму 3,3 млрд. долларов США, Airbus Group SE (Нидерланды) – на 2,09 млрд. долларов США. В 2019 году на Telefonaktiebolaget LM Ericsson (Швеция) наложен штраф в размере 1,06 млрд. долларов США. В 2008 году Siemens AG (Германия) оштрафован на сумму 798 миллионов долларов США.

Суммируя финансовые штрафы по десятилетиям, суммы составляют 6,1 миллиарда долларов в 2020-х годах (по состоянию на 01.11.2023), 3,85 миллиарда долларов в 2010-х, 1,42 миллиарда долларов в 2000-х, 30 миллионов долларов в 1990-х, 5,2 миллиона долларов в 1980-х и 50 000 долларов в 1970-е годы [4].

Остановимся подробнее на двух кейсах 2023 года по FCPA. Завершено расследование в отношении двух транснациональных корпораций - Philips и Gartner. С 2014 по 2019 дочернее общество Philips, Koninklijke Philips N.V., зарегистрированное в Китае, выплачивало взятки медицинским сотрудникам для победы в тендере, а также предоставляло дистрибьюторам необоснованные скидки. Взятки передавались без посредников. Например, менеджер по продажам компании привез домой 14 500 долларов США медицинскому сотруднику в обмен на помощь в продаже двух медицинских устройств на сумму 4,6 млн. долларов США. Philips повторно обвиняется в нарушении требований FCPA. Данный эпизод привел к назначению штрафа в отношении Philips более 62 млн. долларов США [5].

В отношении Gartner, Inc. назначен штраф более 2,45 млн. долларов США. Менеджер американской технологической и консалтинговой компании Gartner, Inc. способствовал заключению договора с частной Южноафриканской консалтинговой компанией – посредником. Менеджер знал, что посредник выплатит часть полученных денег государственному должностному лицу для заключения договора с Налоговой службой ЮАР [6].

Правоприменительная практика демонстрирует, что даже крупные транснациональные корпорации подвержены коррупции. Выплата штрафов за коррупционные преступления влекут приличные расходы и репутационные риски для компаний. Один из способов снизить риски и укрепить доверие клиентов – использовать в деятельности компаний стандарты антикоррупционного менеджмента и проходить сертификацию на предмет соответствия стандартам. Впервые в Республике Беларусь применение стандартов антикоррупционного менеджмента и сертификация на предмет соответствия стандартам названы в верхнеуровневом документе – в Стратегии борьбы с коррупцией – как способ предупреждения коррупции в частном и публичном секторах.

В качестве удачного примера использования превентивных мер по противодействию коррупции приведем Группу МТС. В 2022 году МТС подтвердила соответствие международному стандарту «Системы менеджмента борьбы со взяточничеством» (Anti-bribery management systems, ISO 37001:2016). Анализ и адаптация передовых практик антикоррупционного менеджмента в Группе МТС обеспечивают динамичное развитие бизнеса и уровень защиты от возникающих рисков. Абсолютное большинство сотрудников проходят обучение по противодействию коррупции. Выполняются все рекомендации аудита в части организации системы управления рисками и внутреннего контроля. В Группе компаний работает единая горячая линия, куда любой может направить информацию о нарушениях. Единая горячая линия МТС обслуживается независимым провайдером, а ее электронная форма доступна на 21 языке, что отражает возможное

языковое многообразие представителей заинтересованных сторон. Компании Группы МТС повысили эффективность процедур оценки коррупционных рисков, мониторинга сделок, подверженных коррупционному риску. Все перечисленные действия снижают риски совершения коррупционных проявлений и применения к компаниям Группы МТС санкций, в том числе за совершение коррупционных преступлений.

Список использованной литературы

1. Стратегия борьбы с коррупцией [Электронный ресурс] : утверждена 23 декабря 2022 г. на 25-м заседании республиканского координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией // Генеральная прокуратура Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://prokuratura.gov.by/ru/activity/borba-s-korrupsiyey/strategiya-borby-s-korrupsiyey/>. – Дата доступа: 06.10.2023.

2. Передал незаконное вознаграждение в интересах юрлица: прокуратура Лидского района составила протокол об административном правонарушении [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://prokuratura.gov.by/ru/activity/media/detail/borba-s-korrupsiyey/peredal-nezakonnoe-v0407/>. – Дата доступа: 06.10.2023.

3. Ответственность за незаконное вознаграждение в интересах юридического лица [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belnovosti.by/proisshestiya/otvetstvennost-za-nezakonnoe-voznagrazhdenie-v-interesah-yuridicheskogo-lica>. – Дата доступа: 06.10.2023.

4. The three biggest corporate enforcement actions for each decade of the FCPA [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fcpablog.com/2023/10/23/the-three-biggest-corporate-enforcement-actions-for-each-decade-of-the-fcpa/>. – Дата доступа: 06.10.2023.

5. Dutch Medical Supplier Philips to Pay More Than \$62 Million to Settle FCPA Charges [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sec.gov/news/press-release/2023-92>. – Дата доступа: 06.10.2023.

6. SEC Charges Gartner, Inc. with FCPA Violations in South Africa [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sec.gov/enforce/34-97609-s>. – Дата доступа: 06.10.2023.

УДК 343.2

В. М. Хомич

(Белорусский государственный экономический университет, Минск)

О НЕОБХОДИМОСТИ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ПОСТКЛАССИЧЕСКОЙ ОНТОЛОГИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

Сегодня человечество на государственном и межгосударственном уровне столкнулось с совершенно новыми угрозами национальной безопасности. На этом фоне появляются социальные конструкции, допускающие возможность отхода от обеспечения национальной безопасности правовыми средствами, в том числе и из арсенала уголовного права. Процесс криминализации все более лишается правовой достоверности и социальной обоснованности. Поэтому привычно утвердившиеся формы и функции уголовного права не могут оставаться без внимания и переосмысления в целях актуализации общественно значимых функций действительного уголовного права.

Безопасность социальных систем человеческого общежития в любом политико-организованном (государственно-организованном) обществе – это состояние **правовой** защищенности жизненно важных интересов человека, общества и государства от внутренних и внешних угроз. При этом права и свободы личности, а равно конституционный

строй наряду с исторически-духовными ценностями национальной и государственной суверенности и территориальности обеспечиваются, охраняются и защищаются правовыми мерами регулятивно-стимулирующего и регулятивно-компромиссного характера и только в исключительных случаях – средствами воздействия уголовного права. В целях обеспечения должного признания, уважения и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния допускается необходимое ограничение определенных прав *естественным по характеру и социальным по происхождению Законом* (ст. 29 Всеобщей Декларации Прав Человека). Это своего рода идеальный сценарий социального мироустройства общественного порядка и естественно-закономерный и правовой по характеру способ обеспечения национальной безопасности любого политико-организованного общества и государства.

Сегодня мир столкнулся с совершенно новыми угрозами безопасности, влекущими не просто ограничения прав других людей и народов, при этом средствами и инструментами, далекими от правовых, и не только на национально-государственном, но и на межгосударственном уровне. Соглашения, регулирующие правовое взаимодействие государств в сфере безопасности расторгаются или не выполняются, более того, замещаются санкционным давлением, вооруженными конфликтами, государственными переворотами, нарушением прав народов на формирование и сосуществование национальной государственности. В этой связи в обществах как на национально-государственном, так и на межгосударственном уровнях обостряется исторический сложившийся раскол на управляемых, выживающих в надежде на лучшее, с одной стороны, и на глобально олигархически властвующих или просто олигархически властвующих, с другой стороны. На этом фоне появляются социальные конструкции, допускающие возможность отхода от принципа обеспечения национальной безопасности мягкими правовыми средствами в пользу ее защиты новыми *правовыми* (?) инструментами, и, прежде всего, уголовно-правовыми.

Действительно, в образе надвигающейся постклассической новой содержательной и функциональной реальности уголовного права перед нами предстают деструктивные формы общественного функционирования и развития, дисфункции сформированных искусственно социальных институтов, дезорганизация социальных общностей, обусловленные объективными и субъективно создаваемыми противоречиями социального бытия человека. Обнажилась до *хаотического состояния отчужденность людей и граждан от государственно правового пространства* вследствие отсутствия необходимого баланса и относительной гибкости в приоритетах правовой защиты человека, общества и государства [1, с. 40–41].

Глобальная социально-правовая неустойчивость сложившихся правовых систем в контексте их позитивного целеполагания обусловлена нарастающей **«социально-правовой отчужденностью человека, граждан от** задаваемых публичной властью правовых нормативов регулирования социальной деятельности людей, которая констатирует очевидно недостаточный **уровень связки** объективных интересов и целей правового регулирования с общечеловеческими социальными ценностями и их учет во всех социальных системах и сферах правового регулирования [2, с. 5–19]. В современных обществах наблюдаются глобально-рискованные трансформации, обусловленные неопределенностью путей и способов достижения устойчивого миро правопорядка, углубляется отход от задаваемых государственным правом форм объективно необходимой правовой коммуникации, что обуславливает и изменение оценочной парадигмы обоснования и признания соответствующих деяний правомерными или правонарушающими (преступными и не преступными).

Состояние большинства классических институтов уголовного права, призванных обеспечивать интеграцию правовых начал в систему правоохранительных отношений в области защиты человека, общества и самого государства от действительно общественно опасных актов поведения как человека, так и иных корпоративно или публично активированных субъектов социальной системы к началу XXI начали незаметно перестраиваться

вопреки объективно-естественным закономерностям и функциям уголовного права и его возможностям на принципах верховенства права противодействовать преступности. Заметно принижены в уголовной и уголовно-судебной политике роль тех компонентов уголовного права, которые призваны обеспечивать и формировать естественно ограничительные правовые механизмы защиты общества от злоупотребления репрессивными началами уголовного права в поддержании социального правопорядка в целях обеспечения должного признания и уважения общественного правопорядка, безопасности каждого человека в системе политико-организованного общества и самого государства

Специфика уголовного права в отличие от иных отраслей права, позитивно ориентационного целеполагания, состоит в том, что оно в значительной степени основано на приоритете принуждения (если хотите определенности – возможности и необходимости применения правового насилия для усмирения преступления и преступников, опять же – действительного преступления и действительного преступника). Смеею предположить, что применительно к уголовному праву поиск его истинности и путей социально системного совершенствования, заключается в том, чтобы ограничить уголовный закон (объективное уголовное право) его содержание, функционирование и использование государством в защите общественного правопорядка, безопасности человека, общества и самого государства собственно правом – рациональной социальной справедливостью и необходимостью введения уголовно-правовых запретов под угрозой привлечения к уголовной ответственности и наказания на принципах чрезвычайной исключительности. Это напрямую касается вопроса, что должно и может признаваться преступным, и какой должна быть защитная реакция общества и государства на социальные и конституционные основы установленного в политико-организованном обществе правопорядка.

На сегодня такой методологический стиль поиска истинного права в уголовном праве (объективном уголовном законе) утрачен. Социальная практика большинства государств в области контроля преступности интенсивно вытесняет правовой стиль в науке уголовного права и криминологии, заменяя его политико-олигархическим. Поэтому проблема переосмысления перемен в постклассической онтологии уголовного права, скажем прямо, карательных компонентов уголовного права в его историческом, социально-правовом и структурно-содержательном и содержательно-функциональном понимании, о чем впервые системно и определенно заявил А. Э. Жалинский [3], приобрела первостепенное значение в условиях глобального мировоззренческого кризиса социальных и правовых систем для сохранения и поддержания естественно необходимого и человекомерного развития уголовного права на принципах его прогрессивно-правового состояния и функционирования.

Уголовное право, как правовой элемент социальной системы есть субъективное отражение объективно необходимого взаимодействия элементов социальной системы в сфере защиты условий существования общества. В этом заключен естественно-закономерный момент истинности теории эффективности преступления, уголовной ответственности и уголовного права в целом, в том числе истинности криминологических знаний социально-политических и социально-криминальных конфликтов В свою очередь, и это должно быть положено в основу обеспечения эффективной уголовной и судебно-уголовной политики определения преступления и уголовной ответственности, все в конечном итоге зависит от того, насколько естественно-закономерной и общечеловеческой является система правового регулирования социально-достойного бытия каждого человека в политико-организованном сообществе. Всегда существовали и существуют объективно основополагающие естественно-исторические системные закономерности и законы регулирования поведения людей в обществе. Главенствующее значение имеет положительная регламентация общественных отношений между человеком и обществом, обществом в лице граждан и государством, как публично-организованной властью над человеком – гражданином и над обществом. Отклонение указанных элементов социальной системы от системно-правовых правил поведения приводит общественную систему в рассогласование, препятствует ее эволюционному

развитию на принципах правовой гармонии [4, с. 28–29], и в конечном итоге активизирует насильственные способы правового регулирования и соответственно репрессивный характер применения уголовного права и мер уголовной ответственности, а в межгосударственных отношениях к провоцированию диверсионно-агрессивных акций геноцидного характера со стороны систем глобально-олигархической власти, все более утрачивающей интерес в гуманитарном развитии национальных форм человеческих цивилизаций.

Интегративно-правовой анализ современного уголовного права в аспекте социально-коммуникативного метода его применения (проявления – действия и бездействия) свидетельствует о забвении в науке, законотворчестве и правоприменении социогуманитарного аспекта уголовного права (национального и международного), выражающего его специфическое социально-цивилизационное предназначение как вынужденной правовой защиты от общественно опасного произвола субъектов социальной деятельности.

На протяжении нескольких тысячелетий человеческие общественные цивилизации самостоятельно, без помощи публично организованной власти государства определяли свое право, в том числе право на преступление и наказание за него, посредством конкретных правовых по форме коммуникаций (отношений). Как утверждает В. М. Серых, начальные этапы истории становления права как социально-ценностного явления в качестве регулятора и охранения от конфликтов убедительно свидетельствуют о несостоятельности основополагающего принципа позитивистской правовой доктрины, согласно которому только государство способно дать обществу действительное право. Правотворческой деятельностью государство стало заниматься по своей инициативе и в своих интересах и не всегда в истории общественной цивилизации следовало принципам формирования для человеческих сообществ действительного права [5, с. 20].

Традиционно воспринимаемое как гарант гуманитарно-национальной безопасности государства, не отвечающие социально экономическим платформам деятельности национальных и межнациональных систем глобальной олигархической власти, сегодня находится под угрозой и в состоянии самозащиты национальной безопасности, в том числе и посредством уголовного права. Поэтому трансформация его формы и функций не может оставаться без внимания и переосмысления в целях актуализации общественно значимой функции действительного уголовного права как всеобщей социокультурной ценности.

Поэтому при всем позитивном, что достигнуто постсоветскими государствами в противостоянии современным криминальным угрозам, сегодня вся конструктивно настроенная криминологическая и уголовно-правовая наука должна быть направлена на преодоление заметного и постоянного усиливающего расслоения интересов базовых субъектов социальных систем (человека-гражданина, общества и государства). Необходимо реальное включение граждан в процесс переосмысления исходных ценностей, которые должны быть заложены в основу публичной власти и социального регулирования, исходя из базовых интересов большинства членов гражданского общества. Без этого процесс расширенного воспроизводства организованной, экономической, коррупционной, равно как общеуголовной преступности не остановить, а отсюда и избавиться от конфликта насилия в правовом регулировании.

Список использованной литературы

1. Резник, Г. М. Нравственные аспекты уголовной политики / Г. М. Резник // Нравственные основы уголовной политики : коллективная монография по материалам XIV Международной научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора М. И. Ковалева (Екатеринбург, 15–17 февраля 2017 года). – Екатеринбург : Издательский дом Уральского государственного юридического университета, 2018. – С. 40–43.

2. Агамаров, К. В. Правовое отчуждение государств-участников Евразийской интеграции от гражданских обществ своих стран в контексте проблемы справедливости / К. В. Агамаров // Справедливость в постсоветском правовом порядке: понятие, принцип, цель : Сб. ст. – М. : Юрлитинформ, 2021. – С. 5–19.

3. Жалинский, А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. Издание второе / А. Э. Жалинский. – М. : Проспект, 2009. – 400 с.

4. Бабий, Н. А. Онтология социальной и уголовной ответственности / Н. А. Бабий // Актуальные проблемы совершенствования уголовного законодательства Республики Беларусь на современном этапе : сборник научных статей / Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь ; редкол.: И. И. Лапцевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск : ИВЦ Минфина, 2021. – С. 7–35.

5. Серых, В. М. Материалистическое понимание права и справедливость / В. М. Серых // Правоведение. – 2013. – № 2. – С. 18–34.

УДК 316.4

Т. В. Шипунова

(Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург)

СЕКСУАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

Представлены два основных направления изучения сексуального насилия в отношении несовершеннолетних: ассоциированного с уголовным правом и социально-психологического. Несмотря на то, что в исследованиях через призму уголовного права получены значимые результаты для понимания сексуального насилия, его генезис остается не до конца проясненным. Отмечены основные проблемы социального контроля преступлений на сексуальной почве против детей, затрагивающие деятельность субъектов как рестриктивного, так и предупредительного контроля.

В России только в период с 2009 по 2013 гг. сексуальное насилие в отношении несовершеннолетних увеличилось в 63 раза [1, с. 107]. В 2020 г. прирост составил 7,2%, половина из них – против детей младше 14 лет [2]. Специалисты считают, что распространенность сексуального насилия шире, чем зафиксировано в статистике: по разным данным, соотношение выявленных случаев изнасилований к латентным колеблется в интервале от 1:2,6 до 1:6 [3, с. 69]. Уровень такого насилия, негативные последствия для индивидов и общества обуславливают необходимость дальнейшего осмысления его генезиса с опорой на имеющиеся наработки в дисциплинах, ориентированных как на существующее уголовное право, так и на социально-психологические основания. Эти подходы соответствуют двум основным видам социального контроля – рестриктивному и предупредительному, реализация которых сопряжена с определенными трудностями и проблемами.

Подход, ассоциированный с уголовным правом, опирается на результаты исследований в рамках криминологии, криминальной психологии/психиатрии и виктимологии. Изучая преступления, исследователи отдают предпочтение анализу обстоятельств и условий их совершения. Они обращают внимание, что сексуальное насилие происходит чаще: в семье (более 67% случаев), в вечернее и ночное время (88,3%), в весенне-летний период (55,8%). Местом совершения насилия обычно выступают территории проживания детей (в 64,1% случаев) [4, с. 223].

Теоретическая рефлексия в сфере сексуальной девиантности осуществляется в основном в четырех направлениях [5, с. 345–348]: 1) биологические подходы объясняют сексуальные отклонения через генетические факторы, гормональные изменения и дефекты в структуре мозга; 2) психодинамические концепции рассматривают этот феномен

сквозь призму психологических конфликтов, вызванных подавлением сексуальных желаний; 3) теории научения ссылаются на то, что любое поведение, в том числе и сексуальное, может быть исследовано через обучение, подкрепление и накопленный опыт; 4) различные социокультурные теории утверждают, что сексуальные отклонения могут быть связаны с культурными, экономическими и социальными факторами. Однако пока «доказательства в пользу какой-либо концепции остаются фрагментарными», а решение о совершении преступления принимается под воздействием множества факторов [5, с. 370].

Исследователи предпринимают попытки классификаций преступников, объединяя их в определенные типы [6, с. 55–56], а также рассматривают особенности индивидов, способные стать фактором риска становления жертвой (например, различия по половому признаку) [7]. В этой связи, особое место в изучении сексуального насилия в отношении несовершеннолетних занимает виктимология. Посредством установления уровня виктимности исследователи пытаются выявить, насколько высоки риски для человека или определенной группы стать жертвой насилия или преступления. Понимание уровня виктимности и виктимной безопасности [8, с. 46–47], позволяет вырабатывать меры и принимать решения для предупреждения преступлений.

Интерес вызывают публикации, сфокусированные на проблемах правового обеспечения и организации социального контроля сексуальных преступлений против детей. Так, отмечается, что в Уголовном Кодексе Российской Федерации (ст. 134) не в полной мере отражена общественная значимость разных преступлений и наказания за них, особенно когда речь идет об инцесте [9, с. 185]. Указывается также на недостаточную подготовку сотрудников органов внутренних дел по применению методики выявления лиц, страдающих отклонениями на сексуальной почве, и серьезные проблемы с использованием методов контроля за лицами, отбывшими наказание за совершение сексуального насилия над детьми [10, с. 27]. Кроме того, выделяются и другие проблемы: отсутствие в штате подразделений инспекции по делам несовершеннолетних детского психолога и специального сотрудника, способных выявлять в семьях риски сексуального насилия над детьми [6, с. 57]; недостаточную работу с потенциальными и реальными преступниками (вышедшими на свободу), для которых необходимо создавать специальные службы психологической помощи, систему психолого-сексологических лечебно-реабилитационных центров для проведения анонимной (и добровольной) медико-психологической коррекции и реабилитации [10, с. 26–27]; отсутствие электронной базы данных о лицах, совершивших половое преступление против несовершеннолетнего, и лицах, склонных к сексуальным девиациям в отношении детей [11, с. 116].

Социально-психологический подход сосредотачивается на факторах, которые влияют на возникновение и распространение сексуального насилия. Например, многофакторная теория, позволяет выявить множество факторов риска сексуальных преступлений. В качестве систематизирующей основы предлагается использовать контексты повседневной жизни, подчеркивающие, с одной стороны, комплексный характер явления, а с другой – дающие возможность в каждом контексте рассматривать факторы риска, опираясь на разные объяснительные модели. Анализируя факторы риска насилия над детьми, предлагается опираться на три контекста: социокультурный, семейный и индивидуальный [12, с. 32].

Социокультурный контекст предполагает, что факторами риска сексуального насилия могут стать: распространенность в обществе установок к насилию, отношения между полами, продвижение в интернете опасного контента, тиражирование в СМИ нетрадиционных сексуальных отношений и их «нормализация» и т.д. Список факторов риска можно расширить, исходя из интересов исследователей, и включить в него: гендерное неравенство, эйджизм, экономическую нестабильность, установки на доминирующую роль мужчины, допустимость насилия и т.д.

В семейном контексте следует рассматривать изменившуюся структуру семьи (плюрализм форм супружества, частоту разводов и разрыва отношений, заключение по-

вторных браков и проживание детей с отчимом/мачехой и/или со сводными братьями/сестрами), конфликты между поколениями, коллизии в супружеских парах. Сюда относится также разрушение связей в многопоколенных семьях, отсутствие помощи и неформального контроля со стороны родственников, изолированность семей в местном сообществе [13, с. 126], деструктивность детско-родительских отношений, что выражается, прежде всего, в неисполнении родителями основных функций.

Индивидуальный контекст жертв ориентирует на изучение личностных и поведенческих особенностей несовершеннолетних. Факторы риска в данном случае определяются, исходя из положений виктимологических теорий, основанных на ситуационном подходе [14, с. 169–170]. Риск стать жертвой зависит, например, от количества времени, которое ребенок проводит вне дома, частоты выходов из дома и позднего возвращения домой, привычки посещать вечеринки, наличия нежелательных контактов со сверстниками и взрослыми с девиантным поведением. В итоге, все это повышает вероятность будущей жертвы встретиться в определенное время при определенных обстоятельствах с определенным человеком (преступником), который имеет конкретные цели и ведет себя соответствующим образом. Помимо этого, совершение сексуального насилия напрямую связано с личностными и поведенческими особенностями жертвы. Обладая определенными личностными качествами, а иногда - отклоненными от нормы сексуальными потребностями, жертвы неспособны избежать опасности в кризисной ситуации.

Представители социально-психологического направления исследований отмечают ряд проблем в реализации предупредительного контроля сексуального насилия в отношении детей [см., напр., 15, с. 49–50; 16, с. 98–99]: неразвитость межведомственного взаимодействия субъектов профилактики в целом, его необязательность и отсутствие понимания целей и задач; недостаточный контроль со стороны государственных органов и должностных лиц за условиями проживания приёмных детей; вторичная виктимизация несовершеннолетних в процессе проведения следственных действий; необязательность комплексной психологической помощи ребенку как во время, так и после судебного процесса; недостаточный уровень подготовки специалистов школ и учреждений социального обслуживания по работе со случаями сексуального насилия; неразвитость системы учреждений, занимающихся коррекционно-реабилитационной работой с жертвами сексуального насилия.

Теоретические разработки в рамках социально-психологического направления демонстрируют междисциплинарность и обосновывают необходимость системного подхода к превенции сексуального насилия. Однако в практической плоскости создание такой системы сопряжено с рядом трудностей, к которым, прежде всего, относится отсутствие общей цели и, как следствие, непонимание и/или игнорирование значимости длительной коррекционно-реабилитационной работы с несовершеннолетними жертвами сексуального насилия, которое требует постоянного участия (благожелательных) специалистов в жизни детей. Таким образом, формирование социальной безопасности несовершеннолетних в сфере половой неприкосновенности предполагает решение разных проблем, сопровождающих ее развитие.

Список использованной литературы

1. Данелян, Р. С. Актуальные вопросы квалификации преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних / Р. С. Данелян, С. В. Данелян, К. А. Амирян // Пробелы в рос. законодат. – 2015. – № 6. – С. 107–110.
2. В России растет число сексуальных преступлений против детей [Электронный ресурс] // Росбалт.RU. – Режим доступа: <https://www.rosbalt.ru/russia/2021/05/31/1904223.html>. – Дата доступа: 22.10.2023.
3. Ковтун, В. А. Причины и условия половых преступлений в отношении несовершеннолетних / В. А. Ковтун // Пробл. правоохран. деят-ти. – 2014. – № 2. – С. 67–70.

4. Кирюхин, А. Б. Анализ современного состояния преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, совершаемых в семье / А. Б. Кирюхин, П. В. Шмарион // Вестн. Воронеж. инст. МВД России. – 2020. – № 1. – С. 221–225.
5. Блэкборн, Р. Психология криминального поведения / Р. Блэкборн. – Санкт-Петербург : Питер, 2004. – 496 с.
6. Вакуленко, Н. А. Характеристика преступника, совершающего сексуальное насилие в отношении несовершеннолетних / Н. А. Вакуленко, А. А. Брюхнов // Юристы-Правоведь. – 2018. – № 3 (86). – С. 52–58.
7. Смирнов, А. М. Виктимологическая характеристика посягательств несовершеннолетних на половую неприкосновенность и половую свободу личности / А. М. Смирнов // Lex Russica. – 2016. – № 9 (118). – С. 178–187.
8. Воронин, Ю. А. Виктимная безопасность: терминологическая интерпретация / Ю. А. Воронин, А. В. Миронов // Кримин. журнал. – 2014. – № 1 (27). – С. 43–48.
9. Никульченкова, Е. В. Квалификации преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних: теоретические и практические аспекты / Е. В. Никульченкова // Уч. запис. Крым. федер. ун-та. – 2019. – № 2. – С. 185–191.
10. Паршин, Н. М. Предупреждение сексуальных преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н. М. Паршин ; Саратов. гос. юридич. академия. – Саратов, 2018. – 31 с.
11. Шляпкинова, О. В. Специально-криминологическое предупреждение сексуальных преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних / О. В. Шляпкинова, Н. М. Паршин // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. – 2019. – № 3 (83). – С. 111–117.
12. Kindesmisshandlung. Erkennen und Helfen / A. Bernecker-Wolff A. [et al.]. – Berlin : Kinderschutz-Zentrum, 2000. – 156 S.
13. Багутский, Н. В. К вопросу о виктимологической характеристики жертв семейно-бытового насилия / Н. В. Багутский, Ю. В. Дадаев // Межд. науч.-исслед. журнал. – 2020. – № 8 (98). – С. 124–128.
14. Schneider, H. J. Kriminologie für das 21. Jahrhundert: Schwerpunkte und Fortschritte der internationalen Kriminologie: Überblick und Diskussion. – Münster : Lit, 2001. – 468 S.
15. Брусенцева, В. А. Проблемы предупреждения насилия в отношении несовершеннолетних / Брусенцева В.А. // Юридик. Наука. – 2017. – № 6. – С. 47–50.
16. Дубницкая, А. В. Проблема профилактики виктимного и преступного поведения несовершеннолетних, ставших жертвами сексуального насилия / А. В. Дубницкая // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 7. – С. 95–100.

УДК 343.3/7

О. Г. Шляктова

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель)

К ВОПРОСУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ИНФОРМАЦИОННОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ

Использование информационно-коммуникационных технологий для совершения преступлений повышает их общественную опасность в связи с большим объемом и оперативностью негативной информации, доступной пользователям, простотой исполнения преступлений и анонимностью преступников.

Стремительный анагенез информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) явился причиной обмена информацией с использованием сети Интернет

и обусловило появление понятия «информационно-коммуникативная среда». На международно-правовом уровне этот термин определяется как «информационные системы, гарантирующие оперативное взаимодействие людей, технических и программных средств, находящихся на значительном удалении друг от друга» [1].

Для целей уголовного права Республики Беларусь информационно-коммуникативная среда представляет собой совокупность информационных, коммуникационных, технических и организационных средств и правовых норм, которые используются для обеспечения связи между участниками уголовного процесса, передачи информации и доказательств, а также для обеспечения безопасности и контроля за соблюдением закона.

В контексте совершения преступлений информационно-коммуникативная среда может быть использована в качестве средства или способа совершения преступления. Например, злоумышленники могут использовать социальные сети, электронную почту и другие средства связи для планирования и совершения преступлений (обмана, незаконного доступа к информации и т.д.).

Информационно-коммуникативная среда сама по себе не является прямым элементом состава преступления. Она скорее является контекстом или сферой, в которой преступление может быть совершено или с которой оно связано. Однако она может играть важную роль в различных аспектах преступления.

Совершение некоторых преступлений с использованием информационно-коммуникативной среды имеют элементы или признаки, которые прямо на неё не указывают. В таких случаях для эффективного расследования таких преступлений необходимо учитывать особенности информационной среды и возможность ее использования преступниками.

Быстрое развитие Интернета способствует большому количеству видов преступлений в глобальной сети. Это дало толчок для возникновения видов правонарушений, у которых в настоящее время нет конкретной трактовки. Например, к таким правонарушениям можно отнести киберэкстремизм – одна из форм проявления терроризма в киберпространстве. Онлайн-среда характеризуется своей доступностью и анонимностью. Имея современное оборудование, практически у каждого есть доступ в сеть Интернет в любое время суток и с любого местонахождения. Добавив сюда практически неограниченную свободу, получаем условия, благоприятствующие формированию экстремистских Интернет-сообществ и широкому распространению их влияния.

Люди, не способные адаптироваться к реалиям жизни, составляют социальную базу экстремистских группировок. Наиболее уязвима для такого влияния молодежь [2]. Отметим, что именно молодежь составляет большинство пользователей сети Интернет.

Понятие «киберэкстремизм» включает в себя использование информационных и коммуникационных технологий для распространения экстремистской идеологии, преимущественно политической направленности. Законодательного определения этого термина нет, однако, подробная дефиниция содержится в Законе Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-З «О противодействии экстремизму». Согласно ст. 1 данного Закона, под экстремизмом подразумевается «деятельность по планированию, организации, подготовке и совершению посягательств на независимость, территориальную целостность, суверенитет, основы конституционного строя, общественную безопасность Республики Беларусь».

Специальной нормы, регулирующей борьбу с киберэкстремизмом нет. Поэтому логично предположить, что нормы, регламентирующие экстремизм, распространяются и на киберэкстремизм.

Основными направлениями киберэкстремизма являются: распространение экстремистских материалов через социальные сети, мессенджеры, форумы и другие онлайн-платформы; создание и распространение фейковых новостей, дезинформации и пропаганды разжигания расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни и т.д.; организация и проведение кибератак на сайты, социальные сети и другие системы; использование криптовалют для финансирования экстремистских групп и организаций.

Отметим, что предупреждение, профилактика, выявление и пресечение экстремистской деятельности в информационном пространстве Республики Беларусь осуществляют органы внутренних дел. Проводится активная идеологическая, информационная, нормотворческая и практическая работа по снижению деструктивного воздействия экстремистских Интернет-ресурсов на сознание граждан: признанные экстремистскими Telegram-каналы и чаты, блокируются, группы граждан, объединенных посредством экстремистских Интернет-ресурсов, привлекаются к уголовной ответственности.

Для эффективной борьбы с киберэкстремизмом необходимо постоянно проводить комплексную оценку существующего законодательства и совершенствовать правовую базу регулирования национального сегмента сети Интернет, учитывая специфику ситуации в Республике Беларусь и международный опыт в этой области. В связи этим предлагаем в УК внести изменения в редакцию некоторых статей, дополнив их словами следующего содержания:

– ч. 1 ст. 130 «1. Умышленные действия, в том числе информация, размещенная в глобальной компьютерной сети Интернет, направленные на возбуждение расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни по признаку расовой, национальной, религиозной, языковой или иной социальной принадлежности»;

– ч. 1 ст. 293 «1. Организация массовых беспорядков, в том числе с публичными призывами к такой деятельности, размещенными в глобальной компьютерной сети Интернет, сопровождавшихся насилием над личностью, погромами, поджогами, уничтожением имущества или вооруженным сопротивлением представителям власти»;

– ч. 1 ст. 339: «1. Умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу, сопровождающиеся применением насилия или угрозой его применения либо уничтожением или повреждением чужого имущества либо отличающиеся по своему содержанию исключительным цинизмом (хулиганство), в том числе с публичными призывами к таким действиям, размещенными в глобальной компьютерной сети Интернет»;

– ч. 1 ст. 342: «1. Организация групповых действий, грубо нарушающих общественный порядок и сопряженных с явным неповиновением законным требованиям представителей власти или повлекших нарушение работы транспорта, предприятий, учреждений или организаций, в том числе с публичными призывами к таким действиям, размещенными в глобальной компьютерной сети Интернет, либо активное участие в таких действиях при отсутствии признаков более тяжкого преступления»;

– ч. 2 ст. 342: «2. Обучение или иная подготовка лиц для участия в групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок, а равно финансирование или иное материальное обеспечение такой деятельности, в том числе осуществляемые с использованием информационно-коммуникационных технологий либо глобальной компьютерной сети Интернет, при отсутствии признаков более тяжкого преступления»;

Таким образом, информационно-коммуникативная среда может иметь важное значение при рассмотрении преступлений, особенно в контексте киберпреступности или использования цифровых технологий для совершения преступлений. Однако она обычно рассматривается вместе с другими элементами состава преступления, такими как деяние, умысел, вред и т.д.

Информационно-коммуникативная среда, включая сеть Интернет, стала основным средством коммуникации для экстремистских и террористических организаций, которое используется ими для привлечения в свои ряды новых членов, организации и координации совершения преступлений экстремистской направленности, распространения экстремистской идеологии, что констатирует повышение общественной опасности.

Для более эффективной борьбы с киберэкстремизмом также необходимо расширять международное сотрудничество в данной области, включая обмен информацией, опытом и технологиями, в том числе проводить совместные операции по выявлению и

пресечению киберэкстремистской деятельности. Разработать и реализовать комплекс мероприятий, направленных на профилактику киберэкстремизма, включая образовательные программы, работы с молодежью и семьями, а также пропаганду толерантности и межконфессионального диалога.

Рекомендованные предложения позволят повысить эффективность правового регулирования и противодействия киберпреступлениям, совершенствовать правовую базу регулирования национального сегмента сети Интернет, а также усилить ответственность и профилактическое влияние.

Список использованной литературы

1. Концепция согласованной социальной политики государств-членов ЕврАзЭС, представленная постановлением Бюро Межпарламентской Ассамблеи Евразийского экономического сообщества от 17 нояб. 2005 г., № 13 [Электронный ресурс] // Документы заседания Бюро Межпарламентской Ассамблеи Евразийского экономического сообщества. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=f20500064>. – Дата доступа: 06.05.2023.

2. Дубровский, Н. Е. Криминологическая сущность экстремизма и терроризма [Электронный ресурс] / Н. Е. Дубровский. – Режим доступа: <https://normativka.by/lib/document/95133>. – Дата доступа: 16.10.2023.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА, КРИМИНАЛИСТИКИ, СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

УДК 343.1(476)

Р. Р. Алекперов, А. С. Комкова

(Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Минск)

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В настоящей публикации рассматривается соотношение правосудия по уголовным делам с судебным контролем за применением ряда мер процессуального принуждения, а также за принудительным помещением в судебно-психиатрический экспертный стационар и решениями органа уголовного преследования. Делается вывод о том, что данный вид судебного контроля является особой формой осуществления правосудия, ввиду чего обосновывается тезис о необходимости внесения соответствующих изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство.

В главе 16 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) [1] закреплен последующий судебный контроль за применением задержания и мерами пресечения в виде домашнего ареста и заключения под стражу, а также продлением сроков домашнего ареста либо содержания под стражей (ст. 143-145, 147-1). Также в порядке данного вида контроля рассматриваются жалобы на принудительное помещение в судебно-психиатрический экспертный стационар (ст. 146 УПК), на решения органа уголовного преследования об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении предварительного расследования уголовного дела, уголовного преследования, об отказе в возбуждении производства по вновь открывшимся обстоятельствам, о прекращении производства по вновь открывшимся обстоятельствам (ч. 2 ст. 139 УПК), на приговор, определение и постановление суда (ст. 147 УПК).

Полагаем, судебный контроль в уголовном процессе в силу присущих ему правовых свойств (признаков) является самостоятельной, особой формой осуществления правосудия в судах общей юрисдикции. Рассмотрим данный тезис подробнее. Не вызывает никаких сомнений, что судебный контроль по жалобам, поданным в порядке ст. 147 УПК – есть форма осуществления правосудия. Являются ли остальные виды данного правового института таковыми – вопрос открытый и требует дополнительного исследования, разрешить который возможно посредством правового анализа осуществления правосудия и судебного контроля в уголовном процессе.

Как и правосудие, любой из видов судебного контроля, связан с разрешением правового спора (конфликта) сторон, одной из которых является орган, ведущий уголовный процесс, который поставлен перед судом, ввиду объективного различия их интересов в уголовном процессе. Законное, обоснованное и справедливое разрешение спора сторон является необходимым и существенным признаком, как правосудия, так и судебного контроля. Не вызывает сомнений тот факт, что конечной целью того или иного вида судебного контроля (в зависимости от его предметного признака) является защита личности, ее прав и свобод, обеспечение торжества законности и правопорядка, т. е. и для правосудия, и для контроля приоритетным направлением деятельности является реализация именно правозащитной функции.

Суть судебного контроля составляет самостоятельное исследование (познание, доказывание) судом фактических обстоятельств спора сторон по определенному кругу вопросов, формирование собственного внутреннего убеждения о его фактической и юридической стороне как основы принятия соответствующего процессуального решения, направленного на его разрешение.

Анализ норм УПК позволяет сделать вывод, что в содержание судебного контроля входит строго регламентированная процедура рассмотрения и разрешения правовых споров в целях предупреждения незаконного нарушения или ограничения прав граждан, отмены (или признания не имеющими юридической силы) незаконных актов, вынесенных или полученных с нарушением установленной законодателем процессуальной формы, либо несоответствующих требованиям законности и обоснованности. Осуществление правосудия по уголовным делам также предусматривает юридическую процедуру по их разрешению по существу. Логичным результатом этого вида осуществления судебной деятельности является вынесение приговора, постановления либо определения. Процессуальным результатом судебного контроля является вынесение общеобязательного, законного, обоснованного и справедливого судебного акта (постановления и определения), обеспеченного принудительной силой государства, который вполне может рассматриваться как акт правосудия, ибо им спор разрешается по существу, с применением норм права либо их предельной конкретизацией к спорному случаю.

Материальным результатом правосудия по уголовным делам, и судебного контроля является создание эффективной и реально действующей процессуальной гарантии, обеспечивающей конституционные права, свободы и законные интересы граждан; справедливое разрешение спора; оптимальное достижение целей уголовного процесса и решение его задач, перечисленных в ст. 7 УПК.

Проведенный выше анализ позволяет прийти к выводу, что судебный контроль в уголовном процессе – особая форма осуществления правосудия, которая отличается от рассмотрения уголовного дела предметом, который определяется соответствующими статьями УПК (ст. 143-147-1).

Согласно ст. 24 УПК правосудие осуществляется на основе состязательности и равенства сторон обвинения и защиты. Функции обвинения, защиты и осуществления правосудия отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо. Обязанность доказывания в судебном разбирательстве предъявленного лицу обвинения возлагается на сторону обвинения. Стороны в судебном разбирательстве пользуются равными правами по представлению и исследованию доказательств, заявлению ходатайств, высказыванию мнения по любому вопросу, имеющему значение по уголовному делу, участию в судебных прениях. Суд создает необходимые условия для осуществления предоставленных сторонам прав и выполнения ими процессуальных обязанностей.

Анализ ст. 144 УПК позволяет сделать вывод о том, что при судебной проверке законности и обоснованности применения задержания, заключения под стражу, домашнего ареста или продления срока содержания под стражей, домашнего ареста принцип, предусмотренный ст. 24 УПК, не распространяет свое действие на порядок осуществления последующего судебного контроля в этой части. В частности, в судебном заседании, проводимом в порядке ст. 144 УПК, обязательно участвуют прокурор, вправе принимать участие потерпевший, его представитель, защитник (если он участвует в деле), законные представители подозреваемого, обвиняемого. Согласно ч. 3 вышеуказанной статьи в необходимых случаях для участия в рассмотрении жалобы судья вправе вызвать задержанного, лицо, содержащееся под стражей, домашним арестом. С учетом того, что мы пришли к выводу о том, что судебный контроль в уголовном процессе – особая форма осуществления правосудия, полагаем, принцип осуществления правосудия на основе состязательности и равенства сторон должен распространяться и на последующий судебный контроль вышеуказанных мер уголовно-процессуального принуждения. В связи с этим, норма, предусмотренная ч. 3 ст. 144 УПК, противоречит анализируемому принципу. Поэтому, считаем целесообразным исключить из ст. 144 УПК ч. 3 и изложить ч. 2 в следующей редакции:

«Рассмотрение жалобы производится в закрытом судебном заседании, в котором вправе принимать участие потерпевший, его представитель. Неявка указанных лиц не

препятствует рассмотрению жалобы. Также в закрытом судебном заседании обязательно участвуют подозреваемый либо обвиняемый, их защитник (если он участвует в деле), законные представители подозреваемого, обвиняемого».

Список использованной литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2023 № 286-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

УДК 342.140.02

В. П. Ашитко

(Международный университет «МИТСО», Минск)

ПРОБЛЕМА УЧАСТИЯ ОРГАНА ДОЗНАНИЯ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ И ПУТИ ЕЕ РАЗРЕШЕНИЯ

Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает участие органа дознания только в стадиях досудебного производства. Обращается внимание на то, что полномочия органа дознания в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования ограничиваются рамками осуществления процессуальных действий, предусмотренных ч. 2 ст. 173 и 186 УПК, что не соответствует положениям ст. 59 Конституции и ст. 15 УПК Республики Беларусь. Анализ статей действующего законодательства позволяет внести предложения о необходимости совершенствования уголовно-процессуального законодательства в части расширения полномочий органа дознания при разрешении заявлений или сообщений о преступлении и производства дознания по возбужденным уголовным делам.

Пути совершенствования деятельности органа дознания в уголовном производстве – предмет обсуждения не только ученых-процессуалистов, но и правоприменителей, к числу которых, в первую очередь, следует отнести должностных лиц органов дознания.

Представляется, что аналогичное проблемное положение в части регулирования процессуальной деятельности органов дознания существует и в Российской Федерации. Рассмотрим проблему участия органа дознания на стадиях досудебного производства в Республике Беларусь.

Для начала определимся с определением понятия «дознание». По поводу природы понятия термина «дознание» в русском уголовном процессе, профессор Петербургского университета Н. Розин в свое время писал, что: «Под дознанием... понимаются меры, принимаемые указанными в законе органами, для установления, по горячим следам, события преступного деяния, его намечающихся юридических черт и предполагаемого его виновника».

Исходя из этого, в современной юридической науке понятие «дознание», используется главным образом для обозначения одной из существующих в уголовном процессе форм расследования преступлений, элементом которого является дознание.

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь термин дознание входит в понятие «орган дознания», под которым понимается государственный орган и должностное лицо, уполномоченное законом осуществлять дознание (п. 20 ст. 6 УПК) и дознание, которое законодателем рассматривается как форма предварительного расследования, осуществляемая лицом, производящим дознание, по возбужденному уголовному делу для выполнения неотложных следственных действий, предусмотренных ч. 1 ст. 186 УПК [1].

Здесь следует отметить, что с момента вступления в законную силу Закона Республики Беларусь от 13 декабря 2011 № 325-З компетенция органа дознания, в сравнении с ранее действовавшим уголовно-процессуальным законодательством, была существенно изменена в сторону ее сокращения.

Поэтому, если рассматривать содержание ч. 5 ст. 187 и ст. 188 УПК в редакции Закона Республики Беларусь от 5 мая 2010 № 122-З, то на момент действия данного закона на органы дознания были возложены обязанности не только рассмотрения и разрешения заявлений и сообщений о преступлении (ст. 174 УПК), но и производство в полном объеме предварительного расследования в форме дознания с правом направления уголовного дела в суд для привлечения обвиняемого к уголовной ответственности. Так, по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ч. 12, 13 ст. 182 УПК, а при наличии признаков преступления, не представляющего большой общественной опасности, или менее тяжкого преступления, предусматривалось производство расследования уголовного дела в порядке ускоренного производства (ст. 452 – 454 и 456 УПК) с передачей законченного производством уголовного дела прокурору для направления в суд.

Однако, в связи с образованием Следственного комитета Республики Беларусь и вступлением с 1 января 2012 г. Закона «О внесении дополнений и изменений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам образования Следственного комитета Республики Беларусь», компетенция органа дознания существенно изменилась [2]. Так, при сохранении за органом дознания обязанностей, связанных с приемом, регистрацией и рассмотрением заявлений и сообщений о любом совершенном, совершаемом либо готовящемся преступлении; проведением при необходимости проверки по заявлению или сообщению о преступлении и принятием по ним решений в порядке ст. 174 УПК; производство неотложных следственных и других процессуальных действий по уголовным делам; а равно принятие иных мер в целях обнаружения преступлений и выявления лиц их совершивших, а также предупреждение и пресечение преступлений, органы дознания были лишены возможности осуществлять производство расследования преступлений по некоторым видам преступлений с передачей уголовного дела прокурору для направления в суд.

Вместе с тем, законодатель для установления и закрепления следов преступления, в рамках производства дознания по возбужденному органом дознания уголовному делу, в соответствии с ч. 1 ст. 186 УПК, наделил орган дознания правом производства таких неотложных следственных и других процессуальных действий как: осмотр, обыск, выемку, наложение ареста на имущество, почтово-телеграфные и иные отправления, прослушивание и запись переговоров, предъявление для опознания, освидетельствование, задержание, применение меры пресечения и допрос подозреваемых, допрос потерпевших и свидетелей, получение образцов для сравнительного исследования и назначение экспертиз. При выполнении неотложных следственных и других процессуальных действий, но не позднее десяти суток со дня возбуждения уголовного дела орган дознания, выполняя требование ч. 3 ст. 186 УПК, обязан передать дело следователю.

Опыт практической деятельности, связанный с раскрытием и расследованием преступлений наглядно демонстрирует тот факт, что определенный законодателем в ч. 1 ст. 186 УПК перечень неотложных следственных и других действий явно недостаточен для установления и закрепления следов преступления в начальный период расследования возбужденного органом дознания уголовного дела. В этой связи возникает вопрос о целях осуществления органом дознания неотложных следственных и других процессуальных действий по возбужденному уголовному делу.

Начнем с того, что законодатель в содержании ст. 186 УПК определяет, что орган дознания вправе выполнять неотложные следственные и другие процессуальные действия почему-то только в целях установления и закрепления следов преступления и только.

Однако целями производства неотложных следственных и других процессуальных действий, которые орган дознания вправе производить по возбужденному делу, являются не только установление и закрепление следов преступления, но и установление

лиц, совершивших преступление, их розыск и установление иных фактов их преступной деятельности. А если это так, то уже на начальном этапе уголовного производства возникает необходимость производства органом дознания всех, без какого-либо исключения, следственных и процессуальных действий, порядок осуществления которых назван законодателем в содержании норм уголовно-процессуального законодательства.

Именно такого рода обстоятельство дает нам возможность высказать свои предложения относительно необходимости реформирования начальных стадий уголовно-процессуальной деятельности.

Действительно, поскольку законодатель в ч. 1 ст. 173 УПК определяет, что по поступившему заявлению или сообщению о преступлении решение в порядке требований ст. 174 УПК органом уголовного преследования должно быть принято в срок не позднее трех суток, то такое требование обязывает орган дознания уже по истечении названного срока выносить относительно принятого, зарегистрированного и рассмотренного заявления или сообщения о любом совершенном или готовящемся преступлении постановление о возбуждении уголовного дела и производстве предварительного расследования в форме дознания. Представляется, что именно в рамках производства дознания по возбужденному уголовному делу орган дознания будет обязан не только устанавливать достаточность наличия или отсутствия оснований к дальнейшему производству по уголовному делу, но и при определенных обстоятельствах принять решение о передаче материалов уголовного дела в орган предварительного следствия по подследственности и компетенции либо прекратить производство дознания по уголовному делу, в связи с обнаружением предусмотренных ст. 29 УПК обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу, и разъяснением заявителю о его праве на обжалование принятого органом дознания решения. При этом срок дознания по возбужденному уголовному делу законодателем может быть определен в виде 12 суток с правом его последующего продления надзирающим прокурором до одного месяца.

Считаем, что реализация законодателем нашего предложения будет способствовать не только совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в части начального этапа деятельности органа уголовного преследования по реализации требований ст. 59 Конституции Республики Беларусь [3] и ч. 2 ст. 15 УПК, в содержании которых содержится требование о том, что государственные, должностные лица, уполномоченные осуществлять уголовное преследование, обязаны в пределах своей компетенции принимать необходимые меры по обнаружению преступлений и выявлению лиц, их совершивших, возбуждению уголовного дела, привлечению виновных к предусмотренной законом ответственности и созданию условий для постановления судом законного, обоснованного и справедливого приговора.

Список использованной литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Академия МВД, 2023. – 416 с.

2. О Следственном комитете Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 июля 2012 г., № 403-З: с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь. / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

3. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Минск : Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2022. – 80 с.

В. Н. Бибило

(Белорусский государственный университет, Минск)

ПРИНЦИП ВСЕСТОРОННЕГО, ПОЛНОГО И ОБЪЕКТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Раскрывается сущность всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств уголовного дела. Показана принадлежность данного явления к принципам уголовного процесса. Изложена история закрепления в законодательстве принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела. Уточнены возможности органов уголовного преследования и суда по реализации принципа. Проведено различие между понятиями «принцип уголовно-процессуального права» и «принцип правосудия» по уголовным делам.

Согласно Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь 1999 г. (далее – УПК) всесторонность, полнота и объективность исследования обстоятельств уголовного дела по своей категориальной природе относится к принципам уголовного процесса, поскольку данное правовое положение находится в главе 3 «Задачи и принципы уголовного процесса». Так, в ст. 18 УПК «Всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств уголовного дела» уточнено, на какие субъекты уголовно-процессуальной деятельности возлагается исследование обстоятельств уголовного дела. К ним относятся: орган уголовного преследования (орган дознания, следователь, прокурор – п. 22 ст. 6 УПК) и суд, рассматривающий уголовное дело коллегиально или единолично. Какой смысл вкладывать в перечисленные в ст. 18 УПК понятия, уголовно-процессуальное законодательство не содержит, но дифференцирует возможности органа уголовного преследования и суда в исследовании обстоятельств уголовного дела.

На орган уголовного преследования возложены задачи собирания доказательств как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого, установления обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела, защиты законных интересов участвующих в уголовном деле лиц. Суд, сохраняя объективность и беспристрастность, обеспечивает сторонам обвинения и защиты соответствующие условия для реализации их прав. При этом решение вопроса о виновности или невиновности лица суд выносит лишь на основе достоверных доказательств, подвергнутых всестороннему, полному и объективному исследованию и оценке.

Впервые требование всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела получило закрепление в УПК РСФСР 1922 г. и 1923 г., действия которых распространялись и на Беларусь. Заметим, что в ст. 112 УПК 1922 г. об объективности исследования обстоятельств дела не упоминалось. Вместо объективности указывалось на беспристрастность. Требование всесторонности и полноты было выражено применительно к предварительному следствию и характеризовалось как одно из его общих условий, а не как принцип уголовного процесса. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 25 декабря 1958 г. в ст. 14 предусмотрели достаточно широкую формулировку этого правового положения, которая была, в основном, воспроизведена в УПК союзных республик. Так, УПК БССР 1960 г. в ч. 1 ст. 15 определил, что «суд, прокурор и лицо, производящее дознание, обязаны принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также смягчающие и отягчающие его ответственность обстоятельства». Данное правовое положение включено в главу 1 «Основные положения» УПК БССР 1960 г. Какого-либо специального раздела о принципах уголовного процесса в УПК не было предусмотрено. Однако в юридической литературе всесторонности, полноте и объективности исследования обстоятельств дела придавали статус принципа уголовного процесса.

В современной юридической литературе к всесторонности, полноте и объективности исследования обстоятельств уголовного дела неоднозначное отношение. Так, в УПК Российской Федерации 2001 г. в гл. 2 «Принципы уголовного судопроизводства» сведений о всесторонности, полноте и объективности исследования обстоятельств уголовного дела не содержится, хотя ч. 2 ст. 294 УК Российской Федерации «Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования» предусматривает уголовную ответственность за воспрепятствование «всестороннему, полному и объективному» расследованию уголовного дела.

Возникает вопрос: какова же категориальная принадлежность всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств уголовного дела? Если применительно к УПК Республики Беларусь 1999 г. такого вопроса не возникает, поскольку изначально данное положение отнесено к принципам уголовного процесса, то в российской юридической литературе является предметом дискуссии.

Устранение из УПК РФ положения о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств уголовного дела В.И. Зажицкий связывает с тем, что в разработке УПК РФ, а впоследствии и его мониторинге «активно и открыто участвовали представители различных кругов США» [1, с. 80]. Далее автор пишет: «Триумфальное шествие состязательности в российском уголовном процессе породило множество существенных противоречий и устранило из Закона многие положительные правовые ценности, в том числе и требование всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела» [1, с. 80]. Обосновывая необходимость включения всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств уголовного дела в УПК, В.И. Зажицкий не придает этому правовому положению статус принципа, а связывает с доказыванием по уголовному делу и предлагает ст. 85 УК РФ назвать «Всесторонность, полнота, объективность и достоверность доказывания» [1, с. 86–87].

Следует, однако, отметить, что отсутствие в УПК всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств уголовного дела в виде нормы-принципа не означает отсутствие этого принципа в уголовном процессе. Косвенно его элементы упоминаются в ряде статей УПК РФ, например, в ч. 2 ст. 154. Однако и в УПК Республики Беларусь 1999 г. формулировка всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств уголовного дела не является безупречной.

Главным для правосудия является достижение истины по рассматриваемому делу, чему подчинены все принципы правосудия. Среди них особое значение принадлежит принципу всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, поскольку благодаря ему в УПК сформулирован круг обстоятельств, подлежащих доказыванию (предмет доказывания). Другие принципы обеспечивают реализацию иных сторон уголовного процесса.

Всесторонность, полнота и объективность – элементы единого принципа. Они расположены в таком порядке, который согласуется с особенностями познания в уголовном процессе, что означает: от всесторонности к полноте и от них к объективному исследованию обстоятельств дела. Если всесторонность раскрывает механизм исследования обстоятельств дела, то полнота указывает на глубину исследования. При этом оба элемента предполагают друг друга. В то же время они могут быть реализованы при отсутствии заинтересованности суда в исходе дела. Отсюда важен правильный подбор кадров органов уголовного преследования и судей, в том числе и с учетом их личностных качеств [2, с. 65–66].

Наличие принципа состязательности, присущего природе уголовного процесса и сформулированного в УПК в виде нормы-принципа, предполагает уточнение возможностей участников уголовного процесса по реализации принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела. Согласно ч. 2 ст. 24 УПК «Функции обвинения, защиты и осуществления правосудия отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо». Это

означает, что государственные органы и должностные лица, осуществляющие производство по уголовному делу, обязаны действовать в пределах отведенной им функции. Между тем такая магистральная линия в распределении полномочий не прослеживается. Органы уголовного преследования, реализуя принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела, оказывается должны собрать доказательства как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого. Такая сверхзадача не согласуется с природой функции обвинения. Конечно, собирая доказательства, органы уголовного преследования попутно могут получить доказательства, смягчающие вину или оправдывающие обвиняемого, но по отношению к ним такая цель не должна ставиться. В УПК расширены и уточнены возможности защитника в собирании доказательств, хотя на него не возлагается обязанность «параллельного расследования», но для осуществления функции защиты в ч. 3 ст. 103 УПК изложены широкие права, реализация которых в значительной мере обеспечивает действие защиты в уголовном процессе. К тому же, если следователь отказал адвокату-защитнику в приобщении к делу представленных им материалов, то можно обратиться в суд с соответствующим ходатайством.

Всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств уголовного дела вместе с реализацией других принципов обеспечивает установление истины, основанное на достоверных доказательствах, иначе утратится сама идея правосудия. В связи с этим возникает вопрос о принципах «уголовно-процессуального права», «уголовного процесса», «уголовного судопроизводства» и «правосудия». В современных УПК, как и в юридической литературе, их, по существу, не различают. Если, например, в УПК Республики Беларусь 1999 г. глава 2 названа «Задачи и принципы уголовного процесса», то в УПК Российской Федерации 2001 г. – «Принципы уголовного судопроизводства» (гл. 2). В учебной и научной юридической литературе их часто используют как синонимы. Между тем этим понятиям присущи смысловые особенности.

Принципы уголовно-процессуального права – это принципы в статическом состоянии, своего рода «чистое право». Принципы уголовного процесса (и судопроизводства как судебной части уголовного процесса) представляют собой принципы деятельности, основанные на принципах права. Попутно возникает вопрос: на кого возложена обязанность реализации принципов? Безусловно, на органы и должностных лиц, ведущих уголовный процесс, поскольку на других участников уголовного процесса, даже под угрозой уголовной ответственности, невозможно возложить эту обязанность. Есть еще один нюанс. На досудебных стадиях уголовного процесса принципы уголовно-процессуального права, хотя и будут действовать, но все же в усеченном виде, прежде всего ввиду наличия оперативно-розыскной деятельности, несмотря на то, что материалы, добытые таким путем, проверяются в уголовно-процессуальном порядке, но это потом, когда деятельность такого рода произошла и на ее процесс и исход конфликтующие стороны не могут повлиять. Только в судебных стадиях с учетом их специфики принципы уголовно-процессуального права смогут получить свою полную реализацию. Необходимо помнить и о том, что реализацию права сопровождают также иные социальные нормы [3, с. 5–17]. Только суд, исходя из своего статуса и сущности правосудия как явления, может реализовать принципы уголовно-процессуального права. В связи с этим надо говорить именно о принципах правосудия по уголовным делам, к которым относится принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела, получающий свое полную реализацию в стадии судебного разбирательства. На досудебных стадиях происходит зарождение, но не полная реализация этого принципа, как и всех остальных принципов.

Список использованной литературы

1. Зажицкий, В. И. Сущность и значение требования всесторонности, полноты, объективности и достоверности доказывания в уголовном процессе / В. И. Зажицкий // Государство и право. – 2017. – № 10. – С. 76–87.

2. Бибило, В. Н. Белорусское судоустройство / В. Н. Бибило. – Минск : Право и экономика, 2018. – 452 с.

3. Бибило, В. Н. Конституционные принципы правосудия и их реализация в стадии исполнения приговора / В. Н. Бибило. – Минск : Университетское, 1986. – 160 с.

УДК 343.13

В. А. Воробьев¹, В. С. Соркин²

*(¹Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель
²Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно)*

О ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБЩЕИЗВЕСТНЫХ ФАКТОВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассмотрены научные подходы к проблеме применения при доказывании в уголовном процессе обстоятельств, которые отнесены к «общеизвестным фактам». Отмечено, что и в процессуальных отраслях Беларуси, и во многих уголовно-процессуальных кодексах стран Содружества независимых государств, на современном этапе развития права, уже закреплена возможность применения общеизвестных фактов.

В теории уголовного процесса слабо разработанной является проблема общеизвестных фактов и особенностей их использования в уголовно-процессуальном доказывании. Понятие общеизвестности разными авторами трактуется по-разному. Г. С. Фельдштейн указывал, что «общеизвестность, поскольку она нуждается в определении, есть область таких фактов, которые в данный момент считаются бесспорно установленными в сознании человечества» [1, с. 269].

В отдельных процессуальных отраслях Беларуси закреплена возможность использования общеизвестных фактов. Статья 182 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь «Основание освобождения от доказывания» закрепляет, что «не подлежат доказыванию факты, признанные судом общеизвестными». Аналогичный подход и в хозяйственном процессе – статья 106 «Основания освобождения от доказывания» указывает, что «не подлежат доказыванию обстоятельства, признанные судом, рассматривающим экономические дела, общеизвестными».

Стоит отметить, что разработанный проект Кодекса о гражданском судопроизводстве чуть шире раскрывает сущность общеизвестных фактов. Часть 1 статьи 185 «Основания освобождения от доказывания» предложена в следующей редакции: «Факты, признанные судом общеизвестными, не подлежат доказыванию. Таковыми признаются факты в силу их широкой известности на определенной территории, в том числе суду и лицам, участвующим в деле».

Возвращаясь к вопросу использования общеизвестных фактов в уголовном процессе следует привести мнение Ф.Н. Фаткуллин который считает, что «общеизвестными могут быть факты засухи, наводнения или другого стихийного бедствия, нахождение такого-то заведения в таком-то месте и т.д. По уголовному делу такие факты, хорошо известные следователям, судьям, участникам процесса и остальным гражданам, могут оказаться главным образом в качестве обстоятельств, имеющих доказательственное значение» [2, с. 73].

Ряд исследователей не признают целесообразным использования общеизвестных фактов в уголовном процессе. В. Д. Шундилов считает, что «установить обстоятельства дела можно только при помощи доказательств, т.е. фактическими данными, которые не могут подменяться ссылками на их общеизвестность, возможность видеть «своими глазами»» [3, с. 31].

И.И. Мухин полагает, что «к общеизвестным фактам относятся лишь те, в истинности которых не может сомневаться ни один разумный человек. Общеизвестные факты

не нуждаются в доказывании, так как никакого отношения к делу и предмету судебного доказывания они не имеют, т.е. в доказывании общеизвестные факты вообще не используются» [4, с. 85–86].

В вопросе возможности использования общеизвестных фактов в уголовном процессе мы солидарны с мнением О. В. Левченко, которая считает, что «процесс доказывания общеизвестных фактов будет заключаться в их собирании (фиксации) и оценке с точки зрения их относимости и значимости для обоснования выводов по уголовному делу. Проверка и оценка допустимости, достоверности общеизвестного факта исключатся... В случае необходимости проверки такого факта, будет проверяться не сам факт, а именно его общеизвестность» [5, с. 48].

По мнению Е. А. Костоваровой «общеизвестный факт можно определить как специфический способ доказывания, который будучи обстоятельством, имеющим значение для процесса, в силу очевидности, освобождается от доказывания в целом, или процесс его доказывания усечен и заключается в собирании и оценке с точки зрения относимости и важности объяснений по уголовному делу» [6, с.72].

Несмотря на наличие определенного научного спора о возможности использования общеизвестных фактов в уголовно-процессуальном законодательстве, существует ряд стран, где он уже разрешен на законодательном уровне.

Во многом этому поспособствовали нормы Модельного Уголовно-процессуального кодекса для государств-участников Содружества независимых государств. Так, статья 147 данного акта «Обстоятельства, устанавливаемые без доказательств» закрепляет, что общеизвестные факты считаются обстоятельствами, установленными без использования материалов уголовного дела для их доказывания, помимо общеизвестных фактов, к такому роду обстоятельствам кодекс относит:

- правильность общепринятых в современных науке, технике, искусстве, ремесле методов исследования;
- обстоятельства, установленные решением, имеющим для суда обязательную силу в качестве преюдициального.

В Уголовно-процессуальном кодексе Грузии в статье 73 закреплено, что «общеизвестные факты принимаются в качестве доказательств без исследования».

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова содержит статью 98 согласно которой «общеизвестные факты считаются фактами и обстоятельствами, не требующими доказывания».

Статья 141 «Обстоятельства, устанавливаемые без доказательств» Уголовно-процессуального кодекса Азербайджанской Республики определяет, что «общеизвестные факты являются обстоятельством, которое признается доказанными без использования материалов производства по уголовному преследованию».

Видится, что и в уголовном процессе Беларуси общеизвестные факты как средства доказывания могут найти свое правовое регулирование в рамках уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь, и сыграть свою роль в реализации процессуальной экономии в уголовном процессе.

Список использованной литературы

1. Фельдштейн, Г. С. Лекции по уголовному судопроизводству / Г. С. Фельдштейна. – Москва : Типо-лит. В. Рихтер, 1915. – 433 с.
2. Фаткуллин, Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания / Ф. Н. Фаткуллин. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1973. – 176 с.
3. Шундигов, В. Д. Принцип непосредственности при расследовании и рассмотрении уголовного дела / В. Д. Шундигов. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1974. – 157 с.

4. Мухин, И. И. Объективная истина и некоторые вопросы оценки судебных доказательств при осуществлении правосудия / И. И. Мухин. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1971. – 184 с.

5. Левченко, О.В. Общеизвестные факты как средства уголовно-процессуального доказывания / О. В. Левченко // Государство и право. – 2002. – № 8. – С. 47–51.

6. Костоварова, Е. А. Роль общеизвестных фактов в уголовно-процессуальном доказывании / Е. А. Костоварова // Перспективы государственно-правового развития России в XXI веке. – 2016. – Т.4. – С.70–74.

УДК 342.140.02

И. В. Данько

(БИП – Университет права и социально-информационных технологий, Минск)

ЧАСТЬ 1 СТ. 89 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ПРЕДМЕТ ДОКАЗЫВАНИЯ ИЛИ ПРЕДМЕТ ОБВИНЕНИЯ?

Часть 1 ст. 89 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) предусматривает обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу (предмет доказывания), анализ которых позволяет сделать вывод о том, что по своему содержанию они сводят доказывание лишь к обоснованию обвинения, а не к установлению всех имеющих юридическое значение для дела фактических данных. В этой связи предлагается внести в ч. 1 ст. 89 УПК изменения, добавив к подлежащим доказыванию обстоятельства, исключающие производство по уголовному делу, а также влекущие освобождение от уголовной ответственности и наказания.

В теории уголовного процесса одним из важнейших понятий является предмет доказывания. Как отмечают Л. Д. Кокорев и Н. П. Кузнецов, его назначение «состоит в том, чтобы определить круг фактов и обстоятельств, которые должны быть установлены как для разрешения уголовного дела в целом, так и для принятия отдельных процессуальных решений [1, с. 50]. В специальной литературе предметом доказывания называют «схему действий, направления исследования, определенные уголовно-процессуальным законом в виде системы обстоятельств, подлежащих установлению и составляющих фактическую основу для принятия процессуальных решений» [2, с. 49]; «своеобразную программу доказательственной деятельности субъекта доказывания, в ходе которой отсекается все, что лежит за пределами цели уголовно-процессуального познания» [3, с. 75]; «систему обстоятельств, установление которых необходимо для правильного разрешения уголовного дела и выполнения задач уголовного судопроизводства» [4, с. 28].

Иными словами предмет доказывания представляет собой обобщенное выражение объекта уголовно-процессуального познания, осуществляемого посредством доказательств, и складывается из совокупности обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Впервые указанные обстоятельства нашли свое четкое нормативное закрепление в ст. 15 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 года, согласно которой при производстве предварительного следствия и в судебном разбирательстве подлежали доказыванию: 1) событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства его совершения); 2) виновность обвиняемого в совершении преступления; 3) обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого; 4) характер и размер ущерба, причиненного преступлением.

Нетрудно заметить, что эта норма с небольшими терминологическими изменениями воспроизводится в ч. 1 ст. 89 действующего УПК, за исключением того, что к предмету доказывания в 2015 году были добавлены обстоятельства, подтверждающие, что имущество приобретено преступным путем или является доходом, полученным от использования этого имущества.

Практически сохранившаяся с советских времен редакция предмета доказывания в белорусском УПК вызывает определенные вопросы. В погоне за созданием условий для применения в уголовном процессе санкций экономического характера, отечественный законодатель не обратил внимания на то, что ч. 1 ст. 89 УПК по своему содержанию скорее напоминает предмет обвинения. Нормы приведенной статьи предписывают субъекту доказывания устанавливать только те обстоятельства, которые указывают на факт совершения уголовно-наказуемого деяния определенным лицом, его виновность, степень и характер ответственности, размер причиненного вреда. Не очень меняет ситуацию требование наряду с отягчающими устанавливать также и смягчающие обстоятельства, а также сведения, характеризующие личность обвиняемого (п. 3 ч. 1 ст. 89 УПК), так как эти данные необходимы опять-таки для вынесения обвинительного приговора и определения меры наказания.

Единственной нормой уголовно-процессуального закона, обязывающей орган уголовного преследования собирать не только уличающие, но и оправдывающие обвиняемого доказательства, является ст. 18 УПК, раскрывающая содержание принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела. В буквальном смысле, это доказательства, влекущие признание лица невиновным, например, за отсутствием в его действиях состава преступления и, как следствие, постановление оправдательного приговора. Но как быть с доказательствами, которые не оправдывают обвиняемого, однако способствуют установлению оснований освобождения его от уголовной ответственности или прекращения производства по делу. Отсутствие в ст. 89 УПК обязанности их собирать может привести к принятию неправильных решений. Так, по протесту заместителя Председателя Верховного Суда Республики Беларусь изменены приговор суда Лунинецкого района Брестской области и последующие решения по уголовному делу в отношении К., осужденного по ч. 2 ст. 207, ч. 1 ст. 73 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК). Его действия переквалифицированы с ч. 2 на ч. 1 ст. 207 УК, исключено указание о применении ч. 1 ст. 73 УК. Основанием изменения приговора явилось получение сведений о том, что К. является лицом, пострадавшим от катастрофы на Чернобыльской АЭС, в связи с чем на него распространяются положения Закона об амнистии об освобождении от наказания и снятии судимости за совершенное ранее преступление [5].

Очевидно, что редакция ч. 1 ст. 89 УПК, по сути, сводит доказывание лишь к обоснованию обвинения, а не к установлению всех имеющих правовое значение для дела обстоятельств. Как считает К. С. Ушакова, «Это несоответствие снижает эффективность закона, так как может способствовать неполному, одностороннему представлению о предмете доказывания по делу, недооценке исследования обстоятельств, исключающих уголовную ответственность обвиняемого или продолжение производства по делу в целом» [6, с. 191]. Сегодня подобный подход белорусского законодателя в данном вопросе выглядит, по меньшей мере, странно, особенно учитывая зарубежный опыт наших ближайших соседей и других стран постсоветского пространства. В частности, ч. 1 ст. 73 УПК РФ к подлежащим доказыванию по уголовному делу относит обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния (п. 5), обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания (п. 7). Часть 1 ст. 91 УПК Украины предусматривает, что в уголовном производстве подлежат доказыванию обстоятельства, являющиеся основанием для закрытия уголовного производства (п. 4), а также обстоятельства, являющиеся основанием для освобождения от уголовной ответственности или наказания (п. 5).

Практически аналогичные нормы содержатся в УПК Республики Казахстан (п. 8, 9 ч. 1 ст. 113) и Кыргызской Республики (п. 7, 8 ст. 81).

Такая регламентация соответствующих правоотношений позволила некоторым авторам полагать, что современное определение предмета доказывания сочетает в себе как предмет обвинения, так и предмет защиты [7, с. 10].

Думается, уголовно-процессуальное законодательство Республики Беларусь должно совершенствоваться именно в этом направлении. В ч. 1 ст. 89 УПК к подлежащим доказыванию следует добавить обстоятельства, исключающие производство по уголовному делу, а также влекущие освобождение от уголовной ответственности и наказания. Реализация подобного предложения создаст дополнительные гарантии всесторонности, полноты и объективности производства по уголовным делам, вынесения законного, обоснованного и справедливого судебного постановления.

Список использованной литературы

1. Кокорев, Л. Д. Уголовный процесс: доказательства и доказывание / Л. Д. Кокорев, Н. П. Кузнецов. – Воронеж, 1995. – 272 с.
2. Быков, В. М. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела по УПК РФ / В. М. Быков, Л. В. Березина. – Казань : Таглимат ИЭУП, 2006. – 256 с.
3. Шейфер, С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования / С. А. Шейфер. – М. : Норма, 2009. – 240 с.
4. Кузнецов, Н. П. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела / Н. П. Кузнецов. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1983. – 117 с.
5. Практика прокурорского надзора. Поддержание государственного обвинения и надзор за законностью судебных решений по уголовным делам [Электронный ресурс] : пособие / А. К. Стук, В. Л. Турко [и др.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. – Минск, 2023.
6. Ушакова, К. С. Определение предмета доказывания по уголовному делу / К. С. Ушакова // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО "Донецкий национальный университет". – 2019. – Т. 4, № 11–3. – С. 186–192.
7. Громов, Н. А. Доказательства, их виды и доказывание в уголовном процессе : учеб.-практ. пособие / Н. А. Громов, С. А. Зайцев, А. Н. Гущин. – М. : Приор-издат, 2006. – 80 с.

УДК 343.13

К. А. Дюсембаева

(Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Челябинск)

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТА-ЗАЩИТНИКА

В статье рассматривается критерий своевременного оказания юридической помощи в уголовном судопроизводстве, как один из составляющих понятия эффективной деятельности адвоката-защитника. Исследуются положения закона и точки зрения ученых относительно понятий эффективности, своевременности и признаков, позволяющих оценить работу адвоката-защитника с указанных позиций. Предлагается оценка своевременности юридической защиты с позиции возможности оказания ее в нужный момент. По результатам исследования сделан вывод о необходимости применения и закрепления изученного критерия как составляющего понятия эффективной деятельности по защите интересов и прав доверителей.

Право на квалифицированную юридическую помощь гарантировано Конституцией РФ [1]. В частности, «каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения». Адвокатура строит работу на принципах честности, разумности, добросовестности, квалифицированности, принципиальности и своевременности [2]. Право на адвоката, гарантированное высшим нормативно-правовым актом страны, можно расценивать

как право на эффективную помощь адвоката, построенную на вышеназванных принципах. Таким образом, лицо, попавшее в поле зрения правоохранительных органов, имеет право не только на защитника, но и на то, что он (защитник) будет эффективным.

В ряде случаев в силу закона помощь адвоката предоставляется бесплатно, что, к сожалению, стало считаться синонимом неэффективной, некачественной защиты [3]. Однако всегда человек получивший статус задержанного, подозреваемого, обвиняемого, нуждается в направляющей руке адвоката на каждом этапе уголовного судопроизводства, поскольку без таковой, даже будучи образованным в своей сфере, он, как правило, не имеет достаточных знаний в юриспруденции, а даже и обладая определенными знаниями, но будучи изолированным от общества, ограничен в способах защиты своих прав, ввиду отсутствия свободного доступа к источникам права, возможности свободно использовать средства доказывания или доказательства.

Роль адвоката, в том числе, заключается в правовом сопровождении доверителя на всех этапах уголовного судопроизводства, в проверке и оценке доводов обвинения. При осуществлении защиты прав обвиняемого немаловажной является обязанность адвоката убедиться в том, что суд выполняет свою функцию вынесения законного, обоснованного и справедливого решения. В связи с этим важным является уяснение всех критериев эффективности деятельности адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве.

Различные исследования оценивали критерии эффективности деятельности участников уголовного процесса в целом, также уделяя особое внимание составляющим ее понятиям. Ряд авторов рассматривали затрагиваемое понятие эффективности в контексте осуществления процессуальной деятельности судом [4; 5], прокурорами [6]. Одно из последних исследований касалось выработки теоретической модели, позволяющей эффективно осуществлять уголовно-процессуальную деятельность каждому из участников [7]. В ряде исследований, посвященных вопросу своевременности, было отражено мнение авторов о связи такого понятия со временем [8; 9]. Проводимые исследования как несколько лет назад [10; 15], так и на современном этапе [11] отмечают отсутствие выработанных единых научных понятий и закрепленных определений эффективной юридической помощи.

Соглашаясь с мнением ученых о необходимости формирования единого подхода ко всем терминам, закрепленным в нормативно-правовых актах любого уровня, регулирующих деятельность адвокатуры, автор хотел бы остановить свое внимание на вопросе своевременности оказания юридической помощи.

Своевременность как составляющая эффективности уголовно-процессуальной деятельности также была предметом обсуждения в научной среде [8]. В проводимых исследованиях отмечалась взаимосвязь движения, времени с непосредственной процессуальной деятельностью, поскольку многие действия участников уголовного судопроизводства должны совершаться в установленные законом сроки для достижения определенного юридического эффекта [8; 12].

Соглашаясь с необходимостью осуществления процессуальных действий в нужный момент, в настоящей статье автор постарается раскрыть понятие своевременности действий адвоката-защитника с точки зрения его индивидуальной возможности действовать своевременно, поскольку этому вопросу уделено несправедливо мало внимания в научной литературе.

Анализ ряда упомянутых исследований указывает на сложившееся в научной среде мнение о связи эффективности деятельности с конечным, как ожидается, положительным, результатом. Представляется, что такое суждение не вполне отвечает целям и задачам, стоящим перед адвокатом. Конституционный Суд Российской Федерации в своем Постановлении от 23.01.2007 №1-П помимо прочего указал, что в предмет договора возмездного оказания услуг не включается достижение результата, ради которого

он заключается. К примеру, одной из целей заключенного соглашения об оказании юридической помощи было заявление ряда ходатайств, но в ходе осуществления защиты лица по делу подача таких ходатайств стала нецелесообразной. Цель соглашения не достигнута, но стала ли работа адвоката от этого менее эффективной? Думается, что нет.

Доверитель чаще связывает эффективность деятельности адвоката, оценивает его квалифицированность, своевременность действий через призму достижения положительного результата. Полагаем, что такое, очевидно, субъективное суждение, сделать мериллом качества деятельности адвоката нельзя. С другой стороны, в некоторых случаях, цель может стать недостижимой из-за действий самого адвоката.

Во многом начало деятельности по оказанию юридической помощи, то есть своевременность совершения тех или иных действий адвокатом, зависит от выработанной позиции по защите интересов доверителя. Это может быть позиция признания вины, непризнания вины, «молчания» и другие [13]. В числе прочего также отмечается необходимость выполнять своевременно поручения и действия, вытекающие из положений закона, обстоятельств дела.

В трактовке УПК РФ данные суждения можно понимать как необходимость соблюдения процессуальных сроков подачи жалоб, ходатайств, явки к следователю, ознакомления с отдельными процессуальными документами, выполнения иных регламентированных действий. Однако, данные действия не раскрывают в полной мере понятие своевременности. К примеру, зачастую доверители недовольны тем, что их адвокаты не заявили ходатайств, не совершили тех или иных процессуально значимых действий, ненадлежащим образом реагировали на происходящее в уголовном процессе, подразумевая в этом несвоевременность действий защитника. Ряд исследователей и адвокатов обоснованно полагает, что подобные претензии «не могут служить основанием для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности за нарушение норм законодательства об адвокатской деятельности или Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку относятся к выбранной адвокатом тактике ведения дела...» [14].

Другой частый пример - заявление ходатайства об исключении доказательств. В силу закона такое ходатайство может быть заявлено стороной защиты после ознакомления с материалами уголовного дела, но не исключена возможность заявления таких ходатайств и в судебном заседании. Как правило, сторона защиты спешит заявить о недопустимости тех или иных доказательств, собранных стороной обвинения, до того, как они (доказательства) будут предоставлены и исследованы стороной обвинения. Подобное поведение судом расценивается как преждевременные действия. Полагаем, что говорить о своевременности в таком случае также нельзя. Равно как и о правильной линии защиты. Раскрывая раньше времени свои суждения о качестве сформированного объема доказательств, можно нечаянно дать стороне обвинения шанс на подготовку более убедительной позиции, исключив эффект неожиданности. Подобная поспешность в действиях должна устраняться путем наработки опыта, соблюдения обязанности по непрерывному самообучению и повышению квалификации.

Таким образом, вопрос в какой момент времени следует заявить ходатайство или совершить иное процессуальное действие не связан в полной мере с раскрытием понятия критерия своевременности. Автор полагает, что, говоря о своевременности, представляется важным уделить внимание оценке собственных ресурсов, загруженности и профессиональной компетентности в отношении предъявленного доверителю обвинения и вопросов, связанных с уголовным преследованием. Неправильное распределение нагрузки, некачественное ознакомление с делом, обусловленное нехваткой времени, может повлечь за собой упущение важных обстоятельств дела, поскольку свидетелю не будут заданы нужные вопросы, вещественные доказательства в суде не будут изучены должным образом, внимание суда не будет обращено усилиями стороны защиты на противоречивость представленных стороной обвинения доказательств.

Кодексом профессиональной этики адвокату запрещено брать на себя больше поручений, чем он может исполнить. Подобное правило коррелирует с вопросами своевременности деятельности защитника, поскольку ведение одновременно нескольких дел, сложных дел, неизбежно приведет к конфликту интересов, невозможности именно своевременного должного процессуального реагирования и, в конечном счете, к неблагоприятному результату оказания правовой помощи.

Таким образом, такое оценочное суждение как своевременность оказания юридической помощи можно рассматривать не только в ключе процессуальных сроков, но и самой возможности защитника в конкретное время принять поручение и исполнить его в соответствии с принципами и задачами, стоящими перед адвокатом.

Подводя итог, можно заключить, что адвокатское сообщество нуждается в выработке понятийного аппарата принципов и критериев эффективной работы в уголовном судопроизводстве. Указанное позволит адвокатам, в особенности только получившим статус, понимать какие действия должен, а какие не должен совершать адвокат в ходе выполнения поручения. В целях выработки единой системы понятий эффективности деятельности адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве следует продолжить работу по закреплению всего понятийного аппарата принципов и критериев деятельности адвоката в нормативно-правовых актах, регулирующих деятельность адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве.

Список использованной литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : офиц. текст : с изм. от 01 июля 2020 г. – СПб. : ООО «Виктория плюс», 2023. – 48 с.
2. Кодекс профессиональной этики адвоката [Электронный ресурс] : принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003 : в ред. от 15.04.2021 // Консультант Плюс. Россия / ООО "КонсультантПлюсИнформПраво". – М., 2021
3. Калдышев, А. Н. Основы деятельности и место адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве России / А. Н. Калдышев, А. М. Байбулатов // Власть и управление на Востоке России. – 2014. – № 1(66). – С. 160–163.
4. Астафьев, А. Ю. Процессуальные гарантии эффективности осуществления правосудия по уголовным делам судом первой инстанции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. Ю. Астафьев. – Воронеж, 2013. – 23 с.
5. Гагиев, А. К. Критерии эффективности деятельности судов в гражданском и арбитражном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11 ; 12.00.15 / А. К. Гагиев. – Москва, 2013. – 20 с.
6. Камчатов, К. В. Деятельность прокурора в уголовном судопроизводстве: оценка эффективности / К. В. Камчатов, А. А. Тимошенко // Российская юстиция. – 2017. – № 11. – С. 29–33.
7. Даровских, О. И. Теоретические, правовые и организационные основы обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности : дис. ... док. юрид. наук : 12.00.09 / О. И. Даровских. – Челябинск, 2022. – 538 л.
8. Даровских, С. М. Своевременность – как критерий эффективности уголовно-процессуальной деятельности / С. М. Даровских, О. И. Даровских // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2018. – № 3. – С. 11–19.
9. Кондрашов, Ю. А. Фактор времени в юридической деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Ю. А. Кондрашов. – Саратов, 2012. – 22 с.
10. Кудрявцев, В. Л. Реализация конституционно-правового института квалифицированной юридической помощи в деятельности адвоката (защитника) в российском уголовном судопроизводстве (теоретические основы и проблемы обеспечения) : автореф. дис. ... док. юрид. наук : 12.00.09 / В. Л. Кудрявцев. – Москва, 2008. – 54 с.

11. Гаврилов, С. Н. Качество юридической помощи в контексте подходов и терминологии проекта Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи / С. Н. Гаврилов // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16. – № 5. – С. 155–165.

12. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. / М. С. Строгович. – М. : Наука, 1968. – Т. 1. – 468 с.

13. Ходилина, М. В. Правовая позиция адвоката-защитника (проблемы формирования и реализации) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11 / М. В. Ходилина. – Москва, 2013. – 21 с.

14. Кудрявцев, В. Л. Некоторые проблемы оценки деятельности адвоката-защитника как квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве / В. Л. Кудрявцев // Налоги, газета. – 2009. – № 15 – С. 16–18.

15. Мельниченко, Р. Г. Стандарты качества адвокатских услуг / Р. Г. Мельниченко // Адвокатская практика. – 2010. – № 5. – С. 26–30.

УДК 343.9

С. Л. Емельянов

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель)

ОРГАНИЗАЦИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВА В СИТУАЦИИ ЗАДЕРЖАНИЯ ФАЛЬШИВОМОНЕТЧИКА С ПОЛИЧНЫМ

Анализ практики обнаружения и расследования фальшивомонетничества свидетельствует о наличии ряда трудностей, возникающих в деятельности правоохранительных органов, которые обуславливаются такими факторами, как малочисленный состав лиц, входящих в преступную группу, тесная устойчивая связь между ними, максимальная конспирация противоправных действий. В настоящем исследовании излагаются рекомендации, направленные на обеспечение эффективности расследования рассматриваемой категории преступлений в ситуации задержания фальшивомонетчика с поличным.

Комплекс следственных мероприятий в рамках расследования фальшивомонетничества формируется исходя из складывающихся следственных ситуаций, к числу которых, в частности, относится ситуация, при которой фальшивомонетчик задержан с поличным (в том числе и при сбыте им поддельных денег).

Расследование начинается с личного обыска задержанного и его допроса. Затем допрашиваются свидетели-очевидцы сбыта и, если необходимо, проводится опознание задержанного или очная ставка между ним и свидетелем.

В процессе допроса следует, к примеру, выяснить, кто, где и когда изготовил клише, печатные формы, камни, матрицы; какая копировально-множительная или компьютерная техника использовалась; кто, когда, где ее приобрел или имел к ней доступ; был ли допрашиваемый или кто-либо из его окружения сведущ в области полиграфического, граверного дела.

Результативность допроса подозреваемого, отрицающего свою причастность к совершению рассматриваемого преступления, опосредуется полнотой собранной к началу проведения данного следственного действия доказательственной информации. При этом целесообразно использовать тактику постепенного предъявления отдельных доказательств (наличие на обнаруженных при обыске задержанного купюрах одинаковых номеров, заключение эксперта о подделке денежного знака, о способе его изготовления, фрагменты показаний свидетелей и т.д.). Наличие неопровержимых доказательств вынудит подозреваемого

признать конкретные эпизоды своей преступной деятельности. Однако следует иметь в виду, что фальшивомонетчики склонны выдавать эти эпизоды за единичные, спорадические, тем самым отрицая связь с другими фактами изготовления или сбыта подделок.

Эффективным приемом разоблачения ложных показаний допрашиваемого является максимальная детализация сведений, сообщаемых при допросе. Фиксация незначительных, на первый взгляд, моментов (где приобрел купюру, когда и с какой целью оказался на этом месте, как был одет сбытчик, что он при этом говорил, кто находился рядом и т.д.) позволит при повторных допросах выявить противоречия и ложь в показаниях. Чем больше ложных сведений сообщает допрашиваемый, тем легче его изобличить в этом, так как вымышленные факты практически невозможно продумать до мельчайших подробностей, сохранить их в памяти. Вопросы о мелких деталях преступления могут способствовать формированию у подозреваемого преувеличенного представления об осведомленности допрашивающего. Детализация необходима и в тех случаях, когда подозреваемый дает правдивые показания. Уточнение и фиксация деталей произошедшего будут способствовать проверке их достоверности, затруднят попытку допрашиваемого отказаться от ранее данных правдивых показаний, подтвержденных иными документами по делу.

Следует также сделать обыск в месте задержания, по месту жительства и работы подозреваемого. Обыск должен проводиться сразу после задержания, без промедления, в противном случае могут быть утрачены важные доказательства. Иногда возникает необходимость обследовать тело обыскиваемого. Наиболее квалифицированно это может сделать специально привлеченный медработник. Следует тщательно осмотреть и все вещи, находящиеся у задержанного, в которых могут быть спрятаны фальшивые деньги, записки и другие мелкие предметы, изобличающие преступную деятельность. Если обыскиваемый передвигался на автомобиле, мотоцикле, то необходимо обыскать и эти транспортные средства. Практике известны случаи, когда вещественные доказательства обнаруживали в бензобаке, в шинах колес.

После личного обыска надо внимательно осмотреть место, где был задержан подозреваемый. Не исключена возможность, что он успел выбросить какие-либо предметы или документы, изобличающие его в фальшивомонетничестве.

Обыскивать помещение надо системно, по порядку: например, лучше всего двигаться от входной двери по часовой стрелке, подвергая тщательному обыску все предметы, находящиеся на пути, а также стены, ниши, окна, пол и потолок. Места общего пользования рекомендуется осматривать в первую очередь, чтобы предупредить возможность уничтожения спрятанных предметов.

При проведении обыска у лиц, подозреваемых в подделке денег полиграфическим способом, разыскиваются печатные формы, фотографические аппараты и фотоматериалы, граверные инструменты, химикаты для травления металлических пластин и т.д.

При обследовании места изготовления фальшивок любым из известных способов необходимо участие специалиста, знакомого с данным видом воспроизводства копий подлинных дензнаков, без него нельзя обойтись и при осмотре компьютерной и множительной техники, чтобы предотвратить утрату информации и следов из-за неумения обращаться с подобными объектами. Специалист поможет провести предварительное исследование компьютерной техники, отключить и изъять ее.

Полное и всестороннее изучение указанного оборудования, а также содержания файлов на носителях информации проводится в процессе детальных исследований в экспертном учреждении. При отсутствии специалиста компьютерное оборудование отключается и изымается. Какие-либо манипуляции (особенного на операционном блоке!) без специалиста недопустимы, так как это может привести к утрате информации, имеющейся на носителях.

При обыске изымаются документы с информацией о данном компьютерном оборудовании; листы бумаги с текстами или графическими изображениями, которые могли быть распечатаны с использованием данного компьютерного оборудования; другие объекты.

Если есть основания предполагать, что фальшивомонетчиком использовалось производственное оборудование, обыск осуществляется по месту работы подозреваемого. При этом обследуются все рабочие точки: шкафы для одежды и хранения инструментов, подсобные помещения с находящимися в них предметами. К участию в обыске следует привлекать ответственных специалистов данного производственного подразделения.

На оборудовании, готовой продукции, сырье, инструментах и рядом с ними могут находиться следы пальцев рук, остаться предметы одежды, сохраняющие запах владельца, другие вещи, по которым может быть опознан конкретный человек. Надо обращать внимание на количество материалов, готовой продукции, характер оборудования, так как они могут свидетельствовать о промысле, то есть многократности производства фальшивой валюты.

При производстве следственных действий по сбору и фиксации вещественных доказательств следует постоянно помнить, что финансовые средства, необходимые для организации изготовления и реализации фальшивых денежных знаков, добываются фальшивомонетчиками различными путями, в том числе и посредством совершения преступлений других видов. Во многих случаях реализация поддельных денежных знаков осуществляется через многоступенчатую систему, в которой деньги проходят через большое количество лиц или преступных групп и представляют собой товар определенной стоимости.

Сбываются фальшивые денежные знаки и при обменных операциях между преступными группами, например, при покупке наркотиков или похищенных автомашин. Иногда другая сторона и не подозревает, что расчет за продаваемый ею нелегальный товар производится фальшивыми деньгами. На этой почве впоследствии между соответствующими преступными группами могут возникать конфликты.

Осуществлять сбыт может как сам изготовитель фальшивых денег, так и его друзья, родственники. Иногда для этих целей специально привлекаются люди определенных профессий, имеющие возможность быстро и свободно перемещаться по различным регионам, – стюардессы, машинисты, проводники и т.д. Нередко преступники поручают реализацию поддельных денег старикам или женщинам, которые, по их мнению, не вызывают подозрений у лиц, принимающих фальшивки.

Сбыт фальшивых денег обычно совершается в форме уплаты за товар либо размена на купюры более мелкого достоинства. Используется также прием приобретения в магазине какой-либо вещи, когда стремятся в качестве сдачи получить как можно больше подлинных купюр.

Чтобы уменьшить вероятность разоблачения, преступники при сбыте поддельных денег проявляют особую осторожность и изобретательность. Часто они с помощью грима, наклеенных усов, бороды и другими способами стремятся изменить свою внешность, меняют места сбыта, пользуются фальшивыми или чужими документами, изучают местные обычаи и традиции, приспосабливаются к окружающей обстановке, стараются долго не задерживаться на одном месте.

При проведении следственных действий «по горячим следам» всегда имеется возможность собрать более полную информацию, анализ и оценка которой способствует изобличению преступников.

Следует иметь в виду, что некоторые граждане могут и не подозревать о том, что они рассчитываются фальшивыми деньгами, поэтому мероприятия по задержанию следует проводить таким образом, чтобы не скомпрометировать их в глазах окружающих и тем самым не нарушать права человека.

В заключении отметим, что правильно организованное расследование позволяет: выяснить, обладает ли задержанный специальными навыками и знаниями, необходимыми для подделки денежных знаков; выявить объем и характер преступной деятельности разрабатываемых; выяснить, каким образом, с помощью каких приспособлений и с применением каких материалов производилась подделка; установить соучастников фальшивомо-

нетничества; облегчить получение правдивых показаний от задержанных; выяснить причины, которые препятствуют чистосердечному признанию подозреваемых; отыскать места хранения фальшивых денег, а также инструментов, приспособлений и материалов, используемых для их изготовления; обнаружить места хранения имущества и ценностей, нажитых преступным путем; выявить лиц, могущих быть свидетелями по делу, и т.д.

УДК 343.1

Н. В. Загребина

(Владивостокский государственный университет, Владивосток)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

С момента формирования институт предварительного следствия является одним «из узких мест» уголовного судопроизводства, активно исследуемым учёными, высказывающими разнообразные идеи по его усовершенствованию. В статье изложены некоторые проблемные аспекты правоприменения в процессе производств предварительного следствия и сформулированы предложения по их корректировке, с учётом опыта регламентации в некоторых государствах постсоветского пространства.

Исследователи отмечают следующие проблемные моменты, возникающие при расследовании уголовных дел [1, с. 24–30; 2, с. 168–170]: несовершенство законодательства, профессиональный уровень подготовки следователей и организационный аспект.

Несовершенство законодательства. 1. Превалирование формы над содержанием. На наш взгляд, процесс доказывания излишне «забюрократизирован». Иллюстрацией может служить практика применения норм возвращения уголовного дела прокурору (ст. 237 УПК РФ) [3]. Так, Нальчикский городской суд возвратил уголовное дело прокурору из-за несовпадения нумерации листов дела с описью [4]. Впоследствии апелляционная инстанция отменила решение. Формализм может иметь и более существенные последствия. К примеру, суд Советского района г. Владивостока не принял во внимание и не дал оценку некоторым доказательствам и вынес оправдательный приговор. Апелляционная инстанция, отменяя решение, направила дело прокурору для устранения допущенных при составлении обвинительного заключения неточностей [5]. В последующем Советский районный суд г. Владивостока постановил обвинительный приговор [6]. Поскольку течение процессуальных сроков в подобных ситуациях не приостанавливается, возникает риск «ухода от ответственности» в связи с истечением срока давности. 2. Производность участия защитника в доказывании от решения правоприменителя (дознавателя, следователя, судьи). Собранные защитником сведения, имеющие значение для уголовного дела, могут вовлекаться в процесс доказывания только по решению правоприменителя, придающего им процессуальную форму (ст. 74 УПК РФ) [3]. Иное, например, в Грузии, где защитник и подозреваемый (обвиняемый) являются субъектами доказывания (ст. 39 УПК Грузии) [7], а представляемые ими доказательства оценивает суд. На наш взгляд, такая конструкция доказывания предпочтительнее, т.к. оптимизирует усилия органов предварительного расследования, которые освобождаются от необходимости проверки представляемой стороной защиты информации. 3. Некорректность некоторых правил определения подследственности уголовного дела. Речь идёт об альтернативной подследственности и изменении подследственности по решению вышестоящего руководителя следственного органа (обычно по мотивам общественного резонанса, как, например, передача уголовного дела, возбужденного по факту массовой драки, произошедшей в г. Ковдор Мурманской области в июле 2022 года, из следственного подразделения органов МВД в региональный следственный комитет [8]) – ч. 5 ст. 151 и ч. 6 ст. 152 УПК

РФ [3]. Эти критерии создают условия для злоупотребления процессуальным правом и способствуют затягиванию сроков предварительного расследования, утрате доказательственного материала, снижению качества расследования, поскольку в зависимости от подследственности следователи различных ведомств лучше владеют методикой расследования уголовных дел, относимых законом к их ведению. 4. Диспропорция сроков предварительного следствия и содержания под стражей. Особенности продления срока содержания под стражей предполагают учёт следователем движение уголовного дел на этапе окончания предварительного расследования (10 суток для принятия решения прокурором по окончанию производству и 14 суток для принятия решения судом в стадии назначения дела к судебному разбирательству – ч. 1 ст. 221, ч. 3 ст. 227 УПК РФ [3]). Поскольку срок заключения под стражей может быть продлён в пределах срока предварительного расследования (2 месяца) [9], то фактически доступный для следователя срок предварительного следствия после продления составляет 1 месяц и 5 – 6 суток. С учётом объективных, но не признаваемых законодателем обстоятельств, связанных с работой следственных органов, экспертных учреждений (ч. 4 ст. 6.1 УПК РФ) [3] и иных факторов (перенос следственных действий из-за неявки участников, погодные условия, время, затраченное следователем на дорогу, нагрузка следователя, сроки предоставления ответов на запросы и т.п.) фактический объём времени для производства следственных и процессуальных действий ещё меньше, что не позволяет следователю получить полную картину произошедшего. 4. Сжатость сроков составления протоколов следственных действий. В соответствии с законом протокол составляется либо в процессе производства следственного действия, либо сразу после его окончания и фиксируются подписями его участников (ч. 1 ст. 166 УПК РФ) [3]. Сложности возникают при составлении протоколов следственных действий, в ходе которых осуществлялась аудио- или видеофиксация. Транскрибирование в протоколе результатов технической фиксации следственного действия может занимать достаточно длительное время, в течение которого все участники следственного действия вынуждены находиться по месту его составления (иногда в течение нескольких часов). В законодательстве некоторых государств постсоветского пространства это обстоятельство учитывается, например, в Латвии закреплены альтернативные сроки составления протокола – семидневный срок со дня завершения следственного действия, если применялась техническая фиксация, и во время или сразу после производства следственного действия, если таковая не применялась (ст. 142, 143 УПЗ Латвии) [10].

Профессиональный уровень подготовки следователя. Распространённым является мнение о низком общем и профессиональном уровне подготовки следователей. Не отрицая наличия этой проблемы, отметим моменты, которые, на наш взгляд, влияют на качество составляемых процессуальных документов: 1) избыточность легальных требований к оформлению протоколов процессуальных действий – в стандартном протоколе допроса обвиняемого последнему в среднем необходимо поставить свою подпись 10 раз, своеобразный «квест на внимательность» для следователя, который может повлечь признание доказательств недопустимым (ч. 3 ст. 7 УПК РФ) [3]; 2) «захламление» уголовных дел документами, не несущими никакой содержательной нагрузки. Так, в трёхтомном уголовном деле, расследованном в Следственном отделе по Советскому району г. Владивостока Следственного комитета РФ по Приморскому краю, половина производства состояла из отражающих движение уголовного дела документов (о передаче дела от следователя к следователю, о поручении предварительного следствия, о принятии дела к производству, различные запросы, сопроводительные письма и уведомления и т.п.); 3) отсутствие в законе процедуры уточнения данных. Следователи используют два приёма – внесение заверяемых подписями исправлений в протоколы и вынесение не основанных на требованиях закона постановлений об уточнении данных [11, с. 63–68]. В УПК Молдовы разрешены эти вопросы. Имеются главы 4 «Поправки в процессуальных актах, исправление материальных ошибок и устранение явных упущений» и 5 «Недействительность процессуальных актов» раздела 8 книги 1. Нормы статьи 248 УПК

Молдовы определяют внесения поправок в процессуальные акты (исправления, зачеркивания и тому подобное) [12]. Порядок исправления материальных ошибок и явных упущений, например, отсутствие решения о вещественных доказательствах, регулируется положениями статей 249, 250 УПК Молдовы [12], а в предписаниях статей 251, 251¹ и 251² определены нарушения, при которых процессуальный акт признаётся недействительным [12]. В отечественном уголовном процессе следователь не решает вопросы о вещественных доказательствах, кроме случаев прекращения уголовного дела и уголовного преследования (ч. 2 ст. 213 УПК РФ) [3]. Статьей 81 УПК РФ определен порядок возврата предметов, не признанных вещественными доказательствами, и здесь следователь может принять неверное решение при определении судьбы этих предметов. Порядок исправления описок, неточностей законодателем закреплен лишь на стадии судебного производства в рамках исполнения приговора (п. 15 ч. 1 ст. 397) [1].

Организационный аспект. Сюда можно отнести увеличение нагрузки, особенности отчетности, материально-техническое обеспечение деятельности следствия [13, с. 103–108]. Проблема существует и существовала в дореволюционном и советском уголовном судопроизводстве [14, с. 19–30; 15, с. 270–271]. Однако некоторые исследователи считают, что наличие компьютерной техники, доступ к различным базам данных и пр. решает эту проблему [16, с. 74–80]. Это верно лишь отчасти. Так, следователь обычного районного подразделения Следственного комитета Российской Федерации по Приморскому краю имеет беспрепятственный доступ лишь к информационно-правовым системам («Консультант-плюс» – прим. автора). Доступ в сеть интернет осуществляется следователем за счет собственных средств. Программный комплекс «АРМ следователя» не получил широкого применения из-за неосведомлённости следователей об этой программе и сложности применения, работе с которой не обучают. Общеизвестны проблемы с размещением следственных подразделений, порой в непригодных помещениях, отсутствием вспомогательного персонала (водителей, курьеров и т.п.), неудачными локациями правоохранительных органов, недостаточности транспортных средств, компьютерной и оргтехники. В связи с изложенным уместно процитировать В. И. Ленина, отмечавшего подмену сути формой при разрешении дел, когда во главу угла ставится «... чтобы дело было гладко по бумагам...» [17, с. 275–276.].

Для разрешения означенных проблем предлагаются различные варианты – от усиления процессуального контроля путем введения института следственных судей [18] до повышения зарплат и скрупулезного отбора кадров [13, с. 103–108]; отмена процессуальных сроков, как рудимента советского уголовного процесса [19, с. 59–65]. Спектр предложений хотелось бы дополнить необходимостью научно-обоснованной, с учётом социально-экономических особенностей, реорганизации следственных подразделений, с перенесением центра тяжести оптимизации с низовых звеньев следственных подразделений на уровень субъектных и федеральных структур; увеличением доли электронного документооборота в уголовном судопроизводстве.

Некоторые исследователи предлагают ввести комплекс количественных и качественных показателей деятельности следователей [20, с. 93–98]. На наш взгляд, такое нововведение может усугубить имеющуюся ситуацию, когда во вред качеству работы следователи будут нацелены на достижение индивидуальных показателей.

Кроме того, отмеченные проблемные аспекты регламентации можно решить путем рецепции некоторых норм из уголовно-процессуального законодательства других государств.

Список использованной литературы

1. Бахта, А.С. Совместное исчисление сроков предварительного следствия (дознания) и срока содержания под стражей как искусственный тормоз предварительного расследования / А.С. Бахта, И. Нуру-Оглы Нуриев // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2022. – №2 (47). С. 24–30.

2. Канокова, Л. Ю. Проблемы доказывания в ходе предварительного следствия / Л. Ю. Канокова, Л. Х. Сатушиева, Д. Х. Гигиева // *Аграрное и земельное право*. – 2023. – № 4 (220) – С. 168–170.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 декабря 2001 г., № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 ноября 2001 г. : одобр. Советом Федерации 5 декабря 2001 г. : в ред. Федер. закона от 02 ноября 2023 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2023.
4. Апелляционное постановление Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики № 22-464/2017 от 27 июня 2017 г. по делу № 22-464/2017. – Режим доступа: <https://clck.ru/36Uorf>. – Дата доступа: 06.11.2023.
5. Апелляционное определение Приморского краевого суда от 23 мая 2018 г. по делу № 22-2171/2018. – Режим доступа: <https://clck.ru/36Uosu>. – Дата доступа: 06.11.2023.
6. Информация о движении уголовного дела № 1-22/2022 (1-255/2021). – Режим доступа: <https://clck.ru/36Uotv>. – Дата доступа: 06.11.2023.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Грузии [Электронный ресурс]: 9 октября 2009 г., № 1772- Пс // *Законодательный Вестник Грузии*. – 2009. – № 31. – Режим доступа: <https://clck.ru/36W5fj>. – Дата доступа: 06.11.2023.
8. Дело о массовой драке под Мурманском из-за общественного резонанса передали в СК // Информационное агентство ТАСС. – Режим доступа: <https://tass.ru/proisshestiya/15125797?ysclid=lofmw8urwh888812522>. – Дата доступа: 06.11.2023.
9. Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей : утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 18.01.2017 г. // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. – 2017. – № 9. – С. 31–41.
10. Уголовно-процессуальный закон Латвии [Электронный ресурс] : принят Сеймом 21 апр. 2005 г. : обнародован Президентом государства 11 мая 2005 г. : в ред. Закона от 05.10.2023 г. // Режим доступа: <https://likumi.lv/ta/id/107820> (дата доступа: 06.11.2023).
11. Мамедов, Р. Я. Законность устранения ошибок в уголовном судопроизводстве / Р. Я. Мамедов, Л. А. Мамедова // *Закон и жизнь*. – 2017. – № 1. – С. 63–68.
12. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова [Электронный ресурс] : 14 марта 2003 г., № 122-XV: в ред. Закона Республики Молдова от 26.10.2023 // Информационная система «КОНТИНЕНТ». – Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30397729. – Дата доступа: 06.11.2023.
13. Коньшаков, А. Н. Некоторые проблемы организационно-структурного построения органов предварительного следствия / А. Н. Коньшаков // *Теория и практика социогуманитарных наук*. – 2021. – № 3 (15). – С. 103–108.
14. Кодинцев, А. Я. Проблемы применения советского процессуального права в 30-е гг. XX в. / А. Я. Кодинцев // *Правоприменение*. – 2017. – Т. 1, № 2. – С. 19–30.
15. Соломон, П. Советская юстиция при Сталине / П. Соломон. – М. : Изд-во РОССПЭН, 1998. – 464 с.
16. Якубина, Ю. П. Предварительное следствие России: история и современность / Ю. П. Якубина // *Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова*. – 2020. – № 3(84). – С. 74–80.
17. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 5-е изд. – Москва : Госполитиздат, 1958–1965. – Т. 4: 1898 – апрель 1901. – 1959. – XVIII, 565 с.
18. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / А. С. Александров, Н. Н. Ковтун, С. А. Грачев и др. ; под ред. А. С. Александрова. – Москва : Юрлитинформ, 2015. – 304 с.

19. Боруленков, Ю. П. Фиксированные сроки следствия как рудимент российского уголовного процесса // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: сборник научно-практических трудов. Выпуск 3.* – М. : Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2014. – С. 59–65.

20. Можаяева, И. П. Направления повышения эффективности стимулирования деятельности сотрудников органов предварительного следствия в системе МВД России / И. П. Можаяева // *Общество и право.* – 2022. – № 4(82). – С. 93–98.

УДК 343.16

А. Н. Ильютенко

(Владивостокский государственный университет, Владивосток)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБВИНИТЕЛЬ В ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛУШАНИИ В СУДЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ГОСУДАРСТВАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Статья посвящена анализу участия прокурора в предварительном слушании в суде присяжных заседателей в Российской Федерации и странах постсоветского пространства, его основных прав, обязанностей и полномочий в данной стадии уголовного судопроизводства. Общим правилам проведения предварительного слушания и законодательному закреплению в основных законах и уголовно-процессуальном законодательстве.

Предварительное слушание – это форма (порядок) деятельности суда в стадии назначения и подготовки судебного заседания, которая имеет место при наличии установленных законом оснований и заключается в рассмотрении возникающих по делу вопросов с участием сторон.

Проведение предварительного слушания обязательно, если уголовное дело рассматривается судом с участием присяжных заседателей, общие правила его проведения предусмотрены законодательствами: Российской Федерации (глава 34 УПК РФ) [1]; Республики Казахстан (глава 65 УПК Республики Казахстан (далее – УПК РК) [2]; Кыргызской Республики (глава 45 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики (далее УПК КР) [3], Грузии (Уголовно-процессуальный кодекс Грузии – далее УПК Грузии) [4] и Украины (Уголовно-процессуального кодекса Украины – далее УПК Украины) [5].

В Республике Армения, Азербайджанской Республике, Республике Беларусь, Республике Молдова, Республике Таджикистан, Республике Туркменистан, Республике Узбекистан о присяжных заседателях не упоминается вовсе.

Цель исследования: определение наиболее значимых полномочий прокурора в предварительном слушании, реализация этих полномочий и какое значение они имеют в отправлении правосудия с участием присяжных заседателей.

Основой исследования являются: уголовно-процессуальное законодательство, нормативные правовые акты положениями которых регламентируется порядок и круг участников предварительного слушания при рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей, явка которых важна.

Исследование проведено с применением таких методов познания как анализ, описание и формально-юридический метод.

Актуальность настоящей работы в контексте указанной выше цели исследования заключается в анализе указанных законодательных положений, их характере, сравнении и оценки полномочий прокурора в предварительном слушании с точки зрения эффективности и необходимости.

Участие государственного обвинителя в предварительном слушании обязательно, он не имеет права отказаться или ходатайствовать перед судом о проведении предварительного слушания в свое отсутствие. В то же время участие обвиняемого (подсудимого) согласно ст. 234 УПК РФ и ст. 284 УПК КР увязывается с его волеизъявлением. Согласно п. 3 ст. 234 УПК РФ обвиняемый может отказаться от участия в предварительном слушании, заявив ходатайство о проведении предварительного слушания в его отсутствие. При этом Российский законодатель ссылается на обязательное применение в данном случае положений ч. 5 ст. 247 УПК РФ, в которой речь о такой возможности идет только в исключительных случаях, таких как, нахождение обвиняемого за пределами территории РФ и (или) уклонение от явки в суд, если это лицо не было привлечено к ответственности на территории иностранного государства по данному уголовному делу.

Вместе с тем участие обвиняемого в предварительном слушании очень важно, ведь подлежит уточнению его позиция относительно заявленной процедуры, возможность исключения доказательств, изменения обвинения.

Норма статьи 246 УПК РФ за государственным обвинителем закреплено право изменения обвинения в сторону смягчения путем исключения из квалификации деяния признаков преступления, отягчающих наказание; переквалификации деяния на менее тяжкое; исключение из обвинения ссылки на какую-либо норму Уголовного кодекса Российской Федерации, если деяние подсудимого предусматривается другой нормой Уголовного кодекса Российской Федерации, нарушение которой вменялось ему в обвинительном заключении или обвинительном акте. Что может повлиять на изменение подсудности дела – не будет подсудно суду с участием присяжных, а будет рассматриваться судьей единолично.

Уголовно-процессуальное законодательство Грузии, Казахстана, Кыргызстана и Украины также предусматривает право государственного обвинителя изменить обвинение на менее тяжкое или отказаться от части обвинения (ст. 250 УПК Грузии; ст. 364 УПК РК; ст. 35, 285 УПК КР; ст. 36, 337, 340 УПК Украины).

Анализ полномочий прокурора по вопросу отказа и изменения обвинения, показывает, что, как и в уголовно-процессуальном законодательстве России так и в аналогичных законодательствах стран, описанных выше, компетенции прокурора как государственного обвинителя совпадают, за одним исключением полномочий прокурора в Украине, где помимо схожих полномочий в части отказа и изменения обвинения, прокурор вправе выдвигать дополнительное обвинение.

Государственный обвинитель на предварительном слушании выясняет у обвиняемого его позицию по заявленному ходатайству о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей, важно узнать понимает ли обвиняемый в чем заключаются особенности такого судопроизводства и соответствует ли это ходатайство его истинному желанию, или же оно основано на знаниях института суда присяжных заседателей, полученных им в ходе просмотра телепередач, фильмов или после прочтения статей в газетах или в сети интернет.

Как показывает практика, многие обвиняемые на предварительном слушании после разъяснения специфики рассмотрения дела таким судом отказываются от заявленного ими ходатайства о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей.

Например, в Российской Федерации согласно данным, полученным из отчетов о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции [6], начиная с 2018 года по 2022 год, прослеживается тенденция к увеличению количества лиц, решивших воспользоваться правом, предусмотренным п. 1 ч. 5 ст. 217 УПК РФ [6] о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей – в случаях, предусмотренных пунктами 2 и 2.1 части 2 статьи 30 УПК РФ [6]. Вместе с тем прослеживается тенденция к снижению количества лиц, отказавшихся на предварительном слушании от заявленного ходатайства, с 12% в 2018 году до 7 % в 2022 году. Возможно, эта тенденция является следствием роста числа выносимых судом с участием

присяжных заседателей оправдательных приговоров. В сравнении с 2018 годом в 2022 году количество лиц, оправданных судом присяжных заседателей возросло с 11% до 25%. Допускаем, что на позицию обвиняемого при заявлении ходатайства о рассмотрении дела с участием присяжных заседателей могут влиять как консультация с защитником, так и разъяснения следователя и прокурора, даваемые соответственно по окончании расследования уголовного дела и вручении обвинительного заключения, поскольку на этапе предварительного слушания разъяснения по этому поводу давать запрещено, можно только задавать вопросы о том известна ли обвиняемому специфика такого судопроизводства и осознает ли он последствия заявленного им ходатайства.

Из приведенных статистических данных видно, что, количество обвиняемых, отказавшихся от заявленного ходатайства о рассмотрении их уголовного дела в суде присяжных заседателей снизилось с 12% до 8% за период с 2018 по 2022 год, а количество оправданных лиц возросло с 11% до 25% за аналогичный период.

Получается, что с 2018 по 2022 год из общего количества лиц, заявивших ходатайство о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей 20% были оправданы, и только 8% отказались от заявленного ранее ходатайства.

Не менее актуален вопрос участия в предварительном слушании потерпевшего. В УПК РФ, УПК КР, УПК РК и УПК Украины за потерпевшим такая обязанность не закреплена, его неявка не является препятствием для проведения предварительного слушания, это скорее его право, а не обязанность. Однако государственный обвинитель обязательно должен выяснить был ли потерпевший извещен судом о дате, времени и месте проведения предварительного слушания, чтобы убедиться в том, что потерпевшему было предоставлено право на доступ к правосудию.

Но особого внимания, на наш взгляд, заслуживает позиция законодателя Грузии в ст. 240 УПК Грузии по вопросу рассмотрения дела в случае неявки участников процесса, там в случае неявки кого-либо из участников процесса председательствующий в заседании в порядке, установленном УПК Грузии, принимает решение о продлении или отложении рассмотрения дела, по существу. Отличительной особенностью, которая присуща только УПК Грузии, в случае неявки без уважительных причин председательствующий в заседании распоряжением налагает на участника процесса штраф в размере от 100 до 500 лари, что не освобождает его от обязанности явки.

Изложенное позволяет утверждать, что на этапе предварительного слушания полномочия прокурора не являются надзорными, они связаны с поддержанием государственного обвинения, и, в то же время, они правозащитные, т.к. направлены на обеспечение соблюдения прав и законных интересов человека и гражданина, что соответствует сущности прокурорской деятельности закрепленной в ст. 52 Конституции РФ и ст. 6 УПК РФ по недопущению нарушений прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и обеспечению соблюдения их прав при рассмотрении уголовного дела по существу.

В заключении можно сделать вывод, что уголовно-процессуальное законодательство Грузии, Казахстана, Кыргызстана, России и Украины в части регламентации полномочий прокурора в предварительном слушании в связи с заявлением ходатайства о рассмотрении дела с участием присяжных заседателей схоже. Одним из самых главных и ключевых полномочий прокурора как государственного обвинителя предоставленных ему законом является его право отказа, изменения и выдвижение дополнительного обвинения. Это полномочие прокурора, представляется наиболее важным в силу того, что в случае использования прокурором данного полномочия возможно изменение подсудности уголовного дела, тяжести инкриминируемого деяния. С точки зрения правоприменителя – это позволяет достичь процессуальной экономии, оптимизировать трудозатраты профессиональных участников процесса, поскольку рассмотрение дел с участием присяжных заседателей трудоёмкий процесс. С точки зрения обвиняемого (подсудимого) изменение подсудности влечёт снижение шансов на постановление оправдательного приговора, по-

сколькx карательная практика профессиональных судей, во всяком случае в России, жёсткая. Число оправдательных приговоров в год варьируется от 0,2 до 0,4 процента. Что же касается прокуратуры, то, корректируя обвинение в предварительном слушании, государственный обвинитель обеспечивает соблюдение прав и законных интересов человека и гражданина, защищая от незаконного и необоснованного уголовного преследования.

Список использованной литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 декабря 2001 г., № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 ноября 2001 г. : одобр. Советом Федерации 5 декабря 2001 г. : в ред. Федер. закона от 02 ноября 2023 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2023.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс]: 04 июля 2014 года, № 231-V : с изменениями и дополнениями по состоянию на 12.09.2023. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852&pos=250. – Дата доступа 07.11.2023.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс] : 28 октября 2021 года, № 129 : в ред. Закона Кыргызской Респ. от 10 октября 2023 г. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36639004. – Дата доступа: 07.11.2023.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Грузии [Электронный ресурс] : 09 октября 2009 г., № 1772-Пс : в ред. Закона от 30.12.2021 г. – Режим доступа: <https://www.matsne.gov.ge/ru/document/view/90034?publication=158>. – Дата доступа: 07.11.2023.

5. Уголовный процессуальный кодекс Украины [Электронный ресурс]: 13 апреля 2012 года, № 4651-VI : с изменениями и дополнениями по состоянию на 23.08.2023 г. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31197178. – Дата доступа 07.11.2023.

6. Отчеты о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном суде РФ. – Режим доступа: <http://cdep.ru/?id=79>. – Дата доступа: 08.11.2023.

УДК 343.13

Ю. С. Климович

*(Институт правовых исследований Национального центра законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь, Минск)*

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСА, ОЧНОЙ СТАВКИ И ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИСТЕМ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦСВЯЗИ (ВЕБ-КОНФЕРЕНЦИИ) В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Статья посвящена анализу отдельных проблем производства допроса, очной ставки и предъявления для опознания с использованием систем видеоконференции (далее – ВКС) (веб-конференции). Обозначены отдельные недостатки нормативного регулирования производства указанных следственных действий в дистанционном порядке и одновременно высказаны предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в указанной части.

В текущий момент использование информационно-коммуникационных технологий в процессе нормотворчества и правоприменения находится в центре внимания многих ученых-правоведов. Цифровизация затронула практически все отрасли права, не исключение и уголовный процесс, где относительно недавно появилась законодательная

возможность дистанционного посредством видеоконференцсвязи (веб-конференции) производства допроса, очной ставки и предъявления для опознания. На отдельные проблемы реализации на практике указанных следственных действий мы хотели бы обратить внимание в настоящей работе.

О. И. Локтевич, являясь представителем ведомственного учреждения образования в структуре Следственного комитета Республики Беларусь, отмечает, что «несмотря на предоставленную возможность обеспечения оперативного дистанционного общения участников уголовного процесса, в практической деятельности данная норма применяется достаточно редко. Объясняется это рядом следующих обстоятельств: трудоемкостью процесса подготовки к проведению следственного действия; недостаточной технической оснащенностью практических подразделений; недостаточной теоретической подготовкой сотрудников по данному вопросу; боязнью допустить нарушения уголовно-процессуального порядка его проведения, которые будут зафиксированы на видеозаписи, и др. [1, с. 99].

Первое, на что хотелось бы обратить внимание, рассматривая порядок дистанционного производства следственных действий, это предусмотренные законом основания для их проведения. Согласно ч. 1 ст. 224¹ Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) это: невозможность прибытия участника процесса для производства следственного действия по состоянию здоровья или по другим уважительным причинам; необходимость обеспечения безопасности участников уголовного процесса и других лиц в соответствии с главой 8 УПК; если потерпевший, свидетель являются несовершеннолетними; необходимость обеспечения наиболее быстрого, всестороннего и объективного исследования обстоятельств уголовного дела.

Если обратить внимание на четвертое основание, которое появилось в законе в 2021 году, то можно отметить, что мы наблюдаем в нем синтез задачи уголовного процесса в виде быстрого и полного расследования преступлений и такого специального принципа уголовного процесса как всесторонность, полнота и объективность исследования обстоятельств уголовного дела. Фактически речь идет о том, что следственные действия можно проводить дистанционно, если это требуется для быстрого расследования преступления и достижения объективной истины по делу. Это основание связано не с юридическим фактом, возникающим в ходе расследования и имеющим какое-либо конкретное внешнее проявление, а с конечной целью производства по уголовному делу. Нетрудно понять, что подобная редакция закона делает какие-либо дополнительные основания реализации дистанционного порядка производства следственных действий просто излишними. Формально любой случай применения ВКС (веб-конференции) следователь может вполне законно аргументировать необходимостью быстрого и полного расследования преступления. В этой связи согласимся с точкой зрения Ю. А. Матвейчева о том, что не нужно связывать правоприменителя какими-либо основаниями в данной ситуации, а следует «разрешить ему проводить процессуальные действия дистанционно и в иных случаях, когда орган, ведущий уголовный процесс признает это необходимым [2, с. 172].

Кстати, согласно ст. 189.1 УПК Российской Федерации ВКС при производстве следственных действий применяется по усмотрению следователя и не связано с какими-либо дополнительными основаниями либо условиями. Видится возможным подобный подход реализовать и в законодательстве Республике Беларусь, отказавшись от фиксации оснований применения ВКС (веб-конференции) в ч. 1 ст. 224¹ УПК.

По смыслу ч. 2 ст. 224¹ УПК следственные действия с ВКС (веб-конференцией) вправе проводить только следователь, для лица, производящего дознание, такая возможность исключена. Трудно согласиться с таким подходом, так как, если исходить из того, что инновационные научно-технические средства повышают эффективность уголовного процесса, облегчают производство следственных и процессуальных действий, то их использование должно быть в равной степени доступно и органам дознания. «Принимая

внимание, то факт что общий срок предварительного следствия в Беларуси составляет два месяца, а срок производства неотложных следственных действий органом дознания ограничен десятью сутками с момента возбуждения уголовного дела, видится не вполне оправданным ненаделением законодателем лица, производящего дознание, правом проведения данных действий», – говорит на данный счет Ю. П. Шкаплеров [3, с. 51–52].

В ч. 10 ст. 224¹ УПК зафиксировано, что «протокол следственного действия составляется в ходе производства следственного действия или непосредственно после его окончания». Полагаем, это сделано излишне, фактически законодатель без какой-либо видимой причины полностью продублировал содержание ч. 1 ст. 193 УПК, где зафиксирован это общее для всех следственных действий правило составления протокола. При этом в ч. 3 ст. 224¹ УПК прямо указано, что «допрос, очная ставка, предъявление для опознания лиц и (или) объектов производятся по общим правилам, установленным настоящим Кодексом, с учетом положений настоящей статьи».

Это не единственный случай, когда законодатель дублирует общие положения в анализируемой норме. В ч. 11 ст. 224¹ УПК указано: «В случае применения в отношении лица, участвующего в проведении следственных действий с использованием систем видеоконференцсвязи, предусмотренных частью 1 настоящей статьи, мер по обеспечению безопасности в соответствии с главой 8 настоящего Кодекса оно может быть допрошено либо с его участием могут быть проведены очная ставка, опознание лица с использованием систем видеоконференцсвязи с соответствующими изменениями внешности и (или) голоса, обеспечивающими неузнаваемость защищаемого лица». Представляется, что таким образом без должной необходимости повторяется общая норма, изложенная в ч. 2 ст. 67 УПК о том, что «производство следственных действий с участием защищаемого лица в ходе предварительного расследования, а также его допрос в судебном заседании могут осуществляться вне визуальной видимости других лиц, в том числе находящихся в зале судебного заседания, или с применением мер, обеспечивающих неузнаваемость защищаемого лица, о чем делается отметка в протоколе следственного действия или кратком протоколе, протоколе судебного заседания».

Вызывает сомнение и необходимость предписания, зафиксированного в первом предложении ч. 7 ст. 224¹ УПК о том, что «должностное лицо, исполняющее поручение об оказании содействия, обязано находиться с участником следственного действия до его окончания». Оно не нарушает какой-либо нормы и не содержит противоречия, однако, является явно избыточным и само собой разумеющимся в контексте статьи. Ведь непосредственно за ним следует формулировка: «По окончании следственного действия должностное лицо, исполняющее поручение об оказании содействия, обязано полностью воспроизвести участнику следственного действия видеозапись следственного действия, если он об этом ходатайствует». Очевидно, что она снимает вопросы, где должно находиться должностное лицо, исполняющее поручение об оказании содействия, на всем протяжении следственного действия. В принципе, если следовать инструктивной манере законодателя, то в законе следовало также указать, что должностное лицо, исполняющее поручение об оказании содействия, обязано находиться с участником следственного действия с момента его начала. Однако, есть ли в этом необходимость? Как нам представляется вопрос риторический.

Приведенные выше примеры иллюстрируют практику того, как в процессе нормотворчества параллельно с созданием конкретной уголовно-процессуальной нормы либо излишне повторяются общие положения, либо без видимой необходимости фиксируются очевидные предписания, перегружающие текст закона. Можно предположить, что за этим скрывается желание авторов законопроекта лишней раз «проинструктировать», «наставить» правоприменителя, напомнить ему о его возможностях, что уместно для ведомственных рекомендаций или инструкций, но никак не для нормативного акта. А. В. Победкин по данному поводу верно подметил, что «законодатель, следуя за склонностью правоприменителя к буквальному толкованию закона, бесконечно конкретизирует УПК, инструктирует

правоприменителя, старается показать ему выход из каждой возможной ситуации. Разнообразие жизненных ситуаций, требующих уголовно-процессуального решения, неисчерпаемо, и движение в «воронке поправок в УПК» становится все сложнее» [4, с. 102].

Содержание ст. 224¹ УПК говорит о том, что она сконструирована под самую простую ситуацию проведения следственного действия, когда, например, необходимо дистанционно допросить одно лицо, территориально удаленное от следователя. Все усложняется, если к производству следственного действия присоединяются другие участники. Допустим, один свидетель участник очной ставки находится в кабинете следователя, а второй у должностного лица. В таком случае непонятно как реализовать право первого свидетеля на ознакомление с протоколом следственного действия, его дополнение и подписание. Сомнения возникают и в возможности воспроизведения видеозаписи следственного действия обоим участникам. Еще больше вопросов создает ситуация проведения следственного действия, когда все его участники, а также следователь находятся в разных местах. В этих условиях следует делегировать право составления письменного протокола органу, ведущему уголовный процесс, который после окончания следственного действия будет его оглашать одновременно для всех участников следственного действия. Право подписания такого протокола и внесения в него замечаний и дополнений должно быть реализовано посредством составления подписки, которая будет отбираться у каждого участника следственного действия по месту его нахождения должностным лицом, выполняющим поручение об оказании содействия, и пересылаться органу, ведущему уголовный процесс. Именно такой механизм в настоящее время реализован в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации (ст. 189.1 УПК РФ).

Обозначенные проблемные моменты дистанционного проведения допроса, очной ставки и предъявления для опознания с использованием систем видеоконференции (веб-конференции) не исчерпывают всей проблематики вопроса, исследования в этом направлении необходимо продолжить.

Список использованной литературы

1. Локтевич, О. И. Особенности проведения допроса посредством видеоконференцсвязи (веб-конференции) / О. И. Локтевич // Право.by. – 2022. – № 2 (76). – С. 99–104.
2. Матвейчев, Ю. А. Уголовно-процессуальное регулирование использования систем видео-конференц-связи при проведении процессуальных действий / Ю. А. Матвейчев // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D, Экономические и юридические науки. – 2019. – № 6. – С. 170–174.
3. Шкаплеров, Ю. П. Проведение следственных действий с использованием систем видеоконференцсвязи в уголовном процессе Республики Беларусь / Ю. П. Шкаплеров // Предварительное расследование. – 2017. – № 2 (2). – С. 49–54.
4. Победкин, А. В. Уголовно- процессуальный кодекс: форма живого права или «бездушная» инструкция / А. В. Победкин // Библиотека криминалиста. – 2017. – № 3. – С. 101–111.

УДК 343.10

Н. Н. Ковтун

(Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород)

«КАЛУЖСКО-РЯЗАНСКАЯ» ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Автор обращается к проблеме правовой определенности закона и судебно-следственной практики как необходимому условию реализации идеи верховенства права в условиях оптимального функционирования правового государства и гражданского общества. На основе анализа

судебно-правовых позиций, сформированных судами различных звеньев судебной системы России, в работе представлено реальное состояние дел в деле обеспечения единства закона и судебной практики, по факту нивелирующее, как декларируемую ценность закона, так и правосудия – высшей формы деятельности суда. Подобное, нигилистическое, по факту, понимание и применение закона однозначно подрывает устои правового порядка в государстве и обществе, уважение к конституционной идее эффективного правосудия.

Как утверждают, за последние годы Российской Федерацией реализованы весомые усилия по приведению национальной правовой системы в соответствие с общемировыми стандартами и общепризнанными принципами и нормами международного права. Одним из наиболее акцентируемых уголовно-процессуальной доктриной и собственно судебно-следственной практикой принципов, является идея правовой определенности. Суть последней, как правило, раскрывается в единстве с фундаментальной идеей верховенства права, выступающей основой оптимального функционирования правового государства и гражданского общества. Широко акцентируются и тезисы о том, что именно единообразие (единство) судебной практики является важным условием и предпосылкой эффективного функционирования всей системы российского правосудия, одной из фундаментальных основ современного конституционного правопорядка. Особая роль в выработке и обеспечения правовой определенности указанной практики традиционно отводится высшим органам отправления правосудия. Как следствие, конвенционально не обсуждая все стороны и акты указанной конституционной идеи, остановимся на анализе такого ее элемента как единство закона и собственно правоприменительной практики в системе уголовно-процессуального права России; тем более что именно практика – суть критерий истины в этих моментах, вне зависимости от публично провозглашаемых лозунгов и деклараций.

По факту, в последние годы, именно сфера правоприменения все более являет стандарты либо явно различного понимания однородных правовых предписаний, либо субъективно окрашенной избирательности в практическом применении «субъективно правильных» норм. Поясним на примерах:

законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ, по идее, официально определена юридическая сила объяснений, получаемых в стадии возбуждения уголовного дела [1]. Закон однозначен: если эти акты получены при соблюдении требований ст. 75, 89 УПК РФ, они могут быть использованы в качестве доказательств в уголовно-процессуальном доказывании (ч. 1.2 ст. 144 УПК). Практически в том же однозначном контексте воля закона изложена в гл. 32.1 УПК РФ.

Практика российского правосудия «уточняет» волю закона: объяснения получены не в порядке, предусмотренном УПК РФ; отсюда, они не могут быть признаны ни «иными документами» (п. 6 ч. 2 ст. 74, ст. 84 УПК РФ), ни в целом доказательствами по уголовному делу [2]. Объяснения не входят в перечень доказательств, установленный ч. 2 ст. 74 УПК РФ, как следствие легитимными средствами доказывания они не являются [3]. При получении объяснений не обеспечены процессуальные права лиц (потенциально – свидетеля [4], потерпевшего [5], подозреваемого [6]), от которых эти сведения получены. В силу указанного эти акты не могут быть признаны в качестве доказательств;

по ч. 2 ст. 74 УПК РФ заключение специалиста – законный источник доказательств. В постановлении от 27 марта 2014 г. «Матьщина против России» (жалоба № 58428/10) Европейский Суд также итожит: в контексте экспертных доказательств правила допустимости не должны лишать сторону защиты возможности их эффективного оспаривания; в том числе путем представления или получения альтернативных заключений [7]. Аналогичные правовые позиции сформированы Конституционным Судом РФ (определение от 17.06.2013 г. № 1003-О): обвиняемый, защитник имеют законное право привлекать к участию в деле выбранного ими специалиста; получить от него заключение, представить его органам расследования и суду как доказательство защиты (ч. 3 ст. 80,

ч. 2-3 ст. 86 УПК РФ). В том же контексте изложены правовые позиции Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28: «заключение и показание специалиста даются на основе использования специальных знаний и так же, как заключение и показания эксперта в суде являются доказательствами по уголовному делу (ч. 2 ст. 74 УПК РФ) [8].

Практика отправления правосудия более независима в этих моментах: «суд обоснованно отказал защите в приобщении к материалам дела заключения специалиста И. как полученного вне рамок уголовно-процессуального закона» [9]. «Из дела видно, что судом принято и приобщено к материалам дела заключение специалистов, ...однако оно не исследовалось, поскольку получено адвокатом в рамках осуществления защиты» [10]. «Суд обоснованно отказал защите в приобщении к материалам дела заключений, сделанных специалистам, ...эти заключения добыты вне рамок уголовного дела и не отвечают требованиям УПК РФ к основаниям и процедуре получения таких заключений» [11, с. 30–36]; по букве закона: если потерпевший или сторона защиты не согласны с заключением экспертизы, реализованной в стадии возбуждения уголовного дела, то их ходатайство о назначении и производстве дополнительной или повторной экспертизы подлежит императивному удовлетворению (ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ).

Верховный Суд РФ по иному расставляет акценты, резюмируя, что для этой ситуации: «...назначение повторной или дополнительной экспертизы по ходатайству защиты требуется лишь при наличии оснований, указанных в ст. 207 УПК РФ [12]. Доказать наличие указанных оснований – бремя заинтересованных лиц.

Непреклонен суд и в деле сбережения казны государства; причем, как в рамках глубоко нравственного института реабилитации (гл. 18 УПК РФ), так и института взыскания процессуальных издержек. К примеру:

– «невозможность взыскания упущенной выгоды противоречит п. 1 ст. 1064, ст. 1069, п. 1 ст. 1070 ГК РФ и п. 1 ст. 133 УПК РФ, согласно которым возмещение вреда должно производиться в указанном случае в полном объеме, то есть с возмещением убытков в виде упущенной выгоды» [13];

– «упущенная выгода, о взыскании которой просил Т., к средствам (ст. 135 УПК) или иным расходам не относится и не может рассматриваться в порядке уголовного судопроизводства. Согласно ст. 2 ГК РФ эти требования подлежат рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства, а в силу ст. 28 ГПК РФ они подлежат рассмотрению районным судом в порядке искового производства» [14];

– решением вышестоящего суда приговор суда первой инстанции отменен в части удовлетворения гражданского иска прокурора о взыскании с осужденного в пользу государства средств, затраченных на лечение потерпевших, со ссылкой на ч. 5 ст. 31 Федерального закона от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации». По мнению суда, нормы УПК РФ не содержат возможности подобного рода взысканий в порядке уголовного судопроизводства. Дело в указанной части направлено на новое судебное рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства [15];

– жалобы стороны защиты об отмене приговора оставлены вышестоящим судом без удовлетворения, а приговор – без изменения. Взыскание судом в порядке уголовного судопроизводства средств, затраченных на лечение потерпевших, полностью соответствует нормам УПК РФ и положениям ст. 31 Федерального закона от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» [16];

– суммы, выплаченные обвиняемым за оказание квалифицированной юридической помощи, подлежат возмещению реабилитированному в максимальном объеме вне зависимости от сложности и объема дела, количества адвокатов и фактически затраченного ими времени на защиту... [17];

– и, напротив: на основе критериев (ведомственной) разумности и справедливости судом снижена сумма документально подтвержденных расходов реабилитированного К.

на оказание квалифицированной юридической помощи адвоката с 34 млн. рублей до 2 млн. 266 тысяч рублей. В обоснование суд привел, как общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации, так и («правильные») нормы ЕСПЧ [2].

Исключительно свое понимание у суда и относительно ценности или исходной правильности той или иной процессуальной формы в уголовном процессе. Суд, к примеру, одновременно суммирует:

– ст. 176 УПК РФ не содержит требования о необходимости предупреждения об уголовной ответственности по ст. 307, 308 УК РФ, как специалиста, так и потерпевшего, в случае их участия в осмотре места происшествия; жалобы стороны защиты в этой части не обоснованы [18];

– согласно ч. 5 ст. 164 УПК РФ, если в производстве следственного действия участвует потерпевший, свидетель, специалист, эксперт или переводчик, он предупреждается об ответственности, предусмотренной ст. 307 и 308 УК РФ [19];

– адвокат требовал признать осмотр квартиры (как места происшествия) незаконным в связи с нарушением норм УПК РФ, ибо осмотр проводился в присутствии его подзащитного, но без его письменного согласия и без дальнейшей судебной проверки осмотра по правилам ч. 5 ст. 165 УПК РФ. Однако суд в процессе апелляционной проверки «более точно» разграничил осмотр места происшествия и осмотр в жилище, утверждая, что в данном случае действуют нормы УПК РФ, регулирующие осмотр места происшествия. Соответственно, субъекту расследования не надо получать согласие проживающих лиц или судебное решение на производство осмотра. Полученные доказательства, естественно, признаны допустимыми [20];

– и, напротив: «в соответствии с ч. 5 ст. 177 УПК РФ осмотр места происшествия – жилища – производится с согласия проживающих в нём лиц. Положения пункта 4 ч. 2 ст. 29, ч. 5 ст. 165, ст. 176, ст. 177 УПК РФ не предусматривают необходимость получения судебного решения на производство осмотра места происшествия в жилище лишь при наличии согласия на осмотр жилища проживающих в нём лиц» [21];

– по нормам ч. 4 ст. 192 УПК РФ: оглашение на очной ставке показаний допрашиваемых лиц, содержащихся в протоколах их предыдущих допросов, допускается лишь после непосредственной дачи показаний указанными лицами или их отказа от дачи показаний;

– Верховный Суд РФ «уточнил» суть этой процессуальной гарантии: при проведении на досудебном этапе очных ставок между свидетелями П.; П. и обвиняемым И. свидетелям было предложено дать показания по предмету противоречий, однако по просьбе последних, в связи с давностью произошедших событий их показания были оглашены следователем. По оглашении этих протоколов П. и П. свои показания подтвердили. Верховный Суд РФ однозначно признал: подобное проведение очной ставки соответствует требованиям части 4 ст. 192 УПК РФ; доказательство допустимо [22];

– суд отказал в удовлетворении ходатайства следователя о разрешении получения сведений об абонентской активности в отношении неопределенного круга абонентов сети, мотивируя, что получение указанных сведений в отношении неопределенного круга абонентов может нарушить их конституционные права и, следовательно, по закону недопустимо [23, с. 44–47];

– суд разрешил получение от операторов связи испрашиваемой абонентской информации в отношении неопределенного круга лиц (ст. 165, 186.1 УПК), приняв во внимание, что данная информация имеет значение для расследования дела и установления лица, совершившего особо тяжкое преступление [24, с. 64];

– вместо предъявления осужденных для опознания потерпевшему, как следует из его показаний в суде, в ходе предварительного следствия (оперативно) предъявлялись фотографии, на которых он узнал гр. Я. и гр. Ш. Указанный факт не свидетельствует о нарушении требований ч. 5 ст. 193 УПК РФ и не ставит под сомнение достоверность реализованного опознания. Оснований к отмене приговора – нет [22];

– и, напротив, судебная коллегия согласилась с доводами адвоката о нарушениях требований ст. 193 УПК РФ при опознании свидетелями А. и Б. обвиняемого Н. по фотографии. В момент проведения опознания Н. был задержан, и отсутствовала необходимость опознания его по фотографии; кроме того, до проведения указанного следственного действия свидетелям была продемонстрирована видеозапись задержания осужденного [25];

– по ч. 2 ст. 256 УПК РФ: определение суда о возвращении уголовного дела прокурору, о прекращении дела, об избрании, изменении или отмене меры пресечения в отношении подсудимого, ...об отводах, о назначении судебной экспертизы выносятся исключительно в совещательной комнате и излагается в виде отдельного процессуального документа, подписываемого судьей или всеми судьями;

– Верховный Суд РФ «оптимизировал» этот порядок: «суду не обязательно удаляться в совещательную комнату и выносить отдельный документ, чтобы отклонить ходатайство о возвращении уголовного дела прокурору или об изменении меры пресечения по делу» [26, с. 14];

– суд кассационной инстанции указал, что стороне защиты не было предоставлено право на выступление с репликой. Эти и иные выявленные судом нарушения, оставленные без внимания предыдущей инстанцией, признаны существенным нарушением закона и повлекли за собой отмену апелляционного постановления [27];

– и, напротив: «кассация установила, что суд апелляционной инстанции не предоставил право выступать в прениях, как стороне защиты, так и стороне обвинения. Суд посчитал эти нарушения несущественными, так как сторона обвинения не была ограничена в изложении своей позиции до прений, и оставил оправдательный приговор и апелляционное постановление без изменений» [28, с. 41-42].

– суд акцентирует: «...вопреки доводам жалобы о плохом качестве аудиопротокола, ч. 5 ст. 257 УПК РФ не содержит запрета сторонам осуществлять запись судебного разбирательства самостоятельно». [28, с. 45]. Не спорим, позиция принципиальна и правильна;

– однако этот же суд категорически отверг исследование аудиозаписи со стороны защиты: «Аудиозаписи судебных заседаний, приложенные осужденным О.О.В. к дополнительной апелляционной жалобе, не подлежали исследованию и проверке судом апелляционной инстанции, поскольку они изготовлены участниками судебного разбирательства без соблюдения установленного процессуального порядка» [28, с. 45–46].

Можно и далее приводить примеры столь выверенной и согласованной практики, по сути которой у суда всегда в наличии «нужный» прецедент-эталон к каждому конкретному случаю; соответственно, «нужное» обоснование правосудности приговора. Главное не допустить ошибки в оценке актуальности именно его применения к данному конкретному случаю.

Список использованной литературы

1. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ [Электронный ресурс] : Федеральный закон, 4 марта 2013 г., № 23-ФЗ // ГАРАНТ / ООО НПП «Гарант-Сервис-Университет». – М., 2023.

2. Апелляционное постановление Московского городского суда от 07.08.2013 г. № 10-7214/2013 [Электронный ресурс] // ГАРАНТ / ООО НПП «Гарант-Сервис-Университет». – М., 2023.

3. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 04.06.2013 г. № 41-АПУ13-13сп [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда РФ. – Режим доступа: <http://vsrf.ru/>. – Дата доступа: 21.08.2023.

4. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Вологодского областного суда по делу от 06.03.2014 г. № 22-224/2-14 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oblsud.yld.sudrf.ru/>. – Дата доступа: 24.09.2023.

5. Приговор Вичугского городского суда Ивановской области от 06.09.2013 г. по делу № 1-80/2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vichugsky.iwn.sudrf.ru/>. – Дата доступа: 21.08.2023.
6. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Костромского областного суда от 17.09.2013 г. № 22-1283 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oblsud.kst.sudrf.ru/>. – Дата доступа: 24.09.2023.
7. Дело «Матыцина (Matytsina) против Российской Федерации» : постановление Европ. суда по правам человека, 27 марта 2014 г. [Электронный ресурс] // Консультант-Плюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2023.
8. О судебной экспертизе по уголовным делам : постановление Пленума Верховного Суда РФ, 21.12.2010, № 28 // БВС РФ. – 2011. – № 2. С. 3–6.
9. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 27.07.2005 по делу №32-о05-26сп [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда РФ. – Режим доступа: <http://vsrf.ru/>. – Дата доступа: 21.08.2023.
10. Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2007 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда РФ. – Режим доступа: <http://vsrf.ru/>. – Дата доступа: 21.09.2023.
11. Землянкина, М. А. Признает ли суд доказательством заключение специалиста, полученное по инициативе защитника / М. А. Землянкина // Уголовный процесс. – 2016. – № 8. – С. 30–36.
12. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 16.06.2015 г. № 13-АПУ15-3сп [Электронный ресурс] // ГАРАНТ / ООО НПП «Гарант-Сервис-Университет». – М., 2023.
13. Определение Верховного Суда РФ от 01.06.2004 г. № КАС04–203 [Электронный ресурс] // ГАРАНТ / ООО НПП «Гарант-Сервис-Университет». – М., 2023.
14. Определение Верховного Суда РФ от 18.08.2010 г. № 67-О10-57 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2023.
15. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 25.02.2016 г. № 5-АПУ15-114СП [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2023.
16. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 13.09.2016 г. № 3-АПУ16-8 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475249/. – Дата доступа: 23.07.2023).
17. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 29.01.2013 г. № 89-О13-2 [Электронный ресурс] // ГАРАНТ / ООО НПП «Гарант-Сервис-Университет». – М., 2023.
18. Кассационное определение Санкт-Петербургского городского суда от 22.10.2012 г. № 22-5459/12 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2023.
19. Постановление Президиума Воронежского областного суда от 29.05.2019 г. № 44У-32/2019 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2023.
20. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 25.10.2018 г. № 50-АПУ18-13 [Электронный ресурс] // ГАРАНТ / ООО НПП «Гарант-Сервис-Университет». – М., 2023.
21. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2015) [Электронный ресурс] : утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.06.2015 г. // ГАРАНТ / ООО НПП «Гарант-Сервис-Университет». – М., 2023.
22. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 02.05.2017 г. № 58-АПУ17-7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=500703#021902353127169172>. – Дата доступа: 15.07.2023.

23. Вилкова, Т. Ю. Тайна переписки, телефонных и иных сообщений в уголовном судопроизводстве: правовые основы, содержание, гарантии / Т. Ю. Вилкова // Российская юстиция. – 2014. – №10. – С. 44-47.

24. Курченко, В. Н. Особенности рассмотрения судами ходатайств о получении информации о соединениях между абонентами / В. Н. Курченко // Уголовный процесс. – 2015. – № 8. – С. 58–67.

25. Апелляционное определение Московского городского суда от 21.11.2015 г. № 10-14015/2015 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2023.

26. Крылов, Е. Н. Дайджест практики по уголовным делам Верховного Суда РФ / Е. Н. Крылов // Уголовный процесс. – 2016. – № 11. – С. 12–15.

27. Кассационное определение Седьмого КСОЮ от 15.09.2020 г. по делу № 77-1665/2022 // ГАРАНТ / ООО НПП «Гарант-Сервис-Университет». – М., 2023.

28. Лямин, А. А. Аудиопротоколирование судебного заседания. Практика Верховного Суда РФ и кассационных судов / А. А. Лямин // Уголовный процесс. – 2022. – № 7. – С. 41–46.

УДК 343.14

В. В. Конин

*(Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия,
Санкт-Петербург)*

ДОКАЗЫВАНИЕ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ

Вопросы доказывания в уголовном судопроизводстве имеют наиболее важное значение, поскольку для выполнения задач, стоящих перед уголовным судопроизводством, необходимо не только установить все обстоятельства, входящие в предмет доказывания, но и доказать виновность лица в совершенном преступлении, с тем, чтобы обвинительный приговор отвечал требованиям законности, обоснованности и справедливости. И одним из важнейших требований в доказательственном праве является вопрос допустимости доказательств. Вместе с тем, развитие науки и технологий вновь поднимают перед наукой и законодателем вопросы допустимости доказательств.

Допустимость является одним из важнейших свойств доказательств с точки зрения уголовно-процессуальной науки. Легальное значение допустимости доказательств в российском уголовном процессуальном законе отсутствует, при этом некоторые исследователи определяют допустимость в первую очередь, как свойство доказательства, характеризующее законность его получения [1, с. 41].

В то же время, С. А. Шейфер придаёт свойству допустимости доказательств иное значение, что, полагая, что отсутствие у полученных сведений данного свойства исключает любую возможность признания таких сведений в качестве доказательств по делу [2, с. 26]. Аналогичного подхода придерживаются и другие авторы. Так, Н. М. Кипнис отмечает, что «источники фактических данных могут иметь доказательственное значение только, если они соответствуют критерию допустимости» [3, с. 30].

Полагаем, что позиция указанных авторов является абсолютно правильной, и должна быть поддержана. Спорность доказательства, как обвинительного, так и оправдательного, не позволяет положить его в основу занятой одной из сторон позиции, как обвинительной, так и защитительной, с тем, чтобы ни одна из сторон не смогла воспользоваться «плодами отравленного дерева» [4, с. 64–67; 5, с. 233–242; 6].

По мнению Н. М. Кипниса, в российской уголовно-процессуальной науке исторически выделяется две концепции допустимости доказательств: негативная и позитивная [3, с. 32].

В действующем уголовно-процессуальном законе возобладала концепция негативной допустимости. Так, в части 2 статьи 75 УПК РФ законодательно установлен запрет на использование тех или иных сведений или материалов в качестве доказательств по расследуемому уголовному делу, если такие доказательства признаны недопустимыми. Указанный в УПК РФ перечень недопустимых доказательств включает в себя:

1) показания лица, подвергшегося уголовному преследованию, полученные с нарушением гарантированного ему права на защиту, а именно данные им в отсутствие защитника, и, впоследствии, не подтверждённые в суде;

2) показания, которые основаны на догадке либо предположении, а также показания, полученные из неустановленного источника, достоверность которых невозможно проверить;

3) материалы или сведения, которые были получены адвокатом от его доверителей, в случае изъятия их в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий или иных действий в ходе предварительного расследования, за исключением тех материалов, которые являются орудиями преступления или сохранили на себе его следы, или иным образом могут способствовать раскрытию преступления.

Безусловно, указанный перечень имеет очень важное практическое значение, поскольку законодательно установленный запрет использования в процессе судопроизводства доказательств, полученных с перечисленными выше процессуальными нарушениями, является очень важным ориентиром для правоприменителя, и способствует формированию единообразной судебной практики по вопросам оценки допустимости доказательств.

Вместе с тем, представляется, что указанный перечень является неполным, и это вполне объяснимо, поскольку технически невозможно, чтобы нормативно-правовой акт вобрал в себя весь спектр вероятных ситуаций, которые могут возникнуть на практике. Именно поэтому предусмотренный частью 2 статьи 75 УПК РФ перечень недопустимых доказательств не является исчерпывающим, и может включать в себя иные нарушения уголовно-процессуального закона, допущенные в процессе собирания, проверки и оценки доказательств, обосновывающих виновность либо невиновность лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Подобная дискреция, в свою очередь, порождает правовую неопределённость в отношении того, какие именно нарушения закона являются существенными либо несущественными; влечет ли несущественное нарушение признание доказательств недопустимыми, и является ли запрет на использование доказательств, полученных с процессуальными издержками, абсолютным?

Полагаю, что на эти вопросы требуются ответы, как со стороны ученых-процессуалистов, так и правоприменителя. При этом, стоит также отметить, что многие учёные-процессуалисты в работах, посвящённых проблемам института доказательств, полученных с нарушением закона, отмечают, что отсутствие законодательно закреплённого понятия недопустимых доказательств, а также критериев, которые позволяли бы однозначно решить вопрос о допустимости того или иного доказательства, является главной проблемой в данной области [7, с. 184–207]. В связи с этим можно сделать предположение, что одной из первостепенных задач науки уголовного процесса на современном этапе будет являться более полная выработка перечня нарушений требований УПК РФ, ведущих к признанию доказательств недопустимыми при их собирании, проверке и оценке. На наш взгляд, данный подход является наиболее рациональным, ввиду того, что он в значительной степени бы ограничивал свободу дознавателя, следователя и суда, как субъектов доказывания, в произвольной оценке доказательств, в частности оправдательных доказательств, с учетом обвинительного уклона, присущим вышеперечисленным субъектам. Более того, в условиях постоянного развития науки и технологий, возникновения новых способов совершения преступлений, и, соответственно, новых средств и

способов доказывания, формально закреплённый перечень недопустимых доказательств порождает некоторые вопросы допустимости, когда действующий уголовно-процессуальный закон отстает от современных реалий, что вызывает необходимость разработки новых научных рекомендаций для законодателя, с тем, чтобы внесение изменений в УПК РФ не нарушало бы правовой стабильности.

Список использованной литературы

1. Шадрин, В. С. Недопустимость доказательств в уголовном процессе как антипод их допустимости / В. С. Шадрин // Криминалистика. – 2011. – № 1 (8). – С. 41.
2. Шейфер, С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования / С. А. Шейфер. – М. : Норма, 2009. – 125 с.
3. Кипнис, Н. М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве / Отв. ред. П. А. Лупинская. – М. : Юристъ, 1995. – 128 с.
4. Кудрявцева, А. В. Особенности доказывания на стадии предварительного слушания по УПК РФ / А. В. Кудрявцева // Вестник Омского университета. – Серия: Право. – 2008. – № 1 (14). – С. 64–67.
5. Баев, О. Я. Уголовно-процессуальное доказательство: атрибутивные признаки и качество / О. Я. Баев // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – Т. 2. – № 1 (2). – С. 233–242.
6. Баев, М. О. Тактические основы деятельности адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве России (теория и практика): дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / М. О. Баев. – Воронеж, 2005. – 401 л.
7. Россинский, С. Б. Доказательства в уголовном процессе: взгляд ученого 10 лет спустя... / С. Б. Россинский // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. – 2023. – Т. 18. – № 3. – С. 184–207.

УДК 343.9

Н. К. Коровин

(Сибирский университет потребительской кооперации, Новосибирск)

АЛГОРИТМ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В статье рассматриваются основные следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия, проводимые на первоначальном этапе расследования преступлений, совершаемых с использованием сети Интернет. Особое внимание уделяется рассмотрению тактических приемов при производстве осмотра места происшествия, выемки информации, проведению криминалистических учетов, экспертиз, установлению и задержанию подозреваемого.

В настоящее время в деятельности человека применяются современные информационные и телекоммуникационные технологии, в том числе и с использованием сети Интернет. В связи с тем, что не все граждане владеют данными технологиями в совершенстве, а также особенностью распространения информации, появляются новые способы совершения преступлений, требующие от правоохранительных органов разработки новых методик расследования преступлений, применять новые тактические приемы на первоначальном, последующем и завершающем этапах расследования.

Целью первоначального этапа расследования является установление и задержание подозреваемого. Что для этого рекомендуется сделать? Во-первых, в зависимости от

следственной ситуации организовать производство неотложных следственных действий. Каких? А это, осмотр места происшествия [1], в первую очередь осмотр персонального компьютера потерпевшего, далее выемка компьютерной информации, носителей информации, осмотр и копирование страниц программного обеспечения сетевого пространства. Следует выделить как особенность, что место происшествия не ограничивается конкретным местом проживания потерпевшего или нахождение его компьютера, а еще при расследовании компьютерных преступлений характерно сетевое пространство, т.е. сервера провайдера и компьютер подозреваемого, осмотр которых производится по мере установления подозреваемого. Учитывая, что персональный компьютер – это сложное техническое устройство, рекомендуется для производства осмотра приглашать специалиста в области компьютерных технологий.

Далее, после внешнего осмотра компьютера, рекомендуется произвести осмотр программного обеспечения и сетевого пространства, какие программы были запущены, на каких сайтах велась переписка, в каком программном обеспечении производился набор данных с банковской карты и др. Рекомендуется с помощью клавиши PrtSc произвести скан или сфотографировать интересующую информацию с экрана монитора.

При осмотре страниц в сети Интернет рекомендуется использовать следующий алгоритм: проверить доменное имя сайта или его страницы; установить тип соединения; определить уровень безопасности; провести сопоставление названия сайта с наименованием компании. Устанавливается владелец сайта, номер телефона, место работы, адрес. Далее проводится анализ главной странички сайта, навигации по сайту; устанавливается несоответствие сообщаемой информации с признаками наблюдаемого явления, анализируется сам документ, сообщение, его содержание, место и время обнаружения, фиксируются. Последовательно изучается изображение страниц сайта на переднем, среднем и заднем плане, используя правила ориентирующей, обзорной, узловых и детальной съемки, при этом обращается внимание на негативные обстоятельства, различие в форме одежды, наличие на ней отличительных знаков и иных признаков, соответствие падающей тени в зависимости от источника света, изменение формы предметов в зависимости от направления ветра; расположение на предметах следов преступления или иных противоправных проступков. Определяется их размер, цвет, соответствие фона; наличие признаков окантовки фотоизображений, возможное их представление с других ресурсов, следует обратить внимание на дату изготовления и дату ее размещения; не представлены ли фото-видеоизображения после их обработки посредством графических редакторов или с компьютерных игр и др.

После осмотра места преступления нужно обследовать прилегающую территорию. При осмотре необходимо применять фото или видеосъемку, делать скан и распечатывать страницы на принтере, прикладывая их к протоколу следственного действия. При проведении осмотра следует фиксировать фактическую информацию с использованием тактических приемов установления причинно-следственной связи, выявления негативных обстоятельств посредством использования знаний в различных отраслях, физики, медицины, биологии, трасологии, криминалистике и др. Устанавливая истинные сведения, механизм образования следов и иных последствий.

Делается запрос в организацию, предоставляющую Интернет услуги. Проводится опрос граждан, допрос очевидцев, гласное и негласное патрулирование, поиск подозреваемого в местах наиболее вероятного его нахождения, проверка камер видеонаблюдения. Просмотр различного рода сайтов, социальных сетей, обнаружение аудиозаписей, фото и видеоизображений, получение различного рода информации о лицах, способных совершить такое преступление, опознание лиц с представленными ориентировками, задержание, которое может быть планируемое или внезапное. Ведется проверка по криминалистическим и оперативно-розыскным учетам, изучаются различные технические ха-

рактеристики, организовывается снятие информации с технических каналов связи. Осуществляется контроль и запись телефонных переговоров подозреваемого, устанавливаются соучастники, их роль в совершении преступления, установление счетов и схемы перечисления денежных средств, возможное наличие специальной аппаратуры, пластиковых карт и иной документации. Данные вопросы можно решить посредством производства обыска у подозреваемых, выемки компьютерной техники, их осмотр, назначение компьютерно-технических и иных экспертиз.

Производится допрос потерпевшего, выемка электронной информации, устанавливаются родственники, друзья, знакомые на предмет получения информации, имеющей значение для дела. При наличии пластиковых карт производится их выемка, а также чеков, квитанций, записных книжек и др. Следователь все действия фиксирует в протоколе осмотра места происшествия.

Потерпевший допрашивается после осмотра места происшествия, но иногда возникает необходимость допросить до осмотра. Немаловажно получить информацию, с кем общался потерпевший, что рассказал, кто сообщил в полицию. Существуют определенные тактические приемы допроса потерпевшего, учитывая результаты следственной ситуации на данный момент. Сколько прошло времени с момента совершения преступления, физическое и психологическое состояние потерпевшего. Желательно составить план допроса, чтобы отразить обстоятельства, которые помогли бы расследованию. Вопросы должны быть такие: - рассказать подробно об обстоятельствах происшедшего, где и с кем находился потерпевший. Какие следы могли остаться. Каков материальный ущерб. Что похищено. Приметы, размер, вес, упаковка, цвет. Индивидуальные признаки, если документы, их наименование. Приметы преступника. Как общались друг с другом, роль каждого. Необходимо получить информацию и о потерпевшем. Место жительства, работы, взаимоотношения с соседями, на работе, в семье. Существуют определенные тактические приемы допроса. Например, потерпевшему дать возможность успокоиться, возникает необходимость в повторных, дополнительных допросах, такие допросы можно провести на месте происшествия, что даст возможность потерпевшему восстановить какие-то события. Сообщить новую информацию.

Следующий этап, это допрос свидетелей. Есть свидетели, которые дают информацию, в которой заинтересовано следствие. С так называемыми законопослушными свидетелями проблем нет. Но есть свидетели, которые ведут следствие по ложному следу, в тупик. Допрос свидетелей, которые дают ложные показания, предполагают другую тактику допроса. Немаловажно владеть дополнительной информацией о свидетеле, а не просто анкетные данные. Знать его сильные и слабые стороны, отношение к потерпевшему, подозреваемому. Воздействовать на положительные стороны, разъяснить о последствиях за дачу заведомо ложных показаний. Использовать выявленные противоречия между свидетелем и другими участниками событий.

Назначаются и проводятся компьютерно-технические экспертизы, аппаратного, программного и сетевого характера, по установлению IP-адреса, провайдера, места расположения персонального компьютера с которого производилось соединение с компьютером потерпевшего, затем установление его владельца и непосредственно подозреваемого. Следователь дает отдельное поручение сотрудникам уголовного розыска по установлению и задержанию подозреваемого, проводятся различного рода оперативно-розыскные мероприятия.

После установления и задержания подозреваемого проводится личный обыск, допрос подозреваемого, что уже является целью доказывания вины подозреваемого и является последующим этапом расследования [2].

Таким образом, в целях эффективного расследования преступлений, совершаемых с использованием сети Интернет рекомендуется:

– при обнаружении признаков преступления, особенно в кризисных ситуациях, незамедлительно принимать меры процессуального характера по проверке сообщения о

преступлении, возбуждения уголовного дела, его расследовании, устанавливая и задерживать подозреваемых, доказывать их вину, в судебном порядке решать вопрос об исполнении наказания;

- в целях защиты информации, передаваемой по техническим каналам связи, а также с использованием сети Интернет обеспечить ее конфиденциальность посредством использования засекреченной аппаратуры связи, шифрования и иного программного обеспечения;

- в целях предотвращения новых преступлений в сети Интернет организовать и вести профессиональный мониторинг сети на предмет наличия информации об организации и подготовке к совершению различных преступлений, в том числе и хищений чужого имущества, совершаемых с использованием сети Интернет;

- устанавливать негативные обстоятельства при производстве осмотра места происшествия, в целях информирования населения широко использовать средства массовой информации с демонстрацией фактической, достоверной информации о рассматриваемом явлении с использованием достижений науки и техники;

- использовать опыт расследования ранее раскрытых преступлений, совершенных аналогичным способом, на основе известных элементов криминалистической характеристики целесообразно выдвигать следственные, розыскные и криминалистические версии, строить план расследования и организовывать установление и задержание подозреваемого;

- тщательно осматривать предъявленные документы, как на бумажном, так и на электронном носителе информации. При проверке QR-кода следует внимательно изучать сайт, который открывается для подтверждения владельца, предъявляемого документа, так может открыться не официальный сайт госорганов, а сайт двойник, на котором может неправильно указан адрес госоргана, отличающийся одной буквой или знаком, могут отсутствовать все обязательные реквизиты, например, адрес, номер телефона и др.

- производить выемку информации с аппаратных журналов и иной информации, выдвигать версию, какими орудиями преступления и в частности, какими техническими средствами было совершено деяние и самое главное, кто совершил преступление. А это лица, имеющие высшее или неоконченное высшее, или среднее техническое образование, принимающие питание за персональным компьютером, ведущие вечерний или ночной образ жизни, возможно в составе группы или иные лица, владеющие компьютерными технологиями. Знание основных типичных элементов криминалистической характеристики, нам позволяет определить направление расследования, сузить круг лиц, среди которых следует вести поиск преступников;

- при работе с электронными документами всегда следует внимательно изучать, верифицировать информацию на сайте или в социальных сетях и обращать внимание на основные признаки фейковой информации: заголовок, недостоверные источники, отсутствие конкретики, недавно зарегистрированный аккаунт, странный дизайн, при этом строго следить, чтобы полученные доказательства соответствовали признакам относимости, допустимости, достаточности, достоверности, практичности и проверяемости;

- при расследовании преступлений, совершаемых с использованием сети Интернет использовать и в зависимости от следственной ситуации постоянно совершенствовать алгоритм расследования;

- при производстве следственных действий применять в зависимости от сложившейся следственной ситуации проверенные тактические приемы, как наиболее эффективные и целесообразные. А именно, незамедлительное производство осмотра компьютера и сетевого пространства с целью фиксации информации о противоправных действиях, установление провайдера, IP-адреса компьютера преступника, его владельца, в дальнейшем установление его места жительства и задержание;

- используя тактические и психологические приемы выявлять лиц, предъявляющих поддельные документы, проводить сверку с другими документами или источниками [3];

- во взаимодействии со специалистами использовать специальные знания в области компьютерных технологий при осмотре места происшествия, осмотра компьютера,

выемки электронной информации, обыска, назначении и проведении криминалистических, трасологических, дактилоскопических АДИС ПАПИЛОН, КИВМИ, генетических, автороведческих, компьютерно-технических, аппаратных, программных, информационных, сетевых и иных экспертиз [4];

– при задержании подозреваемого тщательно проводить осмотр одежды, предметов, его освидетельствование, установить особые приметы и броские признаки, особенно шрамы и татуировки, зафиксировать их признаки и значение.

Список использованных источников

1. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика. – М.: Норма, 2020. – 928 с.

2. Коровин Н.К., Першин А.Т., Чучин В.В. Особенности методики расследования мошенничества и её значение в предупреждении преступлений. В книге: состояние, проблемы, перспективы развития современной науки и образования // Монография. Петрозаводск, 2021. С. 298-315.

3. Korovin N.K., Smeshkova L.V. PSYCHOPHYSIOLOGICAL EXAMINATION: PROCEDURAL AND FORENSIC ASPECTS. Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues. – 2017. – Т. 20. – No Special issue 1.

4. Шляхов А.Р., Орлова В.Ф. Принципы классификации задач криминалистической экспертизы // Актуальные проблемы теории судебной экспертизы. – М. 1984.

УДК 343.13(476):343.13(470)

К. А. Корсаков, Е. В. Сидоренко

*(Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия,
Санкт-Петербург)*

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СВОЙСТВАХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ БЕЛАРУСИ И РОССИИ. ТЕЗИСЫ

Тезисно рассматриваются вопросы понятия доказательства и его свойств в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь и Российской Федерации, оцениваются их положительные качества и недостатки, влияние на систему доказательственной деятельности.

1. Понятие доказательства в уголовном процессе Белоруссии и России трактуются по-разному.

Ст. 74 УПК РФ трактует доказательства как «любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела».

Ст. 88 УПК Республики Беларусь трактует доказательства как «любые фактические данные, полученные в предусмотренном законом порядке, на основе которых орган, ведущий уголовный процесс, устанавливает наличие или отсутствие общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, виновность лица, совершившего это деяние, либо его невиновность и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела».

Основным различиями являются: «фактические данные, полученные в предусмотренном законом порядке» – «сведения»; «устанавливает наличие или отсутствие общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, виновность лица, совершившего это деяние, либо его невиновность» – «устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию».

Последнее имеет непосредственную взаимосвязь с вопросом допустимости доказательства.

2. В свое время в научном сообществе состоялась дискуссия, подробно описанная проф. С. А. Шейфером [1], основным выводом которой было признание того, что «фактические данные» являются чем-то уже установленным, доказанным, в то время как сведения, содержащиеся в доказательстве, могут не соответствовать действительности, быть недостоверными и в УПК РФ, в отличие от УПК РСФСР, было включено понятие доказательства термин «сведения».

Что представляется более соответствующим понятию доказательства.

3. Ст. 75 УПК РФ содержит целый ряд условий, отнесения доказательства к недопустимым. Такие доказательства «не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных статьей 73 настоящего Кодекса». В ст. 73 УПК РФ указаны обстоятельства, связанные с установлением обстоятельств деяния, том числе, исключаяющие его преступность и наказуемость (п. 5. ч. 1).

Исходя из комплекса подлежащих доказыванию обстоятельств, следует вывод, что все они касаются обстоятельств совершения деяния, имеющего признаки преступления, включая личность лица, его совершившего.

Ст. 105 УПК Республики Беларусь указывает, что «Допустимыми признаются доказательства, полученные органом, ведущим уголовный процесс, в установленном настоящим Кодексом порядке и из предусмотренных законом источников» (ч. 3.), а недопустимыми доказательства признаются «если оно получено с нарушениями конституционных прав и свобод гражданина или требований настоящего Кодекса, связанными с лишением или ограничением прав участников уголовного процесса или нарушением иных правил уголовного процесса» (ч. 4.). Такие доказательства «не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого обстоятельства, указанного в статье 89 настоящего Кодекса.» (ч. 5).

Комплекс обстоятельств, подлежащих доказыванию, указанный в ст. 89 УПК Республики Беларусь, также относятся к деянию, отнесенному к преступному.

4. В отличие от УПК РФ УПК Республики Беларусь дает понятие относимости и достоверности доказательств, в чем усматривается его преимущество.

«Относящимися к уголовному делу признаются доказательства, посредством которых устанавливаются обстоятельства, имеющие значение для данного дела. Не являются относящимися к делу доказательства, которые не способны устанавливать или опровергать подлежащие доказыванию обстоятельства» (ч. 2. ст. 105 УПК Республики Беларусь). «Достоверными признаются доказательства, если они соответствуют действительности. В основу процессуальных решений, принимаемых органом уголовного преследования или судом, могут быть положены только достоверные доказательства» (ч. 6. ст. 105 УПК Республики Беларусь).

5. Такие положения обоих законов создают определенные затруднения в доказывании отдельных обстоятельств для правильного разрешения уголовного дела.

Так, неотносимыми доказательствами доказываемая всесторонность и полнота исследования всех обстоятельств произошедшего. В этом случае абсолютно правильно в ч. 2. ст. 105 УПК Республики Беларусь указано, что такими доказательствами являются не способные «опровергать подлежащие доказыванию обстоятельства», в данном случае не всестороннее и неполное исследование обоснованных версий о произошедшем, виновности и других обстоятельств, а наоборот – всесторонность и полноту.

Недостоверные доказательства также могут использоваться в доказывании – для доказывания несуществующих фактов. Например, наличием ложного алиби доказыва-ется отсутствие алиби. Поэтому положения ч. 6. ст. 105 УПК Республики Беларусь о том, что «В основу процессуальных решений, принимаемых органом уголовного преследова-ния или судом, могут быть положены только достоверные доказательства», затрудняют доказывание в этой части, поскольку в основу процессуального решения, его мотиви-ровке, при оценке совокупности доказательств, включая вопрос о недостоверности или достоверности сведений в отдельном доказательстве, может быть положено опроверже-ние недостоверного доказательства в логической части доказывания.

При рассмотрении вопроса допустимости доказательства необходимо учитывать возможность асимметрии недопустимого доказательства. Как справедливо отмечают А.В. Смирнов и К. Б. Калиновский, «...при решении этого вопроса следует исходить из пра-вил о преимуществе защиты и толковании сомнений в пользу обвиняемого (подозревае-мого). Согласно ч. 3 ст. 14 все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном УПК, толкуются в пользу обвиняемого. Это правило распространяется и на толкование сомнений в отношении допустимости доказательств. Так, если следователь, дознаватель, суд получили оправдывающее обвиняемого доказательство с нарушением законного порядка, оно по ходатайству стороны защиты должно быть при-знано допустимым, ибо в любом случае порождает определенные сомнения в виновности обвиняемого. Бремя доказывания при ошибках обвинения не может быть возложено на об-виняемого. Однако принятие судом подобных доказательств не исключает оценки с точки зрения достоверности, в том числе с учетом нарушений, допущенных при их получении. Иначе должен решаться вопрос, когда сама сторона защиты представила доказательства, по-лученные ею самой с нарушением закона. В этих случаях доказательства могут быть при-знаны недопустимыми при условии, если факт нарушения закона стороной защиты доказан обвинителем, а само нарушение является существенным и неустраняемым. Основанием для этого вывода может служить не только ч. 1 ст. 75, но и конституционная норма, устанавли-вающая, что каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и рас-пространять информацию только законным способом (ч. 4 ст. 29 Конституции РФ). Так, например, если защитник при собирании доказательств путем опроса (п. 2 ч. 3 ст. 86) при-менил к опрашиваемому лицу незаконные меры – запугивание и угрозы, добившись от него подтверждения алиби обвиняемого, то полученные письменные объяснения лица не могут считаться допустимым доказательством» [2, с. 190–191].

«Важно, однако, оговориться, что при оценке последствий конкретного наруше-ния следует, как представляется, руководствоваться правилом асимметрии, вытекающим из принципа *favor defensionis*, а в конечном счете – из баланса конституционно-правовых ценностей, отдающего приоритет интересам личности над интересами государства. Ев-ропейский Суд по правам человека полагает, что «ошибки или недостатки работы орга-нов государственной власти должны работать в пользу подсудимого. Другими словами, риск совершения ошибки прокуратурой или судом должно нести государство, и эти ошибки не должны исправляться за счет заинтересованного лица» [3].

6. Отсутствие в УПК РФ понятия относимости и достоверности доказательства с одной стороны затрудняет оценку доказательств на эти свойства, с другой стороны позво-ляют использовать в доказательственной деятельности неотносимые и недостоверные до-казательства, что затруднено в соответствии с положениями УПК Республики Беларусь.

Неразрешенность вопроса об асимметрии допустимости доказательств в обоих за-конодательных актах затрагивает баланс ценностей, где Человек, его права и свободы являются высшей ценностью.

«Человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценно-стью и целью общества и государства» (ст. 2 Конституции Республики Беларусь).

«Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обя-занность государства» (ст. 2 Конституции РФ).

Список использованной литературы

1. Шейфер, С. А. Понятие доказательства как предмет научной дискуссии / С. А. Шейфер // Вестник Омского университета. Серия «Право». – Омск : Изд-во ОмГУ, 2008. – № 1 (14). – С. 12–19.
2. Уголовный процесс : учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский ; под общ. ред. проф. А. В. Смирнова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : КНОРУС, 2008. – 704 с.
3. Дело «Радчиков (Radchikov) против Российской Федерации» : постановление Европ. суда по правам человека, 24 мая 2007 г. [Электронный ресурс] // Консультант-Плюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2023.

УДК 343.13(470):343.13(476)

Е. В. Леонова

*(Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королёва, Палата адвокатов Самарской области, Самара)*

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ИСТОКИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Проблему реформирования института дополнительного расследования необходимо разрешать с учетом опыта постсоветских стран, каждая из которых столкнулась с выбором между сохранением института дополнительного расследования и его ликвидацией, но применивших различные процессуальные механизмы. Поэтому автор анализирует регулирование дополнительного расследования в Российской Федерации и Республике Беларусь. В результате проведенного исследования формулируется вывод о том, что ни Российской Федерации, ни Республике Беларусь не удалось выработать эффективный механизм, который позволил бы в полной мере заменить институт дополнительного расследования, в связи с чем, в каждом случае, нормы УПК подверглись изменениям.

До распада СССР уголовно-процессуальные системы союзных республик не обладали существенными различиями. УПК разрабатывались с учетом Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 25 декабря 1958 г. и им были свойственны однотипные достоинства и недостатки [1, с. 194–195]. Характерным недостатком советского уголовного процесса было использование института дополнительного расследования как средство ухода суда от вынесения оправдательных приговоров и восполнения пробелов предварительного расследования, что способствовало обвинению.

После распада СССР, перед постсоветскими странами встала задача проведения судебно-правовых реформ, в том числе принятия нового уголовно-процессуального кодекса. Разрабатывались национальные концепции реформ и проекты уголовно-процессуальных кодексов. Концепция судебно-правовой реформы Республики Беларусь, как и Концепция судебной реформы РСФСР, указывала на проблему выполнения судом несвойственных ему функций, в том числе с помощью восполнения пробелов предварительного следствия и возвращения уголовных дел для дополнительного расследования [2, 3]. В целях исключения этих негативных свойств российский и белорусский законодатель предпринял попытку упразднить институт дополнительного расследования, но для достижения цели были применены различные процессуальные механизмы. В дальнейшем развитие каждой из рассматриваемых уголовно-процессуальной системы пошло по своему пути.

В УПК РФ институт дополнительного расследования был заменен институтом возвращения уголовного дела прокурору. Ст. 237 до внесения в нее изменений определяла перечень процессуальных нарушений, в случае установления которых, судья по собственной воле либо по ходатайству сторон возвращает дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом. К таким нарушениям было отнесено: несоответствие обвинительного заключения или обвинительного акта требованиям УПК РФ, невручение копии обвинительного заключения или акта обвиняемому, необходимость составления обвинительного заключения или обвинительного акта по уголовному делу, направленному в суд с постановлением о применении принудительной меры медицинского характера.

Белорусский законодатель избрал иной способ, заменив институт дополнительного расследования нормами, позволяющими государственному обвинителю в ходе судебного разбирательства изменять обвинение на более тяжкое, предъявлять новое обвинение, ухудшающее положение обвиняемого или существенно отличающееся по своему содержанию от ранее предъявленного обвинения (ч. 2 ст. 301 УПК Республики Беларусь) и организовывать производство дополнительного расследования без возвращения дела на предшествующую стадию (ч. 5 ст. 302 УПК Республики Беларусь). Статья 302 УПК Республики Беларусь позволяет устранить процессуальные препятствия для предъявления нового обвинения и восполнить пробелы доказывания, произведя дополнительно следственные и процессуальные действия.

Однако практика применения УПК Республики Беларусь и УПК РФ выявила несовершенство их отдельных норм, ряд пробелов, неточностей и упущений. Ученые отмечали, что ликвидация дополнительного расследования, пока не дала желаемого результата. Дополнительные доказательства в порядке ч. 5 ст. 302 УПК Республики Беларусь представляются прокурором очень редко [4, с. 57]. По многим уголовным делам сохранился низкий уровень предварительного расследования, число оправдательных приговоров с каждым годом уменьшалось, что подкрепляло предложения о возврате института дополнительного расследования в УПК [4, с. 62; 5, с. 311]. Эти обстоятельства способствовали внесению изменений в УПК Республики Беларусь и УПК РФ.

Ст. 237 УПК РФ, изначально предусмотренная для устранения препятствий к постановлению судом законного приговора, подверглась многократным изменениям: положения частей второй, четвертой и пятой о запрете проведения следственных действий, о сроке и недопустимости доказательств, полученных за его пределами, были отменены; были введены положения, позволяющие вернуть уголовное дело прокурору при наличии обстоятельств, указывающих на наличие оснований для предъявления обвинения в совершении более тяжкого преступления, что ухудшает положение обвиняемого. П. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ подвергся расширительному истолкованию, что позволяет правоприменителям использовать норму когда им это удобно и во всех случаях возвращать дело прокурору. Постепенно институт дополнительного расследования был восстановлен в прежнем виде, то есть в таком, каким он был до начала судебной реформы, каким он был по УПК РСФСР, основанном на иной системе принципов и поэтому «УПК РФ служит примером того, как методологически и технически *не следует* решать проблему реформирования института дополнительного расследования» [6, с. 55].

05 января 2015 года УПК Республики Беларусь был дополнен нормами, регламентирующими ранее не предусмотренное предварительное судебное заседание, в ходе которого суд может принять решение о возвращении уголовного дела прокурору. До внесения дополнений деятельность судьи при назначении и подготовке к судебному заседанию ограничивалась принятием решения о назначении судебного разбирательства, приостановлении производства по делу, прекращении производства по делу или о направлении по подсудности (ст. 276 УПК Республики Беларусь). Проанализировав эти новшества белорусские ученые утверждают, что введя институт предварительного судебного

заседания белорусский законодатель «выбирает более демократичную процедуру, которая позволяет не назначать судебное разбирательство в тех случаях, когда суд не в состоянии собственными усилиями устранить выявленные препятствия для рассмотрения дела» [7, с. 162–163]. Однако в УПК Республики Беларусь было закреплено еще и правомочие суда возвращать уголовное дело прокурору в ходе судебного разбирательства (ст. 303¹ УПК Республики Беларусь). Новая статья 280¹ УПК Республики Беларусь в отличие от ст. 237 УПК РФ предусматривает четко сформулированный и ограниченный перечень препятствий к рассмотрению дела судом, при установлении которых дело возвращается прокурору, что, по нашему мнению, не должно позволить правоприменителям использовать данную норму не по назначению.

Подводя итоги, отметим, что и Российская Федерация, и Республика Беларусь столкнулась с выбором между сохранением института дополнительного расследования и его ликвидацией, каждая из которых пошла по пути упразднения института дополнительного расследования, но применивших различные процессуальные механизмы. Однако ни Российской Федерации, ни Республике Беларусь не удалось выработать эффективный механизм, который позволил бы в полной мере заменить институт дополнительного расследования, в связи с чем в каждом случае нормы УПК подверглись изменениям.

Список использованной литературы

1. Курс уголовного процесса / А. А. Арутюнян, Л. В. Брусницын, О. Л. Васильев [и др.]. – Москва : Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 2016. – 666 с.

2. О Концепции судебно-правовой реформы [Электронный ресурс] : постановление Верховного Совета Респ. Беларусь, 23 апр. 1992 г., № 1611-ХП // Кодексы, законы и законодательные документы Республики Беларусь. – Режим доступа: https://belzakon.net/%D0%97%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B4%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE/%D0%9F%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%92%D0%B5%D1%80%D1%85%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D0%A1%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%82%D0%B0_%D0%A0%D0%91/1994/96361?ysclid=lp2tk6w4d210131422. – Дата доступа: 04.11.2023.

3. О Концепции судебной реформы в РСФСР : постановление ВС РСФСР, 24 окт. 1992 г., № 1801-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 44. – Ст. 1435.

4. Зайцева, Л.Л. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: обзор изменений и практики применения / Л. Л. Зайцева // Правосудие и прокурорский надзор в Республике Беларусь: законодательство и практика применения : сб. науч. Трудов. / редкол. : А.В. Барков [и др.] – Минск : БГУФК, 2010. – С.42–68.

5. Карпиевич, Н. Ф. История становления и развития белорусского уголовно-процессуального законодательства / Н. Ф. Карпиевич // Право и демократия. – 2004. – 15. – 301–312.

6. Головкин, Л. В. Истоки и перспективы института дополнительного расследования уголовных дел на постсоветском пространстве / Л. В. Головкин // Государство и право. – 2009. – № 11. – С. 54–67.

7. Рябинина, Т. К. Институт возвращения уголовного дела прокурору по УПК Российской Федерации и УПК Республики Беларусь / Т. К. Рябинина, С. Л. Емельянов // Приоритетные направления развития правовой системы общества : материалы VIII Международной научно-практической конференции, Гомель, 01–02 октября 2020 года. – Гомель: Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, 2020. – С. 159–168.

В. М. Логвин

(Академия МВД Республики Беларусь, Минск)

ОБ ОТЛИЧИТЕЛЬНЫХ ПРИЗНАКАХ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ И ОБЫСКА

Предпринимается попытка выделения наиболее значимых отличительных признаков осмотра места происшествия от обыска. Обращается внимание на необходимость их учета в процессе производства по материалам и уголовным делам при принятии решения о выборе следственного действия в сложившейся ситуации и негативных последствиях игнорирования такого подхода.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее УПК) был принят более 20 лет тому назад. Вместе с тем, ряд вопросов, которые касаются правовой регламентации следственных действий остались разрешенными не в полной мере. Так, анализ содержания норм уголовно-процессуального закона свидетельствует о том, что между отдельными следственными действиями имеются слабо различимые отличия. Ярким примером тому являются осмотр места происшествия и обыск. В следственной практике встречаются случаи, когда на стадии возбуждения уголовного дела под видом осмотра места происшествия, находящегося в жилище или ином законном владении по сути дела проводится обыск. Данное обстоятельство влечет за собой ряд негативных последствий, которые выражаются: в подмене одних следственных действий другими; нарушениях принципов уголовного процесса и прав его участников; признанию полученных доказательств недопустимыми. Здесь надо иметь в виду, что с точки зрения теории доказывания доказательство считается допустимым, если оно наряду с другими критериями было получено в результате проведения надлежащего следственного действия и при надлежащем порядке его осуществления [1, с. 26–27].

Анализируя подобные негативные ситуации, на наш взгляд, следует поддержать мнение С.Б. Россинского, утверждающего, что подобная негативная практика вызвана рядом причин, которые не всегда кроются в недостаточном профессионализме работников. Причиной тому являются также: сам процессуальный закон, который «маскирует» одни следственные действия другими; самостоятельность следователя в этом случае изрядно ограничивается принципами и механизмами организации следственных органов, предполагающими жесткую военную дисциплину и полное подчинение нижестоящих сотрудников своему начальству; существование огромного количества низкокачественных, надлежащих образом не проработанных, не апробированных, зачастую противоречащих друг другу частных криминалистических методик [2, с. 77–83].

К этому перечню причин на наш взгляд необходимо отнести и слабое знание сотрудниками правоохранительных органов отличительных признаков следственных действий (*по данным проведенного интервьюирования сотрудников органов внутренних дел, занимающихся вопросами раскрытия и расследования преступлений, проходивших курсы повышения квалификации в УО «Академия МВД Республики Беларусь» в 2020–2023 годах 82% опрошенных не задумываются о том какое следственное действие в той или иной ситуации должно быть проведено. При выборе следственного действия эта категория опрошенных руководствуется в основном указаниями, поступившими от своего руководства или информацией, изложенной в поручении следователя*) владение которыми во многом позволяет избежать подобного рода ошибок, глубже уяснить сущность тех или иных следственных действий, способствует более взвешенному и продуманному подходу при конструировании норм уголовно-процессуального закона в плане регламентации следственных действий. В этой связи также необходимо отметить, что подобный вопрос очень поверхностно исследован как в теории уголовного процесса, так и в теории криминалистики.

Остановимся более подробно на специфических признаках, которые позволяют разграничить осмотр места происшествия от обыска. Под местом происшествия следует понимать пространство (помещение, участок местности, водная поверхность, дно водоема), где сохранились обстановка, различные следы, предметы (объекты), свидетельствующие о различных обстоятельствах подготовки, совершения или сокрытия преступления.

Обыск – это следственное действие, направленное на принудительное обследование личности, помещений, сооружений, участков местности, находящихся в ведении обыскиваемого лица и членов его семьи, или какой-либо организации, для отыскания и изъятия скрываемых объектов, имеющих значение для дела, а также обнаружения разыскиваемого лица или трупа [3, с. 81].

При выделении отличительных признаков за основу могут быть взяты различные критерии (основания). Так, по своей сущности осмотр места происшествия в большинстве случаев носит добровольный характер и связан с обнаружением, фиксацией, предварительным исследованием, изъятием следов преступления, фиксацией обстановки этого места, решением иных задач, имеющих значение при производстве по материалу либо уголовному делу. Вместе с тем в отдельных случаях он может проводиться в принудительном порядке. В данном случае речь идет об осмотре жилища или иного законного владения, являющегося местом происшествия либо хранения орудий и средств совершения преступления, других предметов со следами преступления, а также веществ и предметов, за хранение которых предусмотрена уголовная ответственность, если отсутствует согласие со стороны собственника или проживающих в нем совершеннолетних лиц на его проведение. В тоже время проведение обыска всегда носит принудительный характер.

Имеются существенные различия в проведении рассматриваемых следственных действий по целям и задачам. Цель следственного действия – это идеальный образ информации (ее форма и содержание), которую предстоит получить следователю путем применения определенных законом познавательных приемов.

Правильное понимание целей и задач следственных действий имеет важнейшее значение, поскольку позволяет придать им направленность и осмысленность. К сожалению уголовно-процессуальный закон не содержит норм, которыми бы определялись цели и задачи осмотра места происшествия (это замечание имеет отношение и к другим следственным действиям).

Целями осмотра места происшествия, учитывая универсальность данного следственного действия, на наш взгляд, являются: обнаружение, фиксация и исследование материальных следов конкретного события и лица, имеющего отношение к данному событию, и иных объектов (предметов), направленные на розыск этого лица; исследование и фиксация обстановки места происшествия; выявление и фиксация негативных и иных обстоятельств; установление причин преступления и условий, способствовавших его совершению; установление административно-территориальных и географических координат места происшествия.

Цель обыска заключается в отыскании орудий и средств совершения преступлений, предметов, документов и ценностей, которые могут иметь значение для уголовного дела, а также обнаружение разыскиваемых лиц и трупов [4, с. 246]. Очевидно, что цели осмотра места происшествия значительно шире целей обыска.

Задачи – это те конкретные действия, которые необходимо осуществить для того, чтобы достичь желаемого результата (цели). Названные выше цели достигаются путем решения общей и частных задач в ходе осуществления осмотра места происшествия. Общая задача осмотра места происшествия состоит в установлении механизма происшествия во всех деталях (следователь должен ответить себе на вопрос: что произошло на исследуемом месте и каким образом?).

Частные задачи осмотра места происшествия заключаются в установлении следующих обстоятельств: кто совершил преступление; сколько было преступников; как они

попали на место происшествия; какие следы остались на месте происшествия от их пребывания; каков способ совершения преступления; использовались ли технические средства, если использовались, то какие; как преступники ушли с места происшествия и др.

Задачи обыска сводятся к обнаружению и изъятию: предметов и документов, компьютерной техники и содержащейся в ней информации; разыскиваемых лиц, трупов или их частей; похищенных людей; документов, имеющих значение для розыска преступника и характеризующих его личность; материальных ценностей, обеспечивающих возмещение вреда; объектов, запрещенных к обращению.

Имеются отличительные признаки между рассматриваемыми следственными действиями и по месту их проведения. Применительно к осмотру места происшествия – это всегда место, где осуществлялись подготовительные действия к совершению преступления, либо непосредственно место совершения преступления, либо место сокрытия следов преступления. В качестве таких мест могут выступать участки местности, помещения, не принадлежащие физическим лицам, а также жилище или иные законные владения, принадлежащие гражданам. Место проведения обыска в большинстве случаев не связано с совершением какого-либо преступления (место хранения имущества, добытого преступным путем, орудий совершения преступлений и т.п.). Чаще всего местом проведения обыска являются жилища или иные законные владения граждан.

Разграничение может осуществляться и относительно осведомленности лица, производящего следственное действие. При проведении осмотра места происшествия следователь (лицо, производящее дознание) лишь могут предполагать о наличии следов, предметов (объектов) на месте происшествия, имеющих отношение к событию по поводу которого проводится разбирательство. При проведении обыска всегда известно, что следует отыскать и в дальнейшем изъять.

Имеются некоторые отличия и по порядку проведения следственных действий. Проведение обыска начинается с предложения лицу добровольно выдать предметы (объекты), имеющие значение для уголовного дела. Во время осмотра места происшествия такие предложения не делаются.

В зависимости от стадии уголовного процесса на которой возможно проведение рассматриваемых следственных действий также имеются различия. По общему правилу осуществление осмотра места происшествия может иметь место до принятия решения о возбуждении уголовного дела (ч. 2 ст. 173 УПК Республики Беларусь). Также в отдельных случаях, не терпящих отлагательства осмотр может быть проведен до принятия решения о возбуждении уголовного дела и в жилище или ином законном владении, которые являются местом происшествия либо хранения орудий и средств совершения преступления, других предметов со следами преступления, а также веществ и предметов, за хранение которых предусмотрена уголовная ответственность (ч.5 ст. 204 УПК Республики Беларусь). Обыск же всегда проводится только в рамках уже возбужденного уголовного дела.

Следует иметь в виду, что существуют определенные отличия и по способу принятия решения о проведении следственных действий. Данное обстоятельство вытекает из правового основания и связано с тем, какой документ должен быть составлен для его производства. Действующий уголовно-процессуальный закон предусматривает три варианта принятия решения о проведении осмотра места происшествия: по устному решению следователя, лица, производящего дознание без вынесения постановления при проведении осмотра места происшествия (участок дороги, где совершено дорожно-транспортное происшествие; помещение, принадлежащее организации, где совершена кража материальных ценностей), а также осмотр жилища или иного законного владения, которое является местом происшествия при наличии согласия собственника или проживающих в нем совершеннолетних лиц (ч.7 ст. 204 УПК Республики Беларусь); по постановлению следователя, лица, производящего дознание без санкции прокурора осмотр жилища или иного законного владения с последующим направлением ему в течение 24 ча-

сов сообщения о проведенном осмотре; по постановлению следователя, (органа дознания) при наличии санкции прокурора осмотр жилища или иного законного владения (ч. 7 ст. 204 УПК Республики Беларусь).

Помимо этого, осмотр жилища или законного владения может быть проведен по мотивированному постановлению Председателя Комитета государственной безопасности Республики Беларусь или лица, исполняющего его обязанности, при производстве предварительного следствия по уголовным делам следователем Комитета государственной безопасности Республики Беларусь в соответствии с подследственностью, а также при производстве дознания по уголовным делам. Указанное постановление не требует санкционирования прокурором. Копия соответствующего постановления должна быть направлена в течение 24 часов Генеральному прокурору Республики Беларусь или лицу, исполняющему его обязанности (ч. 6 ст. 8 УПК Республики Беларусь).

Осмотр жилища или иного законного владения также может быть проведен по мотивированному постановлению Председателя Следственного комитета Республики Беларусь либо лица, исполняющего его обязанности, при производстве предварительного следствия следователем Следственного комитета Республики Беларусь по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, а также других преступлений, относящихся к его компетенции. Копия соответствующего постановления в течение 24 часов направляется Генеральному прокурору Республики Беларусь или лицу, исполняющему его обязанности (ч. 5 ст. 35 УПК Республики Беларусь).

В тоже время принятие решения о производстве обыска по общему правилу требует вынесения следователем (органом дознания) постановления о проведении следственного действия и получении санкции у прокурора или его заместителя. В исключительных случаях обыск может быть проведен по постановлению следователя (органа дознания) без санкции прокурора с последующим направлением ему в течение 24 часов сообщения о проведенном обыске. Также уголовно-процессуальный закон предусматривает возможность проведения обыска по постановлению Председателя Следственного комитета Республики Беларусь, Председателя Комитета государственной безопасности Республики Беларусь или лиц, исполняющих их обязанности (ч.1 ст. 210 УПК Республики Беларусь).

Имеются отличия и по кругу участников, принимающих участие в следственных действиях. К числу обязательных участников обыска относятся понятые. В тоже время, в ходе проведения осмотра места происшествия уголовно-процессуальный закон предписывает обязательное участие понятых только в том случае, когда местом происшествия является жилище или иное законное владение. Во всех остальных случаях вопрос об участии указанных участников уголовного процесса в осмотре решается по усмотрению следователя.

Резюмируя изложенное представляется необходимым обратить внимание прежде всего сотрудников органов уголовного преследования на то, что между осмотром места происшествия и обыском имеются определенные отличия. Однако они зачастую не являются столь очевидными как бы этого хотелось. Их выявление требует от должностных лиц глубоких знаний в области уголовного процесса и криминалистики. Представляется, что требуют совершенствования и нормы уголовно-процессуального закона, регламентирующие порядок проведения рассматриваемых и иных следственных действий. Учет названных обстоятельств во многом может способствовать минимизации фактов нарушения уголовно-процессуального законодательства в процессе осуществления предварительного расследования, а следовательно содействовать соблюдению прав и законных интересов граждан.

Список использованной литературы

1. Кипнис, Н.М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве. - М.: Юристъ, 1995. – 128 с.
2. Россинский, С.Б. Следственные действия: монография / С. Б. Россинский. - М.: Норма, 2018. – 240 с.

3. Белкин, Р.С., Лифшиц, Е.М. Тактика следственных действий. – М.: Новый юрист, 1997. – 176 с.
4. Досудебное производство в уголовном процессе: учеб. пособие / И.В. Данько и др.; под ред. И.В. Данько. – Минск: РИВШ, 2022. – 460 с.

УДК 343.76(470):343.76(476)

М. В. Лычев

(Общество с ограниченной ответственностью Юридический центр «Апейрон», Москва)

ДОЗНАНИЕ ПО ДЕЛАМ О ПОЖАРАХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В статье рассмотрен порядок дознания по делам о пожарах в Российской Федерации и Республике Беларусь. Показаны общие условия развития уголовного процесса обоих государств через генезис развития. Описано развитие уголовно-процессуальных институтов, их отличительные черты. Указаны причины, повлиявшие на их развитие. Выявлены отличительные черты дознания по делам о пожарах, регламентированные уголовно-процессуальными законами этих стран, а также проблемы доктринального и практического значения, связанные с уголовно-процессуальной деятельностью российских и белорусских органов дознания. Намечен вектор их разрешения.

Как в России, так и в Беларуси осуществляется расследование уголовных дел о пожарах. В обеих странах расследование таких дел осуществляется органами дознания в лице органов государственного пожарного надзора, но несмотря на схожесть организационных структур, их полномочия в уголовно-процессуальном смысле имеют свои особенности. При этом, дознание по делам о пожарах имеет не малое количество нерешенных теоретических и практических проблем, которые имеют общие причины появления. Для того чтобы показать их, обратимся к совместной истории обоих государств.

История двух стран очень богата общими событиями и интеграционными процессами в различных сферах общественной жизни. Уголовно-процессуальные отношения не стали исключением. Результаты реформ 1860-х годов, проводимые Александром II одинаково сказались на формировании уголовно-процессуальной материи обеих странах, так как территории этих стран находились в составе Российской Империи. Основной вехой, оказавшей влияние на развитие уголовного процесса в то время, было принятие Устава уголовного судопроизводства в 1864 г. (далее – УУС), в котором окончательно закрепилось положение, согласно которого уголовное судопроизводство стало подразделяться на досудебную и судебную стадии [1, с. 325]. Досудебное расследование согласно УУС проводилось судебными следователями. Дознание же, проводимое полицией в то время, не являлось формой расследования, а являлось своего рода дополнительной функцией, которая применялась при отсутствии уверенности полиции в характере совершенного преступления, [2, с. 146] или «напоминало современную доследственную проверку» [3, с. 129]. Таким образом, Реформенный период развития уголовно-процессуальной материи ознаменовался окончательной дифференциацией расследования на предварительное следствие и судебное, сформировалось дознание, как полицейская функция, а расследование не только дел о поджогах, но и расследование дел о несоблюдении требований пожарной безопасности, установленных разделом VIII главой IX Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, относилось к компетенции судебных следователей, а дознание выполняла полиция.

Советский период развития уголовного процесса тоже является для обеих стран общим, за исключением одной особенности, которая заключается в том, что несмотря на

сильное влияние центральной власти СССР на законодательство правоприменительную практику республик, всё же каждые республики, включая БССР, имели свои уголовно-процессуальные законы, что говорило об их независимости, хоть и формальной. Данный период является важной вехой в развитии уголовного процесса России и Республики Беларусь и в то же время противоречивым и спорным, как и сам советский период российской истории. Приход в России к власти Большевиков после Октябрьской социалистической революции в 1917 году вызвал качественно иное устройство экономики, государственности и права. Они были построены на началах планирования хозяйственной деятельности, отсутствия частной собственности на средства производства, и создании нового типа государственного аппарата. Именно эти базовые критерии стали основой развития советского уголовного процесса.

После первых кризисных лет существования советского государства, когда уголовный процесс представлял из себя фрагментарный и некодифицированный характер, советское правительство ряд реформ, которые привели в 1920-е годы к сближению дознания и следствия. Как считают ряд ученых толчок этому был дан на пятом Всероссийском съезде деятелей советской юстиции в марте 1924 года, на котором А.Я. Вышинским было предложено подготовленные материалы органов дознания и следствия расценивать как части единого следственно-розыскного аппарата. Кроме того, в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР (далее – УПК РСФСР 1922 года) была предусмотрена целая глава VIII «О дознании», впервые закрепляющая на законодательном уровне двойственность дознания, как формы расследования и как розыскную деятельность или милицейскую (полицейскую). Это привело к смешению функций «юстиции» и «полиции».

Кроме законодательных реформ, Советская власть реформировала весь государственный аппарат, результатом чего стало создание органов управления пожарной охраны в составе НВКД, а в 1930-е годы появление государственного пожарного надзора, который в 1935 году был наделен полномочиями органов дознания. Итогом советского периода развития уголовного процесса стало наделение следственно-судебными функциями органы следствия, которые являются частью системы органов исполнительной власти, появление дознания как новой формы предварительного расследования и его органов, смешения функции «юстиции» и «полиции» [4, с. 29]. Кроме того, появилась стадия возбуждения уголовного дела, свойственная только уголовным процессам бывших советских республик.

После распада СССР в 1990-х годах и образования на его месте нескольких независимых государств общие тенденции советского уголовного процесса сохранялись какое-то время, но уже в 2000-е годы российский и белорусский уголовные процессы обрели «оттенки» западноевропейских уголовных процессов.

В настоящее время расследование уголовных дел о пожарах в России и Беларуси имеют свои отличительные черты. Так, расследование уголовных дел о пожарах в России осуществляется в форме следствия и дознания. Дознание по таким делам производится органами государственного пожарного надзора, которые являются органами дознания (п. 4 ч. 1 ст. 40 УПК РФ). У российской прокуратуры в отношении органов дознания по делам о пожарах достаточно широкие полномочия, но всё же их уголовно-процессуальная деятельность схожа по своим функциям с органами следствия, чего нельзя сказать в отношении деятельности органов государственного пожарного надзора в Республике Беларусь.

Несмотря на то, что согласно Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь дознание осуществляется органами государственного пожарного надзора, всё же компетенция белорусских органов дознания сводится фактически к полицейским функциям (ч. 2 ст. 37 УПК), а непосредственным руководителем дознания является прокурор.

При этом, в деятельности органов дознания обоих государств имеются вопросы процессуального характера. Так, например, в российском уголовном сообществе ведутся жаркие споры относительно сущности органов дознания [5, с. 63] и следственных действий [6, с. 74], что приводит к вопросу правомочности производства ими неотложных следственных действий. А среди ученых-процессуалистов ведется дискуссия о нормативной дефиниции дознания в уголовном процессе Республики Беларусь [7, с. 192–194].

В заключении настоящей статьи хотелось отметить, что имеющиеся проблемы доктринального характера как в российском, так и в белорусском уголовных процессах не могут не отражаться на правоприменительной практике обоих государств. К сожалению, в рамках настоящей работы невозможно в полной мере раскрыть и исследовать эти проблемы, но хотелось бы выразить надежду на то, что ученые этих стран смогут выработать их разрешение, опираясь как на собственный национальный практический опыт, так и опыт межгосударственного взаимодействия, а также общий исторический генезис развития уголовно-процессуальной материи.

Список использованной литературы

1. Лычев, М. В. Историко-правовой анализ развития института дознания в российском уголовном процессе / М. В. Лычев // Пробелы в российском законодательстве. – 2021. – № 5. – С. 323–328.
2. Курс уголовного процесса / Л. В. Головкин [и др.] ; под ред. Л. В. Головкина. – 2-е изд. – М., 2017. – 1280 с.
3. Ярыгина, Л. А. Исторический анализ развития дознания в отечественном уголовном судопроизводстве / Л. А. Ярыгина // Юридический вестник СамГУ. – 2015. – Т.1, № 2. – С. 128–133.
4. Россинский, С. Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств: монография / С. Б. Россинский. – Москва : Норма, 2021. – 408 с.
5. Россинский, С. Б. Орган дознания: «команда» или должностное лицо? / С. Б. Россинский // Законы России. – 2022. – № 5. – С. 63–67.
6. Россинский, С. Б. Еще раз о понятии и сущности следственных действий в уголовном судопроизводстве: дискуссия не закончена.... / С. Б. Россинский // Законы России. – 2021. – № 1. – С. 74–83.
7. Нечаева, В. А. О нормативной дефиниции дознания в уголовном процессе Республики Беларусь / В. А. Нечаева // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2013. – № 5. – С. 192–196.

УДК 343.13

Т. Ю. Маркова

*(Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина, Москва)*

О ВОЗМОЖНОСТИ ДОПРОСА СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В КАЧЕСТВЕ СВИДЕТЕЛЕЙ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

При рассмотрении уголовных дел в судах довольно часто возникает необходимость допроса в качестве свидетелей сотрудников правоохранительных органов. В статье проводится анализ правовых позиций Конституционного Суда РФ и сложившейся судебной практики, на основе которого делается вывод о том, какие именно сотрудники правоохранительных органов могут быть допрошены и по каким обстоятельствам уголовного дела. Делаются предложения о совершенствовании положений ч. 3 ст. 56 УПК РФ.

УПК РФ предусматривает такого участника уголовного судопроизводства как свидетель. В соответствии с ч. 1 ст. 56 УПК РФ свидетелем является лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования

и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний, за исключением случаев, предусмотренных УПК РФ (ч. 1 ст. 56 УПК РФ). Явившийся по вызову свидетель может быть допрошен о любых относящихся к уголовному делу обстоятельствах, в том числе о личности обвиняемого, потерпевшего и своих взаимоотношениях с ними и другими свидетелями (ч. 2 ст. 79 УПК РФ). Свидетель может давать показания о событиях, которые он наблюдал лично или которые ему стали известны от третьих лиц (в этом случае он, при наличии такой возможности, обязан указать источник своей осведомленности).

С точки зрения действующего уголовно-процессуального закона свидетелем может быть (практически) любое лицо независимо от расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Свидетелями по уголовному делу могут быть даже малолетние дети (в том числе в возрасте до 7 лет), а также лица, имеющие физические или психические недостатки. Не установлено законодательных запретов на допрос лиц, которые находятся в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, на амбулаторном или стационарном лечении. Допускается допрашивать в качестве свидетелей представителей различных профессий, в том числе выполняющих обязанности по спасению жизней других людей, а также родных, близких, друзей и знакомых обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика [1].

Обусловлено это тем, что свидетель всегда является уникальным участником уголовного судопроизводства. Он порождается обстоятельствами уголовного дела и не может быть заменен кем-то другим. Предпочтение всегда отдается процессуальной функции свидетеля. Это означает, что если какой-либо участник уголовного судопроизводства (например, судья или прокурор) является свидетелем по уголовному делу, то он уже не может выполнять иную функцию и подлежит отводу (ст. 61, 72 УПК РФ).

В судебной практике довольно часто возникает необходимость допросить в качестве свидетелей сотрудников правоохранительных органов по самым разным обстоятельствам уголовного дела (от проведения оперативно-розыскных мероприятий до окончания предварительного расследования). Однако УПК РФ положений о возможности или невозможности (запрете) допроса таких лиц в качестве свидетелей не содержит. В связи с чем появляются различного рода вопросы, решать которые приходится судам в ходе судебного разбирательства.

Лица, которые освобождаются от обязанности давать показания по уголовному делу, указаны в ч. 3 ст. 56 УПК РФ. Конституционный Суд РФ в своих решениях неоднократно указывал, что данная норма не включает в этот перечень сотрудников правоохранительных органов, поэтому нет каких-либо препятствий их допросу в качестве свидетелей, если им могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела (см., например, Определение Конституционного Суда РФ от 29.10.2020 г. № 2587-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Непомнящего Александра Романовича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и частью четвертой статьи 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»). Аналогичной позиции придерживаются и суды общей юрисдикции (например, Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 03.03.2022 г. № 77-1291/2022). Однако такая позиция не содержит каких-либо указаний на то, кто именно из сотрудников может быть допрошен и о каких обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, идет речь. Попробует разобраться с этими вопросами.

Прежде всего, в качестве свидетелей могут быть допрошены должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность и проводивших оперативно-розыскные мероприятия по рассматриваемому уголовному делу, например, в отношении подсудимого (Определение Конституционного Суда РФ от 29.10.2020 г.

№ 2587-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Непомнящего Александра Романовича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и частью четвертой статьи 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»; Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 26.08.2020 г. № 77-1527/2020).

Нет законодательных запретов и на допрос сотрудников полиции, которые хоть и не проводили предварительное расследование по уголовному делу, но которые могут быть допрошены в суде как носители соответствующей информации, относящейся к установлению обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, то есть входящих в предмет доказывания, а также иных обстоятельств, имеющих значение для расследования и разрешения уголовного дела (Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19.07.2018 г. № 72-УД18-5; Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 17.03.2022 г. № 77-768/2022 по делу № 1-224/2019). В качестве свидетелей допрашиваются дознаватели либо иные сотрудники органа дознания, в том числе участвовавшие в проверке заявления или сообщения о преступлении в порядке ст. 144 УПК РФ (Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 03.03.2022 г. № 77-1291/2022). Положения ч. 3 ст. 56 УПК РФ, определяющие круг лиц, которые не могут быть допрошены в качестве свидетелей, не исключают возможность допроса следователя, проводившего предварительное расследование по уголовному делу (Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 26.01.2017 г. № 5-АПУ17-2).

Таким образом, к лицам, которые могут быть допрошены в качестве свидетелей, относятся любые должностные лица правоохранительных органов, которым об обстоятельствах уголовного дела стало известно в связи с выполнением ими своих должностных обязанностей (Кассационное определение Верховного Суда РФ от 27.12.2011 г. № 72-О11-83сп). Но независимо от того, какие лица допрашиваются в качестве свидетелей, их показания в любом случае подлежат проверке и оценке по общим правилам доказывания, установленным ст. 17, 75, 87 и 88 УПК РФ, с точки зрения их относимости, допустимости, в том числе с соблюдением п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, согласно которому к недопустимым доказательствам относятся показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности (Определение Конституционного Суда РФ от 27.06.2017 г. № 1394-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Леонтьева Михаила Александровича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»).

По сложившейся судебной практике сотрудники правоохранительных органов могут быть допрошены в качестве свидетелей по любым обстоятельствам, имеющим значение для уголовного дела, в том числе об обстоятельствах производства отдельных следственных, иных процессуальных и проверочных действий, включая оперативно-розыскные (Определение Конституционного Суда РФ от 21.11.2022 г. № 3014-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Карпова Валерия Анатольевича на нарушение его конституционных прав частями первой и третьей статьи 56, частью пятой статьи 246 и частью третьей статьи 278 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»). Однако положения уголовно-процессуального законодательства не позволяют суду допрашивать их о содержании показаний, данных в ходе досудебного производства подозреваемым или обвиняемым, с целью восстановления содержания этих показаний вопреки закреплённому в п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ правилу, согласно которому показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде, относятся к недопустимым, или с целью подмены результатов следственных и оперативно-розыскных действий, проведение которых было необходимым при

осуществлении досудебного производства. По мнению Конституционного Суда РФ, данное правило базируется на положениях ст. 51 Конституции РФ, которые являются одной из важных гарантий права каждого не быть обязанным свидетельствовать против самого себя (Определение Конституционного Суда РФ от 06.02.2004 г. № 44-О «По жалобе гражданина Демьяненко Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 56, 246, 278 и 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 21.11.2022 г. № 3014-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Карпова Валерия Анатольевича на нарушение его конституционных прав частями первой и третьей статьи 56, частью пятой статьи 246 и частью третьей статьи 278 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»). Позиция Конституционного Суда РФ находит отражение и в судебной практике по уголовным делам (Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 03.03.2022 г. № 77-1291/2022).

В связи с этим признается незаконным допрос в качестве свидетелей сотрудников правоохранительных органов, которые дают показания: о содержания пояснений, которые давало лицо при проверке сообщения о преступлении (Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 01.12.2021 г. № 77-4056/2021; Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 26.05.2022 г. № 77-2772/2022); о содержании бесед с подозреваемым, которые в нем велись во время его доставления в отдел полиции (Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 26.09.2019 г. № 49-АПУ19-18) или после его добровольной явки к начальнику органа внутренних дел (Кассационное определение Верховного Суда РФ от 27.12.2011 г. № 72-О11-83сп); о том, что сказал осужденный во время его опроса до возбуждения уголовного дела (Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 26.01.2017 г. № 5-АПУ17-2); о содержания явки с повинной подсудимого (Кассационное определение Верховного Суда РФ от 04.12.2012 г. № 46-О12-55); о содержании сведений, сообщенных лицом при его задержании (Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 03.03.2022 г. № 77-509/2022). Если по таким обстоятельствам должностные лица правоохранительных органов дают показания, то эти показания должны признаваться судом недопустимым доказательством, которое не может быть положено в основу обвинительного приговора суда. Даже если заявление о признании полученных показаний недопустимым доказательством не поступает от участников процесса, председательствующий по собственной инициативе должен вынести на обсуждение сторон этот вопрос и принять законное и мотивированное решение (Кассационное определение Верховного Суда РФ от 11.05.2005 г. № 73-о04-44сп).

В заключении проведенного исследования можно сделать вывод, что все правила о допросе в качестве свидетелей сотрудников правоохранительных органов базируются исключительно на правовых позициях Конституционного Суда РФ и сложившейся судебной практике, что является неправильным. Поэтому положения ч. 3 ст. 56 УПК РФ требуют изменений. В данную норму необходимо включить запрет на допрос в качестве свидетелей должностных лиц правоохранительных органов, за исключением их допроса об обстоятельствах производства следственных, иных процессуальных и проверочных действий, а также оперативно-розыскных мероприятий.

Список использованной литературы

1. Маркова, Т. Ю. К вопросу о допросе адвоката в качестве свидетеля / Т. Ю. Маркова // Право и политика. – 2023. – № 8. – С.115–127.

Н. В. Машинская

(Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова,
Архангельск)

ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Проблемы процессуального статуса подозреваемого являются одной из самых обсуждаемых как в теории уголовного судопроизводства, так и в правоприменительной практике. Особую остроту приобретают вопросы, связанные с приданием процессуального статуса подозреваемому, а также его прекращением. На основе анализа законодательства, правоприменительной практики формулируется вывод о необходимости внесения изменений в действующий Уголовно-процессуальный кодекс.

Полнота процессуального статуса участника уголовного судопроизводства позволяет обрести определенность относительно дозволений, предписаний и запретов, предусмотренных законом, что в итоге обеспечивает эффективную реализацию прав и законных интересов субъекта.

Среди других субъектов уголовно-процессуальных отношений, наибольшую полемику вызывает процессуальный статус подозреваемого. Острота дискуссии связана с тем, что подозреваемый – участник уголовного судопроизводства, которому еще не предъявлено обвинение, однако в отношении него осуществляется уголовное преследование, направленное на изобличение в совершении преступления и такая деятельность предполагает производство абсолютно всех действий и принятие всех, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ) решений, в том числе, ограничивающих конституционные права и свободы. В то же время, как показывает следственная практика, далеко не всегда в отношении подозреваемого выдвигается обоснованное подозрение, в силу чего следственным органам не удается доказать причастность лица к совершению преступления, что не позволяет вынести постановление о привлечении в качестве обвиняемого [1, с. 23–26; 2, с. 135–143; 3, с. 65–83].

Прежде всего, обращает на себя внимание законодательное закрепление оснований приобретения лицом процессуального статуса подозреваемого. В УПК РФ отсутствует понятие подозреваемого и понятие подозрение, что затрудняет понимание сущности процессуального статуса лица, приобретающего рассматриваемый процессуальный статус. Закон связывает приобретение правового положения подозреваемого с вынесением конкретного процессуального решения следователем либо дознавателем (далее используется обобщенное понятие – следователь). Анализ оснований приобретения лицом статуса подозреваемого позволяет заметить, что фактически ни одно из предусмотренных ч. 1 ст. 46 УПК РФ не имеет самостоятельного значения, не предполагает объявление подозреваемому существа подозрения,

Так, например, первым основанием, предусмотренным ч. 1 ст. 46 УПК РФ выступает постановление о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица. Указанное уголовно-процессуальное решение принимается тогда, когда следователь установил материально-правовые и процессуальные основания для начала производства по уголовному делу и пришел к выводу о необходимости возбудить его, чтобы следственным путем установить все обстоятельства, подлежащие доказыванию и перечисленные в ст. 73 УПК РФ.

Постановление о возбуждении уголовного дела открывает возможность производства всех необходимых следственных действий, принятия процессуальных решений и отвечает на вопрос – необходимо ли в данном конкретном случае проводить предварительное расследование по сообщению о котором стало известно компетентным органам.

Таким образом, рассматриваемый уголовно-процессуальный документ имеет другое юридическое значение и вовсе не предполагает отражение в нем существа подозрения, а, согласно п. 1 ч. 1 ст. 145 УПК РФ отражает решение о возбуждении уголовного дела.

Вторым основанием придания лицу статуса подозреваемого является протокол задержания, составляемый в порядке ст. 92 УПК РФ. Содержание этого уголовно-процессуального документа так же не позволяет рассматривать его в качестве самостоятельного процессуального основания для придания лицу статуса подозреваемого, поскольку этот документ отражает решение о задержании лица, в отношении которого имеются основания что именно оно причастно к совершению преступления. Основания задержания установлены ч.1 ст. 91 УПК РФ и должны быть зафиксированы в протоколе задержания. Таким образом, этот документ отражает принятие важнейшего процессуального решения помещении лица на срок 48 часов в изолятор временного содержания для определения дальнейшего направления расследования, в том числе решения вопроса о необходимости применении меры пресечения в виде заключения под стражу. В рассматриваемом случае законодатель отступает от привычной для российского уголовного процесса формы документа, придающего лицу правовой статус, и вместо постановления, предписывает составление протокола задержания. Согласно ч. 2 ст. 92 УПК РФ протокол задержания должен содержать дату и время его составления, дату, время, место, основания и мотивы задержания подозреваемого, результаты его личного обыска, разъяснение подозреваемому прав, отношение к принимаемому процессуальному решению, а также сведения о том кому из близких родственников или других лиц сообщено о задержании подозреваемого.

Следующим уголовно-процессуальным документом, ставящим лицо в правовое положение подозреваемого, в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 46 УПК РФ является постановление об избрании меры пресечения. Закон содержит правило о том, что подозреваемым будет считаться лицо, если мера пресечения в отношении него применяется до предъявления обвинения. При этом закон не связывает придание правового статуса подозреваемого с применением конкретной меры пресечения. Процессуальное значение указанного документа состоит в том, что следователь обязан в постановлении обосновать необходимость применения в отношении подозреваемого определенной меры пресечения, то есть к данному моменту он должен обладать сведениями, в том числе о личности подозреваемого, дающими ему право избрать ту или иную меру пресечения. Содержание постановления об избрании меры пресечения вовсе не предполагает отражение признаков преступления и его описание. Вынося постановление об избрании меры пресечения в отношении подозреваемого, следователь лишь кратко описывает установленные к моменту принятия данного решения обстоятельства, обосновывает и мотивирует необходимость избрания в отношении подозреваемого меры пресечения. А, учитывая то обстоятельство, что, как правило, мера пресечения в отношении подозреваемого избирается сразу после возбуждения уголовного дела, следователи просто копируют фактические данные, которые послужили основанием для принятия решения о возбуждении уголовного дела.

Среди оснований, придающих правовой статус подозреваемого, – уведомление о подозрении, предусмотренное п. 4 ч. 1 ст. 46 УПК РФ. Составление указанного документа предусмотрено, когда уголовное дело возбуждается по факту совершенного преступления, а не в отношении конкретного лица и только в случае возбуждения уголовного дела дознавателем. В отличие от перечисленных выше документов, придающих лицу статус подозреваемого, уведомление о подозрении предполагает необходимость отражения в нем описания преступления с указанием места, времени его совершения, а также других обстоятельств, предусмотренных п. 1 и 4 ч. ст. 73 УПК РФ, то есть это единственный процессуальный документ, в содержании которого следует указывать материально-правовое основание имеющегося против лица подозрения. Однако уведомление – тот процессуальный документ, который используют только дознаватели, да и то, в ограниченных законом случаях.

Таким образом, основания придания лицу процессуального статуса подозреваемого не вполне отвечают такому назначению. Учитывая то обстоятельство, что перечисленные в ч. 1 ст. 46 УПК РФ имеют иное юридическое значение представляется необходимым предусмотреть в УПК РФ универсальный процессуальный документ, который бы в каждом случае установления причастности лица к совершению преступления придавал бы ему указанный процессуальный статус. Думается, что такой процессуальный документ должен называться постановлением о признании подозреваемым. Наряду с этим содержание указанного постановления должно отражать материально-правовые основания придания лицу правового статуса подозреваемого, а также перечень прав, соответствующий данному процессуальному положению. Представляется, что этот процессуальный документ должен выноситься безотносительно к тому, какие иные процессуальные решения приняты по уголовному делу, в том числе, в отношении подозреваемого.

В продолжение затронутой проблематики, следует отметить еще один проблемный аспект, связанный с процессуальным статусом подозреваемого – момент окончания рассматриваемого процессуального статуса.

В УПК РФ отсутствуют нормы, предписывающие следователю принимать решение о прекращении процессуального статуса подозреваемого, в результате чего, приданный однажды правовой статус подозреваемого вполне может закрепиться на неопределенное время. Исключением является правила ст.94 УПК РФ, предписывающие правило о том, что если подозрение не подтвердилось, то лицо немедленно освобождается из изолятора временного содержания, о чем ему выдается справка. Отсутствие обоснованных подозрений в отношении лица требуют вынесения постановления о прекращении уголовного преследования такого подозреваемого. В сложившейся ситуации вопросов с прекращением процессуального статуса подозреваемого не возникает. Однако, если уголовное дело было возбуждено по факту совершенного преступления, не в отношении конкретного лица, а затем процессуальный статус подозреваемого придается постановлением об избрании меры пресечения, то складывается ситуация при которой лицо приобретает указанный статус на неопределенный срок. Об этом свидетельствует правоприменительная практика.

Так, в 2017 году органами предварительного следствия было возбуждено уголовное дело по ч. 4 ст. 159 УК РФ (Мошенничество в особо крупном размере). Учитывая, на момент принятия указанного решения умысел лица на хищение денежных средств потерпевшего являлся не установленным, уголовное дело возбудили в отношении неустановленного лица несмотря на то, что в заявлении потерпевшего однозначно указывались сведения о том, кто на протяжении четырех лет занимал у него крупные денежные суммы под предлогом развития своего бизнеса. Настойчивость потерпевшего и его представителя вынудили следователя избрать меру пресечения в отношении лица, занимавшего денежные средства у потерпевшего, в результате чего, следователь придал лицу статус подозреваемого. Однако следственная ситуация, связанная с доказыванием умысла виновного, не изменилась, что исключило возможность предъявления лицу обвинения. Таким образом, прошло значительное количество времени, мера пресечения давно перестала действовать, поскольку не выполнено требование, предусмотренное ч. 1 ст. 100 УПК РФ, но при этом лицо не перестало занимать процессуальный статус подозреваемого и до настоящего времени вынуждено участвовать в указанном процессуальном статусе в следственных и иных процессуальных действиях. Причем в отношении такого лица могут быть в любой момент приняты все допускаемые уголовно-процессуальным законом ограничения, включая те, которые ограничивают конституционные права.

Для преодоления сложившейся практики представляется необходимым предусмотреть на законодательном уровне требование о том, что лицо перестает занимать процессуальное положение подозреваемого с момента вынесения постановления о привлечении его в качестве обвиняемого либо прекращения уголовного преследования. Думается, что постановление о прекращении уголовного преследования должно выноситься

в каждом случае, когда следователь после избрания меры пресечения в течение 10 суток, предусмотренных ч. 1 ст. 100 УПК РФ, не нашел достаточных оснований для вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого.

Указанные изменения внесут определенность в основания приобретения и прекращения процессуального статуса подозреваемого, создадут условия для единообразия следственной и судебной практики, гарантируют права и законные интересы лица, оказавшегося в процессуальном статусе подозреваемого.

Список использованной литературы

1. Бояринцев, А. А. К вопросу о правовом положении свидетеля, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование / А. А. Бояринцев // Российский следователь. – 2020. – № 12. – С. 23–26.

2. Хайдаров, А. А. О некоторых правоприменительных проблемах, возникающих при изменении процессуального статуса участника уголовного судопроизводства / А. А. Хайдаров // Журнал российского права. – 2018. – № – 8. – С. 135–143.

3. Чекотков, А. Ю. Перманентная дискуссия о процессуальном статусе уголовно преследуемого лица: возможно ли поставить точку / А. Ю. Чекотков // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. – 2022. – № 4. – С. 65–83.

УДК 343.9

Е. П. Орехова

(Белорусский государственный университет, Минск)

ЗНАЧЕНИЕ ИНТЕРНЕТ ВЕЩЕЙ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Интернет вещей активно внедряется в повседневную жизнь, принося пользу людям. Однако преступники также используют интернет вещей в своих противоправных целях. Теория и практика направлены на выработку приемов и способов собирания следов совершенного в сети деяния, а также разработку мер по предупреждению преступлений. В статье также рассмотрен подход законодателя к решению вопроса обеспечения безопасности при использовании Интернет вещей и сбора следов совершенного противоправного деяния.

В настоящее время активно разрабатывается концепция интернет вещей как неотъемлемая часть современного мира. Интернет вещей представляет собой идею связанных в сеть физических предметов, которые соединяются и взаимодействуют друг с другом и другими службами через Интернет или другую сеть, и имеют датчики, программное обеспечение и средства коммуникации для сбора и обмена данными. Частным случаем интернета вещей являются смарт-часы, смарт-браслеты, умный дом, умный транспорт. Интернет вещей называют новой ИТ-парадигмой, которая имеет целью объединить в рамках единой системы объекты и данные из пространств виртуальных, социальных и физических сущностей, условно называемых «вещами» [1, с. 62]. Эта концепция включает в себя не только исследование достоинств повсеместного внедрения интернет-технологий, но и возможности установления безопасности пользователей и поиска следов совершения правонарушений. Удаленное подключение одного компьютера к другому, сопряженное со взломом системы безопасности, позволяет преступникам похищать базы данных клиентов; видеонаблюдение придомовой территории многоквартирного дома с выводом онлайн-изображения на компьютеры владельцев квартир может помочь злоумышленникам отслеживать,

когда все проживающие в квартире ушли из дома, когда ребенок в одиночестве шагает по подъезду и заходит в места, не охваченные видеонаблюдением; злонамеренное вмешательство в крупные компьютерные системы, связанные между собой посредством беспроводной сети, может повлечь за собой катастрофы (пожары, взрывы и др.). Противоправные действия, совершенные с помощью системы устройств, составляющих интернет вещей, квалифицируются по ряду статей Уголовного кодекса Республики Беларусь, в том числе и как преступления главы 31 Уголовного кодекса. Именно поэтому важно обеспечение конфиденциальности пользователей, защиты от кибератак, а также возможности обнаружения и собирания следов, оставленных преступниками в интернете и в устройствах. Конечно, потребность в надежных и комплексных мерах безопасности имеет первостепенное значение. Однако обеспечение возможности расследования преступлений, при совершении которых используются ресурсы интернет вещей, также имеет большое значение.

Обеспечение конфиденциальности, пресечение кибератак в системе интернет вещей осуществляется с помощью различных технических разработок, совершенствования программного обеспечения, мониторинга сети и интернет ресурсов на предмет вовлеченности в исследования новых уязвимостей, а также путем проведения профилактических мероприятий среди населения. Формирование профилактических мероприятий осуществляется на основе анализа зарегистрированных преступлений в системе интернет вещей, причин их совершения, действий пользователя и злоумышленника. Следовательно, защита пользователей в системе интернет вещей является сферой исследования не только технических наук, но и криминалистики (а именно, криминалистической профилактики).

Расследование преступлений, совершенных с использованием ресурсов интернет вещей, связано с собиранием не только материальных и идеальных следов преступления, которые являются в криминалистике традиционными, но и цифровых следов (в научной литературе имеются иные их названия: виртуальные, электронные, электронно-цифровые, компьютерно-технические следы).

По мнению А. С. Апекунова и А. С. Варвановича, цифровые следы – это цифровой код, возникающий в процессе преобразования первичных электронных сигналов в электронном устройстве, характеризующийся пространственно-временными параметрами, фиксирующийся и отражающийся в преобразованной (воспринимаемой) форме на материальном носителе [2, с. 40].

Цифровые следы при расследовании преступлений, совершенных с использованием ресурсов интернет вещей, в большинстве своем собираются при проведении осмотра, в том числе компьютерной информации (ст. 204-1 УПК), проведении допросов, направлении запросов поставщикам услуг электросвязи, владельцам интернет-ресурсов, проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Состояние анонимности в Интернете – это условность. Лицо неизвестно участникам отношений, но все действия данного лица фиксируются аппаратно-программными технологиями провайдеров.

На поставщиков услуг электросвязи, владельцев интернет-ресурсов в установленных случаях может быть возложена обязанность обеспечить предоставление Оперативно-аналитическому центру при Президенте Республики Беларусь, Комитету государственной безопасности Республики Беларусь безвозмездного круглосуточного удаленного доступа к базам данных, автоматизированным системам, содержащим информацию о пользователях, оказанных этим пользователям услугах электросвязи, интернет-услугах, а также услугах, оказанных с использованием интернет-ресурса и не являющихся услугами электросвязи, интернет-услугами (п. 20 Положения о порядке взаимодействия операторов электросвязи, поставщиков услуг электросвязи и владельцев интернет-ресурсов с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, утвержденного

Указом Президента Республики Беларусь от 18.10.2022 № 368 (ред. от 22.06.2023)). Перечень сведений, передаваемых поставщиками услуг электросвязи, владельцами интернет-ресурсов, определен в приложении 5 к постановлению Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, Комитета государственной безопасности Республики Беларусь от 10.01.2023 № 1/1 «О технических требованиях».

Однако существует проблема, что имеются программные технологии, которые позволяют менять IP-адрес, например, возможно создавать динамические, или «невидимые», или нераспознаваемые IP-адреса. Кроме того, возможно совпадение IP-адресов.

Для собирания компьютерных следов требуются знания в области компьютерной техники. Основными целями применения таких знаний являются: 1) установление возможного носителя цифровых следов; 2) обнаружение на носителе цифровых следов, их изъятие и фиксация; 3) исследование выявленных цифровых следов [л. 218].

Предварительное исследование цифровых следов осуществляется, как правило, при проведении осмотра компьютерной информации. Более детальное исследование их может проводиться при проведении судебной компьютерно-технической экспертизы.

Компьютерно-техническая экспертиза может определить, когда, при каких условиях и каким образом осуществлялся доступ к информации на представленном на исследование компьютере. Благодаря наличию у компьютера внутренних энергонезависимых часов и простановке в различных местах временных меток эксперт может определить, когда и в какой последовательности пользователь производил различные действия (доступ к информации, ее просмотр, ввод, изменение, удаление, обработка, хранение, а также удаленное управление этими процессами). Эксперт также может провести анализ программного обеспечения с целью определения его функциональности и следов его использования, принципа действия, сведений об авторе, наличия вредоносных признаков.

Судебные экспертизы компьютерных средств и технологий не решают вопросы о правомерности действий, произведенных с использованием исследуемых объектов, а также не решают вопросы о том, кто осуществлял эти действия. Эти и подобные вопросы решаются следователем в ходе проведения других следственных и иных процессуальных действий, а также при оценке собранных по делу доказательств.

Таким образом, активное внедрение в обыденную жизнь интернет вещей должно сопровождаться научным исследованием возможностей использования их для раскрытия и расследования преступлений, а также разработкой мер по предупреждению использования интернет вещей в преступных целях.

Список использованной литературы

1. Городецкий, В.И. Интернет агентов – парадигма самоорганизации приложений интернета вещей / В.И. Городецкий // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2017. – № 6 (80). – Часть II. – С. 62–73.

2. Апекунов, А. С. К вопросу о классификации цифровых следов / А. С. Апекунов А. С. Варванович // Вестник Могилевского института МВД. – 2022. – № 1 (5). – С. 37–41.

3. Себякин, А. Г. Тактика использования знаний в области компьютерной техники в целях получения криминалистически значимой информации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / А. Г. Себякин. – М., 2021. – 271 л.

Л. Г. Орловская, А. В. Солтанович
(Белорусский государственный университет, Минск)

ПРИМИРЕНИЕ ОБВИНЯЕМОГО С ПОТЕРПЕВШИМ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ: СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ

В статье исследуется содержание понятия «примирение». Авторами на основе анализа научной литературы и норм Уголовно-процессуального кодекса Беларуси делается вывод о выделении двух смыслов в содержании рассматриваемого понятия: «общественного» – заключающегося в исцелении лиц и восстановлении общественных отношений, и «государственного» – состоящего в использовании термина в значении результата процесса примирения как основания для вынесения решения о прекращении производства по уголовному делу.

...Бог во Христе примирил с Собою мир, не вменяя людям преступлений их, и дал нам слово примирения.
(2 Кор. 5, 19)

В целях консолидации белорусского народа, укрепления в обществе идей мира и созидательного труда как главных условий развития белорусского государства 2023 год был объявлен в Республике Беларусь Годом мира и созидания [1]. Способствовать укреплению в обществе идеи мира призван и включенный в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК) [2] в 2021 г. институт медиации, направленный на предоставление дополнительной возможности обвиняемому и потерпевшему в достижении примирения. (УПК Беларуси предусматривал возможность примирения обвиняемого и потерпевшего с момента своего принятия в 1999 г., однако число лиц, освобожденных органами уголовного преследования от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, ежегодно снижалось: в 2012 г. такое решение было вынесено в отношении 1755 лиц, а в 2019 г. – 244 (подобная ситуация складывалась и в судебной системе) [3, с. 24–25].)

К переговорам с участием медиатора обвиняемый и потерпевший могут прибегнуть по собственной инициативе и взаимному согласию для содействия их примирению в уголовном процессе (пункт 14³ статьи 6 УПК). Понятие «примирение» не раскрывается в УПК, равно как и не регулируется непосредственно сам порядок примирения, что не дает возможности изложить структурно процесс коммуникации обвиняемого и потерпевшего без участия медиатора для достижения примирения.

В научной литературе «примирение» характеризуется как «добровольное и осознанное разрешение конфликта, вызванного совершенным преступлением, при котором достигнуто согласие потерпевшего на освобождение лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности» [4, с. 10]. Подобным образом определяется рассматриваемый термин и в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29 марта 2012 г. № 1 «О практике применения судами статей 86, 88, 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих возможность освобождения лица от уголовной ответственности»: под примирением лица, совершившего преступление, с потерпевшим понимается «свободное и добровольное урегулирование возникшего в связи с совершением преступления конфликта между обвиняемым и потерпевшим с их последующим обращением к суду с заявлением о примирении и просьбой освободить обвиняемого от уголовной ответственности» (пункт 5) [5]. В проекте Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь по вопросу примирения с потерпевшим», разработанном в 2011 году

[6, с. 290], примирение определялось как «...урегулирование уголовно-правового конфликта между потерпевшим и подозреваемым, обвиняемым путем заключения между ними мирового соглашения». (В разработанном в 2013 г. проекте Закона Республики Беларусь «О внесении дополнений и изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь по вопросу медиации» содержалась сходная формулировка: примирение это «...урегулирование уголовно-правового конфликта между потерпевшим и обвиняемым путем заключения между ними медиативного соглашения».) В обзоре судебной практики применения статьи 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь примирение обвиняемого с потерпевшим определяется, в свою очередь, как «реальный плод встречного движения: обвиняемого – к раскаянию и заглаживанию нанесенного вреда, потерпевшего – к прощению своего обидчика, и не столь важно, в какую форму их примирение обличено, в письменную или устную» [7]. (В такой трактовке – как полное раскаяние и прощение, влекущее исцеление лиц, вовлеченных в конфликт, – примирение рассматривается и Ховардом Зером [8, с. 92].) Аналогичным образом Е.А. Рубинштейн отмечает, что «примирение – нравственное раскаяние в совершении противоправного деяния лица, против которого осуществляется уголовное преследование, непосредственно перед потерпевшим и прощение последним его действий, а также достижение между указанными лицами согласия относительно порядка, размера и срока заглаживания причиненного вреда» [9, с. 164–165].

В толковом словаре С.И. Ожегова не содержится прямого толкования слова «примирение», но при раскрытии значения слова «мирить» указывается на такие словоформы как «помирить», «примирить» и образуемое от «мирить» существительное – «примирение». Используя толкования слов «мир», «мирить», «мириться», «мирный», «согласие», «согласить» можно определить *примирение* как прекращение вражды, восстановление согласия, мирных (миролюбивых, спокойных, чуждых волнения), терпимых отношений между кем-нибудь, а *примирить* – значит согласить, объединить разные мнения, интересы, достичь согласия, то есть, единомыслия, общности точек зрения, а, возможно, и дружественных отношений, единодушия [10, с. 358, 595, 742]. Действительно, примирение это «...некий континуум. На одном конце – откровенная враждебность, на другом – восстановление или создание прочных и добрых отношений. В момент преступления отношения обычно находятся в крайней точке враждебности. Если не уделить этому внимания, отношения так там и останутся, а возможно, уровень враждебности даже возрастет» [8, с. 92]. Как видно, ключевым в достижении примирения многие авторы рассматривают раскаяние и прощение. Раскаяние возможно после рассказа своей истории о совершенном зле, принятия ответственности, осознания и признания причиненного вреда; прощение может быть даровано после рассказа потерпевшим своей истории, называния своей боли, так как стороны уголовно-правового конфликта идут свои пути к исцелению [11, с. 15 и др.]. Представляется, что такая глубина не достигается в каждом случае примирения обвиняемого и потерпевшего по уголовному делу. Однако прекратить вражду, перестать видеть в причинителе вреда «чудовище» [12, с. 158], достичь путем компромисса, относительного компромисса или сотрудничества согласия о способах устранения вреда, причиненного общественным отношениям, путях их восстановления, возможно практически в каждом случае [6, с. 105, 106, 109 и др.].

Анализ статьи 30¹ УПК «Примирение обвиняемого с потерпевшим» позволяет заключить, что *примирение* названных участников процесса рассматривается в рамках данного структурного элемента закона как:

1. *Процесс*, который осуществляется на основе добровольного волеизъявления обвиняемого и потерпевшего по урегулированию возникшего между ними в связи с совершением преступления конфликта (спора).

Такой процесс направлен на достижение примирения и может осуществляться обвиняемым и потерпевшим лично, а также в порядке медиации, для проведения которой обвиняемый и потерпевший по собственной инициативе и взаимному согласию выбирают медиатора.

2. *Результат* (и (или) *цель*) процесса примирения, который может быть оформлен письменно или сообщен устно, – письменное заявление о примирении или медиативное соглашение в виде отдельного документа подлежит приобщению к уголовному делу, а устное – заносится в протокол следственного действия или судебного заседания.

3. *Основание* для рассмотрения вопроса и принятия решения о дальнейшем продолжении производства по уголовному делу или его прекращении.

Учитывая приведенные определения термина «примирение» и его понимание, выводимое из статьи 30¹ УПК, представляется возможным выделить в содержании термина «примирение» как минимум два смысла, «два полюса одного континуума»:

– «общественный» (примирение при «горизонтальном правосудии») – *урегулирование* конфликта путем переговоров между вовлеченными сторонами – обвиняемым и потерпевшим;

– «государственный» (примирение при «вертикальном правосудии») – в данном случае примирение (как результат процесса) выступает основанием для *разрешения* уголовно-правового конфликта государственными органами [8, с. 55].

«Общественный» характер примирения предполагает его глубину, так как именно отношения лица, причинившего вред в результате совершения общественно опасного деяния, и того, кому вред был причинен, будут в фокусе процесса, а значит, в ходе самого процесса должно поощряться проявление чувств, определение потребностей сторон. Переговорный процесс в таком случае направлен, прежде всего, на продвижение отношений в сторону примирения, которое возможно, если стороны прошли свои пути – раскаяния и прощения. Этот процесс помогает исцелению личности. Другие результаты в таком процессе также имеют значение, но второстепенное (например, достижение взаимного согласия участвующими в процессе примирения сторонами о том, что должно быть сделано для устранения вреда, причиненного совершенным преступлением, может являться результатом такого процесса).

Примирение, как процесс (прекращения вражды, восстановления согласия, мирных, терпимых отношений) – является деятельностью непроцессуальной, как в случае, когда процесс коммуникации обвиняемого и потерпевшего проходит без привлечения медиатора, так и при участии в переговорах выбранного сторонами конфликта медиатора. Этот процесс имеет оформленную структуру при обращении сторон к медиации [6, с. 120–133 и др.], однако в каждом конкретном случае продвижение в сторону примирения обладает своей исключительностью, динамикой, своим неповторимым смыслом для участвующих сторон на пути к исцелению своей личности.

В свою очередь, «государственный» смысл рассматриваемого понятия имеет четко оформленное содержание, а именно: «набор» определенных законом критериев или условий, с наличием которых связывается возможность применения норм о прекращении производства по уголовному делу ввиду примирения. Достижение примирения по «государственному» типу не всегда влечет действительное примирение, а цель примирения, которое невозможно «измерить», заменяется такой совокупностью критериев (например, большее внимание уделяется возмещению ущерба). (Вследствие этого конфликт может не завершаться, а затухать или перерастать в другой конфликт, как и прекращаться без разрешения (например, при прекращении отношений его участников) [13, с. 421–422; 14, с. 294].) Невозможность достижения примирения в результате раскаяния и прощения в обычной уголовно-процессуальной процедуре по каждому уголовному делу обуславливает и то, что в проекте инструкции о порядке участия медиатора в уголовном процессе, разрабатываемой рабочей группой экспертов ряда государственных органов и учреждений, определяется порядок привлечения медиатора для содействия примирению обвиняемого и потерпевшего, а также рассмотрения органом, ведущим уголовный процесс, вопроса о прекращении производства по уголовному делу с освобождением лица от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, и не

упоминается о раскаянии и прощении, как содержательных характеристиках примирения. (Интересно, что в таком проекте примирение с участием медиатора рассматривается в отношении несовершеннолетних как «один из приоритетных способов восстановления общественных отношений, нарушенных преступлением».)

Вместе с тем очевидно и то, что государство не может гарантировать (как и навязывать) примирение, поскольку это личный процесс, который начинается во внутреннем мире каждого. Важно лишь, чтобы достижение глубокого примирения стало возможным в принципе, чему призван способствовать включенный в УПК гуманистический по своему характеру институт медиации.

Список использованной литературы

1. Об объявлении 2023 года Годом мира и созидания [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Беларусь, 1 января 2023 г., № 1. – Режим доступа: https://president.gov.by/bucket/assets/uploads/documents/2023/ukaz_god-mira-i-sozidaniya.pdf. – Дата доступа: 14.11.2023.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

3. Сербун, А. Прекращение производства по уголовному делу с освобождением лица от уголовной ответственности. Практика и сложности применения / А. Сербун // Законность и правопорядок. – 2020. – № 2. – С. 23–27.

4. Суверов, С. Е. Примирение с потерпевшим как основание освобождения от уголовной ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук ; 12.00.08 / С. Е. Суверов ; Министерство внутренних дел Российской Федерации, Омская академия. – Омск, 2022. – 23 с.

5. О практике применения судами статей 86, 88, 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих возможность освобождения лица от уголовной ответственности [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, 29 марта 2012 г., № 1. – Режим доступа: https://court.gov.by/ru/jurisprudence/post_plen/criminal/toco/ffd2399b1864552.htm. – Дата доступа: 14.11.2023.

6. Переговоры и посредничество по уголовным делам : учеб. пособие / Л. Л. Зайцева [и др.] ; под ред. Л. Л. Зайцевой. – Минск : БГУ, 2022. – 303 с. – (Совершенствование магистерской программы по уголовной юстиции).

7. Калинкович, В. О практике применения судами статей 86, 88, 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих возможность освобождения лица от уголовной ответственности (по материалам обзора) [Электронный ресурс] / В. Калинкович, В. Ракитский, Л. Дулько. – Режим доступа: <https://court.gov.by/upload/OBZORY/sv2-2012.pdf>. – Дата доступа: 14.11.2023.

8. Зер, Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание [Электронный ресурс] / Х. Зер // Пер. с англ. / Общ. ред. Л. М. Карнозовой. Комментарий Л. М. Карнозовой и С. А. Пашина. – М. : МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. – Режим доступа: <http://sprc.ru/wp-content/uploads/2012/08/Зер-Х.-Восстановительное-правосудие.pdf>. – Дата доступа: 14.11.2023.

9. Рубинштейн, Е. А. Прекращение уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим в УПК Российской Федерации / Е. А. Рубинштейн // Материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной принятию нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, 4–6 февр. 2002 г. : [сборник] / Моск. гос. юрид. акад. ; отв. ред. : П. А. Лупинская, Г. В. Дашков. – М. : Профобразование, 2002. – С. 164–165.

10. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова // Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.

11. Туту, Десмонд. Книга прощения : путь к исцелению себя и мира / Десмонд Туту, Мпхо Туту ; пер. с англ. – Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2021. – 256 с.
12. Розенберг, М. Ненасильственное общение : Язык жизни / М. Розенберг // Перев. с англ. – М. : ООО Книжное издательство «София», 2019. – 288 с.
13. Анцупов, А. Я. Конфликтология : Учебник для вузов. 6-е изд. / А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов. – СПб. : Питер, 2018. – 528 с. : ил. – (Серия «Учебник для вузов»). – С. 421–422.
14. Гришина, Н. В. Психология конфликта / Н. В. Гришина. – СПб. : Издательство «Питер», 2000. – 464 с. : ил. – (Серия «Мастера психологии»).

УДК 343.98

Н. Н. Пащука

(Академия МВД Республики Беларусь, Минск)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОВЕДЕНИЯ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ В ХОДЕ ПРОВЕРКИ ЗАЯВЛЕНИЯ ИЛИ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

Исследование посвящено актуальным аспектам проведения осмотра места происшествия в ходе проверки заявления или сообщения о преступлении. Отмечено криминалистическое значение указанного следственного действия. На основании полученного эмпирического материала выявлены недостатки, имеющие место при проведении осмотра места происшествия в составе следственно-оперативной группы и при осуществлении его сотрудниками органов внутренних дел единолично. Предложены меры, направленные на устранение и недопущение подобных ошибок в деятельности органов уголовного преследования.

Деятельность органов уголовного преследования по проверке заявления или сообщения о преступлении (далее – проверка) в соответствии со ст. 173 УПК Республики Беларусь ограничивается исчерпывающим перечнем проведения следственных и иных процессуальных действий, производство которых допускается на этой стадии уголовного процесса.

Одним из следственных действий, закладывающих основу для принятия законного и обоснованного решения по поступившему заявлению или сообщению о преступлении, является осмотр места происшествия (далее – ОМП). Проведение данного следственного действия позволяет проверить достоверность многих сведений, указанных заявителем, обнаружить и изъять доказательства и ориентирующую информацию, осуществить мероприятия, направленные на поиск заподозренных лиц, предмета преступного посягательства, а также орудий и средств совершения деяния, выдвинуть обоснованные версии и определить пути их проверки. Игнорирование же ОМП или небрежное его производство в значительной степени осложняют выявление, раскрытие, расследование и предупреждение преступлений, а порой делают невозможным установление всех необходимых обстоятельств общественно опасного деяния [1, с. 4].

В то же время, изучение архивных материалов проверок и уголовных дел (*эмпирическую базу исследования составили результаты: 1) 141 материал проверки по заявлениям или сообщениям о преступлениях, по которым возбуждено 56 уголовных дел; 2) анкетирование сотрудников территориальных подразделений криминальной милиции ОВД Республики Беларусь*) подтверждает вывод В. М. Логвина о том, что уровень криминалистического обеспечения деятельности сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД) при производстве следственных и иных процессуальных действий по материалам остается крайне низким [2, с. 231].

Так, результаты эмпирического исследования свидетельствуют о следующем:

- 1) протоколы ОМП содержатся в 82,97% изученных материалах;
- 2) наиболее качественный материал собирался в 46,15% случаях, когда осуществлялось выбытие следственно-оперативной группы (далее – СОГ) в составе следователя, сотрудника ОВД и специалиста. В 1,71% случаях в состав СОГ входили сотрудник ОВД и специалист, в остальных случаях (52,13%) сотрудник ОВД выбывал единолично;
- 3) среди материалов проверок, по которым приняты решения о возбуждении уголовного дела, следователи в 14,28% случаях в ходе последующего расследования преступления проводили ОМП. Необходимость в проведении указанного следственного действия была вызвана следующими причинами: ОМП в ходе проведения проверки вообще не проводился (50,0%); следственное действие сотрудниками ОВД проведено некачественно и неэффективно (50,0%);
- 4) среди отмененных прокурором материалов проверок в 8,16% случаях сотрудникам ОВД предписано провести ОМП, так как он изначально не производился либо осуществлен некачественно.

Как видно из приведенных данных эмпирического исследования качество ОМП во многом зависит от надлежащего взаимодействия следователя с сотрудниками ОВД и специалистами в составе СОГ.

Одним из основополагающих нормативных правовых актов, регламентирующих порядок взаимодействия правоохранительных органов при рассмотрении заявлений или сообщений о преступлениях, производстве дознания и предварительного следствия по уголовным делам является межведомственная Инструкция о порядке взаимодействия органов прокуратуры, предварительного следствия, дознания и Государственного комитета судебных экспертиз в ходе досудебного производства (далее – Инструкция).

В соответствии с п.п. 39-40 Инструкции при поступлении информации, указывающей на наличие признаков преступления, заявления, сообщения о преступлении, либо информации об исчезновении лица и о пожарах (п.93), выбытие следователя, заступившего на дежурство, на место происшествия в составе СОГ с участием необходимых специалистов, осуществляется по указанию оперативного дежурного ОВД (далее – оперативного дежурного).

Вместе с тем, реализация указанной нормы сопряжена с некоторыми сложностями, что негативно отражается на эффективности рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях, а также последующем производстве по уголовным делам. Во-первых, получение неполной, недостаточной информации об обстоятельствах произошедшего, а также неправильная ее оценка сотрудником, принимающим (первым реагирующим) заявление или сообщение о преступлении, влечет за собой ненадлежащую организацию выбытия СОГ на место происшествия со стороны оперативного дежурного.

Во-вторых, в ряде случаев следователь принимает решение не выбывать на место происшествия ввиду того, что не усматривает в поступившем заявлении или сообщении признаков преступления. На определенные трудности в оценке следователем поступившей информации, указывающей на наличие либо отсутствие признаков преступления, обращает внимание и А. В. Матюк. Результаты проведенного им исследования свидетельствуют о том, что 25% опрошенных сотрудников ОВД Республики Беларусь сталкивались с отказами следователей выезжать на место происшествия по причине отсутствия в заявлениях или сообщениях состава (признаков) преступления [3, с. 89].

Помимо этого, изученные нами материалы проверок свидетельствуют, что в 22,23% случаях проведения сотрудниками ОВД осмотра при поступлении заявления или сообщения в последующем возбуждены уголовные дела и виновные лица привлечены к уголовной ответственности.

В-третьих, при проведении ОМП под руководством лица, производящего дознание, специалист принимает участие в исключительных случаях либо не принимает во-

обще (информация об участии специалистов ГКСЭ Республики Беларусь при проведении ОМП под руководством сотрудника ОВД содержится в 1,71% изученных материалах). По мнению 40,56% опрошенных сотрудников затруднения с выездом специалистов связаны с их занятостью в составе дежурных СОГ по иным выездам. Вместе с тем имеются случаи отказов специалистов от участия в проведении процессуальных действий. На данное обстоятельство указали 12,11% проанкетированных (75,66% опрошенных причины имеющихся отказов не указали, в то же время оставшиеся 24,34% отметили следующие: невыезд следователя (64,28%); без объяснения причин (21,43%); в связи с нецелесообразностью, по мнению специалиста, в участии (14,29%).

В этой связи, проанкетированные сотрудники ОВД показали, что только у 10,64% случаев отсутствовала необходимость в привлечении специалиста. У подавляющего большинства респондентов (89,36%) целесообразность участия специалиста в ходе проведения следственных и иных процессуальных действий диктовалась необходимостью содействия специалиста в обнаружении, фиксации и изъятии следовой информации. Данный аспект опрошенные связывают с тем, что в 54,37% случаях они не всегда могут эффективно применить технико-криминалистические средства, а 21,28% респондентов этого сделать не могут вообще. Возникающие затруднения 24,31% сотрудников обосновывают, во-первых, определенными пробелами в знаниях в указанной части и необходимостью обращения к соответствующим методическим рекомендациям (15,17%), а, во-вторых, отсутствием в подразделениях у 67,43% респондентов унифицированного криминалистического чехмодана либо в связи с неукomплектованностью (6,89%) при его наличии.

На наш взгляд, вышеуказанных негативных моментов, связанных с выбытием СОГ в полном составе, включая специалиста, можно было бы избежать, если бы эти вопросы были надлежащим образом урегулированы.

Представляется, что вопросы о наличии в поступившем заявлении или сообщении признаков преступления, а соответственно и выбытия СОГ в составе следователя, сотрудников ОВД, а также необходимых специалистов, все же должны решаться не в рабочем порядке между руководством соответствующих подразделений, а надлежащим образом урегулированы в межведомственной Инструкции по взаимодействию.

Несмотря на то, что каждая ситуация, с которой обращаются в ОВД с заявлением или сообщением, уникальна, нами предпринята попытка определения критерия, требующего выбытия СОГ в полном составе. В этой связи проанализированы нормы статей 29 и 167 УПК Республики Беларусь, а также статистические данные МВД Республики Беларусь об отказе в возбуждении уголовного дела, на основании которых были получены следующие результаты. За период времени с 2017 по 2022 годы ОВД по поступившим заявлениям или сообщениям о преступлениях в среднем принято 20,16 % решений об отказе в возбуждении уголовного дела, так как в содеянном отсутствовал такой признак преступления как общественная опасность деяния (действие или бездействие, о котором поступило заявление или сообщение и которое можно было расценить как преступное, реально не имело места). В оставшихся 79,84% случаях указанные решения приняты в соответствии с основаниями, указывающими на отсутствие признака противоправности совершенного преступного деяния, т.е. отсутствие в деянии состава преступления. Следовательно, при разрешении вопроса о наличии или отсутствии оснований к возбуждению уголовного дела в каждом случае необходимо установить сведения, указывающие на общественную опасность деяния, о котором говорится в заявлении или сообщении о преступлении.

На данное обстоятельство, связанное с выбытием СОГ в полном составе, еще в 1989 году указывали В. П. Лавров и В. Е. Сидоров, которые отмечали, что «современными тенденциями в организационном решении рассматриваемой задачи являются: определение признаков преступлений и ситуаций, когда выезд следственно-оперативной группы в ее полном составе обязателен» [4, с.12].

В этой связи нам представляется необходимым в Инструкцию по взаимодействию внести следующие изменения:

а) пункт 40 главы 3 регламентирующий порядок взаимодействия органов внутренних дел и подразделений Следственного комитета Республики Беларусь при организации дежурств следователей и несении ими службы в составе СОГ изложить в следующей редакции: «Выбытие следователя, заступившего на дежурство, на место происшествия в составе СОГ осуществляется по указанию оперативного дежурного при поступлении информации, указывающей на наличие признака общественной опасности деяния, либо информации об исчезновении лица, а также информации, указанной в пункте 93 настоящей Инструкции»;

б) в главу 4, регламентирующую особенности организации дежурств специалистов ГКСЭ Республики Беларусь и их взаимодействия с органами дознания и предварительного следствия, добавить положение, следующего содержания: «Выбытие специалиста территориальных органов Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, заступившего на дежурство для оказания содействия в осмотре места происшествия по поступившему заявлению или сообщению о преступлении в составе СОГ, осуществляется по указанию следователя, лица, производящего дознание».

В целях объективной оценки целесообразности выбытия СОГ в полном составе, считаем необходимым совершенствовать положения, регламентирующие порядок получения оперативным дежурным либо первым нарядом, прибывшим на место происшествия, информации об обстоятельствах совершенного деяния, позволяющего определить в ней наличие признака общественной опасности.

Резюмируя вышеизложенное, представляется, что выявленные в процессе анализа эмпирических данных упущения, связанные с организацией проведения ОМП в ходе осуществления проверки по заявлениям или сообщениям о преступлениях, а также выработанные предложения по устранению и минимизации указанных последствий, положительно скажутся на эффективности деятельности органов уголовного преследования по решению задач уголовного судопроизводства.

Список использованной литературы

1. Осмотр места происшествия : практ. пособие / И. А. Анищенко [и др.] ; под ред. В. М. Логвина ; М-во внутрен. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2010. – 311 с.

2. Логвин, В. М. О необходимости совершенствования криминалистического обеспечения деятельности органов внутренних дел / В. М. Логвин // I Минские криминалистические чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 20 дек. 2018 г.) : в 2 ч. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: М.П. Шруб (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Академия МВД, 2018. – С. 227-232.

3. Матюк, А. В. Взаимодействие следователя Следственного комитета Республики Беларусь с органом дознания при раскрытии и расследовании преступлений против порядка осуществления экономической деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. – 195 л.

4. Лавров, В. П. Расследование преступлений по горячим следам / В. П. Лавров, В. Е. Сидоров. – М. : ВЮЗШ МВД СССР, 1989. – 56 с.

УДК 343.143.5

О. В. Петрова

(Белорусский государственный университет, Минск)

К ВОПРОСУ О ДОПРОСЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОТЕРПЕВШЕГО ИЛИ СВИДЕТЕЛЯ В СУДЕ

В работе рассматриваются вопросы допроса несовершеннолетнего свидетеля и потерпевшего. Указывается на чувствительные аспекты получения показаний несовершеннолетнего в суде: необходимость снижения психологической травмы и обеспечение достоверности показаний. Представлены конкретные рекомендации по организации допроса и предложения по совершенствованию законодательства.

В ходе судебного следствия суд с участием сторон при условии наиболее полного действия принципов уголовного процесса всесторонне, полно и объективно исследует все имеющиеся доказательства, представленные органом уголовного преследования или частным обвинителем, а также полученные в судебном заседании по инициативе суда или представленные сторонами, в целях установления фактических обстоятельств, подлежащих доказыванию, и постановления законного и обоснованного приговора или иного итогового решения по делу.

Неизменной частью судебного разбирательства является допрос. Допрос обвиняемого, свидетелей и потерпевших в судебном заседании позволяет непосредственно воспринимать суду показания, а обвиняемому – возможность задать вопросы другим допрашиваемым и опровергнуть показания.

По общему правилу, допрос состоит из свободного рассказа и ответов на вопросы сторон и суда. Такой формат способствует правильной передаче информации допрашиваемым, он припоминает обстоятельства именно так как заполнил, без давления со стороны. Задача суда сопоставить показания различных участников и дать им правовую оценку в приговоре.

Особую группу допрашиваемых составляют несовершеннолетние потерпевшие и свидетели. Особенно критичны в доказывании показания таких лиц в случае преступлений против половой свободы и неприкосновенности, где несовершеннолетний является потерпевшим, а его показания – основой доказательственной базы. Несовершеннолетние становятся зачастую единственными свидетелями при посягательствах на жизнь и здоровье в случае домашнего насилия.

В ходе допроса несовершеннолетних потерпевших и свидетелей в суде возникают следующие чувствительные аспекты: необходимость снижать психологическую травму, нанесенную преступлением, и поддерживаемую участием несовершеннолетнего в ходе установления обстоятельств такого деяния и обеспечить достоверность данных, представленных несовершеннолетним.

Получение показаний несовершеннолетних, и особенно малолетних, в гласном судебном процессе, в присутствии публики представляет сложный процесс. Ребенок может стесняться, смущаться, отказаться отвечать, либо наоборот, много придумывать, ему может быть затруднительно воспринимать вопросы участников судебного заседания. И безусловно традиционный допрос может стать для него дополнительной психологической травмой.

В качестве исключения нормой п. 2-1 ч.1 ст. 333 УПК Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) предусмотрена возможность оглашения показаний, когда потерпевший или свидетель не достигли четырнадцати лет и в материалах уголовного дела имеется звуко- и видеозапись их показаний. Как правило, такие показания должны быть даны в специальных дружественных детям комнатах и только по уголовным делам о преступлениях против личной свободы, чести и достоинства, жизни и здоровья, половой неприкосновенности или половой свободы [1].

Несмотря на то, что в судебном заседании допускается оглашение показаний, ранее данных в ходе досудебного производства, это должно рассматриваться как исключительная мера и применяться в строго ограниченных случаях.

Вопрос в том, что оглашение показаний потерпевшего и свидетеля затрагивает не только принцип непосредственности, но и ограничивает возможности обвиняемого опровергнуть такие показания, что предусмотрено в п. 3е ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года («каждый имеет право при рассмотрении любого предъявляемого ему уголовного обвинения допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос его свидетелей на тех же условиях, какие существуют для свидетелей, показывающих против него»).

Если требуется проверка доводов защиты в качестве альтернативы представляется может хорошо зарекомендовать себя допрос несовершеннолетнего с применением

видеоконференцсвязи (п. 3 ч. 1 ст. 343-1 УПК). В таком случае несовершеннолетний может располагаться в другом, более приспособленном для ребенка помещении. При отсутствии видимости публики и участников процесса несовершеннолетнему будет более комфортно давать показания.

Несмотря на вышеуказанное, следует уважать право несовершеннолетнего, особенно подросткового возраста, давать показания в судебном заседании. Если такой вариант дачи показаний возможен, это будет наилучшим образом способствовать также и интересам правосудия.

Закон закрепляет особенности допроса несовершеннолетних потерпевших и свидетелей (ст. 332 УПК). При допросе таких участников в возрасте до 14 лет, а по усмотрению суда и при допросе этих лиц в возрасте от 14 до 16 лет участвуют педагог или психолог, а также могут принимать участие родители или иные законные представители несовершеннолетнего. Указанные лица с разрешения председательствующего могут задавать вопросы потерпевшему и свидетелю.

Участие педагога или психолога позволяет найти контакт с несовершеннолетним, общаться с несовершеннолетним на языке, адаптированном его уровню развития, учесть особенности формирования показаний несовершеннолетнего. Вместе с тем представляется не следует сводить относительный психологический комфорт несовершеннолетнего допрашиваемого только к работе педагога или психолога. Создание комфортной ребенку атмосферы в ходе допроса предполагает понимание ситуации всеми профессиональными участниками судебного разбирательства, а также обеспечение ряда организационно-технических мер (удобного места ожидания судебного слушания и т.п.).

Следует обратить внимание, что присутствие законных представителей может стеснять несовершеннолетнего при даче показаний, если они оказывают негативное влияние на несовершеннолетнего (повышают голос, высказывают угрозы и т.д.) либо даже в ситуации, когда несовершеннолетние рассказывают о своих действиях, не соответствующих нормам и правилам воспитания в семье.

Психологической защите несовершеннолетнего способствует возможность допроса его в отсутствие обвиняемого. Такая потребность может возникнуть в ситуации зависимого положения несовершеннолетнего, когда обвиняемый является представителем «ближнего круга» ребенка и стремиться запугать несовершеннолетнего, другим образом оказывать психологическое воздействие.

По ходатайству сторон или по инициативе суда допрос потерпевшего и свидетеля, не достигших восемнадцатилетнего возраста, может быть проведен в отсутствие обвиняемого, о чем суд выносит определение (постановление) (ч. 3 ст. 332 УПК). После возвращения обвиняемого в зал судебного заседания ему должны быть сообщены показания этих лиц и предоставлена возможность задавать им вопросы. В этой связи, безусловно, следует отметить характер полумеры такого требования, ибо ответы на вопросы для несовершеннолетнего также могут иметь травмирующий характер, зачастую более сильный нежели простой свободный рассказ. Таким образом, лишь свободный рассказ в отсутствие обвиняемого не позволяет предупредить указанные выше негативные последствия. Для предотвращения психологической травмы ребенку представляется допустимым допрос несовершеннолетнего (ответы на вопросы) с применением видеоконференцсвязи.

Другим аспектом показаний несовершеннолетнего является достоверность данных, представленных им. Перед допросом потерпевшего и свидетеля, не достигших шестнадцатилетнего возраста, председательствующий разъясняет им права и обязанности, предусмотренные ст. 50, 60 УПК. Об ответственности за отказ либо уклонение от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний эти лица не предупреждаются, и подписка у них не берется. Ложность показаний в ситуации несовершеннолетних, особенно малолетних имеет объективно обусловленный возрастом допрашиваемого харак-

тер. Следует обратить внимание, что несовершеннолетние или малолетние могут отличным от взрослого понимания воспринимать понятия правда или ложь, что следует учитывать в допросе, фантазировать, чтобы понравится взрослым и т.д.

В этой связи на практике после непосредственного допроса несовершеннолетнего суд допрашивает педагога или психолога, чтобы уточнить мнение специалиста, насколько достоверны показания несовершеннолетнего.

Следует отметить, что согласно ч. 3 ст. 62 УПК специалист обязан участвовать в производстве следственных и других процессуальных действий, используя специальные знания, навыки и научно-технические средства для обнаружения, закрепления и изъятия доказательств. Вместе с тем уголовно-процессуальный закон не знает какого источника доказательств как показания специалиста. Указанный пробел и значимость, в частности, при допросе несовершеннолетних, показаний специалиста показывает необходимость предусмотреть в законе новый источник доказательств.

Таким образом, получение показаний несовершеннолетних, особенно малолетних, представляется предполагает тщательную подготовку, анализ конкретной ситуации. Это не только формальное следование юридическим нормам и правилам, но и сущностное требование процессуальной этики и принципов оценки доказательств.

Список использованной литературы

1. Петрова, О. В. Дружественная детям комната для допроса как новелла уголовно-процессуального закона / О. В. Петрова // Правосудие и правоохранительная деятельность: законодательство и правоприменение: сб. науч. тр. Вып. 2 / ИППК судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ ; редкол.: С. К. Лещенко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2021. – С. 352–359.

УДК 343.163

Т. А. Савчук

(Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск)

ТРЕБОВАНИЕ ПРОКУРОРА ОБ УСТРАНЕНИИ НАРУШЕНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Требование прокурора как мера реагирования на нарушения уголовно-процессуального законодательства является востребованной на практике. Однако до сих пор не решены проблемы, связанные с обязательностью и сроками его исполнения, отдельно требуют разъяснения вопросы уточнения содержания распоряжений прокурора, формулируемые в данном акте надзора, разграничения требования и представления с целью нормативной корректировки и единообразной практики применения названных мер прокурорского реагирования.

В арсенале средств прокурорского реагирования на нарушения уголовно-процессуального закона особое место отводится требованию, которое получило свое нормативное закрепление в 2014 году. Так, изначально Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК) делегировал прокурору право выносить требование начальнику следственного подразделения, органу дознания об устранении нарушений законодательства, допущенных органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем в ходе дознания и предварительного следствия (п. 11 ч. 5 ст. 34 УПК). А в п. 46¹ ст. 6 УПК отдельно указывалось на письменную форму такого требования и обязательность

его рассмотрения. Данное нововведение нашло отклик среди правоведов, которые недооценивали потенциал требования, несправедливо приравнивая его к другой мере прокурорского реагирования на нарушения законодательства – письменным указаниям [1; 2]. Отметим, что подобные критические суждения высказывали и российские исследователи: одни отрицали само существование требования прокурора в законе в виду его неэффективности [3, с. 70], другие отождествляли требование с такими актами прокурорского надзора как протест [4, с. 185] или представление [3, с. 70; 5].

В 2021 году п. 11 ч. 5 ст. 34 УПК был конкретизирован за счет расширения действия диапазона требования и на нарушения, допущенные органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем при приеме, регистрации и рассмотрении заявлений, сообщений о преступлении, и установлением правила обязательности рассмотрения требования прокурора в течение месяца с момента его поступления или в иной срок, установленный прокурором. В данном контексте отметим справедливость мнения Ю.С. Климовича, что можно было избежать такого «укрупнения» п. 11 ч. 5 ст. 34 УПК, но «устранить формально-логическое несоответствие» в указанной норме путем замены в общей норме – в ч. 5 ст. 34 УПК «ошибочного выражения при производстве предварительного следствия и дознания на словосочетание в ходе досудебного производства» [6, с. 131]. Между тем описанные корректировки п. 11 ч. 5 ст. 34 УПК стали реакцией на потребности прокурорско-надзорной практики: испытывая дефицит в мерах реагирования на нарушения уголовно-процессуального закона на этапе «доследственной» проверки, прокуроры вносили представления, реже – выносили постановления о возбуждении дисциплинарного производства, ссылаясь на Закон Республики Беларусь от 08.05.2007 № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь» (далее – Закон о прокуратуре). Подчеркнем, что такая практика не имела нормативной подосновы, в силу чего не могла считаться законной. Ведь не вызывает сомнений, что в уголовно-процессуальной сфере прокуроры вправе использовать только те полномочия, которые им делегированы УПК, устанавливающим единый порядок производства по материалам и уголовному делу (ч. 2 ст. 1 УПК). По этой причине нельзя согласиться с позицией А.С. Сенько, предлагавшим закрепить в ст. 34 УПК норму о том, что «прокуроры в ходе досудебного производства, при производстве предварительного следствия и дознания обладают также правами, предоставленными им и иными нормативными правовыми актами» [7, с. 250]. И, как верно отмечается, «смещение полномочий прокурора в различных отраслях прокурорского надзора представляется недопустимым, поскольку разделение последних законодателем было осуществлено с определенной целью: обеспечение максимально допустимого уровня гарантированности прав и свобод человека и гражданина и законности в отдельных сферах правового регулирования с учетом их специфики, а также исходя из собственных предметов, пределов и правовых средств» [8, с. 163].

Анализируя п. 11 ч. 5 ст. 34 УПК, обратим внимание, что требование прокурора обязательно только для рассмотрения, но не для исполнения, что является некорректным. Может сложиться ситуация, когда руководитель следственного подразделения (органа дознания) не уведомит прокурора о принятых им мерах по устранению тех нарушений, на которые прокурор указал в требовании, следовательно, эти нарушения могут быть не устранены либо устранены не в полной мере. Такое правовое установление приводит к ошибочному мнению представителей следственного ведомства, полагающих, что начальник следственного подразделения вправе по своему усмотрению удовлетворить либо отклонить требование прокурора [9, с. 202]. Напомним, что в основе реализации полномочий прокурора в любой сфере правоотношений лежит императивный принцип обязательности исполнения требований прокурора (ст. 10 Закона о прокуратуре), а сам термин «требование» означает просьбу, распоряжение, поэтому справедливо, что под требованием прокурора «понимается выраженное в категоричной форме распоряжение прокурора, изложенное в резолютивной части акта прокурорского реагирования...» [10, с. 84]. Основываясь

на тезисе, согласно которому «требование прокурора – обязательное для исполнения властно-волевое веление (указание) прокурора, вытекающее из его полномочий, направленное на обеспечение исполнения закона...» [11, с. 65], приходим к выводу о необходимости дополнения п. 11 ч. 5 ст. 34 УПК указанием на обязательное письменное уведомление прокурора о мерах, принятых по *исполнению* его требования.

В рассматриваемом контексте требует законодательного уточнения и срок, отведенный УПК для рассмотрения требования (а в будущем – и его исполнения). Полагаем, что установленный п. 11 ч. 5 ст. 34 УПК для рассмотрения срок в один месяц не пригоден для требования. Это подтверждает и проведенный нами анализ прокурорской практики использования требований [12, с. 362–420], которые выносятся в случаях:

- неполноты предварительного следствия, в том числе по вопросам объема обвинения, переквалификации предъявленного обвинения, недостаточной доказательственной базы по уголовному делу; затягивания сроков следствия;
- принятия незаконных и необоснованных процессуальных решений, предопределяющих окончание (начало) уголовного преследования;
- непринятия решений о применении мер процессуального принуждения, обеспечивающих возмещение причиненного вреда;
- других нарушения норм УПК, которые могут быть устранены в ходе дополнительных следственных действий.

Характер перечисленных нарушений, допускаемых, как правило, по находящимся в производстве уголовным делам, обуславливает оперативность в их устранении. Между тем не всегда в требовании прокурора указывали на конкретный срок его рассмотрения, а иногда определяли такой срок свыше одного месяца. Так, например, в одном случае требование вынесено 10.11.2016, а срок для рассмотрения и уведомления прокурора о принятых мерах обозначен 23.12.2016 [12, с. 398–399]; в другом случае требование датировано 13.07.2016, а конечной датой его исполнения определено 29.08.2016 [12, с. 399–401]. Учитывая характер нарушений, причиной которых является вынесение прокурором требования, считаем, что срок рассмотрения и исполнения требования прокурора должен быть максимально коротким и может варьироваться в диапазоне до 10 суток, что следует предусмотреть в п. 11 ч. 5 ст. 34 УПК.

Выборочное изучение нами практики вынесения требований (п. 11 ч. 5 ст. 34 УПК) и представлений (п. 17¹ ч. 5 ст. 34 УПК) в досудебном уголовном производстве показывает нередкое использование этих мер как замещающих, а иногда – дублирующих друг друга, что позволяет отдельным ученым именовать их «дефективными» мерами [3, с. 70]. Между тем названные акты прокурорского реагирования имеют свои особенности и различия.

Так, требование направлено на незамедлительное устранение нарушений уголовно-процессуального закона, носящих *единичный* характер. Согласно буквальному пониманию п. 11 ч. 5 ст. 34 УПК оно выносится в ходе «доследственной» проверки, дознания и предварительного следствия, а на практике – при рассмотрении ходатайств следователей о продлении сроков содержания лиц под стражей, при разрешении жалоб на процессуальные решения следователей, при принятии решений прокурором о возвращении уголовных дел для производства дополнительно предварительного следствия [12, с. 362–420]. Иными словами, требование выносится по материалам и уголовным делам, находящимся в производстве (на что указывает и практика постановки вопроса в резолютивной части требования о передаче уголовного дела от одного следователя другому). Таким образом, требование носит конкретный характер, позволяющий оперативно устранить нарушения закона по определенному материалу, уголовному делу. В свою очередь, представление имеет цель – устранение нарушений *системного* характера, а также причин и условий, им способствующих, и привлечение виновных лиц к «строгой» ответственности [12, с. 436, 457]. Как правило, представление вносится по результатам прокурорских проверок, обобщения практики, т.е. при принятии органами следствия решений по делам, связанным с отказом в возбуждении уголовного

дела, окончанием предварительного расследования и (или) уголовного преследования, что явилось результатом ненадлежащего процессуального контроля со стороны начальника следственного подразделения. Сказанное подчеркивает обобщающий характер представления, поскольку в нем анализируются схожие по сути нарушения уголовно-процессуального закона, допущенные по различным уголовным делам и даже по разным регионам республики, что не присуще требованию прокурора.

В отличие от требования, представление выполняет профилактическую функцию, что подтверждает сформулированная в резолютивной части представления рекомендация по принятию мер к недопущению нарушений «впредь» [12, с. 430], а также включает обязательный элемент – постановку вопроса о необходимости привлечения виновных лиц к дисциплинарной ответственности. Требование, по нашему мнению, как акт прокурорского реагирования не преследует такой дополнительной цели, как привлечение виновных к ответственности, хотя на практике прокуроры ставят такой вопрос и нередко результатом является привлечение следователей к материальной или дисциплинарной ответственности [12, с. 367].

Подытоживая, отметим, что требование прокурора доказало свое право на самостоятельное существование в арсенале правовых средств по устранению нарушений уголовно-процессуального закона, превалируя над представлением (в целом по республике в 2022 году прокуроры вынесли 584 требований и 372 представления [13]). В то же время представляется целесообразным уточнить правовую регламентацию требования посредством дополнения п. 11 ч. 5 ст. 34 УПК указанием на обязательное письменное уведомление прокурора о мерах, принятых по исполнению требования об устранении нарушений законодательства в срок до 10 суток. Названные предложения будут способствовать повышению эффективности деятельности прокурора по устранению нарушений закона в досудебном производстве и стимулировать органы предварительного расследования к точному исполнению норм уголовно-процессуального закона.

Список использованной литературы

1. Мойсак, В. К. Требование прокурора в уголовном процессе: головоломка для правоприменителей / В. К. Мойсак // Законность и правопорядок. – 2013. – № 1. – С. 12–17.
2. Шарангович, Д. И. Надзор за исполнением законодательства на стадии возбуждения уголовного дела: проблемы и перспективы / Д. И. Шарангович // Законность и правопорядок. – 2021. – № 1. – С. 12–13.
3. Винокуров, А. Ю. Представление прокурора в уголовном процессе / А. Ю. Винокуров // Вестн. Москов. ун-та МВД России. – 2012. – № 2. – С. 69–70.
4. Богатова, Е. В. К вопросу о процессуальном оформлении итогов проведенной прокурором проверки исполнения законов органами дознания и предварительного следствия / Е. В. Богатова, О. А. Грачева // Вестн. Саратов. гос. юрид. акад. – 2019. – № 4. – С. 182–188.
5. Баксалова, А. М. Правовое регулирование системы актов прокурорского реагирования на нарушения закона органами предварительного следствия и дознания [Электронный ресурс] / А. М. Баксалова // Право и политика. – 2019. – № 10. – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30983. – Дата доступа: 02.04.2022.
6. Климович, Ю. С. О реформировании уголовно-процессуального законодательства / Ю. С. Климович // Следственная деятельность: наука, образование, практика : тез. докл. Междунар. науч.-практ. Конф., Минск, 24 июня 2021 г. / редкол.: С. Я. Аземша (предс.) [и др.]. – Минск : СтройМедиаПроект, 2021. – С. 130–133.
7. Сенько, А. С. Проблемы прокурорского надзора за законностью возбуждения уголовных дел / А. С. Сенько // Правосудие и прокурорский надзор в Республике Беларусь: законодательство и практика применения : сб. науч. тр. / редкол.: А. В. Барков [и др.]. – Минск : БГУФК, 2010. – С. 246–253.
8. Бытко, С. Ю. К вопросу о законодательной регламентации мер прокурорского реагирования на выявленные нарушения уголовно-процессуального законодательства

органами предварительного расследования [Электронный ресурс] / С. Ю. Бытко, О. А. Грачева // Изв. высших учебных заведений. – 2022. – № 2. – С. 159–165. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru>. – Дата доступа: 18.07.2023.

9. Сосновский, А. А. О расширении прокурорских полномочий в досудебном уголовном производстве / А. А. Сосновский // Следственная деятельность: наука, образование, практика : тез. докл. Междунар. науч.-практ. Конф., Минск, 24 июня 2021 г. / редкол.: С. Я. Аземша (предс.) [и др.]. – Минск : СтройМедиаПроект, 2021. – С. 202–204.

10. Пригорща, П. А. К вопросу о понятии и сущности требования как акта прокурорского реагирования современной российской прокуратуры [Электронный ресурс] / А. П. Пригорща // Бизнес в законе. – 2011. – № 1. – С. 84–86. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru>. – Дата доступа: 15.07.2023.

11. Оносов, Ю. В. Юридическая практика удовлетворения требований прокурора [Электронный ресурс] / Ю. В. Оносов // Электрон. прилож. к «Рос. юрид. журналу». – 2019. – № 3. – С. 64–68. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru>. – Дата доступа: 22.09.2023.

12. Надзор за исполнением законодательства на стадии досудебного производства : сб. норматив. актов и документов / Генер. прокуратура Респ. Беларусь ; сост.: Г. И. Дыско [и др.] ; под общ. ред. А. В. Конюка. – Минск : Белорус. Дом печати, 2017. – 515 с.

13. Генеральная прокуратура: подведены итоги работы ведомства за 2022 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://prokuratura.gov.by/>. – Дата доступа: 25.07.2023.

УДК 343.985

А. М. Трофименко

(Следственный комитет Республики Беларусь, Минск)

**ЭКСПЕРТИЗА КАЧЕСТВА МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ:
ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ
И ВОЗМОЖНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Рассматривается порядок проведения комиссионной ведомственной проверки дефектов медицинской помощи, выявляемых в учреждениях здравоохранения Республики Беларусь. Анализируются регламентирующие порядок проведения соответствующей проверки изменения, внесенные в ведомственные нормативные правовые акты, а также понятие «экспертиза качества медицинской помощи» и его соотношение с экспертизой в уголовном процессе. Исследуется значение экспертизы качества медицинской помощи как непроцессуальной формы использования специальных познаний при расследовании фактов ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей медицинскими работниками.

Ведомственная проверка учреждениями здравоохранения упущений при оказании медицинской помощи, которая широко используется следователями при расследовании ятрогенных преступлений с целью получения первичной детализированной информации о допущенных в этой области нарушениях и лицах, их допустивших, на протяжении длительного времени не была закреплена на законодательном уровне.

Приказом Министерства здравоохранения Республики Беларусь № 233 от 23.03.2016 «Об утверждении порядка оформления справки по результатам проведения мониторинга (проверки) качества оказания медицинской помощи в организациях здравоохранения» было определено лишь содержание итоговой справки по результатам проверки.

Первые шаги по регламентации ведомственной проверки предприняты законодателем с принятием 21.05.2021 постановления Министерства здравоохранения Республики Беларусь № 55 «Об оценке качества медицинской помощи и медицинских экспертиз, экспер-

тизе качества медицинской помощи». Им утверждены два важных ведомственных нормативных правовых акта: «Инструкция о порядке проведения экспертизы качества медицинской помощи» (далее – Инструкция) и «Инструкция о порядке и случаях проведения оценки качества медицинской помощи и медицинских экспертиз». Постановлением также регламентированы детализированные критерии оказания медицинской помощи.

Первая из вышеуказанных инструкций является наиболее значимой для предварительного расследования, так как фактически устанавливает порядок проведения ведомственной проверки качества оказания медицинской помощи. Сменив название, проверка не изменила своей сути и статуса, то есть экспертизой в процессуальном плане не является, хотя форма ее проведения осталась комиссионной и проводится она в соответствии с п. 3 Инструкции врачебно-консультационными комиссиями учреждений здравоохранения и комиссиями, созданными Министерством здравоохранения и его территориальными подразделениями, то есть по сути специалистами, а не экспертами.

По результатам составляется заключение о проведении экспертизы качества медицинской помощи с приложением критериев оценки. Необходимо отметить, что данное заключение излагается в соответствии со специально разработанной формой 1эк-21, предполагающей отражение таких ключевых аспектов, как основание проведения проверки, результаты экспертизы качества (в том числе выявленные недостатки или нарушения и причины, способствующие их возникновению при оказании медицинской помощи) и выводы по результатам экспертизы качества (в том числе о соответствии качества медицинской помощи установленным критериям).

Важным достижением явилось закрепление в п. 7 Инструкции исчерпывающего перечня оснований для проведения соответствующей экспертизы (летальные исходы; наличие заявлений и жалоб на качество медицинской помощи; осложнения, вызванные медицинским вмешательством; инфекции, связанные с оказанием медицинской помощи и негативные последствия, возникшие при применении медицинских изделий).

Ранее в законодательстве конкретные основания проведения ведомственной проверки предусматривались только в случаях летального исхода у несовершеннолетних. На практике в общем порядке оценка допущенным дефектам оказания медицинской помощи давалась ведомственной комиссией при поступлении обращений граждан в Министерство здравоохранения Республики Беларусь и его территориальные структурные подразделения, а также при поступлении соответствующих запросов из Следственного комитета Республики Беларусь в рамках проведения доследственных проверок и расследования уголовных дел.

Пунктом 13 регламентирован срок проведения экспертизы, который составляет не более одного месяца, может быть продлен до двух месяцев и приостановлен в случае запроса дополнительных сведений и привлечения специалистов.

Оценка качества медицинской помощи и медицинских экспертиз в учреждениях здравоохранения республики производится в соответствии с п. 3 «Инструкции о порядке и случаях проведения оценки качества медицинской помощи и медицинских экспертиз» в плановом порядке в случаях отрицательной динамики показателей статистических данных, отражающих здоровье населения, при необходимости повторной оценки качества, а также по решению органов управления здравоохранением.

Исходя из изложенного можно сделать вывод, что принятие постановления Министерства здравоохранения № 55 «Об оценке качества медицинской помощи и медицинских экспертиз, экспертизе качества медицинской помощи» при наличии определенных недостатков (неопределенности статуса ведомственной проверки) явилось прогрессивным шагом с учетом возросшего внимания к допускаемым дефектам медицинской помощи, а также проработке и регламентации в законодательстве процедуры ведомственной проверки, разработке детализированных критериев оценки качества медицинской помощи, а также системы внутреннего мониторинга неблагоприятных исходов оказания медицинской помощи

учреждениями здравоохранения. Наличие унифицированных форм соответствующих итоговых заключений со своей стороны представляется эффективным способом систематизации полученной при проведении ведомственной проверки значимой информации и получения более четких, конкретизированных выводов.

С учетом того, что в заключении экспертизы качества медицинской помощи содержится первичная информация о конкретном дефекте оказания медицинской помощи (описание нарушений и их причин), указанный ведомственный документ по-прежнему представляет особую значимость для следователя на стадии доследственной проверки и первоначального этапа расследования уголовного дела о ятрогенном преступлении. Характерной особенностью экспертизы качества медицинской помощи является то, что с одной стороны комиссией решаются локальные ведомственные задачи, а с другой, что истребованное в установленном порядке правоохранительными органами заключение впоследствии используется при анализе допущенных нарушений уже в рамках уголовного процесса (сперва следователем, а затем экспертами при проведении комиссионной судебно-медицинской экспертизы качества оказания медицинской помощи после заявления соответствующего ходатайства). При этом факты использования сугубо ведомственных документов в ходе предварительного расследования не являются единичными. В подтверждение этому можно привести случаи успешного использования результатов специального расследования Департамента государственной инспекции труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь при расследовании уголовных дел о нарушении правил охраны труда и техники безопасности.

Наряду с заключением экспертизы качества медицинской помощи заключение о проведении оценки качества медицинской помощи, являясь по сути формой внутреннего мониторинга учреждения здравоохранения, также может быть использовано в ходе расследования при наличии информации о системных нарушениях при оказании медицинской помощи и необходимости исследования вопросов организации оказания медицинской помощи (укомплектованность лечебного учреждения врачами-специалистами, обеспечение необходимым оборудованием и инструментом и др.).

Список использованной литературы

1. Об утверждении порядка оформления справки по результатам проведения мониторинга (проверки) качества оказания медицинской помощи в организациях здравоохранения [Электронный ресурс] : приказ Мин. здравоохр. Респ. Беларусь, 23 марта 2016 г., № 233 // ЭТАЛОН-ONLINE. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

2. Об оценке качества медицинской помощи и медицинских экспертиз, экспертизе качества медицинской помощи [Электронный ресурс] : постановление Мин. здравоохр. Респ. Беларусь, 21 мая 2021 г., № 55 // ЭТАЛОН-ONLINE. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

УДК 343.9

А. Д. Харитонов

(Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород)

ТИПИЧНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ, СКЛАДЫВАЮЩИЕСЯ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ

В статье на основе анализа теоретических источников и правоприменительной практики рассмотрен вопрос выделения типичных следственных ситуаций, встречающихся на

досудебном этапе расследования мошенничества в сфере кредитования, отдельное внимание в работе уделяется вопросу возможности разграничения следственных ситуаций и критериев, положенных в их основу. Кроме того, в статье на основе анализа материалов уголовных дел выделены особенности проведения наиболее распространенных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий в зависимости от сложившейся следственной ситуации.

Ежегодно в Российской Федерации отмечается значительный уровень ущерба от совершенных преступлений экономической направленности. Согласно данным официальной статистики за период 2022 года на территории Российской Федерации было совершено 111429 преступлений в сфере экономики, из них 9194 преступления были совершены в финансово-кредитной системе [1]. Из анализа вышеуказанных данных можно сделать вывод о том, что вопросы, связанные с выделением типичных следственных ситуаций, возникающих на первоначальном этапе расследования мошенничества в сфере кредитования, остаются актуальными и в настоящее время.

Первоначальному этапу расследования характерны определенные сложности, складывающиеся при расследовании мошенничества в сфере кредитования. При проведении опроса адвоката по вопросам расследования мошенничества в сфере кредитования, было установлено, что многообразие новых, ранее не встречавшихся способов совершения мошенничества не позволяет возбудить уголовное дело и провести предварительное расследование. Определенную сложность также вызывает выявление признаков указанного преступления. К аналогичному мнению в своем исследовании пришли Н.В. и Г.Н. Карепановы, которыми было проведено исследование среди следователей, занимающихся расследованием мошенничества в сфере кредитования [2]. Исходя из результатов исследования проведенного Н.В. и Г.Н. Карепановыми, а также анализа правоприменительной практики и мнения практических сотрудников, можно прийти к выводу о том, что данная категория дел является сложной в расследовании и доказывании. Для успешного раскрытия мошеннических действий в сфере кредитования, требуется наличие специальных знаний в кредитно-финансовой сфере.

В доктрине не сложилось единого подхода к критерию разграничения следственных ситуаций возникающих в ходе расследования мошенничества в сфере кредитования. О.В. Кругликова в своем диссертационном исследовании, взяла за основу классификации следственных ситуаций критерий субъектного состава мошеннических действий. В своем исследовании правовед выделила следующие следственные ситуации:

– мошеннические действия совершены единолично лицом не являющимся сотрудником банковской организации. *В качестве примера можно привести следующую ситуацию из судебно-следственной практики. 01 февраля 2018 года Ц.А.Ю. находясь в клиентском центре ПАО «Почта Банк» умышленно путем предоставления банку заведомо ложных и недостоверных сведений о своем доходе и месте работы похитило у банка денежные средства на сумму 264 000 рублей [3].*

– мошеннические действия совершены лицом, не являющимся сотрудником банковской организации в составе группы лиц по предварительному сговору, либо в составе организованной группы. В качестве примера можно обратиться к следующему примеру из судебно-следственной практики. *Так, Ш.О.В., Т.А.И., Т.С.В. действуя совместно и по предварительному сговору похитили денежные средства, принадлежащие ЗАО «ВТБ» в сумме 737767,78 рублей полученные Ш.О.В. посредством вручения платежной карты, денежные средства принадлежащие ОАО «Лето Банк» в сумме 343965,94 рублей полученные Ш.О.В., денежные средства, принадлежащие ООО КБ «Ренессанс кредит» в сумме 260000 рублей полученные Ш.О.В., денежные средства, принадлежащие ОАО «СКБ-Банк» в сумме 509600 рублей, полученные Ш.О.В., денежные средства, принадлежащие ООО «УБРИР» в сумме 494457,14 рублей, полученные Ш.О.В. путем предоставления в вышеперечисленные банки для заключения кредитных договоров заведомо ложные сведения о ее трудоустройстве в ООО [4].*

– мошеннические действия совершены лицом являющимся сотрудником банковской организации. Однако из анализа судебно-следственной практики показывает, что указанная следственной ситуации на практике встречается довольно редко.

Кроме вышеперечисленного критерия за основу типизации следственных ситуаций встречающихся при расследовании мошенничества в сфере кредитования можно взять и другие основания. Так дифференцировать следственные ситуации можно на основе: характер сложившихся заемных отношений (мошенничество в сфере потребительского кредитования и мошенничество в сфере кредитования юридических лиц), объема недостоверных сведений, предоставленных заемщиком кредитором (паспортные данные, сведения из трудовой книжки, сведения 2 НДФЛ и т.п.), количество совершенных платежей по кредитным обязательствам (заемщиком производился один и более платеж по кредитному договору, либо заемщиком не производились платежи по кредитному обязательству).

Однако анализ материалов судебно-следственной практики по делам о мошенничестве в сфере кредитования и анкетирование правоприменителей приводит к выводу о том, что в настоящее время за основу определения следственной ситуации сложившейся по уголовному делу следователем/дознавателем берется критерий объема информации о лице, совершившем преступление. Исходя из этого, можно вывести следующие следственные ситуации.

Наиболее распространенной следственной ситуации представляет собой обстоятельства, когда следователь располагает информацией, указывающие на совершение противоправного деяния, личность лица совершившего преступление органу предварительному расследованию известно, однако оно не задержано. *Так, Ф.В.Д., Т.А.И. и неустановленные лица, действия совместно и по предварительного сговору похитили денежные средства в размере 417330,57 принадлежащие ЗАО «ВТБ» полученные Ф.Д.В. посредством вручения платежной карты по кредитному договору, путем предоставления в банк заведомо ложных и недостоверных сведений о его трудовой деятельности в ООО, распорядившись указанными денежными средствами по собственному усмотрению [4].*

При данной следственной ситуации следователю наибольшее значение окажет использование результатов полученных при помощи оперативно-розыскных мероприятий. Следователем дается поручение сотрудникам органа дознания для проведения оперативно-розыскных мероприятий, с целью задержания лица совершившего преступление. Кроме поиска лица, совершившего преступление, сотрудниками органа дознания устанавливается местонахождение похищенного имущества, а так же устанавливается круг свидетелей преступления и возможных соучастников преступления.

Следующая следственная ситуация представляет собой обстоятельства, когда следователь располагает информацией, указывающей на совершение противоправного деяния, лицо, совершившие преступление задержано в момент совершения преступления либо непосредственно после его совершения. Однако при анализе правоприменительной практики можно сделать вывод, что указанная следственная ситуация является менее распространенной на практике. В качестве примера можно привести следующий случай из судебно-следственной практики. *Так, 03 сентября 2011 года А.Ю.В. по предварительному сговору с Ж.С.В. и неустановленными лицами, находясь в дополнительном офисе ЗАО Банк «Советский» путем предоставления заранее изготовленных подложных документов и ложных сведений, незаконно попытались получить кредит на имя А.Ю.В. на сумму 228 240 рублей, но не смогли довести свой преступный умысел до конца по независящим от них обстоятельствам [5].*

При данной следственной ситуации для следователя наиболее важными являются такие следственные действия как личный обыск задержанного, при производстве которого следователем может быть обнаружено похищенное имущество, поддельные документы и бланки, печати и оттиски и другие предметы имеющие значение в качестве вещественных доказательств. Кроме того, в качестве первоначальных следственных дей-

ствий следователю/дознавателю необходимо провести допрос сотрудник банка, оформлявшего кредитный договор и документы с целью установления фактических обстоятельств совершения преступления по уголовному делу. Также в качестве первоочередного следственного действия необходимо произвести обыск по месту жительства задержанного с целью обнаружения и фиксации следов преступления, поскольку указанные следы могут быть уничтожены впоследствии либо самим подозреваемым, либо иными соучастниками преступных действий, если преступление было совершено в соучастии. Во время обыска, по месту жительства подозреваемого, может быть обнаружено похищенное имущество. Анализ правоприменительной практики показывает, что в большинстве случаев производство обыска следователь поручает провести сотрудникам органа дознания.

Подводя итог вышесказанному, стоит отметить, что на первоначальном этапе расследования большую важность имеет правильное определение следственной ситуации сложившейся в уголовном деле. От правильной классификации следственной ситуации зависит выстраивание следователем методов раскрытия и расследования преступления.

Список использованной литературы

1. Состояние преступности в Российской Федерации за 2022 год / Министерство внутренних дел Российской Федерации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/35396677/>. – Дата доступа: 05.10.2023.

2. Н.В. Карепанов, Г.Н. Карепанов Типичные следы мошенничества в сфере кредитования // Проблемы экономики и юридической практики. 2014. №5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipichnye-sledy-moshennichestva-v-sfere-kreditovaniya/>. – Дата доступа: 06.10.2023.

3. Уголовное дело №1-242/2019 // Архив Октябрьского районного суда г. Архангельск. 2019 г.

4. Уголовное дело №1-8/2016 // Архив Октябрьского районного суда г. Архангельск. 2016 г.

5. Уголовное дело №1-99/2016 // Архив Октябрьского районного суда г. Архангельск. 2016 г.

УДК 343.98

А. М. Хлус

(Белорусский государственный университет, Минск)

КОРРУПЦИОННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: ОСНОВЫ МЕТОДОЛОГИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассматривается методология криминалистического исследования коррупционной преступности. Методологию криминалистического познания коррупционной преступности можно представить в виде системы, состоящей из системно-деятельностного подхода и соответствующих ему методов, приёмов и средств исследования. Системно-деятельностный методологический подход обеспечивает познание элементов, характерных для преступлений коррупционной направленности.

Научно-исследовательская деятельность в различных областях науки и техники основывается на соответствующей методологии, призванной обеспечить получение новых знаний и их практическую реализацию. Понятие «методология» представлено как «совокупность методов, применяемых в отдельных науках» [1, с. 228]. В научной деятельности методология рассматривается как «учение о принципах и методах получения знаний» [2].

По-разному воспринимают понятие «методология» ученые-криминалисты. В одном случае методология криминалистической науки рассматривается как система «мировоззренческих концепций и теоретических положений о процессах возникновения и сохранения информации, её обнаружения и использования для познания обстоятельств преступления» [3, с. 20]. В данной формулировке акцентируется внимание на познавательной сущности практической деятельности и соответствующих ей методов, но ничего не говорится о теоретической основе этой деятельности.

Схожее представление о методологии криминалистики сложилось у Е. В. Смахина. По его мнению, методология криминалистики – это «учение о криминалистическом методе, т. е. системе принципов и методов познания материальных и идеальных следов в механизме преступной и криминалистической деятельности» [4].

Методологические основы криминалистики, как отметил А. В. Дулов, должны определять, во-первых, целевую направленность исследования, во-вторых, пути достижения поставленных целей и, в-третьих, совокупность имеющихся научных знаний и методов, используемых для достижения поставленных целей [5, с. 46–50].

В некоторых источниках учебной литературы по криминалистике показано различие методологии научной и практической деятельности. Методология научной деятельности, как сфера интереса ученых-криминалистов, представлена в качестве системы научных методов познания закономерностей преступной деятельности, и разработки на этой основе, методик и алгоритмов решения криминалистических задач. Соответственно, методология практической деятельности, являясь сферой деятельности должностных лиц правоохранительных органов, ориентирована на раскрытие и расследование преступлений и представляет собой систему приемов, способов и операций, направленных на достижение этих целей [6, с. 78–79].

Проанализировав изложенное можно сделать вывод, что «криминалистическая методология», во-первых, призвана обеспечить получение новых знаний, во-вторых, содержит методы и иные средства исследования.

Значимым в понимании методологии криминалистики является представление её основ. В их качестве рассматривается общий методологический подход, на котором базируется исследование одного или нескольких криминалистических объектов. Методологический подход к исследованию определяет содержание используемых для этого методов, приёмов и средств. В зависимости от объекта познания методологических подходов к его исследованию может быть несколько.

Таким образом, методологию криминалистического исследования можно представить как систему, состоящую из методологического подхода и соответствующих ему методов, приёмов и средств исследования объектов криминалистической значимости. Методологические подходы к исследованию и соответствующие им методы составляют внутреннее содержание криминалистической методологии.

Одним из аспектов методологии криминалистического исследования, по сути внешней и базовой его составляющей, является система знаний, сформировавшихся на момент исследования. Они отражают сложившуюся парадигму, связь его объекта, предмета и метода, а также мировоззренческую установку исследователя.

Существует нетрадиционный взгляд на понимание объекта и предмета криминалистики. В качестве объекта криминалистики предлагается рассматривать «человеческую деятельность в целом, её самые разные направления и виды при условии их полезности для решения соответствующих практических и теоретических задач противодействия преступности» [7, с. 87]. Предмет также рассматривается посредством категории «деятельность». В этом случае деятельность бывает двух видов: 1) связана с нарушающая уголовного закона и 2) направлена на предупреждение и раскрытие общественно опасных деяний [7, с. 87].

Не вступая в полемику с мнением авторитетного автора, мы считаем необходимым основываться на общепризнанном подходе к пониманию объекта и предмета криминалистики. В таком случае объект криминалистики составляет преступная деятельность и деятельность правоохранительных органов, осуществляющих раскрытие, расследование и предупреждение преступлений [6, с. 23].

Предмет криминалистики составляют две части, из которых одна часть охватывает направленность исследователя на познание закономерностей развития указанных объектов. Другую часть предмета составляет основанная на познании указанных закономерностей разработка специальных методов, приемов и средств раскрытия, расследования и предотвращения преступлений [8, с. 6].

С указанным объектом и предметом криминалистики связана парадигма исследования, понимаемая в качестве исходной концептуальной схемы постановки проблем и организации их решения [9, с. 228]. Образующие парадигму элементы «транслируются в исследовательскую деятельность и составляют основу методологии научного познания» [10, с. 21].

Объект и предмет находятся во взаимосвязи, что позволяет определить выбор исследовательского метода. Он представляет собой инструментально-гносеологическую конструкцию, которая создает поддающуюся систематическому описанию теоретическую модель объекта и работает только в неразрывном единстве с её предметом [9, с. 223].

Значима в аспекте научных и практических исследований мировоззренческая установка осуществляющих их субъектов. Мировоззренческая позиция исследователя охватывает его онтологические, нравственно-эстетические, религиозные, общественно-политические принципы и убеждения, которые связаны с его профессией (например, следователя), опытом и практикой работы.

Объектом нашего исследования выступает коррупционная преступность, как результат коррупционной деятельности. Учитывая специфику данного объекта, для его изучения целесообразно использовать системно-деятельностный методологический подход и соответствующие ему конкретные научные методы исследования.

На значимость системно-деятельностного подхода в криминалистических исследованиях обратили внимание многие ученые-криминалисты. Например, О. А. Крестовников, представил данный подход как «методологическую ориентацию на изучение объективной реальности...» [11, с. 27], что является важным, учитывая направленность криминалистической науки на познание «реальностей уголовного права» [12, с. 109].

В нашем представлении сущность системно-деятельностного подхода состоит в том, что происходящее в окружающем человека мире связано с определенным видом деятельности, в системном её восприятии. Рассмотрим данный подход в связи с исследованием элементов, характерных для коррупционной преступности. Содержание этого вида преступности позволяет выделить ряд типовых элементов, в числе которых субъект, объект, предмет и средство.

Познание субъектов коррупционной преступности осуществляется в направлении, обусловленном их принадлежностью к категории должностных лиц. Однако это не ограничивает изучение только их должностного положения (статуса, полномочий, управленческих решений и действий и т. д.). Изучению подлежат также их личностные качества и свойства, объединяющие в себе материальную и духовную стороны человеческого бытия. Изучение субъектов коррупционных деяний предполагает познание их целевой направленности, задач и функций.

Цели отражают направленность и основной ориентир в деятельности. Цель коррупционной деятельности неоднозначна. Она зависит от форм (взяточничество, протекционизм и т. д.) и видов (бытовая, деловая и т. д.) коррупции. В большинстве случаев цель связана с неправомерным получением материальных ценностей. Но целевая ориентация коррупционных действий может быть связана с приобретением иных нематериальных выгод, в основе которых сформированные коррупционные отношения, создающие благоприятные условия существования коррупционера в рамках служебной деятельности.

Задачи связаны с определением проблемных моментов, трудностей и путей их решения на пути достижения целей коррупционной деятельности. Функции раскрывают содержание основных направлений активности субъектов коррупционной деятельности, что предполагает познание функций должностного лица, регламентированных законодательством и (или) внутренними правилами управленческой структуры. Познание этих функций позволяет выявить дефекты в деятельности должностного лица, отклонения от установленных норм (правил) и его ориентированность на совершение коррупционных правонарушений.

Исследование объекта предполагает познание адресата целевой направленности субъекта деятельности. Представители уголовно-правовой и криминалистической науки едины во мнении, что преступное посягательство связано с объектом, которому причиняется вред. Отличие состоит в том, что уголовное право акцентирует внимание на преступлениях, как непосредственных результатах преступной деятельности, для которых объектом посягательства являются общественные отношения. Данное теоретическое понятие имеет абстрактный характер, не отражает значимую с точки зрения криминалистики материальную сторону объекта преступления. Для криминалистики является важным рассмотрение объекта как материальной системы, на которую направлена преступная деятельность. Эта материальная система содержит значимую для познания преступной деятельности информацию, локализуемую в различных следах, отражаемых на всех её этапах (стадиях).

Отличительные особенности характерны для предмета и используемых средств рассматриваемого вида деятельности. Предмет коррупционной деятельности находится в зависимости от целевой направленности совершаемых субъектом (коррупционером) действий, проявляемых в форме закономерных связей с иными элементами преступной системы. В предмете преступной деятельности коррупционер реализует свой материальный или нематериальный интерес.

Для достижения целей коррупционной деятельности её субъекты используют различные средства. Наиболее распространенными средствами, упоминаемыми в рамках расследования коррупционных преступлений, выступают документы. Они отражают следы противоправных действий, указывающих на признаки преступной деятельности коррупционеров.

Сложившаяся на определенный временной период парадигма криминалистического исследования, изложенный методологический подход к конкретному научному исследованию позволяют осуществить подбор методологического инструментария, т. е. исследовательских методов. Применительно к целям научного исследования коррупционной преступности и её составляющих – коррупционных преступлений, целесообразно использовать общенаучные методы: всеобщий диалектический, исторический, логический, анализ, синтез, дедукция, индукция и др. В числе конкретно-научных методов можно выделить наблюдение, моделирование, экспертных оценок, документальный, контент-анализ, социологический опрос и др.

Некоторые методы научного исследования адаптированы и успешно применяются в практической деятельности по раскрытию и расследованию коррупционных преступлений. Наиболее положительный результат связан с использованием криминалистического анализа и матрицирования.

На основе изложенного для обсуждения предлагаются следующие выводы:

1. Криминалистическое исследование коррупционной преступности основывается на системно-деятельностном методологическом подходе, обеспечивающем познание характерных для неё элементов. Содержание этого вида преступности включает ряд типовых элементов. В их числе субъект, объект, предмет и средство.

2. Методологию криминалистического познания коррупционной преступности можно представить в виде системы, состоящей из системно-деятельностного подхода и соответствующих ему методов и средств исследования.

Список использованной литературы

1. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – 20-е изд. стереотип. М.: Рус. яз., 1988. – 750 с.
2. Некрасов, С. И. Философия науки и техники: тематический словарь справочник: учебное пособие. Орёл: ОГУ, 2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/science-and-technology/index.htm>. Дата доступа: 10.11.2023.
3. Кирсанов, З. И. Теоретические основы криминалистики: Учеб. пособие / З. И. Кирсанов. – М., 1998. – 201 с.
4. Смахтин, Е. В. Некоторые аспекты методологии криминалистических научных исследований [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-metodologii-kriminalisticheskikh-nauchnyh-issledovaniy-1>. Дата доступа: 10.10.2023.
5. Дулов, А. В. Место системного подхода в методологических основах криминалистики / А. В. Дулов // Проблемы системных исследований в криминалистике и судебной экспертизе: сборник тезисов. М.: МАКС Пресс, 2006. – С. 46–50.
6. Криминалистика: Учебник / Отв. ред. Н. П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2005. – 781 с.
7. Шиенок, В. П. Объект и предмет криминалистики как науки о деятельности по раскрытию и расследованию преступлений / В. П. Шиенок // Право.by. – 2019. – № 4(60). – С. 86–90.
8. Криминалистика : учеб. пособие / В. Б. Шабанов [и др.] ; под ред. В. Б. Шабанова, В. Л. Григоровича. Минск : БГУ, 2019. – 551 с.
9. Тарасов, Н. Н. Методологические проблемы юридической науки / Н. Н. Тарасов. – Екатеринбург: Изд-во гуманитар. ун-та, 2001. – 263 с.
10. Котенко, В. П. Парадигма как методология научной деятельности / В. П. Котенко // Библиосфера. – 2006. – № 3. – С. 21–25.
11. Крестовников, О. А. Системно-деятельностный подход как основание методологических программ в научных криминалистических исследованиях / О. А. Крестовников // Теория и практика судебной экспертизы. – 2018. – Т. 13, № 2. – С. 27–35. DOI: 10.30764/1819-2785-2018-13-2-27-35.
12. Белкин, Р. С. Криминалистика: Краткая энциклопедия / Авт.-сост. Р. С. Белкин. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. – 111 с.

УДК 343.195.3

Е. В. Чижик

(Белорусский государственный университет, Минск)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПРОКУРОРА В СУДЕБНОМ ЗАСЕДАНИИ НА СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА: ПОНЯТИЕ, ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье рассмотрены проблемы правового регулирования вопросов, связанных с дачей прокурором заключения при рассмотрении судом вопросов, связанных с исполнением приговора. Автор отмечает исключительную значимость этой позиции прокурора, а также указывает на необходимость закрепления на законодательном уровне требований, предъявляемых к заключению прокурора. В статье также анализируются положения о заключении прокурора, содержащиеся в уголовно-процессуальном законодательстве некоторых зарубежных государств.

Прокурор является значимой фигурой на любом этапе уголовно-процессуальной деятельности. Одним из таких этапов является стадия исполнения приговора, в частности, такой ее элемент, как рассмотрение судом вопросов в порядке ст. 402² Уголовно-

процессуального кодекса Республики Беларусь от 16 июля 1999 года № 295-3, в редакции Закона Республики Беларусь от 17 июля 2023 года № 286-3 (далее – УПК). Белорусским уголовно-процессуальным законом участие прокурора признается обязательным в ходе рассмотрения большинства вопросов, возникающих при исполнении приговора и требующих разрешения в судебном порядке.

Ключевым моментом осуществляемой прокурором функции в судебном заседании в порядке исполнения приговора является дача заключения. В соответствии с ч. 13 ст. 402² УПК, после заслушивания лиц, явившихся в судебное заседание, и исследования имеющиеся в деле документов прокурор дает заключение. Заключение представляет собой мнение прокурора по рассмотренному в суде вопросу, например, о возможности условно-досрочного освобождения от наказания, о замене неотбытой части наказания более мягким наказанием.

В юридической литературе вопросу о понятии и значении заключения прокурора уделено недостаточно внимания. Некоторые российские исследователи указывают на то, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 № 174-ФЗ, в редакции Федерального закона Российской Федерации от 2 ноября 2023 года № 524-ФЗ (далее – УПК РФ), не устанавливает четких требований, предъявляемых к содержанию, форме и структуре заключения [1, с. 139–140; 2, с. 63–64]. Несмотря на то, что в УПК РФ позиция прокурора, высказываемая по вопросу, разрешаемому в суде в порядке исполнения приговора, именуется «мнением» (ч. 13 ст. 399 УПК РФ), правоведомы употребляют оба термина – «мнение» и «заключение» [1, с. 139–140; 2, с. 106–107]. В этой связи, следует отметить, что и в уголовно-процессуальном законе Республики Беларусь также отсутствует правовая дефиниция заключения, равно как и не установлены требования, предъявляемые к его форме и содержанию.

Для российского уголовного процесса отсутствие таких требований, вероятно, является закономерным. В первую очередь, это связано с факультативным участием прокурора при разрешении судом вопросов в стадии исполнения приговора. Так, в ч. 6 ст. 399 УПК РФ упоминается лишь о «праве» участия прокурора в судебном заседании. Принципиально иной подход, применяемый белорусским законодателем, связан с установлением обязательного участия прокурора при рассмотрении большинства вопросов, что придает его фигуре особую значимость в этом процессе. Думается, что повышение внимания к мнению прокурора, высказанному по разрешаемому вопросу, а также регламентация критериев, которым оно должно соответствовать, будет способствовать четкому представлению о том, насколько значима эта позиция прокурора для законного разрешения вопросов в порядке исполнения приговора.

Надо сказать, что и в Научно-практическом комментарии к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь (далее – Комментарий) не дано разъяснений по этому вопросу [4, с. 963]. При этом из текста Комментария можно выявить такое требование, предъявляемое к выводу прокурора «о том, как должны быть разрешены рассматриваемые вопросы», как мотивированность [4, с. 963].

В 60–70-ые годы XX века, рассуждая о требованиях, которым должно соответствовать заключение прокурора, Е. А. Матвиенко приходит к выводу о том, что ими являются обоснованность, аргументированность и убедительность [5, с. 168]. Из дальнейших умозаключений автора вытекает, что содержащийся в заключении прокурора вывод по разрешаемому вопросу должен быть еще и мотивированным [5, с. 173]. В упомянутом исследовании также подчеркивается, что при разрешении вопросов в стадии исполнения приговора суд устанавливает истинность каждого обстоятельства, таким образом, суд обязан «отыскать объективную истину» [5, с. 172]. Вероятно, и прокурор, содействуя суду в этом процессе путем дачи заключения, также должен исходить из требований объективности.

«Тот факт, что прокурор выступает последним, дает ему возможность оценить при даче заключения все собранные по делу данные» [4, с. 963]. Таким образом, его правовая позиция будет обоснованной, а именно, учитывающей все материалы, которые всесторонне, полно и объективно исследованы в судебном заседании стадии исполнения приговора. Белорусский законодатель к тому же апеллирует этим термином, раскрывая его сущность, применяя в качестве требования к приговору суда (ч. 2 ст. 350 УПК). Вынесению обоснованного заключения также способствует работа, проделанная прокурором на досудебном этапе стадии исполнения приговора, предшествующем рассмотрению вопросов в условиях судебного заседания, в рамках которого прокурор наделен широкими надзорными полномочиями.

Например, в ч. 6 ст. 480 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V, в редакции Закона Республики Казахстан от 12 июля 2023 года № 23-VIII, содержится такое требование, предъявляемое к мнению прокурора о возможности условно-досрочного освобождения от наказания или замены неотбытой части наказания более мягким наказанием, как «аргументированность».

Несмотря на синонимичность понятий «аргументированность» и «обоснованность», думается, что применительно к уголовно-процессуальному закону Республики Беларусь более удачной является характеристика обоснованности. Во-первых, в части 2 статьи 350 УПК раскрыто ее правовое значение, во-вторых, использование термина «аргументированность» в нормах УПК не встречается.

Необходимо также подчеркнуть, что полному обоснованию подлежит не только то заключение прокурора, которое содержит отрицательную позицию по разрешаемому вопросу, но и его положительное мнение. Прокурору при этом не следует ограничиваться одним лишь утверждением о возможности удовлетворительного разрешения вопроса, он должен полно аргументировать свою точку зрения.

Правоприменительная практика сложилась таким образом, что прокурор, участвуя в судебном заседании при рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора, дает заключение в устной форме, при этом его мнение заносится в протокол судебного заседания. Вероятно, нет необходимости в закреплении на законодательном уровне требования о выражении этого мнения в письменной форме, поскольку в судах, в том числе и при рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора, может вестись аудиозапись хода судебного заседания. К тому же буквальное толкование ч. 13 ст. 402² УПК указывает на устность выносимого заключения. Так, заключение прокурора «заслушивается».

В юридической литературе, однако, можно встретить противоположное суждение, доказывающее необходимость фиксации выводов прокурора по разрешаемым судом вопросам в письменной форме «с обоснованием его позиции и указанием соответствующих норм уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства» [2, с. 65]. По мнению сторонников этого подхода, установление подобного требования поможет избежать злоупотреблений в процессе разрешения вопросов в порядке исполнения приговора [2, с. 65].

Таким образом, вышеизложенное позволяет прийти к следующим выводам:

1) заключение прокурора – это обоснованная позиция прокурора по вопросу, рассмотренному в судебном заседании стадии исполнения приговора, высказанная в устной форме и подлежащая занесению в протокол судебного заседания, которая учитывается судом при принятии окончательного решения по вопросу, связанному с исполнением приговора;

2) в целях повышения эффективности прокурорского надзора в стадии исполнения приговора, законности, а также придания особого значения мнению прокурора по вопросам, разрешаемым в порядке исполнения приговора, предлагается дополнить ч. 13 ст. 402² УПК таким требованием, предъявляемым к заключению прокурора, как обоснованность, изложив текст соответствующей нормы следующим образом:

«13. Рассмотрение дела начинается с доклада судьи, <...>. После этого заслушивается обоснованное заключение прокурора. <...>».

Список использованной литературы

1. Тябина, Ю. А. Уголовно-процессуальные правоотношения в стадии исполнения приговора : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Ю. А. Тябина. – Рязань, 2016. – 206 с.
2. Крымов, А. А. Проблемы правового регулирования участия прокурора в стадии исполнения приговора / А. А. Крымов, Ю. А. Тябина // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2016. – № 2 (52). – С. 62–66.
3. Шабалина, Л. А. Обеспечение прав, свобод и законных интересов осужденного при рассмотрении и разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Л. А. Шабалина. – Владимир, 2012. – 195 л.
3. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь / Н. И. Андрейчик, В. П. Ашитко, В. В. Баженова [и др.]. – Минск : Академия МВД, 2014. – 1230 с.
4. Матвиенко, Е. А. Приговор суда и его исполнение / Е. А. Матвиенко. – Минск : Выш. шк., 1968. – 179 с.

УДК 343.13

С. В. Шпак

(Управление Следственного комитета Республики Беларусь
по Гомельской области, Гомель)

О ПРАВОВЫХ ОСНОВАНИЯХ ПРИМЕНЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ КОНФИСКАЦИИ

Рассматриваются проблемные вопросы применения специальной конфискации на досудебной стадии уголовного процесса. Научная новизна работы заключается в анализе возможности применения упомянутого правового института при любых обстоятельствах, исключающих производство по уголовному делу. В результате проведенного исследования предложен авторский механизм решения соответствующей проблематики путем оптимизации уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь.

Законом Республики Беларусь от 9 января 2019 г. № 171-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) дополнен статьей 46-1, согласно требованиям которой при совершении преступления подлежат специальной конфискации, то есть принудительному безвозмездному изъятию в собственность государства: имущество, добытое преступным путем или приобретенное на средства, добытые преступным путем; доход, полученный от использования этого имущества, а также предметы преступления, если они не подлежат возврату потерпевшему или иному лицу; орудия и средства совершения преступления, принадлежащие лицу, совершившему преступление; вещи, изъятые из оборота; транспортное средство (независимо от права собственности, но за исключением транспортных средств, выбывших из законного владения собственника (пользователя) помимо его воли или в результате противоправных действий других лиц), которым управляло лицо, совершившее преступление, предусмотренное ст. 317-1 УК (далее – объекты специальной конфискации) [1]. Законодателем предусмотрена также возможность взыскания денежной суммы, соответствующей стоимости объектов специальной конфискации, в случаях, когда специальная конфискация таковых невозможна вследствие утраты, израсходования, уничтожения, реализации либо по иным причинам.

Рассматриваемый правовой институт соответствует общепризнанным нормам международного права [2; 3; 4]. При этом его применение в Республике Беларусь не ставится в зависимость от отнесения совершенного преступления к какой-либо категории.

Действующим законодательством установлено, что обязательное применение специальной конфискации при совершении преступления осуществляется судом как при постановлении обвинительного приговора, так и при прекращении производства по уголовному делу с освобождением от уголовной ответственности обвиняемого по основаниям, предусмотренным нормами Общей и Особенной частей УК (ст.ст. 20, 83, 86 - 88, 89, 95, 118 УК, примечания к главам и статьям Особенной части УК) [5].

В ч. 5 ст. 30 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) закреплено, что при прекращении производства по уголовному делу в случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 30, а также п.п. 3, 4 и 7 ч. 1 ст. 29 УПК, и наличии оснований для специальной конфискации объектов специальной конфискации либо денежной суммы, соответствующей их стоимости, копия постановления о прекращении производства по уголовному делу направляется следователем, прокурором в суд для решения вопроса о применении специальной конфискации в соответствии со ст. 46-1 УК [6].

Таким образом, в настоящее время выделено два случая, при которых может быть решен вопрос о применении специальной конфискации:

- при постановлении судом по уголовному делу обвинительного приговора;
- при прекращении производства по уголовному делу с освобождением от уголовной ответственности в предусмотренных законом случаях.

Соответственно во втором из перечисленных случаев возможность применения специальной конфискации связывается с формально-правовым фактом прекращения производства по уголовному делу.

Вместе с тем, как следует из положений ч. 2 ст. 46 УК, а также основополагающих актов международного права по рассматриваемому вопросу, имплементированных Республикой Беларусь, применение специальной конфискации должно обуславливаться только фактом совершения преступления безотносительно к процедуре принятия решения об освобождении правонарушителя от уголовной ответственности. В связи с этим видится нелогичным связывать возможность использования института изъятия имущества, тем или иным образом связанного с совершением преступления, именно с принятием решения о прекращении производства по уголовному делу, поскольку освобождение лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности на основании норм Общей и Особенной частей УК, а также УПК допустимо и на стадии досудебного производства путем принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела.

Необходимость изменения существующего правового регулирования очевидна при рассмотрении конкретных ситуаций освобождения лиц от уголовной ответственности в ходе предварительного расследования и проведения последственных проверок.

Так, например, денежные средства, полученные умершим взяточполучателем, при принятии по возбужденному в отношении последнего уголовному делу решения о прекращении предварительного расследования на основании п. 7 ч. 1 ст. 29 УПК подлежат специальной конфискации. Вместе с тем в случае принятия органом уголовного преследования в отношении такого лица по тому же основанию решения об отказе в возбуждении уголовного дела правовые основания для применения специальной конфискации отсутствуют.

Аналогично являются непоследовательными с точки зрения уголовного права факты наличия возможности применения специальной конфискации в отношении виновного в посредничестве во взяточничестве либо соучастника в даче или получении взятки, выполняющего соответствующую преступную роль за незаконное материальное вознаграждение, при принятии решения о прекращении предварительного расследования в отношении такого лица на основании п. 11 ч. 1 ст. 29 УПК, и отсутствия оснований для специальной конфискации в случае отказа в возбуждении в его отношении уголовного дела по тому же основанию.

Это свидетельствует о том, что существующий уголовно-процессуальный механизм не в полной мере способствует восстановлению социальной справедливости и цели общей профилактики противоправного поведения, что, помимо прочего, должно обеспечиваться в том числе применением на практике института специальной конфискации.

Принимая во внимание изложенное, считаем целесообразным проведение корректировки уголовно-процессуального законодательства, позволяющей обеспечить обязательное применение специальной конфискации при совершении преступления в случаях принятия в отношении лица, его совершившего, решения об отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям.

Список использованной литературы

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.03.2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

2. Международная конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе с финансированием терроризма [Электронный ресурс] : [заключена в г. Нью-Йорке 09.12.1999 г.] // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

3. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности [Электронный ресурс] : [заключена в г. Палермо 15.11.2000 г.] // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

4. Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (ETS N 141) [Электронный ресурс] : [заключена в г. Страсбурге 08.11.1990 г.] // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

5. О применении судами специальной конфискации (статья 46-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 29 июня 2023 г., № 1 // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

СОДЕРЖАНИЕ

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА, ПОСВЯЩЕННОГО АКТУАЛЬНЫМ ВОПРОСАМ ТРУДОВОГО ПРАВА «СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В БЕЛАРУСИ И ДРУГИХ СТРАНАХ ЕАЭС»

<i>Афанасьев А. О.</i> Совершенствование механизмов участия работников в управлении организацией как ключевой фактор развития производственной демократии в государствах-членах ЕАЭС.....	3
<i>Брилёва В. А.</i> Правовое регулирование права на труд людей с инвалидностью...	7
<i>Греченков А. А., Колодинская И. В.</i> Новеллы Трудового кодекса Республики Беларусь о совмещении работы с получением образования.....	10
<i>Джиджавадзе Л. Г.</i> Трудоправовые ограничения в Российской Федерации на современном этапе.....	13
<i>Журова Ю. А.</i> Отдельные аспекты обеспечения защиты женщин с семейными обязанностями в сфере занятости населения в Республике Беларусь.....	16
<i>Ковалёва Е. А.</i> Оптимизация численности работников.....	19
<i>Ковалёва Т. В.</i> Гарантии работникам при дисциплинарных увольнениях.....	22
<i>Мазурова Т. А.</i> Некоторые вопросы правовой регламентации временного перевода работника к другому нанимателю, «откомандирования» («прикомандирования»).....	26
<i>Опанасюк И. О.</i> Порядок применения дисциплинарных взысканий в Беларуси и России: сравнительно-правовой аспект.....	29
<i>Пилипенко Н. С.</i> К вопросу классификации индивидуальных трудовых споров..	33
<i>Скачкова Г. С.</i> Запрещение дискриминации в сфере труда как один из принципов трудового права России.....	35
<i>Тишкович К. С.</i> Экономико-правовые категории в спорах, вытекающих из трудовых правоотношений: междисциплинарный подход к толкованию.....	38
<i>Томашевский К. Л.</i> Новое в регулировании дистанционной работы в Узбекистане, Кыргызстане и Беларуси: сравнение с опытом Казахстана и России.....	41
<i>Чичина Е. В.</i> Выявление потребностей правового обеспечения занятости в сельскохозяйственной отрасли белорусской экономики в контексте достижения целей устойчивого развития.....	46
<i>Чуча С. Ю.</i> Реализация конституционной гарантии уважения человека труда в отраслевом законодательстве Российской Федерации.....	50
<i>Ясинская-Казаченко А. В.</i> Качественно определенные ориентиры стандартизации процедур урегулирования коллективных трудовых споров.....	54

МАТЕРИАЛЫ IV МЕЖДУНАРОДНОГО КРУГЛОГО СТОЛА «В СЛУЖЕНИИ ФЕМИДЕ И ОБЩЕСТВУ: СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. Д. СПАСОВИЧА»

<i>Грахоцкий А. П.</i> В. Д. Спасович о смертной казни.....	59
<i>Голованова В. Ф.</i> Страницы жизни и деятельности В. Д. Спасовича.....	62
<i>Козыревская Л. А.</i> Конвергенция частного и публичного в акционерном праве в работах В. Д. Спасовича относительно современного состояния доктрины и нормотворческой практики.....	64
<i>Сенькова Т. В.</i> Юридическая аргументация в судебных речах В. Д. Спасовича...	68

**ТЕНДЕНЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ
ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ СНГ И МИРОВОГО СООБЩЕСТВА,
ИНТЕГРАЦИИ ОБЩЕПРИЗНАННЫХ ПРИНЦИПОВ
И НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ
В БЕЛОРУССКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО**

<i>Горуна Т. А.</i> Гражданское общество и международные организации региональной интеграции: постановка проблемы.....	75
<i>Гринев И. В.</i> История кодификации правовых актов международного воздушного законодательства, регулирующих безопасность полетов, и их имплементация в правовую систему Республики Беларусь.....	78
<i>Иванова Т. П., Юран В. П.</i> Влияние Нюрнбергского процесса на проведение «Малых Нюрнбергских процессов».....	82
<i>Самарын В. I.</i> Асноўныя рысы інтэрфэрэнцыі надзяржаўнага ў крмінальнага працэсу.....	86
<i>Толочко О. Н.</i> Современные проблемы правового регулирования электронной торговли в международном и национально-правовом аспектах.....	89
<i>Хацук Ж. В.</i> Правовое регулирование противодействия терроризму в СНГ.....	93
<i>Цыкунова И. Н.</i> Международно-правовые стандарты обращения с женщинами заключенными и их реализация в законодательстве Республики Беларусь.....	96
<i>Анянова Е. С.</i> Морская кибербезопасность.....	100

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ**

<i>Артюх Е. А.</i> Совершенствование порядка и условий исполнения и отбывания наказания в отношении коррупционеров.....	105
<i>Афонченко Т. П.</i> О круге лиц, в отношении которых может быть установлен превентивный надзор.....	107
<i>Вилкова Т. Ю.</i> К вопросу о конфискации денежных средств, являющихся предметом контрабанды.....	110
<i>Вишневская Т. И.</i> Геронтологическая преступность в ракурсе негативной трансформации межпоколенных отношений.....	113
<i>Горошко Е. Ю.</i> Квалификация умышленного уничтожения либо повреждения чужого имущества общеопасным способом в отношении собственности супругов....	115
<i>Дедковский А. А.</i> Меры уголовно-правовой защиты социального предпринимательства.....	118
<i>Дмитриева М. Р.</i> Особенности состояния преступности, связанной с хищениями посредством сети Интернет, в Республике Беларусь и профилактика таких преступлений.....	120
<i>Довнар Т. И.</i> Научные дискуссии советских ученых о должностных преступлениях и их влияние на уголовный закон.....	124
<i>Кузьмичёв С. А.</i> Совершение преступления в соучастии с лицом, не достигшим возраста привлечения к уголовной ответственности: вопросы теории и практики...	129
<i>Набатова А. Э.</i> Опыт противодействия коррупции в КНР: уголовно-правовой аспект.....	133
<i>Пантюхина И. В.</i> Об уголовно-правовых нормах с административной преюдицией (УК РФ нужен опыт Республики Беларусь).....	137
<i>Рыбак С. В.</i> О тенденциях нормативной модернизации института криминального банкротства в уголовном праве Республики Беларусь.....	140
<i>Синица И. М.</i> Некоторые аспекты ресоциализации осужденных женщин.....	143

<i>Скрипченко Н. Ю.</i> Расширение уголовно-правового значения использования информационно-телекоммуникационных сетей в криминальных целях: социальная необходимость или криминализационная избыточность?.....	146
<i>Старикова Е. В.</i> Наказания, связанные с имущественным воздействием на осужденного.....	149
<i>Титов С. Н.</i> Актуальные проблемы и перспективы уголовно-правовой борьбы с преступностью в сфере интеллектуальной собственности.....	151
<i>Устинович А. В.</i> Ответственность юридического лица за коррупцию: проблемы и пути снижения рисков.....	154
<i>Хомич В. М.</i> О необходимости переосмысления постклассической онтологии уголовного права в условиях глобальной трансформации уголовной политики... ..	157
<i>Шипунова Т. В.</i> Сексуальное насилие в отношении несовершеннолетних: направления исследований и проблемы социального контроля.....	161
<i>Шляхтова О. Г.</i> К вопросу о противодействии информационному экстремизму уголовно-правовыми средствами.....	164

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА, КРИМИНАЛИСТИКИ, СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

<i>Алекперов Р. Р. Комкова А. С.</i> О некоторых аспектах судебного контроля в уголовном процессе Республики Беларусь.....	168
<i>Ашитко В. П.</i> Проблема участия органа дознания в досудебном производстве и пути ее разрешения.....	170
<i>Бибило В. Н.</i> Принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела.....	173
<i>Воробьев В. А., Соркин В. С.</i> О возможности использования общеизвестных фактов в уголовном процессе.....	176
<i>Данько И. В.</i> Часть 1 ст. 89 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь: предмет доказывания или предмет обвинения?.....	178
<i>Дюсембаева К. А.</i> К вопросу об эффективной деятельности адвоката-защитника..	180
<i>Емельянов С. Л.</i> Организация расследования фальшивомонетничества в ситуации задержания фальшивомонетчика с поличным.....	184
<i>Загребина Н. В.</i> Некоторые вопросы предварительного следствия и пути их решения.....	187
<i>Ильютенко А. Н.</i> Государственный обвинитель в предварительном слушании в суде с участием присяжных заседателей в Российской Федерации и государствах постсоветского пространства.....	191
<i>Климович Ю. С.</i> Об отдельных проблемах проведения допроса, очной ставки и предъявления для опознания с использованием систем видеоконференцсвязи (веб-конференции) в уголовном процессе.....	194
<i>Ковтун Н. Н.</i> «Калужско-Рязанская» определенность российского уголовно-процессуального права.....	197
<i>Конин В. В.</i> Доказывание и доказательства в уголовном процессе: дискуссионные вопросы.....	203
<i>Коровин Н. К.</i> Алгоритм первоначального этапа расследования преступлений, совершаемых с использованием сети Интернет.....	205
<i>Корсаков К. А., Сидоренко Е. В.</i> К вопросу о понятии и свойствах доказательства в уголовном процессе Беларуси и России. Тезисы.....	209
<i>Леонова Е. В.</i> Сравнительно-правовой анализ дополнительного расследования по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь: истоки и тенденции развития.....	212

<i>Логвин В. М.</i> Об отличительных признаках осмотра места происшествия и обыска.....	215
<i>Лычев М. В.</i> Дознание по делам о пожарах в Российской Федерации и Республике Беларусь.....	219
<i>Маркова Т. Ю.</i> О возможности допроса сотрудников правоохранительных органов в качестве свидетелей по уголовным делам.....	221
<i>Машинская Н. В.</i> Проблемы процессуального статуса подозреваемого в современном уголовном судопроизводстве.....	225
<i>Орехова Е. П.</i> Значение интернет вещей в криминалистике.....	228
<i>Орловская Л. Г., Солтанович А. В.</i> Примирение обвиняемого с потерпевшим по уголовному делу: содержание понятия.....	231
<i>Пашута Н. Н.</i> Некоторые аспекты организации проведения осмотра места происшествия в ходе проверки заявления или сообщения о преступлении.....	235
<i>Петрова О. В.</i> К вопросу о допросе несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в суде.....	238
<i>Савчук Т. А.</i> Требование прокурора об устранении нарушений законодательства в досудебном производстве по уголовным делам.....	241
<i>Трофименко А. М.</i> Экспертиза качества медицинской помощи: процессуальная неопределенность и возможность использования результатов при расследовании ятрогенных преступлений.....	245
<i>Харитонов А. Д.</i> Типичные следственные ситуации, складывающиеся на первоначальном этапе расследования мошенничества в сфере кредитования.....	247
<i>Хлус А. М.</i> Коррупционная преступность: основы методологии криминалистического исследования.....	250
<i>Чижик Е. В.</i> Заключение прокурора в судебном заседании на стадии исполнения приговора: понятие, проблемы правового регулирования.....	254
<i>Шпак С. В.</i> О правовых основаниях применения специальной конфискации.....	257

Научное издание

**ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ
ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВА**

Материалы
X Международной научно-практической конференции,
посвященной 25-летию юридического факультета

(Гомель, 29–30 ноября 2023 года)

В двух частях

Часть 1

Подписано в печать 17.05.2024. Формат 60x84 1/8.
Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 30,69. Уч.-изд. л. 26,73.
Тираж 20 экз. Заказ 287.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».
Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013 г.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий в качестве:
издателя печатных изданий № 1/87 от 18.11.2013 г.;
распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017 г.
Ул. Советская, 104, 246028, Гомель.